

**Нурлану АЛИМЖАНОВУ –
с благодарностью...**

Баянғали Алимжанов – писатель и сказитель

Баянғали АЛИМЖАНОВ

**СКАЗ
СТОЛЕТНЕГО
СТЕПНЯКА**

Роман, повести, сказки

Москва
«Художественная литература»
2019

УДК 82
ББК 84
А 11

А11 Баянғали АЛИМЖАНОВ.
СКАЗ СТОЛЕТНЕГО СТЕПНЯКА. Роман, повести, сказки.
М.: «Художественная литература», 2019 – 432 с.

Основу книги известного казахстанского писателя Баянғали Алимжанова составляет роман «Сказ столетнего степняка», охватывающий огромный кусок истории, касающейся национально-освободительного движения казахов и Гражданской войны, голодомора, репрессий 30-х годов, участия в Великой Отечественной войне, послевоенного периода, в том числе и становления независимого государства.

Публикуются также повести автора и его очень своеобразные сказки: в сборнике много интересного найдут для себя читатели самого разного возраста.

УДК 82
ББК 84

ISBN 978-5-280-03840-0

© Алимжанов Б., 2019
© Оформление Лиджеев Г.И., 2019
© Издательство
«Художественная литература», 2019

ДВУРЕЧИЕ БАЯНА

Впервые по-настоящему я его даже не увидел, а – услышал. Мы оказались за одним «круглым», но прямо-таки огромным столом в Национальной библиотеке в Астане, на международном конгрессе, посвященном чтению в современном мире. Реликту в реликте – и что касается чтения, и что касается мира в мире. Выступали разные замечательные международные ораторы. Я добросовестно слушал их. Но когда дали слово очередному из них, я, честно говоря, вздрогнул. И, похоже, не один я. Оратор – запел! Причем запел не канонически, в духе предыдущих выступающих, а необычно страстно и даже азартно. Оказывается, он ошеломил нас всех куском «Манаса» – симпозиум-то международный. Я читал этот фольклорный шедевр и даже в свое время издавал его на русском языке, но в таком, певческом, в какой-то степени даже яростном исполнении услышал его впервые. Ни слова не понимая ни по-казахски, ни по-киргизски, я вместе с тем сразу сообразил, о какой батальной сцене пел покамест невидимый для меня в гуще других фигур человек. Сражение добра и зла, света и тьмы – его голос, его настрой и просто его дар прекрасно выражали это животрепещущее противоборство.

Баянгали Алимжанов не просто поэт и прозаик, он – еще больше – ж ы р а у. То есть импровизатор и даже – еще больше – м а н а с ч и, человек, наизусть знающий от строчки до строчки великий киргизский эпос «Манас» и способный прекрасно исполнять его даже без музыкального сопровождения перед любой аудиторией: от руководителей государств до рядовых крестьян и чабанов, не говоря уже о высоколобых участниках всевозможных международных коллоквиумов.

Мы познакомились. Невысокий, ладный крепыш с очень живыми, не по-азиатски большими глазами, очень импульсивный, хотя уже и в серьезных летах, с крепкой рукой: боксер, как бы оправдываясь, скажет он мне после рукопожатия.

Еще больше, чем это первое крепкое, по-мальчишески искреннее рукопожатие, сразу же сблизило нас и то, что у нас оказался общий, хотя, увы, уже и покойный, друг – Рахимжан Отарбаев. Прекрасный современный, нехрестоматийный казахстанский писатель, до срока сгоревший и в своем творчестве, и в своей судьбе. У них, мне показалось, есть что-то общее – оба порывисты, откровенны, порой безапелляционны. Но в творчестве они разные. Рахимжан ходил по земле: он очень приметлив, едок, умеет самую прозаичную мелочь возвести в скупую художественную деталь. Баянғали – со временем я его стал называть на русский, сказительный манер просто «Баян» – витает в облаках. Да, он и в своей прозе больше поэт. Чудесное романтическое слово, очень часто с природным казахским акцентом, точнее оттенком. Его проза тяготеет к сказке. Не зря одна из его главных вещей так и называется – С к а з. О чем бы он ни писал – о войне, которая смертно опалила и его отца, о далеком ли прошлом, о ближнем – о временах позднего СССР и о перестройке, – но всегда проникновеннее всего возвращается к детству. К аульной природе, к людям земли и степи, которые в его исполнении непременно оказываются еще и людьми неба. Привольного и прекрасного, возвышенного и сурового, как и сама казахстанская степь.

Недавно прочитал в «Комсомолке», как знакомая мне журналистка Дарья Асламова спросила у одного индусского ученого, почему, на его взгляд, индийские программисты, индийское программное обеспечение намного обогнали даже своих китайских коллег, при том, что у китайцев усердия, да и таланта, не меньше, чем у индусов?

Ученый ответил: дело не только в природном математическом складе ума, но и в английском языке, в родном языке компьютерного века. В Индии он живет веками. Он здесь до сих пор государственный язык, индиец его знает с детства. Язык и дает этой нации фору в современном электронно-компьютерном мире.

Великий резервный ресурс Казахстана – во всех сферах – русский язык, в силу многих причин практически родной для всех казахстанцев. Прочитайте эту книжку моего нового друга. Вы увидите множество переключков с

русской душой и русской прозой. Сам язык Баянгали сочный, о р и е н т а л ь н ы й и одновременно – впитавший, как с молоком матери – много русского: ведь Казахстан по знанию нашего языка действительно наиболее «русский» из всех центральноазиатских республик бывшего СССР.

Творчество Баянгали Алимжанова во многом и своеобразно именно этим чудесным перекрестным опылением. Здесь и киргизская «Илиада» под названием «Манас», здесь и родная казахстанская почва, трудное детство и отрочество, изломы судьбы – в 1986-м году молодой Баян вместе с тысячами своих ровесников стоял под декабрьскими морозами на улицах Алма-Аты – то было стояние за возрождение молодого и древнего Казахстана... И навеки сохранившееся в его душе, ведь друг мой родом из Кокчетавской, ц е л и н н о й области, а вырос в двукровном междуречье Волги и Иртыша, – русское слово, с его неизменным поэтическим подтекстом.

Это – первая книга писателя в Москве, и я надеюсь, что она найдет родственный отзвук у российских читателей.

***Георгий ПРЯХИН, академик,
вице-президент Академии
русской словесности,
секретарь Союза писателей России***

СКАЗ СТОЛЕТНЕГО СТЕПНЯКА

*Роман-сказание
о казахско-русско-немецкой
войне и дружбе*

*История войны должна учить нас миру,
история вражды – дружбе.*

Бодан Белого царя

Я зовусь Асанбай Бектемиров, сын Аманжола. Родился ровно в тысяча девятисотом году в степном крае Кенащи, что означает «горькое раздолье».

«Ровесник века!» – говорят про меня. Даже многие придают этому сакральное значение и относятся с трепетным уважением. Столетний самоходный старец, слегка опирающийся на крепкую березовую палку, да еще не сильно выживший из ума – все-таки редкость.

Однажды мы с внуками и правнуками посетили музей. Среди множества диковинных экспонатов особенно выделялись балбал тас – каменные изваяния. Эти странные старинные скульптуры особенно заинтересовали моих потомков, они стали внимательно их осматривать.

Вдруг один закричал:

– Ага! Дед! Смотри! Они похожи на тебя!

Вначале я засмеялся, но, присмотревшись, оторопел. Неожиданное сравнение ребенка потрясло меня. Изъеденные ветрами многих веков, обожженные жарким солнцем, пропитанные запахом полыни и ковыли, закаленные самим временем, балбалы выражали спокойствие и терпимость степи, скрывали тайны вечности. И мое дубленое, морщинистое, широкое лицо, на котором лежали отпечатки пережитого – крови и пота, ярости и милосердия, огня и ветра, – наверное, казалось юному поколению частицей древности.

Таким я был в семьдесят лет, таким же остался и в девяносто! Казалось, время застыло на моем лице.

А теперь исполняется сто лет! За это бурное двадцатое столетие произошло столько противоречивых, потрясающих и умопомрачительных событий, что и пересказать невозможно.

Я давно хотел рассказать людям о пережитом и увиденном, но только значимом. Да, именно значимом, ибо все, что ты увидел и пережил, не всегда имеет значение для других. Но приходилось долго молчать. Во-первых, во времена железного занавеса и стального порядка было что скрывать, а во-вторых, взяться за перо – дело не простое, порою даже неподвластное многим. Однажды один из моих отпрысков подсказал идею – простую и очень доступную.

– Рассказывайте свою историю нам, а мы в это время включим диктофон! – убеждал он меня с жаром. – А затем наберем сказанное на компьютере, по ходу подотредактируем, приведем в систему, запишем на флэшку и распечатаем в нескольких экземплярах – вот ваша книга и готова!

– Ну, ты умница, прям как прадед! – засмеялся я.

Одни говорят, что человек становится с годами мудрее. Другие же считают, что старики глупеют с каждым днем.

Наверное, правы и те, и другие. Почему? Да потому, что с каждым днем старцы забывают все больше и больше, теряют свои знания. Проще говоря, скудеет их память, глупеют они потихоньку. Но с другой стороны, история и опыт жизни, отшлифованные временем, становятся настоящим алмазом!

Итак, долгими зимними вечерами, после сытного ужина из конины, начал я свои рассказы по порядку, стараясь сохранить хронологию событий. В первое время очень стеснялся диктофона, начинал кашлять, сбивался и повторялся. Но затем привык, и слова потекли свободно, а внуки, правнуки и праправнуки слушали мой сказ с раскрытыми от удивления ртами. Наверное, престарелый ата-дед, которого они считали почти святым духом – аруахом, предстал теперь перед ними в совсем ином свете. Но, кажется, они меня зауважали еще больше!

– Ата! Как вы остались живы вообще?! И дожили до ста лет в добром здравии и ясном сознании?! – удивленно восклицали милые потомки.

– Я сам удивляюсь этому! Наверное, Всевышний хотел, чтобы вы появились на свет. И закалил, провел живым-здоровым через огонь и воду безбожников!

Но были и моменты, когда они просто не понимали сути сказанного. Наша история, тесно связанная с политической

жизнью общества, была для них незнакомой и загадочной. Кажется, что прошло-то всего несколько десятков лет, все так очевидно и понятно. Ан, нет, оказывается, для нового поколения это уже хорошо забытое, точнее, совсем неизвестное прошлое. И они перебивали меня расспросами, и я не сердился на них за это. Даже был приятен их интерес к событиям и духу моего времени. Поэтому, по ходу повествования, приходилось совершать краткие экскурсы в историю и делиться своими соображениями на счет тех или иных явлений.

Когда закончил свой рассказ, продлившийся целую долгую зиму, милые потомки постарались и напечатали его на компьютере. Они хотели приукрасить и придать ему художественный вид, но я категорический запретил.

– Лучше естественная дедовская речь, чем приукрашенная фальшивка! – сказал я им. – Правда прекрасна в любой форме! Принимайте ее такой, какая она есть! А кому не нравится, пусть не читает. Не обижусь. Буду только рад, если история столетнего степняка заинтересует людей и останется в памяти потомков!

Они еще больше обрадовались и напечатали мой сказ в первозданном виде, лишь слегка подкорректировав, за что я был благодарен им и благословил.

Время, в которое мы жили, было удивительное и сложное. Наступил двадцатый век, цивилизация всю громахала железными колесами, растапывая все доброе старое, аэропланы рассекали небо, корабли бороздили океан. В то же время мы, кочевники, добродушные дети природы, даже не подозревали об этом и жили примерно так, как жили наши предки в старину.

Аульная вольница нам нравилась больше всего на свете. Мы чувствовали себя свободными людьми и очень гордились этим.

– Да не свободны казахи! – глубоко вздыхал в своих песнях акын–бард. – Мы – бодан, подданные белого царя!

Степняки, затаив дыхание, слушали, цокали языком, тербили бороды. Некоторые утирали слезы.

– После Кенесары-хана и Наурызбай-батыра покинул нас непокорный дух кокборы – синегривого волка! – горестно покачивали головой аксакалы – белобородые старцы.

Нам было непонятно само слово бодан – подданные. Даже интересно было забавляться, произнося слово на разный лад. Откуда было детскому сознанию понять смысл этого понятия?

Позже, когда подрос, начал недоумевать: почему мы бодан, и кто нас делает бодан? Как может один народ быть бодан другого народа? Со временем начал понимать всю ужасающую суть, политический смысл бодан-подданства: быть подданными царя чужой империи, значит, не иметь своего государства, быть вечно зависимыми! То, что мы чувствовали себя свободными в степи, было свободой условной. Наша степь фактически стала колонией русской империи!

И это понимание, как осколок вражеского снаряда, глубоко изранив душу, терзало меня на протяжении почти всей своей столетней жизни.

Но в начале жизненного пути мы, дети природы, этого не понимали и оттого были по-своему счастливы.

Аульная вольница

Мы приходим из древнего казахского рода керей – ашамайлы, аксары, акымбет. Из нашего рода аксары-кереев вышел Марал ишан – святой, целитель, мусульманский религиозный деятель, духовный вдохновитель национально-освободительного движения Кенесары-хана и Наурызбай-батыра. В настоящее время мавзолеей Марал ишана в Кармакчи, на просторах Сырдарьи – место поклонения паломников. Люди приезжают сюда со всех концов света, ночуют и молятся Всевышнему, прося помощи. И тяжело больные чудом выздоравливают.

Происходит от аксары-кереев и святой, целитель Салык мулла. Сказывают в народе, что буйные сумасшедшие вмиг успокаивались, как только переступали порог дома муллы. И до сих пор, если кто-то, проезжая мимо его могилы на Кокшетаушине, не помолится, то с ним случается беда. Так один проезжал мимо на телеге, пьян был, громко смеялся и матерился, приехал домой, и у него рот искривился, язык отнялся! Мать быстро зарезала барана, поклонилась могиле святого, попросила прощения – и сын выздоровел!

К нашему роду относится также величайший певец казахской степи, композитор, поэт Биржан-сал. Легенда гласит, что в тихую лунную ночь, когда пел Биржан-сал на возвышенности Беркутты – Орлиная, его голос был слышен в окрестных аулах и долетал аж за пятнадцать верст, до самой сопки Намазгул. А когда он брал самые высокие ноты и распевался во всю мощь своего божественного голоса, пролетающая в небе птица камнем падала вниз и лишь у самой земли успевала раскрывать крылья и опять взлетала ввысь вместе с дивной мелодией.

Нас было семеро: пятеро братьев и две сестры. Самый младший наш брат умер еще в колыбели. В самом начале двадцатого века какая-то непонятная эпидемия косила казахские аулы. Случалось, что за один день хоронили по нескольку детей из одной семьи! Мы тоже переболели, но чудом оста-

лись живы. Наверное, эта была корь или обычная краснуха. Но что поделаешь, тогда медицина царской России почти не доходила до степной глубинки, и дети были бессильны против заразы. В основном нас тогда спасала от многих болезней чистота крови, жесткий естественный отбор и природная закалка с самого рождения. Мы росли в довольно суровых условиях, питались натуральной пищей и были в постоянном движении. Спокойное величие степи сызмальства учило нас выдержке. И эта выдержка не раз спасала меня в бешеном водовороте событий.

Мы, аульные дети, любили степь и целыми днями бродили по окрестностям, играли в разные забавные игры. Иногда даже, подражая взрослым, охотились на сурков и барсуков. Летом мы жили в юртах на джайляу – летнем пастбище. Весной кочевали все вместе, весь род, аул. Нам, детям, было очень весело после зимних морозов и буранов резвиться в цветущей степи.

Я помню, как возле аула, на склоне холма, паслась наша стреноженная синяя кобыла. К ней был привязан маленький рыженький жеребенок. Отец с матерью ходили доить кобылу. Я не отставал от них. Для меня, шестилетнего, это было целое путешествие. Лето только начиналось, и степь расцветала. Порхали бабочки, прыгали кузнечики, висели в воздухе стрекозы... Я гонялся за ними, а они разлетались в разные стороны. Их песня, многоголосый хор степи звучит до сих пор в ушах. Пахло полынью и ковылем. Я вдыхал полной грудью аромат степного разнотравья и пьянел от радости. Жеребенок, отвязанный от кобылы, подходил ко мне. Я обнимал нежно его шею. Отец держал кобылу, а мать доила молоко в деревянное ведро. Запах саумала, свежего кобыльего молока, щекотал нос, будоражил кровь. Маленький аул лежал как на ладони. Высокое небо было чистым, редкие белые облака тихо плыли в дальние края. Солнце светило весело и грело нас своими добрыми лучами. Отец с матерью ласково смотрели на меня. И был я безмерно счастлив!

Эта картина из далекого детства, малосенький кусочек долгой жизни, иногда всплывает из глубины памяти и стоит перед глазами, согревая душу. Тогда на мои старые глаза наворачиваются слезы, и не могу понять толком, то ли от

счастья, то ли от тоски. Безвозвратно ушедший миг жизни возвращается неожиданно и дарит теплый свет далекого счастливого детства, в то же время подвергая сладкому сожалению о навсегда прошедшем!

Меня иногда спрашивают любопытные ученые о самом раннем впечатлении, которое помню до сих пор. Наверное, им интересно, с какого возраста столетний степняк помнит свою жизнь? Ответ повергает их в шок! Я помню одно событие, а ведь тогда мне было два с половиной года! Правда, более подробно об этом рассказали потом родители. Бегал я тогда перед юртой, а старшие сидели на траве и слушали рассказы легендарного Курентай-батыра – богатыря, приехавшего в гости из соседнего аула. Тут прибежал наш большой черный баран. Он был очень сильным и бодливым, и даже старшие остерегались его. И я, побежав ему навстречу, споткнулся и упал прямо перед ним. Увидев человечка на четвереньках, баран принял это как вызов. И вот чудо – я помню этот момент – черный баран сначала понюхал мою голову, потом стал отступать, чтобы боднуть. Я громко заплакал, стоя перед ним. Баран замешкался. В это время раздались крики взрослых – отец и мать бежали ко мне. Вот это помню точно! А остальное потом много раз пересказывали родители. Оказывается, баран отпрянул, вспугнутый отчаянными криками, но в следующий миг опять приготовился к удару. И тут между мной и бараном первым оказался старый Курентай-батыр, которому было уже тогда восемьдесят пять лет. «Мы даже толком не поняли, как он успел!» – удивлялись потом родители. Когда мать, вся в слезах, только успела схватить меня, старый Курентай спокойно схватил одной рукой за рога бодливого барана и сильно дернул. Одним мощным рывком старец свернул ему шею, и отцу пришлось быстренько резать барана. Родители не только не сожалели, но были рады этому. «Курбандык – жертва!» – сказали они и угостили мясом весь аул. Все говорили, что Аллах сохранил мне жизнь, и благовословили, предрекая долголетие.

Одно из самых ярких впечатлений детства – дружба со стригунками. Почти каждый аульный мальчонок, даже из бедной семьи, имел своего «боевого коня» – стригунка. А кто постарше, ездили на тай – годовалой лошади. Обученные,

смирные, такие милые, они становились нашими верными друзьями и, как тогда казалось, навеки. Мы любили кататься верхом по широким раздольям, устраивали байге – скачки. Ветер свистел в ушах, земля, казалось, летела навстречу, а мы, покоряя пространство, срастались со своими стригунками, чувствовали себя единым целым, как кентавры!

Иногда, подражая взрослым, устраивали кокпар – конную спортивную игру, где группа всадников борется за тушу козла, стараясь вырвать ее из рук противника и ускакать. Только вместо козла делили высохшую шкуру. Это была потеха, не сравнимая ни с чем! Бывало, вцепившись в шкуру и не желая отдавать ее сопернику, не справлялись с более сильным старшим противником и соскальзывали со стригунка на траву! Детские голоса и веселый смех наполняли степь, оглашая весь мир, что здесь живут потомки кочевников – вольные дети великой степи!

Эта была самая счастливая пора нашей жизни.

На такыре – ровном месте – мы со своими сверстниками играли в сака. Сака, или большой асык, коленный сустав ноги коровы, была основной убойной силой этой старинной игры степняков. А костяшки из ноги коров и лошадей, по которым бьют сака, назывались дый. Цель игры состоит в том, чтобы, бросая свой сака, выбить альчики играющих. Тот, кому удастся это сделать, забирает себе выбитый дый. Кроме того, каждый участник игры должен иметь свой собственный сака и несколько дыев: по очереди каждый бросает сака в воздух и, если сака падает и встанет ребром – алшы или тайкы, или встанет перпендикулярно – омпа, то хозяин получает право бить по дьям. А если сака падает на спину или ничком, то хозяин пропускает ход. Получивший право бить мальчик долго, аккуратно прицеливается и, виртуозно прокрутив сака вокруг своей оси, пускает его со всей силы в сторону дыев. Когда сака попадает точно по центру близко поставленных друг от друга дыев, несколько дыев разлетаются в разные стороны. Атаковавший измеряет расстояние от линии до каждого улетевшего дья ступнями. По предварительному уговору, если дый полетит на три или пять ступней, то бросавший считается выигравшим. А если нет, то он ставится опять на кон. Игра продолжается до тех пор, пока на кону остаются дыи. Игра

очень подвижная, требующая смекалки и ловкости, скорости и выносливости, очень полезная для здоровья и физической подготовки детей. Когда игроки входили в азарт, то спорили по поводу и без, кричали до хрипоты и от радости от успеха, и от досады. Интересно, но в тот момент и вправду казалось, что нет ничего важнее в мире, чем победа в этой игре! Какими мы были наивными и чистыми душой!

Уставшие от детских игрищ, мы любили молча посидеть на холме, предаваясь своим размышлениям. Как волны могучего океана качались ковыли, унося наши детские фантазии в неизведанные дали, а запах полыни щекотал нос. Этот аромат степи на всю жизнь остался в памяти, впитался в кровь и душу.

Меня тогда сильно, неимоверно сильно тянуло к путешествиям и приключениям. Особенно это проявлялось на закате. Закат солнца в степи неповторим. Глядя на красный горизонт, смутно чувствуя величие и таинство мира, я вздыхал, не понимая причину своего томления.

Ночью мы любили смотреть на звездное небо. Звезды манили к себе. Особенно поражал изображение Млечный путь – Кус жолы – Птичий путь.

Казахи называют Большую медведицу Жетикаракшы, то есть Семь разбойников, Полярную звезду – Темирказык, Железный кол. А самые крайние две звезды на конце ковшика Малой медведицы – Ак боз ат – Белый конь, и Кок боз ат – Сивый конь. Мифология кочевников гласит, что семеро разбойников веками пытаются украсть этих коней, привязанных к Темирказык – Железному колу. И не могут, потому что Темирказык кружится вокруг своей оси, уводя коней от приближающихся к ним разбойников. Кружатся вечно Жетикаракшы-разбойники вокруг Темирказык. По древнему верованию, если семеро разбойников украдут коней, то случится катастрофа во Вселенной. Но люди верят, что незыблемый Темирказык – Полярная звезда – не позволит этого.

Ох, как мне хотелось улететь в небеса, блуждать до утра среди ярчайших звезд, прикоснуться к ним, погладить ладонью Темирказык и покататься на Ак боз ат и Кок боз ат!

Из уст в уста передавали наши предки свою историю – легенды и предания, притчи и мифы.

Иногда в наш глухой аул заезжали жыршы – сказители. Вечерами мы слушали их сказания о батырах – эпических героях. Завораживающие поэтические слова древности проникали в наши юные души, а певучие голоса степных рапсодов уносили вглубь веков. И мы, дети, буквально прилипали к сказителю, жадно проглатывая каждое его слово и музыку речи, пропитываясь силой аруахов – духов предков.

Сейчас думаю, что из уст в уста передавали наши предки свою историю. Легенды и предания, притчи и мифы – это некий энергетический сгусток времени. Запечатлевая эпоху в эпосе словом, народ сохранял свою историческую память, оберегал самобытность. Тогда мы этого не понимали, но чувствовали что-то таинственное, глубокое в древних сказаниях и песнях.

Из рассказов аксакалов – белобородых старцев и жыршы-сказителей – мы узнали, что казахи не всегда были боданы белого царя. У нас была своя славная, героическая древняя история, уходящая корнями в незапамятные глубины тысячелетий.

Мой отец Аманжол не был сказителем, но он знал наизусть много песен и легенд, которые вечерами рассказывал нам. Иногда он читал из книжек, напечатанных в Казани арабской вязью и хранимых в деревянном сундуке, казахские песни о батырах, притчи о пророках и мусульманских святых. От пожелтевших страниц тоненьких книжек веяло чем-то таинственным, старинным, непостижимым детскому разумению, но близким душе.

Отец рассказывал о миссионерах, о переводах Библии на казахский язык. Он разъяснял, что эти миссионеры, под видом просветителей и этнографов, преследовали далеко идущие цели. Они старались распространять и насаждать религиозные предания и притчи христианства среди казахов, чтобы затем легче было их крестить! Передовые, грамотные деятели степи своевременно поняли подоплеку такой деятельности и начали издавать книги, пропагандирующие духовные ценности ислама. Сказители-жыршы начали создавать и сказывать дастаны – эпические поэмы о пророке Мухаммеде алейхиссалам, мусульманских и национальных героях. Это было протестом против религиоз-

ной экспансии, надежным духовным щитом национального самосознания.

Отец рассказывал нам, как наш прапрадед Бектемир был прозван в народе Шораяк – хромой Бектемир-батыр. Однажды в бою с джунгарами он был ранен в бедро вражеской стрелой. После ожесточенной битвы воины возвращались домой. А у Бектемир-батыра нога опухла и начала гноиться – наверное, началась гангрена. И тогда он сам себе отрубил ногу острой саблей и остался жив!

Наш дом в зимовке был построен из сосновых бревен – невысокие две половинки, разделенные большой печью, и сенек – сени. Он считался редкостью среди казахов в те времена, потому что большинство людей жили в основном в глиняных мазанках, а очень бедные даже в землянках. Потолок нашего уютного дома был выложен оструганными досками. Никто их не красил, и доски были вдоль и поперек расписаны естественными узорами – те места, где росли сучки, представлялись нашему взору загадочными картинками. Я долго рассматривал потолок родного дома, каждый раз по-новому представляя узоры из завитушек. То виделась мне сказочная крепость, а вот батыр-богатырь скачет, чтобы завоевать ее. То представлялся зверек, то птица–самрук, то девица прекрасная, идущая за водой. Или вдруг картинка превращалась в джалмауз – бабу-ягу и гналась за детьми чабана. Таким образом наш потолок развивал детскую фантазию. Сейчас, думаю, наше воображение было тогда для нас неким телевидением, интернетом, виртуальным миром.

Окна нашего дома были маленькими. Зимой, когда свирепствовали лютые морозы, мы, все братья и сестры, любили смотреть в окно. Мороз рисовал красивые узоры, мы продували в них дырочки и как в глазок глядели на заснеженную степь. В дни, когда бушевал буран – снежный ураган, нас, особенно меня и Салима, невозможно было оторвать от окна. Я буквально примерзал к окну и улетал вместе с метелью в дальние края! Вот так мы росли, глядя на большой мир через маленькое окошко родного дома!

Мать топила печь березовыми поленьями, и мы любили смотреть на пылающий огонь. Дрова трескали, огонь набирал силу, в доме становилось теплее. Когда огонь угасал,

мать раскладывала красные, большие угли ровными рядами и ставила на них таба – чугунную круглую сковородку с тестом. Скоро выпечка была готова, и мы с шумом ели горячий таба нан – домашний хлеб с маслом. Хлеб был вкусным, корки хрустели на зубах, доставляя не сравненное ни с чем удовольствие. Мы благодарили родителей, и мать, счастливая, радостно смотрела на нас и тихо говорила: «Шукр, алла, тауба!» Отец умиротворенно подкручивал усы и попивал айран из деревянной аяк – миски.

Наша мать Батима была из рода аргын, караул. Иногда, развеселившись, она затягивала старинные песни.

Четыре стены дома были как четыре стороны света. Мы играли то в одной, то в другой стороне и каждый раз как будто заново открывали себе новый мир.

Я помню до сих пор, как в детстве с младшим братом Салимом ездили погостить к старшей сестре Мариям. Она с мужем и детьми жила возле горы Макпал, за аулом Кудукагаш – Колодец и дерево, на опушке соснового бора. В ауле было много баранов. Нас привозил туда из нашего аула, очень далекого, как тогда нам казалось, кто-нибудь из старших и оставлял на несколько недель. Ну, эти сорок-пятьдесят километров для нас, детей, были действительно дальним путешествием. Тогда не было машин, техники. Преодолев этот дальний путь на конных санях, мы, степняки, всюю наслаждались дивной лесной природой!

Часто с племянниками уходили в лес, вооружившись топором, лопатой и палками. Чистый белый снег, как раскрытая книга, был полон узоров сложного письма – звериных и птичьих следов. Мы старались их прочесть и выследить кого-нибудь. В пылу азарта доходили до окраины поляны, останавливались посреди высоких сосен и, вдыхая морозную свежесть соснового бора, застывали в блаженстве. Лес дышал здоровьем и заряжал нас неповторимой энергетикой. Младший брат Салим, непоседа и озорник, все время норовивший разгрести снежные сугробы в поисках зверьков, тоже останавливался возле сломанного большого дерева. Я глядел на вершины деревьев, и, казалось, вечно молодые, зеленые кроны величественных сосен плывут вместе с белыми, густыми облаками. От тишины шумела в ушах кровь и

кружилась голова, и так хотелось улечь вместе с облаками в дальние, таинственные края. Но я понимал, что это невозможно, и мысленно просил облака передать привет народам, обитающим в далеких странах. Иногда нарушал тишину стук дятла по дереву: тук-тук! Мы прислушивались: не выдержав мороза, с треском ломался сук и падал шумно оземь.

Возвращались домой в сумерках, усталые, но довольные путешествием в лес, с раскрасневшимися от мороза лицами. Сестра Мариям кормила нас мясом и горячим бульоном. Навевшись, мы ложились поудобнее вокруг бабушки Алтын, свекрови сестры, и просили ее, чтобы она рассказала нам сказки. Бабушка Алтын была доброй, светлой женщиной. Она носила жаулык – сплошной головной убор из белой ткани, укрывающий ее голову, шею и плечи. Открытым оставалось только лицо. Глаза Алтын-апа наполнялись теплым светом, она увлеченно рассказывала древние сказки и сказания. При свете керосиновой лампы наши собственные тени в мазанке были похожими на что угодно, а в полутемных уголках как будто бродили тени сказочных персонажей. Много интересных сказок степи и востока рассказала нам Алтын-апа, и я благодарен ей до сих пор. И когда вспоминаю старую сказочницу, снова чувствую себя тем маленьким десятилетним мальчиком, внимательно слушающим ее проникновенные рассказы. Иногда кажется, что самыми счастливыми мгновениями моей жизни были эти зимние вечера сказок в старой зимовке.

Одна притча врезалась в память на всю жизнь. Однажды к пророку Мухаммеду аллеихиссалиям обратился богатырь Хазрет Гали – Азрет Али. Он сказал, что чувствует себя настолько сильным, что смог бы поднять землю и прокрутить ее над головой как мячик, если бы Всевышний дал ему ручку от земли. Пророк многозначительно улыбнулся, но ничего не сказал. Азрет Али поехал дальше. И вот он едет в степи на своем скакуне Дульдуде и встречает белобородого старика. Поздоровался с ним. Аксакал вежливо ответил на его приветствие, положил свою маленькую суму на землю. Чуть поговорив с Али о том о сем, старик попросил силача подать ему суму, так как ему трудно нагибаться. Али, не слезая с коня, хотел кончиком кнута поднять суму. Но это ему не удалось! Удивленный Али нагнулся и мизинцем хотел поднять суму.

Опять не смог! Раздосадованный герой схватил железной рукой поклажу старца и рванул, но сума даже не сдвинулась с места. Кровь ударила в голову Али, и он в ярости, со всей своей могучей силой начал тянуть эту злосчастную суму, опершись ногами в стремя. Да потянул он с такой силой, что боевой конь, легендарный Дульдуй, по колено вошел в землю! Но сума даже не сдвинулась с места. Тут аксакал подошел к Али, извинился за беспокойство, легким движением двух пальцев закинул суму на плечи и пошел своей дорогой!

Растерянный Али примчался к пророку и попросил разгадать эту таинственную историю.

Пророк лучезарно улыбнулся и молвил:

– Ты же возгордился, посчитал себя сильным и думал, что сможешь повернуть землю над головой? Так вот Аллах дал тебе потрогать ручку земли, чтобы ты понял свою гордыню и покаялся!

Тут Азрет Али понял все...

Глубокий, многозначительный смысл этой притчи, как мне кажется, должен дойти до каждого землянина от мала до велика. Никому не дано брать за ручку земной шар и вертеть им как захочется, то есть вершить судьбу планеты! Только Всевышний определяет судьбу Земли и Вселенной! А люди должны жить в мире и согласии в этом общем ковчеге человечества, бороздящем безграничный океан Космоса!

Было еще одно яркое впечатление – русские переселенцы. Говорят, вначале наши встретили их враждебно. Считали, что они враги, чужеземцы, и пришли отбирать наши земли. Отдельные отчаянные храбрецы вредили им как могли, а при удобном случае даже убивали их. В народе ходили легенды, что Курентай-батыр долго воевал с пришельцами, но наконец поняв, что невозможно остановить русское переселение в наш край, смирился с неизбежным.

Со временем все начали привыкать к новому соседству. Постепенно стали общаться, обмениваться бытовой утварью, перенимать опыт жизни друг у друга.

Наш отец Аманжол, ярый противник царской колонизации, ко всеобщему удивлению подружился с переселенцем Майдайкином из поселения у озера Жокей – Джукей. Места здесь красивые, земли плодородные, раньше они принадле-

жали казахам. Но царские власти просто забрали эти земли. В те времена все красивые и плодородные земли прибирали к рукам русское казачество и переселенцы.

Майдайкин был огромным, крепким мужиком. Помню, ходил он вразвалочку неторопливыми большими шагами. Говорил громко и четко. Аульчане дали ему кличку Сары-орыс – Желтый русский. Удивительно, вроде все русские светлые, и всех можно было бы назвать желтыми, но Майдайкин был действительно самым ярким Сары-орыс – Желтым русским. У него не только кожа, но и волосы были золотистыми. Он привык к своей кликухе и даже обижался, когда при нем кто-то из казахов нечаянно обронял поговорку: Сары орыстын бари орыс – все русские желтые! То есть, давал понять, что здесь только он настоящий Сары-орыс! Моего отца Аманжолла и Майдайкина казахи прозвали тамыром. Почему-то так повелось в народе, если казах дружит с русским, его называют тамыр. Тамыр означает, во-первых, корень, во-вторых, кровяной сосуд – вена, артерия. Думается мне, что этим многогранным словом подчеркивается важность казахско-русской дружбы, вот, мол, срослись корнями, стали кровными братьями. Ну, что бы там ни говорили, в случае с нашим «сары-орыс» в этом была доля правды.

Часто он бывал у нас. Отец тоже навещал его и каждый раз привозил какие-то диковинные вещи. Они просто обменивались.

Однажды он взял меня и Салима с собой. Для нас это было открытием целого нового мира! Мы увидели такие вещи, о существовании которых и не подозревали. Нас удивили вещи из железа – орудия труда. Соха – плуг так поразила нас, что мы пытались им пахать землю. Я стал конем, впрягался и старался сдвинуть с места тяжеленный плуг, а Салим ловко управлял! Но больше всего нас потрясло ружье Майдайкина.

Наш тамыр дал нам поддержать его. Мы с Салимом наперебой хватали ружье, держали в руках так и эдак, но не знали, что с ним делать. Я взял ружье за ствол и хотел помахать как соилом – боевой палкой, а Салим в свою очередь взялся за приклад и сделал несколько колющих движений, как с найза – копьем. Майдайкин засмеялся и показал, как и чем

заряжается ружье, как прицеливаться и стрелять. Мы тогда толком не понимали, что такое огнестрельное оружие, но интуитивно чувствовали страшную силу, затаенную в гладком, холодном металле. Салим оказался проворнее, быстро смекнул, что к чему, и начал изображать стрельбу – палить от руки, не прицеливаясь, и громко, азартно произнося при этом «пух, пах, пух!» Отец любовался его ловкими движениями, а Сары-орыс, Желтый русский, крутил усы и качал головой. Да, это была первая встреча наивных степных детей с ружьем, и теперь я понимаю, почему так загрустил наш тамыр Майдайкин.

Нас пригласили к столу. Жена Майдайкина разливала чай из толстого блестящего самовара и угощала нас горячими пирожками с квашеной капустой. Мы с Салимом впервые ели пирожки, они были необыкновенно вкусными.

Отец беседовал со своим тамыром. Мы ничего не понимали, но помню, иногда они начинали спорить на повышенных тонах, и нам становилось не по себе. Уже потом, по дороге в аул, отец нам пересказывал суть разговора.

– Тамыр говорит: пойми ты наконец, Аманжол, меня правильно и раз и навсегда запомни – не от сладкой жизни русский мужик оторвался от родной земли и пришел в твои степи! Нас тоже закинули сюда силой! Да и еще показывает при этом пальцем наверх. Догадывайся, мол, кто!

– Кто!? – шумно спрашиваем мы с Салимом.

– Ясно, кто... Белый царь, их батюшка!

Отец только грустно хмыкнул. Мы тогда толком не понимали, зачем все эти споры и разговоры.

Отец рано начал учить нас читать и писать. Быстро, азартно я научился грамоте – арабские литеры излучали свет знания. Мне очень нравилось расшифровывать арабскую вязь, по буквам, по слогам складывать целое слово, затем предложение и вникать в их смысл. Повзрослев, я открыл для себя кириллицу – русскую письменность – и совершенно новый мир.

Ярость народная

В 1914 году началась Первая мировая война – Царская империя воевала с Кайзеровской Германией. Никто в ауле не понимал, что там происходит и что это за война. До нас доходили только слухи, которые разносила по степи с быстротой телеграфа устная народная почта узункулак – длинное ухо. Согласно слухам, русские воевали с немцами. Мы же вообще не знали, кто такие немцы, где они живут и что им нужно.

Помню, как остряки из нашего рода керей на все лады коверкали новое слово Германия: Кермания, Кереймания! Объясняли просто: гер-, как и кер– происходит от слова Керей, а ман – по-немецки человек. Кер-ман, Керейман, керей-человек – такое объяснение нравилось всем, и мы шутили, что керманцы на самом деле керейманцы, то есть происходят они от кереев! Тогда мы даже не подозревали, как тесно впоследствии сплетутся наши судьбы с Германией.

В июне 1916 года вся степь была потрясена указом Белого царя о мобилизации казахов в возрасте от девятнадцати до тридцати одного года на черновые работы на фронтах Первой мировой войны. Печально известный в истории Июньский указ стал настоящей трагедией для казахов. Народ не хотел отдавать своих детей на верную гибель и вспомнил клятву царя о том, что русская империя не будет брать казахов на воинскую службу. Даже попытались напомнить генерал-губернатору, что царь-самодержец собственноручно подписал и поставил свою высочайшую печать на клятве, написанной на собачьей шкуре. Но собачья шкура потерялась, Белый царь забыл свою клятву, и казахи восстали.

Где-то вычитал, что за время колонизации казахской степи царской Россией произошло около трехсот национально-освободительных восстаний, больших и малых. И одними из самых крупных были восстания 1916 года, когда в разных частях бескрайней степи вспыхивали огни национально-освободительных войн казахов против царского империализма. Некоторые исследователи-новаторы считают, что царская

власть сама Указом спровоцировала восстание казахов, чтобы закрыть свои долги перед союзниками: «Вот, мол, у нас непорядки, бунт, война, а по договору при таких сложных политических ситуациях внутри страны, все долги данной страны списываются!» Эта версия, кажется, тоже может быть правдоподобной. Версия – версией, а фактически – степняки воевали против произвола царизма.

Но силы были совсем не равны. Царская империя, воюющая с кайзеровской Германией и испытывающая большие трудности на фронте, все равно находила силы для подавления восстания. Карательные отряды, оснащенные пушками, пулеметами и лучшим стрелковым оружием того времени – пятизарядной винтовкой бесатар – безжалостно расстреливали конницы восставших казахов, вооруженных в лучшем случае саблями, пиками и луками, а в большинстве своем – просто березовыми длинными боевыми палками – соилами. Много молодых джигитов-удальцов погибли от пуль и картечи карателей. Почти все восстания были жестоко подавлены за короткий срок, а многих народных вождей расстреливали и вешали без суда и следствия. Участников, попавших в плен, заточили в острога и после мучительных допросов казнили или отправляли в Сибирь. Но немало повстанцев, оставшихся в живых после военных столкновений, ушли за кордон в Китай. Были случаи, когда предводители некоторых родов ясно понимали, что найза – копье, и соил – боевая березовая палка против пушки и пулемета – гиблое дело, и уходили без боя и без жертв со всем своим родом. Вот теперь, спустя десятилетия возвращаются на свою родину, теперь уже новую страну, независимую республику Казахстан потомки ушедших поневоле на чужбину казахов. Их называют оралманы – возвратившиеся. Сколько испытаний выпало на долю этих людей, наших братьев!

Единственным неподавленным восстанием казахов было восстание жителей тургайской степи под предводительством Амангельды-батыра Иманова, ополченцы которого победоносно, со своим знаменем влились в ряды сначала Февральской, а затем Октябрьской революции и активно участвовали в установлении Советской власти в степи. Но, в конце концов, кровожадные борцы бурного времени подлостью и обманом

убили батыра Амангельды, его гибель окутана многослойной тайной. Поговаривают в народе, что и красным, и белым просто не нужен был герой-казак, свободный, непокорный, во главе многотысячной боеспособной армии! Ясно одно – батыр Амангельды является народным героем, а легенды и сказания ставят его образ в один ряд с самыми свободолюбивыми сыновьями степи.

Это уже история, и сейчас об этом можно спокойно размышлять, так и эдак оправдывая кровопролитие, а в то время было все не так просто. Мой отец Аманжол в самом начале восстания примкнул к отряду повстанцев и начал воевать за правое дело.

Однажды восставшие джигиты напали на одно маленькое поселение переселенцев. Мы со старшими братьями – двадцатилетним Алимжаном и девятнадцатилетним Мейрамбаем – тоже были в отряде. Но наше присутствие ничего не решало, да и оружия у нас не было. Мы присоединились к повстанцам из чистого любопытства и азарта. Сейчас, думаю, отец просто хотел, чтобы юнцы почувствовали войну и закалились.

Поселение было почти пустым, жильцы уехали подальше из этих опасных мест. Жилым оставался только один дом. Повстанцы с гиком пустили коней вскачь, устрашающе взмахивая саблями и пиками, вмиг окружили дом, застав хозяев врасплох. И тут джигиты вытащили из дома вместе с хозяином нашего тамыра Майдайкина! Вероятно, он вместе с семьей приехал сюда погостить.

Джигиты, опьяненные жаждой крови, решили быстро расправиться с жителями. Для них переселенцы были олицетворением всего зла, творимого царской властью. Всадники начали ломать деревянную ограду и колотить соилами по дому, разбивая окна и ломая крышу. Майдайкин, увидев нас, обрадовался было, но несколько всадников окружили его плотным кольцом и начали хлестать кнутом. Отец решительно заступился за своего тамыра и кричал на джигитов, требуя прекратить избиение. Но не все слушались его. Некоторые горячие головы собирались накинуть аркан – лассо на шею Сары орыс – Желтого русского и пустить коня вскачь. Майдайкин отбивался огромными ручищами и не давал жестко-

му аркану из конских волос затянуться на своей мускулистой шее. Но один ловкач ухитрился все-таки подобраться сзади и накинуть петлю. Майдайкин напряг всю свою богатырскую силу, не давая опрокинуть себя и стараясь разорвать смертельную удавку. Но аркан из конских волос не могут разорвать даже лошади, и Майдайкин начал задыхаться. Кровавая пена потекла изо рта. Его жена рыдала во весь голос, а двое взрослых сыновей молча смотрели, сверкая глазами в бессилии. И когда Майдайкин уже начал храпеть, теряя сознание, и медленно опускался на землю, блеснула сабля в руках нашего отца Аманжолола – он перерезал аркан. Отец решительно приставил острую саблю к горлу разгоряченного джигита и сказал:

– Не трогайте моего тамыра! Не он виноват во всем этом! Или мы уйдем отсюда с миром, или я убью вас!

Отец имел вес среди сородичей, и они послушались его. Удалось ему спасти всю семью Майдайкина и хозяев дома от неминуемой гибели.

Освобожденного Майдайкина обняли жена и дети, и он молча, взглядом, поблагодарил отца. Отец лишь грустно кивнул ему в ответ, и мы покинули поселение.

Суровая реальность остудила наш пыл. Вот она какая, война, и победа на войне! Оказалось, что побеждая, приходится кого-то бить, а то и убивать. Героизм, воспетый в эпических сказаниях и песнях, имеет и обратную сторону – трагедию, а торжество и слава победителя держится на плаче и крови побежденного!

Вскоре война разгорелась вовсю. Отец со своими джигитами решил уйти в Тургайские степи, чтобы присоединится к армии Амангельды-батыра. Он велел всем нам, братьям, остаться в ауле и охранять род. Слово отца было законом для казахов, и мы беспрекословно исполнили его волю.

Совсем недавно довелось прочитать в одной исторической статье того времени о том, что вопрос восстаний и карательных операций в казахской степи рассматривался в Царской Думе. Депутаты с болью говорили о том, что в результате столкновений туземцев и переселенцев, карательных действий правительственных войск погибли десятки тысяч казахов и тысячи русских. Они напрямую обвиняли

царскую власть в том, что она, издав незаконный указ и исполняя его бесчеловечными методами, допустила беспорядки и беззаконие в степи, приведшие к массовому кровопролитию в империи.

Конечно, хорошо, что депутаты осудили эти бесчеловечные действия властей, но не уверен, что это как-то изменило ситуацию: в степи узункулак – длинное ухо вместе с ветром донес до каждого аула слова царского губернатора, который прямо заявил представителям казахов: «Вы вздумали восстать – так мы уничтожим вас всех, никого не оставим в живых – ни женщин, ни детей, ни стариков!»

И карательные отряды творили в степи чудовищные преступления, уничтожая невинных мирных жителей. Они рыскали по степи, как голодные волчьи стаи, в поисках казахских аулов. Местные казаки присоединялись к ним и указывали путь, так как хорошо знали местность. Они безжалостно карали всех, кого подозревали, без суда и следствия.

Наш второй старший брат Мейрамбай случайно попался им в руки. Он ехал в степи после свидания с невестой. Была глубокая осень, и свадьба должна была состояться весной следующего года. По пути домой Мейрамбай остановился у небольшого водоема – томара, чтобы напоить коня. Только он слез с лошади, как из камыша выскочили несколько вооруженных карателей и окружили его. Один сразу вырвал из его рук поводья и забрал коня. А остальные, хохоча, стали издеваться над девятнадцатилетним парнем, угрожая шашками и штыками, примкнутыми к винтовкам. Мейрамбай отступал от разящих острых клинков и оказался на краю невысокого обрыва. Но изверги продолжали его теснить, опрокинув в воду. Вода была достаточно глубокой, выше роста человека, и Мейрамбай нырнул с головой. Захлебываясь, он попытался выйти на берег. Но каратели преградили ему путь острыми штыками и держали в воде, наслаждаясь своей находчивостью и силой. Наш брат нащупал ногами дно и терпел это унижение. Наконец каратели уехали, захватив лошадь своей жертвы. Как только они скрылись из виду, Мейрамбай вышел из воды, выжал свою одежду и побежал в сторону аула. Но путь был далек, холодный осенний ветер насквозь пронизал молодое крепкое тело. Да, царские каратели знали свое дело.

Изошренность этого злодейства заключалась в том, что без единого выстрела, без малейшей царапинки жертва все же была обречена. Ледяная вода и осенняя прохлада сделают свое страшное дело с пешим джигитом в мокрой одежде в открытом поле.

Мейрамбай добрался до родной юрты аж под утро. Весь посиневший от холода, теряя сознание, он только успел рассказать о злодействе карателей и проститься с нами. Тело его буквально горело, и он бредил.

Наш любимый брат Мейрамбай умер через несколько дней от воспаления легких. Весть о гибели Мейрамбая быстро облетела степь. Народ разделял наше горе, облегчая тяжесть утраты. Мне было тогда шестнадцать, а Салиму пятнадцать лет. Мы были так потрясены этой смертью, что боль утраты на всю жизнь осталась в сердце. Я впервые пережил потерю близкого человека в родном доме. Мать плакала навзрыд, ее плач разрывал душу. Мулла неустанно повторял салауат – ля иляха илля аллах – и это как-то успокаивало нас, смиряя с необратимостью судьбы. До сих пор, когда вспоминается то далекое событие, на мои старые глаза наворачиваются слезы и слышится плач моей матери Батимы.

Эта смерть еще более ожесточила нас, и мы стали с новой силой ненавидеть царских карателей и колонизаторов. Но силы были неравны – огнестрельные железные ружья, плод цивилизации, были направлены на усмирение и уничтожение нашего добродушного народа, детей природы.

Отец так и не вернулся. Ему было сорок пять лет. Оказывается, их отряд был разгромлен в кровавой, неравной битве с вооруженным до зубов карательным отрядом. До нас дошли слухи, что наш отец погиб в той бойне. Так и остался навеки лежать в степи со своими боевыми братьями. Через год приехал к нам в аул очевидец тех событий, хромой инвалид, чтобы сообщить о гибели отца. Прочитав аят из корана, он подробно рассказал о гибели степняков в той ужасной мясорубке. Глухим, подавленным голосом поведал он мне, как повстанцы, попавшие в засаду, самоотверженно сражались против пулеметов и пушек, заряженных картечью.

– Много ли ума и умения надо, чтобы расстреливать всадников, вооруженных в основном соилом – березовой

палкой и найза – копьём? – вопрошал хромой, обращая свой взор куда-то вдаль. – Винтовки били залпами, пулеметы строчили, грохали пушки. И за короткое время бесстрашные кочевники, сотрясающие своими уран – боевыми кличами и топотом копыт разгоряченных тулпаров – скакунов всю степь, были уничтожены. Почти все полегли, обняв навеки полынь и ковыль родной степи. Лишь некоторым отчаянным, везучим удалцам удалось добраться до стрелков и ударом соила разможжить головы противника. Я летел рядом с твоим отцом Аманжолом и видел, как на полном скаку высоко он поднял копьё и успел бросить его в пушкаря. Но тот успел выстрелить. Копьё Аманжола вонзилось ему в горло, а картечь буквально срезала твоего отца как травинку. Меня тяжело ранило в бедро, я упал с коня и потерял сознание. Как видишь, выжил все-таки.

Эта картина запечатлелась в памяти, всю жизнь я представляю себе отца, отчаянно скачущего, истекая кровью, на русскую пушку с высоко поднятым острым копьём.

– Да, горжусь своим отцом! – говорил с болью Салим. – Но не буду вот так открыто, прямо, хоть и героически, бросаться с пикой на пушку! Я буду гибким, хитрым воином! Лучше обойду эту пушку, найду с тыла и перебью всех пушкарей или пальну по ней с еще большего орудия!

Салим сдержал свое слово. Он стал опытным, хитрым, закаленным в огне воином.

После подавления восстания, нашего старшего брата, двадцатилетнего Алимжана, забрали-таки на фронт. Мы получили от него два письма, потом связь прервалась, и от брата больше не было ни весточки! Вскоре в России произошли такие события, что властям было не до нашего брата. Мы надеялись и надеемся до сих пор, что он остался жив, попал в водоворот событий и выплыл на какой-нибудь берег – свой или чужой. Лишь бы жив был наш любимый брат! Дома перечитывали много раз его письма, написанные красивой арабской вязью, и старались понять, в какой переплет попал Алимжан. Судя по его письмам, дела на фронте были неважные.

Алимжан писал, что у них все хорошо, живы, здоровы, да только не отдают им павших лошадей. Русские солдаты не

ели конину, и убитых животных наспех закапывали или просто оставляли на радость падальщикам. Но никому в голову не приходило отдать их казахским тыловым рабочим! Решили бы проблему питания. Но господа офицеры не утруждали себя заботой о каких-то кочевниках.

Несколько лет назад прочитал статью о жизни черновых рабочих на фронтах Первой мировой войны. Оказывается, к рабочим применялся тюремный режим, их вели на работу под конвоем, при малейшей провинности наказывали. Вспоминая доброго брата Алимжана, бесследно исчезнувшего на полях кровопролитной войны, сочувствовал ему.

Гражданская анархия

В начале семнадцатого года грянул гром: свергли царя Николая!

Степь всполошилась – казалось, мир перевернулся! Эта была Февральская буржуазная революция 1917 года, в результате которой была установлена власть Временного правительства, суть которой стала понятна потом, спустя годы: установилось в стране конституционное правление.

Февральская революция остановила карательные действия в степи. Карательные отряды, собиравшиеся учинить кровавую расправу, готовившиеся нанести последний решающий удар по безоружным казахским аулам и плохо вооруженным повстанческим отрядам, остановились в растерянности. Огромная империя была обезглавлена.

Мы толком не успели ничего понять, как обрушилась вторая громовая весть: произошла Октябрьская революция, свергнувшая Временное правительство и установившая диктатуру пролетариата!

Степь опять забурлила. Появились первые буревестники революции, предвестники больших перемен и тяжелейших бедствий. Горлопаны и краснобаи разглагольствовали: пришла пора разрушить до основания старый мир и построить новый, справедливый мир! Мы, казахская беднота, предводимая российским и всемирным пролетариатом, во главе с великим вождем товарищем Лениным, должны уничтожить и изгнать баев и всех угнетателей трудового народа и самим взять власть в свои руки! Правда, пока дело не дошло до активных действий, только разделилась степь на множество противоборствующих лагерей.

Представители национальной партии казахов – алашордынцы пытались указать народу свой путь.

– Мы, казахи, единое целое! Нас и так мало, чтобы делиться на бедных-богатых и уничтожать друг друга! Все казахи братья, один род, один народ!

Алашордынцы стали предвестниками национального возрождения казахов.

Это сейчас, почти сто лет спустя, осмысливаем, систематизируем события того смутного времени. Но когда жили в гуще событий, никакой четкой системы и понимания происходящего не было. Был кавардак, хаос, беспорядок. Голод, холод, бойня. Русская революция перевернула и нашу спокойную степь, бросив все живое в кровавый майдан – поле сражений гражданской войны, превратив родовую, братскую жизнь мирных казахов в сплошной кошмар. Шатающимся по степи агрессорам явно нравилась гражданская анархия – лихие и ничего не боящиеся, они коварно атаковали наши аулы. Разрывались снаряды, строчили пулеметы, свистели стальные шашки над степью, и смерть косила наш народ без разбора. Все понятия о добре и зле потеряли смысл, судьбы тысяч, миллионов людей перемешались. Страх и ужас, неверие в будущее царили в душе каждого из нас. Никто ничего толком не понимал – кто враг, кто друг, куда идти, с кем идти? Пока мы разбирались в этой новой жизни, нас агитировали разные авантюристы, монархисты и анархисты, социалисты и совдеповцы. Все сыпали красивыми словами, интересными идеями о свободе, равенстве и братстве, завораживая светлым будущим, где не будет царей и богачей. Но ближе всех, понятнее и роднее были свои националисты-казахи, которые призывали к национальному единству, свободе и автономии.

Власти менялись в степи, как калейдоскоп – не успевали установить одну, приходила другая. Царскую власть заменило временное буржуазное правительство, затем совдепы, алашордынцы, белые, колчаковцы, анненковцы, красные – народ совсем запутался и не знал, кому верить и с кем идти.

Салим воодушевленно поддерживал идеи Алашорды.

– Каждому народу – своя автономия! Это же здорово! Ленин дает свободу угнетенным народам российской империи, и мы должны этим воспользоваться, чтобы создать свое государство!

Эта идея нравилась многим. Мы верили и надеялись. Но и сомнения нередко овладевали нами. Я тоже часто задавал вопрос самому себе, степи, небу, ветру – как нам быть? После мучительных раздумий нашелся вроде верный ответ – будь

вместе со своим народом! Береги свой народ, борись за его свободу и счастье! Но как быть, если родной народ раскололся на части – одни примкнули к белым, другие к красным, а третьи к националистам – алашордынцам. Причем, это было не просто идейное разногласие, а вооруженная борьба, братоубийственная бойня. И как можно стрелять в брата-казаха за счастье другого брата-казаха?! Голова раскалывалась, душа раздиралась, но четкого ответа так и не нашел – ни тогда, ни сейчас! Разум отказывался понимать, душа не принимала этот раздор – для меня все казахи были братьями, единым целым. Но лицемерные, коварные политики не позволяли нам оставаться едиными братьями, сея раздор. Все, что мог сделать лично – никогда не стрелял в казаха, будь он белым, красным, богатым или бедным.

В то время отдаленная от центра местность, где мы обосновались, называлась Койтас–овцекамень. Природные валуны, ростом с баранов, иногда даже с верблюдов, наполовину зарытые глубоко в землю, были настоящим чудом природы. В чистом поле, в ровной, как гладь моря, безбрежной степи вдруг возникают эти чудесные койтасы – овцекамни, и тянутся до самого горизонта. Каждый камень имеет свою, отличную от других форму, созданную природой и отточенную ветром времени. Откуда они – упали с небес или выросли из-под земли? На это никто не может ответить до сих пор.

Мы перекочевали сюда, спасаясь от карателей, и остались жить. Койтасы послужили кочевникам в смутное время укрытием, крепостью. Целые аулы могли спрятаться там и от белых, и от красных.

А прятаться было от чего. Не было в то время никакого порядка или закона в степи. При встрече с белыми или красными, часто все зависело от их настроения. Если командир вооруженного отряда был не в духе, мог сорваться, запросто вырезать, сжечь, уничтожить весь аул. Без суда и следствия, безо всякой моральной ответственности делали все, что хотели. А в хорошем расположении духа забирали, что нужно, и уходили. Таково было время.

Старейшина нашего аула, аксакал – седобородый Малай ата был мудрецом. Ему было семьдесят лет, и он казался нам

незыблемым столпом степной нравственности, олицетворением святой древности и оплотом рода. Густая, белая как снег борода доставала аж до пояса! Когда он заходил в юрту, становилось светлее и теплее, и мы чувствовали сильнейшую энергетику, исходящую от этого незаурядного человека. Когда он степенно шел, самал – легкий ветерок играл с его бородой, и мы застывали на месте, замороженные этим величественным зрелищем. Нам он казался святым аруахом – духом предков. Он и был аруахом – духом нашего рода, хотя был обычным человеком, из плоти и крови. До сих пор видится мне Малай ата, шагающий по степи. Я счастливо вздыхаю, чувствуя прилив сил, как в далеком прошлом.

Он был справедливым и мудрым, знал множество легенд и хорошо разбирался в политике, самоотверженно боролся за сохранение нашего рода.

– Какая разница, какого цвета захватчик? Белый или красный, желтый или зеленый – все равно захватчик есть захватчик! – говорил он. – Так вот, придут белые – встречаем в белой юрте, за белым дастарханом. Накормим, напоим, что просят – все отдадим! Да ведь и дураку ясно, не отдашь по доброй воле – заберут насильно, а то и пристрелят, чтобы не скулил. За ними потянутся красные – тоже так поступим. Спросят, с кем вы, киваем – с вами! Скажешь – ах, какой двуличный человек! Только дурак бывает честен с врагом! А для чего буду лгать, вертеться? Чтобы спасти аул от кровавой расправы! Чтобы сохранить род! Хотя в этом роду полно и дураков, которые пошли на поводу у чужаков, и по их приказу вырубают свои корни!

Я слушал его раскрыв рот, внимал каждому слову.

– Неужели ты и вправду думаешь, что бородастые вожди-чужаки болеют за наш народ больше, чем свои родные белобородые аксакалы?! Скажи честно, ты веришь в эту власть инородного сброда?!

Слова аксакала задевали за живое и я решительно качал головой: нет!

– Ты будь честен и предан только Всевышнему и своему народу! А с политиками и чужими будь поосторожнее. Ты не обязан быть честным и искренним с нечестивцами и подлецами! А врагов вообще надо обманывать всегда, если

хочешь выжить в такое жестокое время! – учил меня жизни Малай ата.

Откровения аксакала заставляли меня по-новому взглянуть на происходящие глобальные перемены в стране.

– Это не наш путь! И не наша война! Наш народ пошел по чужому пути, принял чужую войну и начал истреблять друг друга! И жить-то стали по чужим законам! Боюсь, что это так просто не пройдет и нас ждет много потрясений!

Время показало правоту мудреца. Чего только не пережили наши аулы, наш народ. У нас не было достаточно оружия, кроме двух старых охотничьих ружей и горстки патронов. Да хоть и вооруженные, что мы могли бы сделать с обученными отрядами Белой и Красной армий?!

Волею судьбы я остался за старшего в семье. Мне было восемнадцать лет, и, как все молодые, я рвался в гущу событий, хотел бороться за справедливый, новый мир вместе с алашордынцами с оружием в руках. Но надо было исполнить наказ отца – охранять аул, заботиться о матери и сохранить род. В ауле было двенадцать юрт и человек семьдесят, в основном женщины, дети, молодежь и несколько пожилых мужчин. Многие ушли на войну. Груз ответственности заставил быстро возмужать и остепениться. Как мог, придерживал и Салима от опрометчивых поступков. Он был только на один год младше, но чувствуя, что за все отвечает старший брат, вел себя иногда безрассудно. Отчаянный сорвиголова рвался в ряды алашордынского полка. До поры до времени мне удавалось его удерживать в доме, но в восемнадцатом году, когда ему исполнилось семнадцать лет, он все-таки ушел в ряды своих единомышленников бороться за свободу и равенство казахов. Вернулся он домой почти через год, на побывку. А через несколько дней нагрянули гости.

Два отряда, красиво, цепочкой, заехали с двух сторон в аул. Шестеро красных и шестеро белых. Красными мы называли советских, а беляками – по привычке всех, кто был против власти рабочих и крестьян.

Встретили мы гостей и с радостью, и с тревогой. Дело в том, что во главе каждого отряда стояли наши братья. Акимжан и Каримжан – доводились нам троюродными братьями, которых мы давно не видели. Соскучившись, они решили

навестить родных в мирном ауле, а заодно и себя показать, а если получится, перетянуть всех родственников на свою сторону. Наши деды были родными братьями. В отличие от меня, Бектемирова, носящего имя прапрадеда, они носили фамилию Абжанов и Абишев, так звали их дедов. Но история распорядилась так, что троюродные братья оказались по разную сторону баррикады и стали врагами.

Мне пришлось приложить все свое дипломатическое умение, чтобы усадить воинственно настроенных вооруженных гостей за одним столом. На самое почетное место – торь – претендентов было двое. Мне пришлось усадить их рядом, причем таким образом, чтобы оба заняли центральное место. А бойцы расположились по обе стороны стола возле своих предводителей. Оба новоиспеченных спесивых «генерала» довольно заулыбались, но напряжение сохранялось. Чем меньше начальник, тем выше его гонор. И братья, служившие чужим властям, добившиеся маленьких чинов, находящиеся всегда под давлением вышестоящих начальников, здесь, в ауле, почувствовав себя важными персонами, распрямили спины. Они даже не скрывали этого, чинно показывая всем своим видом превосходство над бедными сородичами.

Мы сидели смирно, не смея шелохнуться. Напряжение было такое, что мне было слышно биение своего сердца. Был один очень щепетильный момент, когда подали табак – деревянное блюдо с мясом. Все напряглись еще больше. Вопрос был в том, кому достанется голова барана. По древнему обычаю кочевников, голова подается самому почетному гостю – главе рода, свату, старшему по возрасту. И тот, кто разделяет голову, считается главным по жизни. Но это в мирное время. А как быть с военными, враждующими меж собой, готовыми при первом же подозрительном движении противника открыть пальбу?! Получается, если подам голову красному комиссару, то все решат, что желаю им победы и власти. А если ублажу белых, то автоматически перейду в разряд врагов красных. Лучше дать бы каждому по голове! Но ни в коем случае обычай казахов не позволяет подавать две головы в одном блюде. Вот такой переплет!

Я принял единственно верное решение. Голову барана предложил Акимжану, который был на два года старше Каримжана. Уважение к старшим – неопровержимый закон степи, и никто открыто не смел оспаривать первенство, данное всевышним. Беляки-казахи посветлили челом, посчитав это за добрый знак, за большее к себе уважение. Красные молча переглянулись, выразив взглядом, что еще видно будет, кто и чью голову будет разделявать.

Красные и белые, шестеро на шестеро, при оружии, сидели за столом и ели из одного блюда жирную баранину вперемежку с копченой кониной и запивали все кумысом. Все были одеты в военную форму. С каждой стороны присутствовали трое казаха и трое русских. Два брата – Акимжан и Каримжан, каждый во главе своего отряда, сидели рядом и мирно уплетали копченые казы-карта и свежую баранину.

– Где Салим? Что-то не видно нашего баловня? – вдруг ласково спросил Каримжан.

Вопрос вполне естественный, но я немного замялся. Дело в том, что алашордынец Салим был против их всех. Перед приездом красно-белых братьев я его отправил подальше от аула, чтобы вспыльчивый удалец не натворил бед.

– Да он... сами понимаете, молодость – огонь, вихрь... Охотится, наверное, за красной лисицей в степи!

Что меня заставило сказать про лисицу, да и еще красную, сам не понимаю. Сказал бы просто – с девушками встречается, и баста!

– Почему-то все хотят поохотиться на красных! – попытался пошутить Акимжан.

– Да только сами потом покраснеют! – не растерялся с ответом Каримжан.

– Знаем мы ваших! Сколько красных побелело в степи – никому не известно! – резко отрезал Акимжан, и в его голосе прозвучали железные нотки.

Всем было понятно, что они имели в виду. Каримжан намекал на пролитую ими кровь белых, а Акимжан напоминал ему, сколько красных полегло от пули беляков и окуталось белым саваном или, хуже того, осталось лежать в степи без могилы и их кости белеют в лунную ночь.

Момент был напряженный, но выручил малый из отряда красных. Видать, он недавно примкнул к ним, потому что был больше похож на аульного увальня, чем на вышколенного рядового Красной Армии.

– Вот, готов! Давайте начнем! – воскликнул он, показывая всем чисто объеденный жилик – среднюю берцовую кость лошади.

Бить жилик – азартное состязание северных казахов. Обычно бьют его кулаком, обмотанным полотенцем, о бок топора, положенного плашмя на землю. Но мастера любят обострить состязание, и бьют голой рукой только по одному разу за круг, причем без тыкыл – предварительного постукивания кости для определения по звуку слабого места. Тогда задача усложняется, и, бывало, кость ходила по кругу целенькой по несколько раз.

При виде жилика джигиты встрепенулись, расправили плечи и приготовились к состязанию. Увалень-красноармеец положил топор плашмя на землю и пустил кость по кругу. Казахи начали состязание, нанося один за другим точные, выверенные удары по кости. Кость оказалась крепкой, да и джигиты вначале били не во всю силу, боясь повредить руку. И тут, не выдержав, один из беляков-русских тоже вступил в состязание.

– А нам можно? – громко спросил он. – Что-то долго возитесь с костяшкой!

– Конечно! – загалдели красно-белые казахи дружно. На миг даже все забыли, что они враги.

– Давай, Костя, покажи кости! – завопил косоглазый рыжий беляк, уверенный в мощи своего соратника.

Белый обладал богатырским сложением – просто громила! Он засучил рукава, протер ладони, сжал огромный правый кулачище и со всего размаху звезданул по кости. Жилик ударился о бок топора, послышался хруст. Мы подумали – все, сломал парень жилик. Но в следующий миг он ахнул, заматерился, хватаясь левой рукой за правую. Жилик лежал целенький, а рука громилы была сломана. Видать, не рассчитал точку удара, полагаясь на свою дикую силу. Что поделаешь, перетянули ему руку тряпьем, дали выпить пиалу водки и велели терпеть.

Наконец жилик сломал увалень из аула точным ударом. Красные возликовали, белые пригорюнились. Я быстро вклю-

чился в разговор, превратив все в шутку, мол, ваша голова, а у них – жилик. Это было справедливо, и казахи одобрительно загудели.

Равновесие было достигнуто, и противники, подняв пиа-лы, произнесли дружественный тост.

– Выпьем за то, чтобы вы покраснели! – пошутили красные.

Это означало: пусть прольется ваша кровь.

– За то, чтобы вы побелели! – оплатили белые.

То есть, пусть ваши кости белеют на солнце.

Какие времена, такие и пожелания!

Все захохотали и дружно выпили. И я выпил с ними. Выпивка всегда сближала людей, как-то сглаживала шероховатости в отношениях, и для нас напоить наших неожиданных гостей имело прямо-таки жизненно важное значение – в душе мы надеялись, что русские – и красные, и белые – не будут просто так стрелять в тех, с кем выпили. И в это время случилось то, чего я больше всего боялся. Дверь распахнулась, и вошел Салим.

Он тихо поздоровался с гостями и сел рядом со мной, по-казахски поджав ноги, в позе Лотоса. В руках он держал камчу – кнут, казахскую нагайку. Рукоять искусно вырезана из тобылгы – иволги, длина которой была равна локтю хозяина без учета кисти рук. Сам кнут был шестиполосный, то есть сплетен из шести полос выделанной кожи вола, длина которых превышала длину рукояти ровно на один хват ладони. Степные мастера говорили, что при таком размере, удар обладателя камчи будет самым оптимальным. К тому же воинственный Салим велел вплести в кончик камчи кусок свинца овальной, как пуля, формы. Он мог одним точным, молниеносным ударом по локтю или коленке заставить врага выть от боли, вылететь из седла и кататься по земле. А то мог и убить одним ударом по виску или по темени, по почке или по печени. Несведущие не знали, какое смертоносное оружие носит с собой наивный с виду аульный балагур.

Держать камчу в руках во время дебатов на суде биев – судей-ораторов считалось нормой, и когда человеку было что сказать, он поднимал камчу или бросал в круг, прося слова.

Во время словесных баталий ораторов камча была неизменным атрибутом степной демократии, этикета кочевников. А для Салима была еще и смертельным оружием.

После обмена любезностями между братьями начался разговор, которого я так боялся и избегал как мог. Первым начал Салим. Он говорил резко и отрывисто.

– Скажите мне, – обратился он к братьям. – Вот вы воюете за что?

– Мы хотим восстановить монархию, навести порядок в Российской империи и в степи! – ответил белый Акимжан.

– Мы пришли освободить братьев-бедняков от ига баев – богачей и болыс – волостных правителей! – говорил красный Каримжан.

– Вы оба заблуждаетесь! Мы прошли монархию и не хотим обратно в рабство! – отрезал Салим. – И с красными нам не по пути! Потому что власть советов не дает нам национальной независимости! А цель нашей Алашорды именно свобода нашего народа!

– Бред! Пустая фантазия! – воскликнул возмущенно Акимжан.

– Политическая ситуация не позволит казахам жить отдельно от России! Центр не допустит создания государства Алашорды! – более сдержанно сказал Каримжан.

– А мы просить никого не собираемся! – завелся пуще прежнего Салим. – Мы кровью и потом будем добиваться своей цели!

– А сил у вас хватит? Откуда такая спесь у тебя, братишка? Посмотри по сторонам, оцени ситуацию, взвесь все за и против! Подумай, прежде чем хвататься за оружие! – уже более спокойно сказал Акимжан.

– Вот все беды нашего народа из-за таких, как вы! – не унимался молодой Салим. – Если бы объединились, стали бы единым каменным кулаком – добились бы свободы!

– Ой, нет, братишка айналайын! – Каримжан начал грамотно излагать свою позицию. – Даже в том случае, если вся степь, все казахи объединятся, мы не добьемся независимости военным путем! Единственно верный путь к светлому будущему – путь социализма! И мы, казахская беднота, вместе с русским рабочим классом, в союзе с крестьянством, под

предводительством великого вождя всемирного пролетариата Ленина будем бороться за свое счастье!

– Беднота, говоришь? А как быть богатым, знатным казахам? Ты что, хочешь их всех закопать? – возразил Акимжан.

– Кто не с нами – тот против нас! – отрезал Каримжан.

– Вот ваша беда! – махнул своим кнутом Салим. – Это вы разделили наш народ на богатых и бедных и допустили братоубийственную войну! А мы, алашордынцы, за национальное единство и братство всех казахов, независимо от происхождения и состояния!

Разговор начал перерастать в ссору, но тут включился мудрый Малай ата.

– Эй, сабыр, сабыр – спокойствие! – произнес тихо аксакал. – Хорошо, вы встретились в родном ауле! Иначе перебили бы друг друга где-то в степи, а, бауырлар – братья?! И чего бы добились? Может, вы думаете, что совершаете благое дело. Но суть в другом. Империи нужно было разделить нацию, стравить брата на брата. Вот им на руку идея классовой борьбы! Это не наш путь! Не наш выбор! Нам ее навязали извне, сверху. Навязали насильно, политической хитростью, изощренным коварством и жестокостью. К сожалению, мы вошли в этот адский круговорот и не можем выйти оттуда. Так хотя бы оставайтесь людьми, насколько это возможно и никогда, ни в коем случае не стреляйте в братьев своих!

Все умолкли в глубокой задумчивости – жестокая правда жизни давила на них, и в то же время мудрые слова, кажется, дошли до каждого.

Тогда я кипел от негодования. Был недоволен братьями и про себя обвинял их. А теперь... Лежат они рядом, в родовом кладбище аула Булакбасы, что означает исток родника. Начало жизни и конец жизни. Мирно покоятся на клочке земли буйные братья, которые не смогли ужиться на этом свете из-за идеологических, политических разногласий, привнесенных царскими и коммунистическими колонизаторами. Но теперь их не осуждаю. Даже не смею этого делать. Сегодня многие псевдоисторики и популисты разных мастей, невежды и однополушарные мыслители, психопаты и истерики с кровавой пеной у рта обсуждают и осуждают прошлое. А если подумать серьезно, особенно сложной и противоречи-

вой была история казахского народа в первой половине двадцатого века, когда все смешалось в кровавой бойне. И моим землякам тогда было от силы тридцать, а то и двадцать с небольшим лет. Ведь зеленые юнцы, а тут такое навалилось на их неокрепшие спины и не вполне созревшие умы. На их месте волей-неволей можно было натворить всякого.

Отец нашего троюродного старшего брата Акимжана был состоятельным человеком. И поддерживал царскую власть. Акимжан воевал на стороне белых, и в двадцатом году погиб в бою на родной земле.

Второй троюродный старший брат Каримжан был предан идеям большевиков о равенстве и братстве людей. Он остался круглой сиротой в раннем детстве – родителей разом скосила брюшная эпидемия, точное название которой никто в ауле толком не знал. Каримжан с детства испытал на своей шкуре все тяготы бедности. Тяжелейшие условия жизни не сломили, а закалили его характер – он вырос жилистым, крепким джигитом со стальными нервами. Стойкость и твердость убеждений, выработанные с детства, острота ума и языка выдвинули его в самые первые ряды революционной власти, которую он встретил с воодушевлением.

К чести Каримжана, он был не слепым фанатиком коммунистических идей, и в отличие от недалеких простаков, вдумчиво подходил к решению того или иного непростого вопроса. Он обосновывал свои действия не только постулатами марксистско-ленинской философии, но и реалиями степной жизни, народной мудростью. Простой народ видел в нем честного и справедливого партийца, достойного представителя советской власти, устанавливающего новый порядок, и многие ходили к нему за советом и помощью, откровенно говорили о проблемах новой жизни. И Каримжан старался всегда вникать в суть дела и принимал почти всегда верное решение. К сожалению, в двадцать третьем году недобитые классовые враги застрелили его ночью, когда он сидел у окна своего дома и писал доклад. Кровавые реалии того времени не щадили никого.

А в тот день в родном ауле, как оказалось, в день последней нашей встречи, братья спорили до хрипоты, не нашли общего языка и каждый остался при своем мнении. Да, это

сейчас понимаем, что разные идеи имеют право на существование, а тогда, в революционное, воинственное время люди, настроенные по-боевому, терпеть не могли инакомыслия. Фанатики были готовы убить или погибнуть за идею.

Но в тот вечер братья мирно разошлись каждый в свою сторону – Каримжан к красным, Акимжан к белым и Салим к алашордынцам, чтобы защищать свои идеи с оружием в руках, а если доведется, убить или погибнуть за нее. А я остался дома, чтобы исполнить завет отца, защищать родной аул, отчий дом и заботиться о матери. И когда три брата ушли в три разные стороны, мое сердце разорвалось на три части, и горькая слеза покатилась из глаз.

Однажды, году в двадцатом, я сидел на холме за аулом и присматривал за скотом. Красный закат умиротворял душу. Я любовался им долго, не моргая глядя в мягкий, теплый отблеск огромного солнечного шара, предаваясь сладко-горестным размышлениям о вечности и миге.

Вдруг из-за холма появился конный отряд. Это были беляки, офицеры царской армии. Впереди на высоком белоснежном коне ехал дородный капитан в военном мундире. Офицеры, один статнее другого, окружали его. Солнечный свет играл на их красно-сине-белых мундирах, особенно на золотистых эполетах и орденах, и они сверкали необычайно красиво на фоне ковыльной степи. Скакуны, изрядно исхудавшие от нескончаемых походов, все же смотрелись неплохо. Оружие – винтовки и шашки в добротных ножнах – были изящны и олицетворяли холодное совершенство металла.

Нет слов, красива форма и оружие имперской армии. А как прекрасны господа офицеры-дворяне в парадных мундирах, на боевых конях! Какой благородный облик! Лично у меня рука не поднялась бы стрелять в них!

Говорят, красота спасет мир.

Но эта красота разрушала, уничтожала его.

Сейчас же, на старости лет, думаю, что мир спасет не красота, а доброта! Доброта создателя, доброта людей! А красота способствует пробуждению в душах людских чувства доброты! Посмотрите, как красиво создан боевой самолет! А ракеты? Как красиво летят они высоко в небе над зем-

лей, над океаном! Но они несут смерть! Ну, кажется, немного увлекся, задавая вечные как мир вопросы, чего не следует делать, если хочешь жить спокойно и счастливо. Словоблудие в облачении псевдомудрости угнетает, высасывая из человека жизненные соки. Такое мудрое изречение: «Век живи – век учись!», наверное, как раз про меня! Видать, поэтому я еще не выжил из ума!

Итак, отряд прекрасных воинов красиво вошел в наш аул.

Их было всего шестеро, но для нас они были большой силой. Мы встретили незваных гостей по-доброму. Но вооруженному отряду беляков не очень-то нужна была наша доброжелательность, и они вели себя хоть и спокойно, но властно, по-хозяйски.

Мы быстро зарезали жирного барана, приготовили мясо и стали угощать непрошенных грозных гостей чем могли. Малай ата, подмигнув мне, достал из сундука пару бутылей самогона. Под руководством моей матери Батимы женщины нашего рода накрыли богатый дастархан – стол. Горячие баурсаки – оладьи, куймак – блины, каймак – сметана, курт – сушеный творог, айран – ряженка, кумыс – кобылье молоко, масло сливочное, творог, красный и белый – все лучшие казахские угощения оказались на столе. Голодным офицерам особо понравились горячие баурсаки со сметаной, и они, довольные, похвалили наших хозяек. Мы облегченно вздохнули.

Вскоре подали мясо – свежую баранину, и воины, изможденные долгим походом и недоеданием, взялись за дело всерьез. Когда все поели досыта и изрядно выпили, красавец-капитан попросил спеть степную песню. Просьба гостя – закон для степняка, а просьба вооруженных гостей тем более. Но среди нас певунов не оказалось, и Малай ата, погладив белую в пояс бороду заскорузлой рукой, затянул старинную песню «Елим-ай!» – «О, страна моя!». Эта песня родилась во времена джунгарских нашествий, в годину великого бедствия «Актабан шубырынды, Алкаколь сулама», всенародной трагедии, когда многие казахи погибли после внезапного нападения полчищ джунгаров, а выжившие вынуждены были спасаться бегством. Пел Малай ата, соблюдая ритм, тихим трогательным голосом, четко выго-

варивая каждое слово. Он пел о жестоком времени, о потерянном счастье и мире, повторяя проникновенно: «Елим-ай, елим-ай!» – «О, страна моя! О, народ мой!». Русские, кажется, почувствовали трагизм песни. Когда Малай ата закончил песню, они покачали головами, молча переглянулись. И тут неожиданно капитан затянул песню. Он начал тихо, растягивая слова под грустную мелодию. До сих пор помню, эта была песня о родном очаге, о семейном уюте и счастье. Певец постепенно распевался во всю ширь и высоту своего чудного голоса, стараясь донести всю щемящую боль, сокрытую в песне.

Да, прекрасный был голос, хоть и вражеский.

Чужая, но чудная песня тронула нас, да и слова были проникновенными. Я тогда впервые подумал, что русские тоже страдают, тоскуют по родному дому! А то мне казалось, что они всю жизнь бродят по чужбинам с ружьем, уничтожая и унижая местный народ. Но тогда зачем они здесь? Почему рыскают по нашим степям, сея ужас и смерть? Все-таки они не по своей воле покинули дома. Тогда что двигает ими, кто играет судьбами? Эта мысль отвлекла на миг от застолья, и я очнулся, когда капитан закончил свою песню.

Беляки заплодировали, выпили за здоровье капитана-певуна, прокричав несколько раз «Гип-гип, ура!». Развеселившийся хмельной капитан вдруг спросил у меня:

– А разве нет в ауле девушек, способных спеть вместе с нами? Или вы, хитрецы, спрятали их всех, а?!

Отвертеться было невозможно, оставить без ответа – опасно. И мы были вынуждены пригласить Халилю.

Младшая сестра Халилия была красавицей. Когда она заходила в юрту, казалось, вокруг становилось светлее. Юная, цветущая девушка виртуозно играла на домбре и соловьем заливалась, когда пела. Ее голос завораживал слушателей, а одухотворенное лицо очаровывало неземным светом. В моменты вдохновения Халилия играла на домбре пальцами ног.

В тот злополучный день мы пожелали, чтобы Халилия спела песни нашим непрошеным опасным гостям. Подчинились «просьбе» гостей, но, с другой стороны, хотелось показать царским офицерам – их благородию – нашу культуру,

мы надеялись, что наши песни тронут их сердца, и они будут благосклонны к нашему роду.

Халилия сыграла несколько кюев – степных симфоний. Офицеры были в восторге. Она спела несколько песен, и в самом конце спела песню-реквием «Темиртас» нашего предка Биржан-сала. До сих пор помню ее голос и лицо, одухотворенное и прекрасное.

Капитан и Халилия начали петь поочередно, как бы соревнуясь; споев наша сестра одну казахскую песню, офицер отвечает ей русской песней.

Лица господ офицеров просветлели, в глазах заиграли добрые искорки. Они хором затянули такие песни, о существовании которых мы и не подозревали. На миг даже забыли о нашем смутном времени, о том, что поющие офицеры – наши враги, готовые в любой момент перестрелять весь аул.

Когда вдохновенная Халилия сыграла на домбре мелодию только что услышанной русской песни, офицеры закричали «браво!» во весь голос и выпили за ее здоровье и талант. Особенно радовался красавец-капитан. Я заметил, как он смотрел на Халилию.

Песня – вестник любви. От любви рождается песня, но и песня может пробудить любовь.

Я переглянулся с Малай ата и понял, какую оплошность мы допустили. Надо было прятать свою красавицу от непрощенных вооруженных гостей! Раньше так и делали, а в этот раз что-то нашло на нас. Кажется, мы были наказаны за наше желание похвастаться перед иноземцами!

Отряд внезапно уехал ранним утром, не простившись ни с кем. Они забрали много еды, все, что им нужно было. Забрали они и младшую сестру Халилию!

Аул был в растерянности. Мать рыдала, обняв меня. Я, стиснув зубы, старался успокоить ее.

И тут в аул приехал Салим! Увидев его, я заволновался. Мать зарыдала пуще прежнего. Малай ата вкратце рассказал ему о случившемся. Салим вспыхнул, глаза загорелись гневным огнем.

Малай ата не смог нас отговорить от погони, только напутствовал не вступать в бой и решить вопрос переговорами.

– Не берите с собой оружия, это бесполезно! Поговорите по-человечески, пристыдите, если получится! Только совесть и справедливость может помочь вам!

По дороге Салим рассказал, что он приехал в аул, чтобы навестить мать и родных. Там, в алашордынском полку, пока все тихо, и он отпросился у своих командиров. Из рассказа Салима я понял, что дела у алашордынцев тоже не важны. И красные, и белые относились к ним с недоверием, временами даже враждебно. У алашордынцев военной силы было мало, испытывали острую нехватку оружия и боеприпасов. Свою винтовку Салим оставил боевому другу, так как у того вовсе не было ружья.

– Винтовка у меня – во! В бою нескольких беляков уничтожил из нее! Даже офицера-казаха убил!

Я закричал на брата:

– Как ты посмел стрелять в своих!?

Салим посмотрел на меня удивленно.

– Он не свой! Он белый офицер!

– Какой белый, какой красный? Он казах, наш брат!

– А по мне он был враг! У него в руках был револьвер, и он стрелял в меня! И если бы я не убил его, то он убил бы меня! Ты этого хочешь?

На это мне нечего было ответить. Эта философия навязана нам абсолютно чужой властью – царской тиранией и диктатурой пролетариата. Чужой путь, чужая революция привела к тому, что казахи начали уничтожать друг друга.

– Все казахи – братья! – тихо прошептал я сокрушенно. – У нас одна кровь, и это важнее цвета флагов! Не важно, красный или белый, богатый или бедный, какого рода или края, казах для казаха – всегда есть брат!

Воинственный Салим притих и сильно загрустил.

– Казахи редко убивали друг друга даже во времена межродовых стычек. В междоусобицах они в основном применяли соил и старались не бить по голове противника. Удары приходились по коленям, по щиколотке и предплечью. Этого было достаточно, чтобы противник слетал с коня.

Салим был истый казах и не возражал старшему брату. Он всегда неукоснительно соблюдал неписанный нравственный кодекс кочевников.

– Да, понимаю тебя, – смягчил я тон. – Время такое. Брат пошел на брата с оружием. Но нельзя же все валить на время. Нас ведь и так мало и мы не должны стрелять друг в друга!

– Ты прав, Асанбай! – примирительным тоном произнес Салим. – Но не все зависит от нас!

Я промолчал, осознавая и его правоту.

Салим был феноменальным стрелком от природы – кол-мерген – верная, меткая рука. Он просто вскидывал винтовку или револьвер и, не целясь, попадал в ухо убегающей лисицы. Причем мог стрелять в любую сторону, не глядя, а его пуля, направленная верной рукой, как будто сама находила цель. Он был немного ниже среднего роста, сухой, жилистый и ужасно стремительный. Несмотря на маленький рост и легкий вес, обладал недюжинной силой. Его самым выдающимся качеством, после меткости, была, наверное, ловкость. На полном скаку вытворял такие трюки на коне, что им любовались даже враги. Его философия воина была страшной, но прагматичной. Он всегда говорил в духе своего кровавого времени, внося свои коррективы. «Кто не с нами, тот против нас. А врага надо уничтожать, иначе он уничтожит тебя. Надо всегда стрелять первым! Война есть война!» Он отлично ориентировался днем по солнцу, а ночью по звездам в степи, был мастером маскировки. «Если заблудился в степи ночью, доверься всегда интуиции и своему коню. Отпусти поводья, дай волю лошади, и она приведет тебя куда нужно. А самая верная звезда Темирказык – Полярная звезда, всегда указывает путь строго на север!»

Салим был предан идеям Алашорды и был бескомпромиссным максималистом.

Мы догнали отряд белых через день, утром, на берегу степной реки Силети. Капитан встретил нас довольно дружелюбно.

– Ты прости нас! – сказал он твердо. – Такова жизнь!

Я попытался объяснить ему, что они попрали нашу честь, осквернили законы гостеприимства, перешагнули через наш дастархан. Нигде в мире нет обычая делать гадости людям, принявшим тебя с хлебом-солью. Но белый офицер был невозмутим.

– Послушай! Мы не какой-нибудь сброд, банда. Мы офицеры Белого царя, и взяли от его подданных то, что нам

необходимо! – чеканил каждое слово он. – Поэтому, возьми за свою сестру вознаграждение, по-вашему калым, и расстанемся с миром!

Только теперь я понял, что мы по молодости, в состоянии нервного возбуждения опрометчиво пустились в погоню. Думали, что сможем пристыдить их и вернуть сестру. Холодный блеск винтовок и лязг стальных сабель быстро отрезвили меня.

Он положил передо мной револьвер.

– Это, наверное, самый лучший калым в наше смутное время! – сказал он. – Патронов больше дать не могу, сами понимаете, в степи нет склада!

Я почувствовал, как кровь ударила в голову, и готов был растерзать капитана. Удерживало только численное превосходство и огнестрельное оружие.

– Значит, вы можете вот так запросто забирать и насиловать наших сестер?

– Нет, не так! Нравится мне твоя сестра, очень нравится. Боюсь, что влюбился в нее! И она меня, кажется, тоже любит! Это было неожиданное заявление, и я растерялся.

Салим включился вовремя. Он незаметно ткнул меня в бок, и стал рассматривать револьвер. При этом он цокал языком и тарачил глаза подобно вождю племени семинолов, обменивающего золото на оружие у бледнолицых. На своем ломаном русском он начал расспрашивать офицера об устройстве револьвера. Тот обрадовался наивности Салима и начал охотно объяснять ему азы обращения с шестизарядным револьвером системы наган – алтыатар и пятизарядной винтовкой – бесатар. Тому этого и нужно было, и Салим, превратившись из грозного мстителя в послушного юнца, внимал каждому слову офицера. Беляки, напряженно следившие за нами, наконец расслабились и даже начали смеяться наивным вопросам простодушного степняка Салима о возможностях железной трубки – ствола и свинцового кумалака – бараньего помета – пули. Особый интерес вызвал его вопрос о том, сколько врагов можно нанизать на одну пулю и влияет ли на это толщина целей? То есть, кого легче прострелить насквозь – толстяка или худяка, богача или бедняка? Сначала офицеры захохотали, но затем начали

жарко спорить. А действительно, скольких можно пристрелить одним выстрелом?!

Все шестеро беляков собрались возле Салима и начали, подтрунивая, объяснять хитрости стрелкового дела. Салим поддакивал им, одно за другим осматривая и примеряя их оружие.

Я попросил капитана дать мне поговорить с сестрой. Иного выхода не было.

Его благородие указал рукой в сторону реки.

Халилия встретила меня среди кустарника на берегу. Я не поверил своим глазам – она изменилась до неузнаваемости. От ее обаяния и следа не осталось.

Она категорически отказалась ехать обратно в аул.

– Оставьте меня с ним или убейте! Как я, опозоренная, могу теперь показаться людям!

Она зарыдала, закрыв лицо руками. Обняв ее, я старался успокоить, говорил искренние братские слова.

И в это время прогремели выстрелы. Я даже не успел сообразить, что к чему, а выстрелы молниеносно следовали друг за другом. Когда наконец-то оглянулся, пятеро беляков лежали на земле. Они были убиты наповал меткими выстрелами верной руки Салима. В обеих руках он держал по револьверу, направленному на капитана. Тот стоял неподвижно ни живой, ни мертвый.

Мы с сестрой подбежали к ним. Салим был страшно бледен, скрипел зубами и сверлил налитыми кровью глазами офицера.

Халилия зарыдала.

– Это не честно! – проговорил капитан.

– А что, по-твоему, честно? – взорвался Салим. – То, что вы пришли в нашу страну, в наш дом с оружием? Вырезали целые роды, насильовали наших женщин, выжигали аулы, честно и справедливо, по-вашему, а? Так отвечай, собака!

– За такие слова мы вызывали на дуэль и стрелялись за свою честь! Но откуда вам, дикарям, понять это? Наверное, у вас нет даже понятия чести?!

Салим резко приставил к голове капитана оба револьвера. Тот умолк, стал еще бледнее, но держался достойно. Я

замер в ожидании выстрела. Но тут Халилия с душераздирающим криком бросилась к Салиму.

– Стой! Остановись, брат! Или убей меня вместе с ним!

Мы обомлели от ее слов.

– Что, объятие царского офицера дороже родного очага?! – диким голосом закричал Салим.

– Нет! Но у меня нет выбора! Либо стану его женой, либо...

Салим не дал ей договорить. Он закричал в ярости:

– Заткнись! Как ты смеешь говорить такое! Я не позволю чужеродцу забрать тебя!

Салим силой оттолкнул ее, и Халилия, отлетев на несколько метров, упала и застыла. Она рыдала, обнимая землю. Я не выдержал и направился было к ней, чтобы утешить, но слова Салима остановили меня.

– Ну, что же, ваше поганое благородие... Будем стреляться?

Салим злобно посмотрел на офицера и бросил ему револьвер. Тот налету схватил за рукоятку револьвер твердой рукой.

Салим повернулся и начал отсчитывать шаги. Халилия вскочила и бросилась за ним, слезно умоляя остановиться.

– Зачем проливать кровь? Подставлять себя под пули? Лучше отпусти нас с миром, Салим!

Салим, не оборачиваясь, шагал дальше, продолжая громко считать. Сестра, всхлипывая, упала опять и осталась лежать на земле ничком. Отсчитав тридцать шагов, брат остановился и повернулся к нам. Офицер был уже готов к стрельбе.

– Махни шашкой! – крикнул мне Салим.

Я хотел что-то сказать, попытаться остановить брата, но по его виду понял, что ничего изменить нельзя.

Не по своей воле став секундантом, занял позицию между стрелками. Офицер, судя по стойке и выдержке, был хорошим дуэлянтом. А Салим никогда не участвовал в дуэлях.

Противники приготовились.

Я махнул офицерской шашкой.

Прозвучал выстрел.

Один выстрел.

Сначала я посмотрел в сторону брата. Он спокойно стоял на месте, держа револьвер на весу. Повернувшись в другую сторону, увидел капитана, лежащего на ковыльной земле. Когда мы подошли ближе, увидели, что его голова прострелена насквозь.

Халилия лежала неподвижно. Она была без сознания.

Мы наспех уложили тела беляков в кучу и кое-как присыпали их землей. Забрали все оружие – шесть винтовок и семь револьверов с патронами, шашки, кинжалы, все походные предметы, конские сбруи и прочие вещи.

С трудом нам удалось привести в чувства сестренку. Посадили ее на лошадь и тихо двинулись. Она не сопротивлялась, только всю дорогу тихо напевала грустные мелодии.

Вскоре наступила ночь, и мы остановились на ночлег. Перекусив остатками пищи в коржунах – кожаных сумках, мы крепко заснули.

Вдруг ночную тишину прорезал громкий выстрел. Мы вскочили и приготовились к обороне. И тут я еще раз убедился, что Салим настоящий степной волк. Пока я шарился в поисках винтовки, он уже лежал готовый к стрельбе. Но никакого врага не было видно, и мы успокоились немного и стали искать сестру.

Халилия была мертва.

Да, она застрелилась, и до сих пор не нахожу объяснения ее поступку. Почему? Зачем она это сделала? То ли не выдержала ее юная, чистая душа насилия жестокого времени? Или решила смыть позор своей кровью? А может... Этого ответа я боялся. А может, она полюбила этого офицера, врага нашего народа? И не могла жить без него? Нет, нет, не может быть этого! Она же знает, что он уничтожал и унижал ее соплеменников! Не могла она полюбить его!

Или все же могла?

Весь наш род, вся округа оплакивала юную Халилию. Особенно тяжело переживала это горе наша мать. До сих пор звучит в моих ушах ее плач. Похоронив сестру, еще долгое время не могли прийти в себя. Половину трофейного оружия забрал с собой Салим для своих боевых друзей, а остальным мы вооружили пожилых мужчин и самых старших юнцов.

Это беспокойное время вынуждало Салима участвовать в жестоких и коварных играх, и воинственный, хитроумный

брат вступал то в героическую схватку, то в сомнительный союз. Он не мог спокойно сидеть дома недельку-другую. Поворот событий неумолимо втягивал его, а он даже не старался избежать столкновений, как, например, я, а наоборот, сам рвался в гущу кровавых событий. Он был одним из лучших стрелков казахского кавалерийского полка Алашорды. Вольный, гордый потомок кочевников – номадов терпеть не мог чьей бы то ни было власти над собой. Я сильно беспокоился за него и как мог остерегал, а он только усмехался и отвечал:

– Берегите себя, ага – старший брат! А Салим за себя постоит!

Он все реже и реже стал навещать родной очаг, и наконец исчез бесследно!

Осенью двадцатого года погиб и Малай ата. Однажды я выехал в степь, чтобы пригнать скот поближе к аулу. Когда вернулся на следующий день, застал сородичей в трауре.

Женщины, рыдая, рассказывали, как все это произошло. Оказывается, отряд беляков нагрянул в аул неожиданно. Малай ата встретил их. Но они были сытыми и изрядно в подпитии, поэтому не приняли приглашения в юрту. Враждебно настроенные, пригрозили старцу и всем женщинам, что за укрывание красных или сочувствие им сожгут аул. Убедившись, что в юртах нет никого из красных, основательно выматерившись, собирались было уехать.

Но тут пьяный есаул, из местных казаков, станичник, гарцуя на коне, поспорил с царским офицером на бутылку водки. Вот, мол, посмотрите на точность и силу удара рубачки-удальца и оцените остроту казачьей шашки. И он велел старику Малаю бежать в степь. Ежели он, есаул, на полном скаку, догнав его, промахнется, то есть, с одного раза не рассечет надвое, то оставит старика и аул в покое. А если старец не согласится, то просто разрубит на месте и перебьет всех аульчан. Выхода не было, и семидесятидвухлетний Малай ата побежал, как мог, а есаул с гиком поскакал за ним. Догнав в два счета старца, он рубанул острой шашкой со всего размаха. Но старый кочевник, проведенный в молодости немало боев на коне, в момент удара кувыркнулся по земле. Шашка просвистела по воздуху, и раздосадованный станичник

еле развернул разгоряченного коня. Беяки заплодировали белобородому старцу и начали подтрунивать над незадачливым есаулом. Все перевели дух с облегчением. Отряд уже отъезжал, и тут неожиданно для всех взбешенный есаул полоснул шашкой по седой голове Малай ата. Хлынула алая кровь, потекла по белой бороде. Старец упал замертво, не издав ни звука. Беяки осуждающе посмотрели на есаула, а тот, пришпорив коня, дико завизжал и понесся всю прыть. Женщины с воплем бросились к телу и начали громко оплакивать любимого всеми деда.

Похоронили Малай ата по обычаю наших предков.

Как же нам хотелось отомстить за смерть нашего любимого деда, но не было у нас таких возможностей.

Мы еще некоторое время, пока не завершилась гражданская война, жили в тех краях.

Однажды я собирал лошадей, коров, овец и коз нашего аула посреди койтасов. Вдруг из-за огромных камней выскочили несколько красноармейцев и направили на меня винтовки.

– Стой! Ни с места!

– Руки вверх!

Я был ошарашен и поднял руки. Моя покорность немного успокоила их.

– Так ты за белых или за красных? Бедняк или богач?

– Какой бедняк? – возразил второй. – Столько скота! Да он куркуль настоящий!

– За тех, за кого и вы! – попытался я выкрутиться.

– Ах ты, курва! Калбит окаянный! Мы должны тебя ликвидировать как классового врага!

И они расхохотались.

– Что вам нужно? Моя кровь или скот? – спросил я, пытаюсь договориться, и указал на тихо удаляющихся животных. Но их интересовала не это.

– Не обижайся – время обязывает! Ну, выбирай сам свою участь!

Старший из них вытащил из кармана брюк медный пятак и предложил:

– Вот, сейчас брошу монетку вверх. Если выпадет орел, значит, ты ни за кого. Но отпустить тебя не можем. Сам по-

нимаешь, время военное. Кто знает, побежишь и приведешь беляков, а? Мы тебя живого-невредимого привяжем к этому камню и оставим. Там пусть судьба решает! Может, подберут сородичи или разорвут волки и шакалы. А если выпадет решка, значит, ты – наш враг! Тогда не обессудь – расстреляем на месте!

Доказывать что-то, тем более спорить, было бесполезно. На душе было спокойно, чувствовал, что пока не пришло мое время. Про себя помолился Всевышнему и призвал на помощь аруахов – духов предков. Старшой демонстративно высоко кинул монетку. Она, красиво сверкнув на солнце, прокрутилась в воздухе и упала на траву. Мы с красноармейцем почти одновременно бросились к ней.

Решка!

Стало страшно.

– Ну, вот, сама судьба вынесла приговор! Мы тут ни при чем! Пошли! – сухо произнес старшой.

Они повели меня в центр койтасов – каменных баранов. Я еле переставлял ноги.

Красноармейцы рассказывали пошлые анекдоты и хохотали вовсю. Самоуверенных строителей новой жизни на обломках старого мира и на костях людских ничуть не волновало, что они ведут человека на смерть.

Вдруг краем глаз заметил, что в нашу сторону едут несколько всадников. «Может, наши? Или беляки?» – промелькнуло в голове. Но в следующий миг понял, что эти тоже красные.

Двое красноармейцев остановились, а двое отвели меня к каменной глыбе и хотели поставить на колени. Но я твердо решил умереть с достоинством, стоя и глядя на своих врагов. Вырвался из их рук, повернулся к ним лицом и поднял голову. Про себя помолился аллаху, прошептал калима – «Ля илляха илля аллах, Мухаммед расул аллах!» и стал ждать смерти.

Но умирать не хотелось, ведь жизнь только начиналась!

Всадники пустились галопом. «Наверное, не хотят упустить такое зрелище!» – подумал я.

Мои палачи переглянулись. Лица их посуровели, и стали они похожи на самых настоящих убийц. Тоненькая надежда на спасение вмиг оборвалась. Красноармейцы

злились – стрелять в человека, смотрящего прямо на них, было делом неприятным. Они показывали жестом, мол, отвернись и опустишь на колени. Но я продолжал стоять и смотреть им в глаза.

– Готовь!

Команда прозвучала сухо и жестко. Трое быстро вскинули ружья и начали целиться. Глядя в отверстия нацеленных на меня стволов, я мысленно простился с белым светом.

И тут прозвучала резкая команда.

– Отставить!

Красноармейцы опустили винтовки и вытянулись в струнку.

Напряжение было столь велико, что я чуть не упал на землю и только невероятной силой воли удержался на ногах.

Отдал приказ всадник, прибывший первым. Он пристально посмотрел на меня и воскликнул:

– Асан! Асан! Ты же Асанбай, сын Аманжоло! – Соскочив с коня, он обнял меня. – Ты че, Асанбай, тамыра не признаешь? Я же сын Майдайкина, Тимофей!

Мы обнялись. Это было спасение.

– Вы что, красноармейцы-комсомольцы? Друзей от врагов не отличаете? Это наш человек! Прошу любить и жаловать! – заявил Майдайкин тоном, не допускающим возражений.

Так неожиданно изменилась моя жизнь. Тимофей Майдайкин, командир Красной Армии, сын тамыра моего отца, не только спас от смерти, но и перетянул на сторону красных. У меня не оставалось иного выхода – волевое решение железного командира и стечение обстоятельств принудили примкнуть к советской власти.

Майдайкин, со свойственной командиру решимостью, отправил меня на учебу.

– Хватит воевать! Будь реалистом! Настало новое время! И надо дружить с новой властью! – говорил он резко и отрывисто. – Иначе... – Он многозначительно умолк и после паузы продолжил уже более спокойно: – Никому ни слова о своих мечтаниях и душевных волнениях! Советской власти нужны учителя. Вот, иди, учись и просвещай свой народ о справедливости социализма!

Я искренне поблагодарил его за все.

– Это вашему отцу спасибо! Мы помним добро! – Он улыбнулся на прощание. – Учить детей – дело благородное, тамыр! Запомни это на всю жизнь! Мы еще увидимся и будем вместе строить новую жизнь!

По его рекомендации я прошел краткий курс обучения в области и стал учителем. В то время профессия учителя ценилась очень высоко. Детей благословляли старшие: «Будь учителем!» Для нашего народа учителя были просто необходимы. А еще это было мое призвание. Учить детей грамоте и письму, просвещать свой народ было самым благородным делом того времени.

Потихоньку налаживалась мирная жизнь. Старое забывалось, новое манило вперед. И хотя я не очень-то разделял лозунги Советов, деваться было некуда. В эти относительно спокойные годы люди жили, трудились и растили новое советское поколение.

Когда мне исполнилось двадцать пять лет, я женился. Вернее, меня женили. Звали мою жену Халима, она происходила из рода аргын, караул. Наши родители давным-давно, еще когда мне было семь лет, а моя будущая жена еще качалась в колыбели, посватались, и наша судьба была предрешена! Степной закон был суровым, но мудрым. Родители знали друг друга, знали род, происхождение, и по обоюдному согласию решили кровно породниться. Естественно, нас об этом даже не спросили.

Мой отец Аманжол отдал калым – выкуп за невесту полностью – сорок семь голов скота, как того требует обычай кочевников.

До сих пор вспоминается, как прекрасный сон, наше первое свидание с невестой. Было лето, степь расцвела, и аромат буйных трав и нежных цветов щекотали нос, с каждым вдохом наполняя грудь могучей энергетикой дикой природы, а трель птиц и песни кузнечиков ласкали слух. По обычаю, я с несколькими друзьями посетил аул невесты.

Вечером молодежь аула устроили в нашу честь алтыбакан – качели на шести шестах. Мы с Халимой сели на веревочные качели друг против друга, упершись ногами о веревку посередине, и нас стали раскачивать парень и девушка все

сильнее и сильнее, а мы пели песни о любви и о верности, о счастливой жизни. Мы взлетали, как нам казалось, аж до луны и спускались так быстро вниз, что дух захватывало и слегка кружилась голова, то ли от качки, то ли от счастья! Когда совсем стемнело, объявили об игре аксуйек – белая кость! Суть игры была такова: заводила бросает ак суйек – белую кость животного как можно дальше. И вся молодежь бросается на поиски этой кости. Но все только делают вид, что ищут кость, а на самом деле это лишь повод для уединения влюбленных! Некоторые парочки иногда ищут белую кость до полуночи!

Мы с Халимой тоже долго искали аксуйек – белую кость, и «заблудились» надолго. Это было наше первое свидание...

А через неделю мы поженились. Шел тысяча девятьсот двадцать пятый год.

Мы тихо, мирно жили в городе Степняке.

Линия истребления

В середине двадцатых годов первым секретарем Краевого комитета коммунистической партии большевиков Казахстана стал Филипп Исаевич Голощекин. Первый секретарь практически был хозяином республики.

В народе ходили слухи, что он еврей, и его зовут на самом деле Шая Ицкович. И еще шептали друг другу на ухо, что он, Филипп Исаевич Голощекин – Шая Ицкович, застрелил русского царя Николая Второго.

Никто не знал, что было у него на уме, когда он приехал в Казахстан и с каким напутствием направляли его из ЦК. Но, взяв власть в свои руки, он совершил в Казахстане одно из самых чудовищных политических преступлений, каких не знала еще мировая история.

Сказывает народ, что приехав в Казахстан, он был крайне удивлен положением дел в республике: в степи паслось много скота, да и народу жилось неплохо. Казалось, что революция и, как итог, разрушения и голод не коснулись этой земли.

Местные политические деятели ему объясняли, что казахи – кочевой народ и испокон веков скот – это их главный источник питания и транспорт! Но первый секретарь крайкома думал иначе. Он считал, что в Советской стране нет кочевников, все теперь стали оседлыми людьми! И жить они должны по-советски! А несколько десятков и даже сотен голов скота на один двор это как-то не по-нашенски, не по-революционному как-то... Тут буржуазией пахнет!

Ему возражали, доказывали, что несколько десятков или сотен голов на один двор – это необходимый прожиточный минимум, а не богатство! Для пропитания, для обмена на товары, для сохранения и прироста поголовья! По степным меркам эти люди считаются бедняками... В лучшем случае середняками!

Но секретарь упорно настаивал на своем. Он говорил, что по советским меркам они есть буржуи, кулаки, куркули!

Вот если бы раскулачить, конфисковать богатство, а этих... так сказать, бедняков и середняков срочно объединить в колхозы и артели, вот тогда они и станут настоящим классом бедных! А весь их скот собрать в одном колхозе! Представьте, какое это богатство, какой потенциал! Все планы разом перевыполнили бы!

– Но это чревато! – пытались вразумить пришлого начальника люди. – Чем будет жить народ? Надо учитывать особенности степного бытия, местный уклад жизни! Если казахи останутся без скота – они могут погибнуть от голода!

Крайком удивлялся: как так? Живут же другие народы совершенно без скота, и нормально!

Напрасно убеждали его, что казахи – кочевой народ, потомственные скотоводы. Они вели этот образ жизни тысячелетиями! И резкое изменение условий жизни могут привести к катастрофе.

Тут крайком ударился в другую крайность:

– Советская власть, коммунистическая партия заботится о казахском народе! Мое убеждение – в Казахстане необходимо провести революцию! Малый Октябрь, так сказать! Усиление классовой борьбы – необходимость социалистического развития! Мы приняли решение провести немедленную конфискацию имущества богатых, а самих их выслать из республики, ускорить коллективизацию! Я написал письмо товарищу Сталину о необходимости проведения второй, малой Октябрьской революции в Казахстане, и товарищ Сталин одобрил, поддержал эту идею! Более того, товарищ Сталин собственноручно подписал, завизировал, что это единственно верное решение! Ясно?!. Или вы против такого решения? А-а? Против меня? А может, против Сталина? А-а?

Тут уже многие умолкли. Но оставались герои, которые стояли до конца и активно возражали: речь идет о судьбе всего народа. Как бы перегиба не получилось... не пострадали бы невинные люди!

На что Голощекин, участвовавший в казни и собственноручно стрелявший в русского царя Николая Второго и его детей, безжалостно ответил:

– А революции без жертв не бывает!.. Конечно, стараемся не допустить перегиба, но слабинку давать тоже не

советую! Так что, вперед, начинаем великое дело – Малый Октябрь!

И пошло-поехало! Своих противников, пользуясь поддержкой ЦК, он потихоньку усмирил, а особо непокорных просто уничтожал физически. До сих пор окутана тайной гибель политически пронизательного, молодого, феноменально одаренного и отчаянно смелого патриота казахского народа, самого яростного противника сумасбродной политики Голощекина Смагула Садвакасова, которого вызвали на работу в Москву, а затем тихо отравили. В начале тридцатых годов прошла волна репрессий – многих известных и неугодных лиц отправили в ссылку, посадили в тюрьмы, а часть из них расстреляли по приговору скорого суда.

Таким образом, усилив свою позицию, распоясавшийся Голощекин приступил к осуществлению кровавого плана – второй социалистической революции в степи под названием Малый Октябрь, практически уничтоживший большую часть казахского народа!

Конфискацию у казахских баев – богатых начали повсеместно, и политическое руководство страны позаботилось, чтобы в этом деле приняли активное участие казахские партийно-советские активисты и неимущий класс.

Самое ужасное, беднота искренне верила в то, что богатые люди – плохие люди, и надо их уничтожить! Это долг каждого. И если их уничтожить полностью, то настанет всеобщее благоденствие.

И бедные люди сели на коней.

Конфискация в двадцать девятом году шла полным ходом и под нее попадали даже середняки. Баев всей семьей высылали в итжеккен – туда, где запрягают собак, в Сибирь. Я присутствовал однажды при раскулачивании крупного бая нашего рода аксары акымбет кереев Кенесбая. О его богатстве ходили легенды. Сказывали, что однажды, когда Кенесбай скакал в степи, ему встретились всадники, перегонявшие табун лошадей в сторону Омска для продажи на базаре.

– Не рановато ли на базар? Там сейчас цены невысокие, ведь лошади еще не набрали нужный жир, – говорит Кенесбай, быстро оценив наметанным глазом кочевника состояние табуна.

Те отвечают:

– Да, но нам позарез нужны деньги!

– Тогда продайте их мне за ту же цену, какую дают сейчас на базаре!

Путники с радостью соглашались, так как до Омска еще несколько сот верст, и, продав коней, они выиграют столько времени. Тогда Кенесбай вытаскивает из-под седла мешок с деньгами и расплачивается тут же, в степи, за четыреста голов лошадей! Подумать только, если у него под седлом столько денег, сколько же их дома, в сундуке?!

Он каждый год раздавал своим сородичам согым – лошадей для забоя на зиму. Весь его аул, можно сказать, работал на него – пас скот, но и жил за счет этого скота. Никто не голодал благодаря ему. И вот, пришла пора прощаться. Тяжелая была эта картина! Вооруженные конвоиры никого близко не подпускали к баю и его женам. Испуганные дети молча прятались за подолами матерей. Кенесбаю разрешили запрячь коня в телегу-арбу и погрузить домашний скarb – предметы первой необходимости. И это все! Бай и его домочадцы сели в телегу под присмотром вооруженных конвоиров молча. Все происходило в полной тишине, и от этого становилось еще тяжелее. Некогда могущественному баю даже не дали слова на прощание сказать. Люди тихо бормотали: кош бол! – прощайте! На что бай отвечал кивком головы. Женщины всхлипывали.

Представитель советской власти обвел строгим взглядом разношерстную толпу.

– Ну, что? Жалко вам бая? Да он же угнетатель, кровосос! Столько лет сидел на вашем горбу! Все это богатство, весь его скот теперь принадлежит вам. По закону! Так что радоваться надо, братья бедняки, что советская власть и партия большевиков избавляет вас от таких эксплуататоров трудового народа! Справедливость восторжествовала! Теперь его место в Сибири! Туда ему и дорога! А ну, марш!

Гарцуя на высоком жеребце, представитель власти махнул камчой-кнутом, со свистом рассекая воздух, и телега тронулась в путь. Аул молча провожал в последнее кочевье достопочтенного бая. Лишь телега Кенесбая размеренно скрипела, увозя его и семью в неизвестность.

А затем весь его скот, тысячи голов лошадей и коров, баранов и коз, советские сотрудники угнали неизвестно куда. Сказывали, на мясокомбинат, для нужд страны.

Степь, казалось, опустела. Никто тогда толком не понимал смысла такой политики. Но раскулачивание и высылка баев-богачей не всегда шла гладко. Узункулак – длинное ухо – степной телеграф разносил тревожные вести. Бывали стычки между родовитыми кланами и конфискаторами, погибали люди. Во многих уголках степи вспыхнули восстания.

До нас дошли слухи о том, что наш брат Салим примкнул к восставшим и активно воюет против произвола советской власти. Это было очень опасно, и мы жили в постоянной тревоге.

После конфискации и ускоренной коллективизации начался сбор продовольственного налога. Такое задание спустили сверху.

– В первую очередь надо выполнить и перевыполнить план по сдаче хлеба, мяса и других продуктов Центру!

И пошло-поехало. На местах старались беспрекословно исполнить установку властей. Печально известный в истории уран – клич того времени: «Асыра сілтеу болмасын, аша туяк калмасын!» – «Не допустить перегиба – не оставить ни одного парнокопытного!» гремел на всю степь, безжалостно обдирая народ без разбора.

Продналоговцы, предводимые шолак бельсенды – горе-активистами рыскали, как голодные стаи волков по степи, переворачивая все вверх дном в казахских мирных аулах. Они требовали с каждым разом все больше и больше продуктов, забирая весь зимний запас населения до последнего зернышка, до последнего куска мяса! Успокаивали взроптавших: вот, мол, выполним план продовольственного налога, а потом советская власть будет обеспечивать продуктами всех! Люди наивно верили в это, а кто посмел сопротивляться, арестовали, затем судили как противника рабоче-крестьянской власти, а иногда просто подвергали всяческим телесным наказаниям.

Шолак бельсенды – горе-активисты были настоящим бичем казахов. Ими управляла железная рука кремлевских диктаторов и краевых комиссаров. А простым людям казалось,

что всю эту политику уничтожения народа ведут сами активисты. Но нет, эти безумцы шолок бельсенды были просто эффективным орудием в руках настоящих вершителей беззакония и геноцида. «Вот, смотрите, мол, сами казахи уничтожают своих классовых врагов, устанавливая новый, справедливый мир! Мы тут ни при чем!»

Люди, попавшие в железные клещи продналоговцев и горе-активистов, рассказывали ужасающие истории. У них забирали буквально все: запасы продовольствия на зиму, забирали даже копченое мясо, сохраненное бережливыми хозяевами про запас. Некоторые закапывали зерно в землю, но ищейки с тонким нюхом находили подпольные хранилища, откапывали и забирали все до последнего зернышка. Да к тому же арестовывали хозяина и отдавали под суд за сокрытие урожая и уклонение от продналога. И бедняга получал лет десять тюрьмы, а то и больше, как саботажник и противник советской власти.

Очевидцы рассказывали, как осенью тридцать первого года пригнали скот со всей округи в районный центр Казгородок. Предполагалось, что мясо отправят на мясокомбинат, но он был не в состоянии вместить такое большое количество. Тогда навалили туши друг на друга, ожидая транспорта свыше, якобы для отправки в запасники Родины. Горы мяса через несколько дней начали портиться, окутав невыносимой вонью всю округу. Но людям, уже начинающим испытывать трудности от нехватки продовольствия, ни кусочка мяса не давали! Вооруженная охрана отгоняла проголодавшихся людей и собак злыми окриками, порою даже выстрелами! Так все мясо и сгнило!

В результате такой политики в Казахстане зимой тысяча девятьсот тридцать второго года начался жестокий массовый голод. Степь с древнейших времен, насколько помнит история, не переживала такую катастрофу, созданную человеческими руками.

Были случаи, рассказывали, когда целые семейства спаслись благодаря шкурам животных, оставленным продналоговцами за ненадобностью. Они разрезали сохранившиеся на морозе шкуры, обжигали их и варили долго. Вот тебе и бульон, и мясное блюдо!

Власти не очень охотно, но все-таки начали высылать в голодающую степь продовольственные отряды. Однажды в состав продотряда включили и меня.

Мы вдвоем с товарищем выехали на двух саях, загрузив их продуктами питания, почти неделю объезжали дальние аулы. Невозможно передать словами то, что мы видели в степи. Прямо на обочине дороги лежало много трупов людей, умерших от голода.

До сих пор стоит перед глазами страшная картина: мертвый человек, лежащий в овраге. Он был уже наполовину присыпан снегом и вмерз в снежный наст. Этот человек, кажется, боролся до конца, и ему до спасения не хватило всего каких-то двух шагов! Он лежал ничком, протянув правую руку вперед. Взгляд широко открытых глаз был направлен туда же. Так он и застыл. Мы посмотрели по направлению его руки и обомлели. В двух шагах лежал мертвый суслик. Человек из последних сил пытался достать его, и ему не хватило сил проползти еще немного! А если бы он съел суслика, может, и дошел бы до города!

Неподалеку мы увидели небольшой аул-зимовку. Приземистые мазанки казались подозрительно холодными – не было видно ни малейшего дымка. Нас охватила тревога, мы подхлестнули коней.

В ауле стояла мертвая тишина, не было видно следов. Пороги домов были покрыты снегом. Мы подумали, что люди ушли в город. Скорее с отчаянием, чем с надеждой мы попытались открыть дверь в первый дом. Она была заперта изнутри! Мы начали стучать, и стучали долго. Никто не откликнулся. Затем начали кричать во весь голос: «Эй, есть кто? Открывайте двери! Мы из района, привезли вам продукты!»

Аул молчал. Преодолев сильнейшую тревогу в душе, решились взломать первую дверь. Мы медленно вошли внутрь. В жуткой тишине было что-то пугающее – мы почувствовали дыхание смерти. В передней никого не было. Во внутренней комнате, в постели лежали трое – женщина и двое детей. Они были мертвы! Я с болью представил себе их живыми. Наверное, в предсмертный час мать обняла своих милых детей и уложила спать: «Постарайтесь уснуть и крепко поспать, а

когда проснетесь, придут к нам люди из района с обещанной помощью!»

Мы покинули мертвый аул потрясенными до глубины души. Морозный, чистый воздух немного привел нас в чувство. Сани скользили как по маслу, и тишину нарушал лишь хруст затвердевшего снега, ломающегося под подковами лошадей. Укутавшись в тулупы, ехали молча.

В тишине доехали до следующего аула. Благо, здесь были живые люди, но смотреть на них было страшно. Исхудавшие от голода, они уже потеряли надежду на спасение. Обрадованные нашим появлением, жадно набросились на хлеб. Мы кормили их малыми порциями. Так удалось спасти несколько семей.

Взбодрившись маленькой удачей, отдохнув денек в ауле, мы оставили часть продуктов им, пообещав забирать людей в город. И направились к самому крайнему поселению нашего района. Прибыли туда в полдень. Аул еще издали напугал нас тишиной. Ни одной живой души не встретилось нам. Осмотрели несколько домов – люди были мертвы. И вдруг послышался какой-то звук! Непонятный, еле уловимый, но звук живого существа! Мы с осторожностью пошли на звук. Наконец дошли до дома, откуда он был слышен более отчетливо – было похоже то ли на мычание коровы, то ли на рычание собаки. С превеликим напряжением открыли дверь и вошли в дом. Было темно, я осторожно отдернул штору...

То, что мы увидели, не поддается никакому описанию, и не вмещается ни в какие рамки человеческого разума! Девочка лет семи, полуголая, вся в грязи и крови, держала двумя руками руку малыша, которую оторвала от трупа! Она сидела боком к нам, рычала и остервенело выгрызала зубами мясо от руки мертвеца. Услышав наши шаги, она резко повернулась к нам лицом. Это было ужасно – все лицо девочки было в крови, глаза горели бешеным огнем! Она оскалила зубы и рычала на нас! Мы не выдержали и бросились бежать! И ускакали из этого места как могли быстро, без оглядки!

Не знаю, сколько мчались по снежной степи. Вдруг услышал рыдающий голос и посмотрел по сторонам. Лошади стояли. Товарищ сидел на санях и испуганно смотрел на меня.

Только тогда до меня дошло, что рыдаю я сам! Скатившись с саней, упал ничком в снег. Долго не мог остановиться, слезы душили меня и я бился головой о снег. В тот миг мне хотелось добраться до Сталина и Голощекина, сжечь их живьем и пепел развеять по ветру. Немного придя в себя, повернулся к своему товарищу.

– Почему так случилось? Почему именно с нами?! – кричал я во весь голос. – Как мы, целый народ, позволили им совершить такое чудовищное злодеяние? Как мы, потомки кочевников, не знающих, что такой голод, дали себя истребить вот так запросто?! Очень коварные и хитрые психопаты обманули и обрекли наш народ на гибель. Без огня и меча, без войны уничтожили нас! Как и почему это им удалось?! Ты понимаешь это? Они сделали это умышленно! Они целенаправленно уничтожили казахов, чтобы вывести нас как нацию! Чтобы освободить степь и заселить своих!

Товарищ вначале сочувственно слушал, но затем, испугавшись горькой правды, стал прятать глаза.

Мой напарник был лет на восемь младше меня. Обычный наивный казахский парень из аула, простодушный бедняк. Иногда с гордостью рассказывал, как участвовал в раскулачивании богатых сородичей. Он буквально молился на Ленина и Сталина, считал, что они не только поставили его на одну ступень с баями, но даже вознесли его выше. Благодаря советской власти он, бедняк жалшы – наемный батрак, в мгновение ока стал хозяином страны.

Судя по всему, он тоже был потрясен ужасающими картинами голодомора. Но его сочувствие было чисто человеческим. Естественно, когда человек видит гибель другого человека, тем более безвинного, у него проявляется чувство жалости. Самое удивительное – он толком не понимал сути произошедшей общенациональной трагедии!

Выплакавшись, я успокоился. С тяжелым сердцем повернули обратно в аул, не могли же мы оставить больную девочку среди мертвецов на произвол судьбы. Да толком и не знали, как поступить. Думали, заберем с собой в район, а там определят куда надо.

С трудом доехали до аула. Кони не хотели идти, все норовили повернуть в сторону, замедляли ход, останавливались.

Отхлестав их длинным кнутом, мы заставили все-таки повиноваться нашей воле. Но самим тоже не хотелось ехать туда.

Доехали. Молча, держась рядом, тихо отворили дверь злосчастной мазанки. Нервы были напряжены до предела, мы были готовы к любому повороту событий. Девочка, так напугавшая нас, неподвижно лежала ничком. Мы тихонько окликнули ее, но она не реагировала. Я подошел и кончиком кнута дотронулся до плеча девочки. Она не шевелилась и не подавала признаков жизни. С трудом я перевернул неподвижное тело древком кнута. Девочка была мертва. Было видно, что она задохнулась от застрявшего в горле куска мяса от ружонки братишки!

Некоторое время мы стояли в оцепенении и шептали: «Ля иляха илла аллах!», затем вышли...

Я представил себе, что отчаявшиеся родители ушли в сторону города в надежде добыть еду, а двоих детей оставили дома. Вскоре обессилевший младшенький умер, а старшая тронулась умом и озверела.

Эта картина иногда преследует меня.

В следующем, тридцать третьем году, Голощекина-кровавого убрали с руководящего поста республики и забрали в центр. Поговаривали в народе, что его через несколько лет арестовали и перед войной расстреляли. Получил то, что заслужил, изверг, но ведь это слишком малая плата за те злодеяния, которые он совершил.

Спустя годы, десятилетия мы начали осознавать бессмысленную жестокость и масштабы этой общенациональной, общечеловеческой трагедии, созданной руками власть имущих извергов. Одни историки пишут, что погибло более трех миллионов казахов в тот голодный год. Советские историки называли цифру порядка полутора миллиона погибших. Самое ужасное, никто точно не знает, сколько людских костей рассыпано по великой степи, и сколько праха развеяно ветром по белому свету! И до сих пор историки всего мира жонглируют разными цифрами, колеблющимися от двух до трех миллионов! Не десятки, сотни и даже тысячи, а миллионы! Вот такая ужасная считалка человеческих жертв осталась после голодомора – миллион туда, миллион сюда!

После голода я больше не верил этой власти.

Тиранический огонь

Через кровь и слезы мы начали осознавать, что страной правит тиран.

Естественно, никто не мог выступить открыто. Загнав глубоко всю обиду, весь протест, жили покорно и работали усердно под руководством этой власти.

Я преподавал в школе казахский язык и литературу. Учить детей всему доброму, воспитывать будущее поколение – это казалось тогда единственным смыслом жизни. Жена Халима была надежным тылом, трое детей – двое сыновей и дочь – ходили в школу.

Степняк был в то время большим городом, и десятки тысяч людей разных национальностей жили в нем. В голодный год кто дошел до Степняка, выживал.

Народ сказывал, что еще в древности, несколько веков назад, здесь добывали золото, и называли эту местность Мыншукур – тысяча ям. Сохранившиеся с тех пор монгольские илы впоследствии использовали русские и английские золотодобытчики.

В предвоенные годы люди часто находили золотой песок в речке. Бывало, мальчишки перепрыгивали через речку, видели блестящий песок, собирали в жестянку и сдавали тут же в магазин. Там взвешивали и платили боном. Боны – это были особые деньги, которые давали только за золото, и отоваривали на них только здесь.

Руководители рапортовали вышестоящим о фантастических достижениях золотодобытчиков. Газеты пестрели материалами об успехах советского производства и сельского хозяйства. Степняк тогда гремел на весь Союз. В 1934 году сюда приезжал Сергей Миронович Киров, второе по значимости лицо страны Советов после Сталина.

Сказывали, что начальники любили бахвалиться двадцатикилограммовыми трапециевидными плитками золота. Они предлагали своим работникам сжать с двух сторон ладонями такой слиток и унести. «Если сможешь унести, он твой!» –

шутили они. Естественно, никто не смог даже поднять такую тяжелую, скользкую и неудобную для сжимания трапецию!

Успехи были, даже огромные, в экономике. Но это уже не радовало меня, видевшего все ужасы голодомора.

Незаметно пришла пора других ужасных событий – тридцать седьмой год. Люди начали исчезать бесследно. Народ так и назвал это явление ундемес – безмолвие. Живет тихо-мирно хороший человек, работает усердно, строит новую советскую жизнь и кормит семью. И вдруг исчезает, как будто проваливается сквозь землю. Только через некоторое время приползают слухи: оказывается, не совсем нашим человеком он был. Боролся против советского строя, саботировал и шпионил в пользу Америки или Японии! Люди недоумевали, как он мог этим заниматься и как никто ничего не заметил! Самое нелепое в такой ситуации было то, что народ наивно верил всему, что писали в газетах. Газеты были для всех символом правды, и редко кто тогда мог подумать, что они врут! Таким образом, вчерашний друг, товарищ и брат в одно мгновение становился чуждым элементом, ибо его окрестили самым тяжким, проклятым для того времени словом – «враг народа!»

Вначале уничтожали всенародно известных деятелей и потомков родовитых кочевников.

Наш народ был подобен куланам – диким лошадям, попавшим в аран – западню. Теперь охотники поочередно выбирали и вылавливали их, а бедные куланы метались туда-сюда, но не могли уйти никуда.

Объявляли врагами народов и расстреливали тех, кто был против, и тех, кто боролся за советскую власть и строил новую жизнь. Репрессировали всех алашордынцев. Даже тех, кто был лоялен к новой власти. Мы недоумевали, как это так? Как быть? Постепенно прояснялась чудовищная правда. Машина убийства была запущена с конкретной целью – вырезать весь цвет казахского народа! Страшная правда того кровавого времени – почти все передовые деятели-казахи были уничтожены!

Система поглощала все больше и больше людей. Газеты шумели вовсю, что в стране развелось много врагов народа и всем советским людям надо быть очень бдительными.

Когда начали ловить почти ни в чем не виновных людей, народ начал сомневаться в правильности такой борьбы и тихо роптать. Но никто не посмел поднять голос. Страх, всепоглощающий, всеподавляющий страх был везде. Опасность быть арестованным висела над каждым человеком. Все понимали, что любого из них могут ни за что арестовать в любой момент и отправить на Колыму, Магадан, в сибирскую тайгу лет на двадцать пять, или еще хуже, по решению известных органов, быстренько расстрелять.

Самое страшное, каждый город, район, аул, каждая трудовая организация была обязана найти и обезвредить в своих рядах «врагов народа». Если, например, Н-ный район в течение определенного времени не выявил и не выловил оппортунистов, троцкистов, националистов – алашордынцев, панисламистов, пантюркистов, а также шпионов Японии, Америки или Германии, то считался этот район неблагополучным в политическом смысле. И репрессивная машина заглатывала руководителей этого района и почти весь партийно-советский аппарат. Поэтому все старались «разоблачать» в своих рядах «врагов народа». Отсюда пошли и массовая слежка, и доносы!

Наш народ в то время как будто проходил перед конвейером, который непрерывно крутился и подавал в раскрытую огромную пасть ненасытной мясорубки все новые и новые жертвы. Мясорубка не знала усталости и остановки, беспощадно и без разбора перемалывала все, что попадалось в ее стальные зубы. И люди всячески старались избежать конвейера, ухитрялись, изворачивались как могли.

Казахи – душевный народ, бауырмал, то есть любящий братьев своих! Мы сохранили свою человечность, несмотря на все жестокие испытания истории. Даже в час смертельной опасности народ не терял чести и достоинства. Рискуя жизнью, порою принося себя в жертву ради братьев своих, люди как могли спасали друг друга. Но были и такие, кому на руку была эта репрессия. Жестокое, коварное время пробуждало в темных умах самые низменные инстинкты, и те распустившись, с наслаждением отправляли в кровавую пасть чудовища своих сородичей.

Бытует мнение, что казахи сами подставляли, предавали друг друга, писали донос наверх, указывая на сородичей, соседей, как на «врагов народа». Да, есть и такие неутешительные факты, но если серьезно проанализировать ситуацию, то становится ясно: машина смерти работала беспрерывно, требуя все новых жертв! Она перемалывала все без разбора! И мы должны понимать: главная вина лежит на тех, кто запустил эту чудовищную машину смерти, и на тех, кто подкармливал ее непрерывным потоком живой плоти. А бедных, простых людей в большинстве случаев заставляли подписывать клевету на другого под страхом смерти или обманом. Методы были изощренные и коварные, так что простому смертному противостоять им было почти невозможно.

Вот посмотрите сами. Вызывается человек на допрос, вначале как свидетель. Опытные следователи разносторонне обрабатывают жертву, пугают и пытаются до такой степени в полутемных подвалах, где стоит непрерывный железный гул и душераздирающие стоны арестованных, что бедняга будет кивать головой и подписывать что угодно. Самый решающий удар: «Вот если ты не подтвердишь, что товарищ такой-то – японский шпион, то он накатает на тебя бумажку, что это ты агент германский! Так что выбирай, пока есть возможность: либо – либо! Или ты будешь свидетелем и останешься нашим товарищем, или будешь расстрелян как враг народа. Подумай о детях, они будут всю жизнь подвергаться гонениям как дети врага народа». Обычно для того, чтобы сломать человека, этого было достаточно. А энкеведешники заботились о том, чтобы жертва и свидетель больше никогда не встречались на белом свете! Через некоторое время большинство свидетелей были тоже уничтожены, оклеветанные по отработанной схеме. Поэтому тайна метода очернительства и клеветы так и оставалась нераскрытой, и вчерашние добрые соседи всю жизнь ненавидели друг друга, обвиняя в своей ужасной доле. Эту ненависть они передавали своим детям и внукам, и вот это непонимание, разногласие, недоверие, взаимное обвинение продолжают бытовать в народном сознании до сих пор.

Легенда, выдуманная и пущенная в оборот политехнологией того времени, сработала безотказно. Психологически расчет был точен: аульный люд охотно верит всемо сказанно-

му и услышанному, тем более, когда это слово касается лично его и выходит из уст власть имущих! Удивительное свойство людей – верить охотно любому слову про себя, невзирая на то, кем это сказано, где это сказано, сказано ли вообще. То есть, достаточно любому человеку сообщить, вот, мол, такой-то про тебя там-то, тем-то сказал то-то! И все, никто не будет проверять, правда это или ложь, а будет охотно верить этому. Более того, скажет даже: да, от него ожидали такого предательства, я знал, что он про меня хорошего не скажет! То есть, заранее люди не доверяли друг другу, ожидали от любого любую пакость в любое время! А годы репрессий и гонений еще более разожгли чувство недоверия и подозрительности, особенно страха! И, кажется, что эта подозрительность и страх до сих пор сидят в подсознании людей, временами давая о себе знать, наталкивая на самые безумные поступки! Выбор – или сам проходи, или пропусти товарища. Лучше, если подтолкнешь его, пока не подтолкнули тебя – владел умами и сердцами практически каждого.

Репрессии коснулись всех народов страны. Уничтожали безжалостно и русских коммунистов. Когда арестовали Тимофея Майдайкина, военного комиссара района, мы были потрясены. Темиртас, сын великого певца Биржан-сала, работал на шахте. Он был очень высокого роста и силен физически. Когда садился верхом на лошадь и опускал ноги, носки ног касались земли. Добродушный, доверчивый Темиртас был не терпим к несправедливости и всегда заступался за обездоленных и обиженных. Особенно народ уважал его за то, что он, не побоявшись, один вступил в схватку с несколькими пришельцами, когда те сильно зарвались и хотели поиздеваться над местным населением. И Темиртас мог один дать отпор нескольким противникам, да так поколотить их, что тем ничего другого не оставалось, как умерить свой пыл и успокоиться. Но начальству это явно не нравилось, и они втихаря включили его в «черный список» и ждали лишь удобного случая усмирить строптивого.

Он хорошо играл на домбре и неплохо пел песни своего отца. Вся степь знала песню-реквием Биржан-сала. Будучи смертельно больным, певец обращается к сыну Темиртасу с песней, доверяя свои сокровенные мысли о жизни и смерти!

Еще при жизни Темиртас стал легендой, и это благодаря великой песне. Но в годы репрессий советская власть сурово расправилась с ним: свободолюбивого сына Биржан-сала вместе со всей семьей сослали в Сибирь на долгие годы. После войны, после смерти Сталина и реабилитации репрессированных, уже на старости лет, я встретился с сыном Темиртаса Мухамедкали. Внук Биржан-сала поведал, что сам Темиртас и вся его семья погибли в Сибири, и только ему удалось вернуться живым в родные края.

А одного бедного учителя посадили на десять лет только за то, что он, бедняга, по бедности, посмел сшить себе трусы из красного ситца! И как назло, приезжает в аул оперуполномоченный из области, энкеведешник до мозга костей, боевик-большевик родом из Питера, закаленный в жарких схватках с деникинцами и колчаковцами. Матерый комиссар рыскает по степным просторам в поисках «врагов народа». Все районное руководство на ушах! Ездит он по аулам, на местах проверяет методы борьбы с чуждыми элементами. С ним вооруженный конвой на спецмашинах. Кого надо, скручивают и заталкивают в крытый кузов. Некоторых просто берут на заметку. Принимают в ауле высоких гостей в доме бедолаги учителя. Поели, попили, прошло все хорошо, пора провожать гостей. Перед отъездом комиссар захотел сходить по малой нужде. Все бы ничего, да тут этот бедолага учитель захотел того же. Вот тут наметанный глаз «охотника за головами» замечает, что нижнее белье у товарища учителя красное! «Ах ты, сукин сын! Попался! Как это так!? Красное знамя великой страны, обогрелое святой кровью рабочих и крестьян, развеивается высоко, на весь мир! И на тебе, надел его на задницу какой-то отщепенец алашордынцев!» Громогласно выматерившись, начинает разбираться – оказывается, верхнее белье у учителя было сшито из белого ситца, а нижнее – из красного! «Да ты сволочь, контра! Значит, белые ближе сердцу, и ты ставишь их выше! А красных ставишь ниже, и в самом позорном, грязном, вонючем месте!» Бедняга оправдывается, что это не специально, а жена-дура сшила из ткани, какую удалось достать. Да и хватило куска только на трусы.

Врезал комиссар по морде оцепеневшему от страха учителю, дал пинка под зад и приказал конвоем арестовать его! Дали бедняге десять лет и отправили в Сибирь!

А бедные аульчане в ту же ночь сожгли все нижнее белье красного цвета.

Потому что красное знамя считалось святыней! Со всех трибун неустанно горланили партийно-советские пропагандисты, что красный цвет означает кровь народную, что наши знамена обогрены священной кровью рабочих и крестьян, пролитой в борьбе за советскую власть!

Только кровь у всех красная! И страшно, когда она проливается рекой, независимо от цели!

Сын одного аульчанина, мальчик лет семи, первоклассник, любил рисовать. Однажды он хотел нарисовать портрет вождя, отца всех народов, Сталина. Поскольку не мог точно воспроизвести черты лица, он по-мальчишески схитрил: сильно надавливая, обвел карандашом портрет Сталина в мундире, напечатанный в книге, подложив бумагу на обратную сторону книжного листа, то есть скопировал контур. Если бы какой-то бдительный товарищ увидел эту книгу, портрет вождя, обведенного жирными линиями ученического карандаша и накатав бумажку куда следует, то появился бы новый «враг народа», и отца мальчика лет на десять отправили бы в лагерь. К счастью, увидел эту книгу и рисунок мальчишки молодой учитель истории и в страшном испуге принес мне. Вначале я тоже весь похолодел при виде изуродованного портрета вождя, но взял себя в руки и спокойно спросил:

– А кто еще видел эту книгу?

– Никто! – запальчиво ответил честный малый.

– А ты понимаешь, что будет со всеми нами, если это увидят там!? – многозначительно указал я пальцем в потолок.

Историк аж задрожал и быстро закивал головой, как конь, гонимый оводом.

– Тогда ты ничего не видел! Не было этого, и все! Понял!?

Мое спокойствие придало ему сил, и он ответил уже внятно:

– Да, понял! Так и есть!

Вечером я бросил эту злополучную книгу вместе с портретом Сталина в горящую печь и пристально смотрел,

как сгорает «вождь и отец всех народов» при полном параде в пламени сухих березовых поленьев. Усатое лицо тирана кривилось и обугливалось, принимая чудовищный вид. Показалось, что он зловеще усмехается мне. Я невольно вздрогнул, по спине пробежали мурашки и облегченно вздохнул только тогда, когда портрет исчез бесследно в огне.

Наконец-то нам открылась истина. Бодан белого царя стали бодан красного царя! Только цвета разные да лозунги поменялись, а суть-то, суть прежняя! Как мы были подданными Российской империи, так ими и остались! Не было у нас национальной независимости – и точка!

Вот сейчас думаю, а что было бы с нашим народом, если все как один восстали бы против царского, а затем советского колониализма? Наверное, все джигиты героически погибли бы в неравном бою лука и стрелы против ружей и пушек!? Так наверняка казахская нация исчезла бы с лица земли совсем. И вот, по прошествии многих лет я понял непростую народную философию выживания и самосохранения: вроде как подчинились, покорно горбились под руководством захватчиков, танцевали под их дудку, но внутренне оставались верными своей вере, духу, культуре и языку. Самое главное, душу не отдали!

И я работал на советскую власть и компартию. Поддерживал выступающих с высоких трибун с пламенными речами большевистских руководителей, призывавших массы к ударному социалистическому труду, к светлому будущему человечества – коммунизму. А вечерами читал аяты Корана, хадисы пророка, истории мусульманских святых, легенды и сказания предков. Это было нормой моей жизни, и я внутренне гордился этим.

Когти агентуры

Неожиданно пришел и мой черед. В то время черный воронок, двое в черной кожанке и арест нового «врага народа» не было делом особо неожиданным. Многие, в том числе сотрудники партийно-советских органов, на случай ареста держали наготове маленький чемоданчик или сумку с предметами первой необходимости прямо в рабочем кабинете. Шепотом поговаривали в народе, что даже судьи, прокуроры и сами энкеведешники были готовы пересесть из своих кабинетов в каменные казематы. Над всеми людьми того времени без исключения висела, как дамоклов меч, угроза ареста и большого тюремного срока, а то и расстрела по приговору тройки. У меня тоже был такой чемоданчик, и я был готов к любым превратностям судьбы. Но никак не думал, что возьмут меня так не по-людски.

А взяли прямо в классе, во время урока литературы. Ученица восьмого класса читала стихотворение Гете «Горные вершины», которое перевел на русский язык Лермонтов, а Абай перевел на казахский. Гениальное стихотворение о природе и не менее гениальные переводы поражали фантазию учеников и воодушевляли. Наш поэтический настрой нарушили резко распахнувшиеся двери. Двое сотрудников в кожанке чеканно шагнули в класс. Дети испуганно затихли. Я весь похолодел.

– Учитель Асанбай Аманжолович Бектемиров?!

Старший товарищ в кожанке вопросительно посмотрел на меня.

– Да, – тихо ответил я. Во рту пересохло, язык еле ворочался.

– Что читаем? – иронично спросил человек у учеников.

– Гете и Лермонтова в переводе Абая! – несмело ответил самый отчаянный ученик.

– Ну вот, ясенько все даже на первый взгляд! – Он хищно повернулся в мою сторону. – Немца изучаете! А вы случайно не шпионите в пользу Германии?

– Нет, конечно! Это же стихи... поэзия великих поэтов! – ответил я тихо.

– Ладно! Посмотрим! Мы пришли по другому вопросу! – отрезал старший товарищ в кожанке. – Учитель Асанбай Аманжолович Бектемиров, вы арестованы!

Он холодно посмотрел на меня. Переборов чувство страха, я как можно спокойнее сказал своим ученикам, оцепеневшим от ужаса:

– Дети, успокойтесь! Все это недоразумение, ошибка! Я ни в чем не виноват! Скоро все выяснится, и мы продолжим уроки поэзии! Не думайте, пожалуйста, ни о чем плохом! До свидания!

– До свидания, агай! Возвращайтесь поскорее! – зашумели дети.

Мне было стыдно перед детьми. Они уважали меня. И вот, почтенного учителя уводят из класса как преступника.

Мы вышли из класса и направились к выходу из школы. Ох, каким тяжелым был этот короткий, привычный путь по школьному коридору. Когда за нами закрылась дверь школы, мне показалось, что это навсегда. Черный воронок неприметно стоял в тени деревьев. Только собирались сесть в машину, как из школы выскочила ученица, которая читала стихи, с криком: «Агай! Агай!». Все резко обернулись к ней. Она бежала, размахивая маленькой ручонкой.

-Агай! Вы забыли вашу ручку!

И протянула авторучку.

Я был растерян и машинально протянул руку. Но комиссар грубо оттолкнул меня и резко сказал:

– Она ему больше не нужна! Оставь себе!

Девочка тихо заплакала. Мы сели в машину. И тут вижу, что бежит к нам Халима. Она была на седьмом месяце беременности. Запыхавшись, с трудом переставляя ноги, она почти добежала до машины. Я хотел выйти, но строгий сотрудник удержал меня силой и велел:

– Сидеть! Поехали!

Водитель резко нажал на газ, и машина рванула с места.

Тут я не выдержал и крикнул в полуоткрытое окно:

– Скоро вернусь! Передайте всем! Я не виноват!

Оглянувшись назад, увидел, как Халима и ученица, подерживая друг друга, рыдают.

После приезда в отделение НКВД меня сразу привели на допрос. Следователь был примерно моего возраста, не азиат. Он объявил, что я, учитель Асанбай Бектемиров, сын Аманжола, подозреваюсь в агитационной работе против советской власти.

– Вы поете песню «Тау ишинде» – «Среди гор»? – спросил он.

– Да! Прекрасная песня о любви!

– А вы знаете, кто автор этой песни?

– Нет! – схитрил я.

– Так знайте! Автор – Сакен Сейфуллин, враг народа!

– Но песня-то не про врагов народа! – прикинулся я дурачком. – Ее любят и поют везде!

– То было раньше! А теперь не будут любить и петь эту песню! Просто забудут и песню, и автора! Нет поэта – нет песни! Ты понимаешь, урод несчастный, что этот поэт и его песни являются запрещенными! Заруби себе на носу, что песня, сочиненная врагом народа, тоже вне закона! А поющие эти песни – прихвостни империалистов!

Он перевел дух и посмотрел на меня свирепым взглядом. Я молча выдержал этот взгляд.

– Так ты признаешься, что пел эту песню, зная, что она вражеская?! – закричал он вдруг бешеным голосом.

– Нет! – ответил я, покрываясь холодным потом.

– А я говорю – да! А ты говоришь – нет! Значит, один из нас врет?! А ну, отвечай быстро, кто из нас прав?!

– Я не вру! Мы точно не знали, не считали... что это вражеская песня!

– Значит, вру я?! – Он разозлился пуще прежнего. – Так ты еще смеешь обвинять меня, советского ответственного товарища, сотрудника НКВД, во лжи?

– Я этого не говорил!

– Не говорил, но думаешь так! Ты меня обвиняешь, мразь?!

И совершенно неожиданно он ударил меня по лицу. Искры посыпались из глаз, все вокруг поплыло. Тут он набросился на меня и начал дубасить кулаками, пока я не упал на

пол. Не знаю, сколько пролежал в полубессознательном состоянии, пока он не поднял меня двумя руками за воротник, усадил на стул, и дал стакан воды.

– Ладно, – сказал он, смягчившись. – Сейчас иди и подумай до завтра. Хорошо подумай! Будешь сговорчив – помогу выбраться из дерьма! А если нет, сгниешь в лагерях!

Было видно, что он твердолобый костоправ.

Конвой почти приволок меня в камеру и, закинув через порог, закрыл железную дверь. Я остался лежать на каменном полу, не было сил подняться.

– Соberись, сынок, подними голову! – донесся тихий старческий голос. – Надо жить и бороться, несмотря ни на что!

Человек помог мне подняться, и я лег на нары. Мы познакомились. Я чуть не вскочил, когда он назвал себя. Это был Жакежан-бий – судья-оратор.

Жакежан-бий, мой сосед по камере, классовый враг, угнетатель казахской бедноты, был очень уважаем в народе. О нем ходили легенды. В шестнадцатом году он отдал своих пятьсот отборных, породистых скакунов царским чиновникам взамен призывников из своей волости, несмотря на их род и происхождение. Таким образом он спас многих казахских парней от неминуемой гибели либо от картечи карательного отряда, либо от железных осколков германской бомбы. После этого авторитет его вознесся до небес, и я лично с трепетом произносил его имя.

Теперь, вот судьба, сию с ним в одной камере!

Оказалось, во время раскулачивания родственники уговорили Жакежан-бия на побег. Он со своей семьей тихо уехал в Россию, в Омскую область, в глухие районы. А люди пустили слухи, что он откочевал в сторону Китая. Его тщательно искали на той стороне, а он благополучно скрывался в другой республике под другим именем. Но все равно ему не удалось уйти от когтей советской власти, и вот, наконец, он оказался здесь.

– Всякая борьба, особенно политическая, требует гибкости ума, большой мудрости и хитрости! – говорил старец. – Кочевники вольной степи, дети небес, братья кочующих облаков и мерцающих звезд, живут честно и открыто. Общаются с

людьми с открытой душой, откровенничают о сокровенном со всеми, одним словом, живут и творят дела без хитростей. Сами никого не обманывают и думают, что их тоже не обманут! И вот, пожалуйста, результат такой жизни! А ведь жизнь есть борьба, а борьба есть война, а на войне надо обманывать врага, как только можешь! Если не обманешь врага, то будешь обманут сам! Поэтому, заклинаю тебя, обманывай всех и вся, когда вопрос касается жизни и смерти, национально-го интереса! Покажи врагу, что ты не враг, а самый преданный друг, а хитрость храни в глубине души! Не надо грудью встречать штыки, бросаться с одной палкой на пулемет или принимать все удары в позе столпа правды. Притворяйся, будь оборотнем, обманывай как хочешь, но ты должен, во-первых, попросту выжить в этой кровавой вакханалии, а во-вторых, бороться хитростью во имя самосохранения своего народа! Никогда, ни при каких обстоятельствах не стреляй в свой народ! Но если этого требуют враги и держат тебя на мушке, то, во имя будущих побед, стреляй даже в родного брата! Вот тебе мой деловой совет – при первом же допросе покайся, говори, что заблуждался под влиянием ветреных идей алашордынцев. Говори правдиво, что ты отрекаешься от всех этих идей независимости, самоопределения наций, и самое главное, настаивай на том, чтобы тебя, молодого дурачка, простили и оказали доверие! Что ты готов бороться против врагов режима и готов сотрудничать с властями!

– А почему вы сами не поступаете таким образом?! – вырвалось у меня.

– Мне не поверят! Я слишком крупная птица для них, и, скорее всего, живым отсюда не выпустят! А ты молодой, тебе еще жить и жить! Даже если не поверят, все равно им нужны молодые национальные кадры, чтобы показать миру, вот, мол, сами казахи борются и искореняют своих националистов, что молодежь степи поддерживает власть Советов, что массы вместе с ними! Поэтому они будут с тобой сотрудничать, естественно, бдительно наблюдая за тобой! А ты постарайся надуть их – покажи себя только с хорошей стороны, а все акты противодействия совершай секретно!

Эти слова были понятны мне. Примерно так учил нас Малай ата, научила сама жизнь.

Я поблагодарил аксакала-старца.

– Спасибо! Я в неоплатном долгу перед вами!

Он глубоко вздохнул и ответил задумчиво:

– Если сказал спасибо от души, считай, что ты меня отблагодарил. Я тоже был должником перед многими людьми – старшими и младшими. Но не смог многим из них отплатить. Но в свою очередь помогал многим другим, как мог. И они тоже не смогли мне отплатить той же монетой. Наверное, это закон жизни – долги за добрые дела всегда возвращаются! Не жди платы за добро – на то оно и добро! Дело в том, что добрые дела, как эстафета, передаются от человека к человеку. Когда-то и ты сделаешь кому-нибудь доброе дело! Тогда, считай, что это добро ты сделал и для меня!

Слова мудрого Жакежан-бия придали сил, и я взбодрился, собрался и был готов к борьбе.

На следующий день опять пришли за мной. Я простился с Жакежан-ата и покорно пошел за конвоем.

Меня долго вели по длинному полутемному коридору, постоянно сворачивая из стороны в сторону. По конец я совсем потерял ориентацию и только машинально переставлял ноги. Наконец меня завели в большую серую комнату.

Конвоир вышел, оставив меня одного. Было жутковато в этом огромном каменном мешке. Скулы болели от побоев, в голове шумело.

Тут стремительно вошел следователь.

– Вы верите в бога? – неожиданно спросил он. Я промолчал.

– Ну, конечно, верите! Вы все суеверны, сукины сыны! Да ладно, хрен с вами! Ну, где же он ваш аллах или по-нашенски бог?! Покажи мне! Если он есть, то куда же он смотрит? Как он допускает чудовищные несправедливости в этом мире, а?! Значит, нет его, бога-то! Попросту нету, и все! Или был, да сплыл! Ха-ха-ха!

Дико смеясь и вращая глазищами, налитыми кровью, он начал копать в кипе бумаг. Его слова так бесили, что хотелось вырвать ему глотку. С трудом подавив гнев, я думал с горечью: а ведь действительно, почему Всевышний допуска-

ет такие чудовищные преступления? Почему торжествуют безбожники, утопив огромную часть земного шара в крови, растаптывая веру и справедливость!?

– Не надо теперь на него оглядываться! – произнес следак уже более спокойным тоном. – Есть материя вечная и мы, ее продукт, новые хозяева жизни! Мы есть создатели, творцы нового! А сначала разрушим до основания весь старый мир и выкинем на свалку! Затем восстановим справедливость, и наступит всеобщая счастливая жизнь! Не ищи бога, которого вообще нет, в далеких небесах, а находи могущественных друзей здесь, на земле, рядом! Ты как, согласен со мной, а?

Я опять промолчал. Спокойствие – самая лучшая защита.

– Кто не с нами – тот против нас! – опять взорвался он. – А с противниками не цацкаются, в них стреляют! Так что пора выбирать друзей и врагов!

Видать, весь мир делился у него только на черный и белый, а люди делились на своих и чужих. Как большевик, нквдэшник наверняка представлял себе мир только в двух цветах: красный и белый. Других не существовало, он просто не способен был понять, что могут существовать и другие краски, и поэтому был еще страшнее.

Мой мучитель резко подошел ко мне и хлопнул по плечу:

– Да пойми же ты наконец всю серьезность ситуации! – возмущенно воскликнул он. – Отсюда только два выхода: либо ногами вперед, либо с руками назад! Понятно? То есть, или с пулей в затылке, или с путевкой лет на двадцать в Сибирь! Это тебя устраивает?!

Я покачал головой:

– Нет, я не заслуживаю, чтобы самая справедливая партия столько возилась со мной.

Он усмехнулся:

– Юмор тут не уместен!

– А какая разница? Раз уж придется помирать, так лучше со смехом, чем со слезами!

– Браво, браво, батыр степной! Быть героем хорошо, но твой героизм – глупость! Поэтому подумай над тем, что сейчас скажу! И никому ни гу-гу! Есть третий, испытанный путь!

Он глотнул холодной воды из граненного стакана и неожиданно предложил:

– А давай врежем по стаканчику! А то жизнь какая-то кислая стала!

Не дожидаясь ответа, он достал из шкафа бутылку с мутной жидкостью и наполнил два граненных стакана.

– Первач! – со вкусом произнес следак, подавая стакан мне.

Появилась маленькая надежда на спасение, а отказ был бы равноценен самоубийству. Я до этого выпивал несколько раз: с красными за погибель беляков, а с белыми офицерами – за батюшку царя! Выпивал вынужденно, потому что откажись я, полупьяная вооруженная банда могла взбеситься и перестрелять весь аул. Вот я и братался и с красными, и с белыми во имя спасения своего рода и себя.

Я залпом выпил. А он просто опрокинул стакан в рот. Потом с наслаждением закурил, шумно выпуская дым из носа, предложил мне папиросу. Теряясь в догадках, я тихо задымил. Эта папироса оказалась мне спасительной соломинкой.

– Знаешь что, ты мне нравишься! Такой крепкий, простодушный степняк! Как настоящий пролетариат! По наивности своей заблудился чуточку! С кем не бывает, а? Зачем губить такого? Нет, надо перевоспитать, перетянуть на свою сторону – вот где правда! Это будет по-большевистски! Так что давай подумаем вместе, как дальше быть?!

И, пуская колечки дыма прямо мне в лицо, произнес таинственным полусшепотом:

– Будь тайным агентом НКВД! Если будешь сотрудничать с нами, то не будешь знать горя!

Я многого ждал от него, но только не этого! От растерянности чуть не обжегся папиросой и сильно вспотел. Значит, все-таки могу выйти отсюда живым! А это уже стоило многого! Остальное посмотрим!

Но я молчал и сохранял спокойствие.

– Ну, че молчишь? Думаешь? А что думать-то? Хочешь стойко выдержать все испытания и проявить героизм? Ну, это здесь не пройдет! Раз, два, три – и замри! Навеки! Все, кто выходит отсюда живым и невредимым, дают согласие сотрудничать с нами! Просто так мы никого не выпускаем! То,

что они потом говорят, мол, оправдали ввиду доказанной невинности или выпустили из-за чистосердечного раскаяния – это брехня, лапша на уши наивных масс!

Он прошелся по кабинету, потирая руки и встал сзади меня. Он дышал мне в затылок, и это нервировало. Так хотелось вскочить и дать ему кулаком по лицу, свернуть шею, разорвать в клочья. Но, стиснув зубы, молча терпел.

– Твой род виновен перед советской властью! – продолжил он уже другим тоном. – То, что ты и некоторые сородичи преданы властям и честно работают, может и не перетянуть чашу весов в свою пользу. Одного Салима достаточно, чтобы вас всех поставить к стенке!

Мои руки и ноги стали ватными. Он вернулся на свое место, довольнo глядя на мой страх, а я неимоверным усилием воли заставил себя сидеть спокойно. Мысли лихорадочно скакали в голове – неужели они поймали Салима? Если да, где же он? Жив или мертв? Но спросить об этом я не мог.

Узункулак, молва народная, доносила, что Салим с горсткой храбрецов присоединился к басмачам и в горячих песках Средней Азии бился с красногвардейцами. В тридцатые годы дошли слухи о том, что Салим примкнул к восставшим против конфискации и коллективизации. После жестокого подавления восстания он будто растворился в хаосе тех лет, вроде скрылся вместе с непокорными мангыстаускими адайцами среди барханов туркменских Каракумов, и узункулак уже редко доносил о нем весточки, овеванные легендой. А после голода тридцать второго вообще прервались все слухи о нем. Мы думали, что он либо умер от голода, либо был убит в бою, либо бежал за кордон – в Афганистан или Иран.

– Про вашего братца легенды ходят в степи, – продолжал следак с ехидством. – Говорят, он дух непокорных кочевников, воскресший ради возмездия безбожникам. Согласно народной молве, является то в облике стрелка и карает кафыров, то есть нас, советских работников. А иногда из глубины степи, в темную ночь, прилетает его пуля, не знающая промаха, и поражает того, кого ненавидит народ, кто заслуживает смерти. В этих сильно преувеличенных рассказах, к сожалению, есть и доля правды – в течение последних лет несколько ответственных советских работников были застре-

лены. Но от нас никто не уходил, и не уйдет! Вот и час возмездия настал! Отвечать-то надо за братца-призрака! Так что выбирай – или пан, или пропал! Либо – либо!

Он сильно ударил кулаком по столу. Это был мой шанс. И я молча, тяжело кивнул ему. Мой мучитель возликовал. Налил еще по полстакана первача и произнес здравицу. Мы выпили, этим как бы скрепляя наш договор о тайном сотрудничестве.

Я твердо решил: открыто спорить, тем более вступать в схватку с этой чудовищной машиной бессмысленно. Что было бы, встань я в позу героя, как пишут в высокопафосных книгах, и крикнул бы на весь свет: «Нет! Не буду хитрить, поступаться своими принципами! Я честный человек и остаюсь им даже в смертный час! Буду говорить только правду! Лучше погибну в борьбе, стоя с гордо поднятой головой, чем буду жить на коленях, прогибаясь, обманывая всех и себя!» Да просто расстреляли бы, и конец!

Я выбрал путь гибкости и хитрости.

Необходимое отступление

Так повернулась в совсем неожиданную сторону линия моей жизни.

Теперь я думал не только о том, как выжить самому, но и старался по мере сил предостеречь кого надо и даже предотвратить арест невинных людей, помочь некоторым уйти от карающей машины НКВД.

И так, изучая изворотливые хитросплетения страшного времени, заметил одну особенность работы бывших шолок бельсенды – горе активистов, а ныне салпанкулаков – доносчиков-сексотов. Оказалось, они потихоньку начинали обрабатывать свои жертвы, вовлекая тех в разговоры сомнительного толка. То есть сами начинали критиковать власти за те или иные шаги, выражали свое возмущение или несогласие какими-то действиями руководителей разного ранга. Провоцировали. Ну, естественно, честный, правдивый человек живо включался в разговор с таким откровенным собеседником и охотно высказывал свою точку зрения по тем или иным вопросам, аргументируя жизненными фактами. Все, салпанкулаку – сексоту достаточно материала для домалак арыз – анонимного доноса, и судьба бедолаги-правдоискателя предрешена. У меня кровь кипела от такой подлости и всегда хотелось вырвать глотку этим оборотням. И еще хотелось протрубить на всю степь: «О мои братья, почему вы такие наивные и доверчивые!? Не верьте провокационным словам, попрдерживайте язык!» Поскольку не мог сделать ни того, ни другого, решил помогать своему народу делом, хоть и маленьким, но реальным. Я начал поступать с подлецами так же подло, дабы не дать им вершить свои черные дела – начал доносить на доносчиков. И вот сейчас, находясь в закате жизни, ближе к небесам, не жалею об этом! Конечно, было бы хорошо, если бы всего этого не случилось! Если бы мы могли ангелочками, какими были в младенчестве, прожить всю жизнь, если бы да кабы... Но, как известно, жизнь всегда ставит перед выбором. И еще мы любим быть непри-

миримыми максималистами, настоящий человек должен быть таким-то и таким-то... Все это хорошо, но чаще всего моралисты и религиозные проповедники ведут разговор о том, как все должно быть в идеале! Но идеал – не реальность, и мы должны говорить о том, что случилось на самом деле и как человек вел себя в тот момент! Жизнь земная на то и есть земная жизнь, всякое бывает. Всевышний дал людям эту жизнь, чтобы прошли ее до конца через испытания, счастье, страдания, чтобы думали, выражали свои мысли и действовали, создавали и боролись! Естественно, человек не ангел, поэтому принимайте человека каким он есть и постарайтесь понимать его душу во всей красе! А если не хотите, то не спешите судить!

Моя жизнь, моя история – далеко не идеальная, но реальная. И она мне мила такой, какая она есть!

Однажды следак вызвал меня на разговор.

– Ну, давай, обрадуй поскорей! Не то, чувствую, сорвусь! – выпалил он.

Я понимал скрытую угрозу. Если у него произойдет нервный срыв, будет очень плохо. Но решил продолжать играть роль степного простачка.

– Всегда рад обрадовать вас! Приезжайте в гости! Зарезем самого жирного барана... Бешбармак, самогон!

Он расхохотался.

– Сам ты баран, хоть и не жирный! Нажраться всегда успеем. Пусть твой баран еще побегает по лугам, наберет сок разнотравья для нашего всеядного желудка! А сейчас хочу сожрать совсем других! Давай врагов народа!

– Нету их! – вырвалось у меня невольно.

– Как так – нету?

– Кончились они! Их всех переловили, перестреляли!

Он ухмыльнулся.

– Не будь таким идиотом! Во-первых, ты пока еще никого не поймал. Во-вторых, враги народа есть всегда! Это водка может закончиться, а враги народа – никогда!

– Но в нашем районе их больше нет! – стоял я на своем. – Действительно всех посадили давно! А все остальные – законопослушные последователи марксизма-ленинизма-сталинизма!

– Знаешь что, Асанбай, – проговорил следак тихо, – вот, смотри, сообщество людей есть народ. Но когда кто-нибудь особо выделяется среди людей или отдалается от них, то становится врагом народа! Вот таких и надо ловить!

Я понял, что упираться дальше нет смысла, но продолжал хитрить.

– Начинаю понимать вас, – сказал с покорным видом. – Но надо тщательно поискать таких, чтобы не пострадали безвинные, преданные советской власти, честные граждане!

– Поищи, поищи, – одобрительно буркнул он. – Кто ищет, тот найдет даже иголку в стоге сена! А насчет честных, преданных граждан... Я не верю никому из твоих соплеменников, всем иноземцам! Все они потенциальные враги нашей власти и, будь моя воля, всех держал бы в лагерях! Так было бы всем хорошо! Нам спокойнее, и им безопаснее! Да, ладно, в перспективе так и будет, наверное. А пока займемся конкретными людьми. Через недельку – мне на стол заклётого, хорошо замаскированного врага народа! Если не найдешь – пойдешь сам по статье! У меня как раз одного не хватает для плана!

Я притворился испуганным и робко закивал головой, в которой уже созревала идея, давно вынашиваемая. Оставалось только продумать детали и осуществить. Нквдешник, ничего не подозревая, остался довольным и, по обыкновению, задымил трубкой.

Он не зря говорил о плане. В народе поговаривали, что каждой области, району сверху дается конкретный план по выявлению народных врагов. Если план не выполняется, значит, товарищи сотрудники плохо работают. Тогда их самих арестуют. Поэтому каждый район стремился выполнять, даже чуточку перевыполнять план в срок. Перевыполнять чуточку – это отправить пару человек сверх плана на эшафот или в лагерь. Не знаю, слухи это или сухая статистика, но такова была действительность того времени. И вот теперь уже я сам должен был выполнить этот чудовищный план любой ценой!

У меня давно был на прицеле известный в прошлом шолак-бельсенды – горе-активист, а ныне салпанкулак – висячее ухо, то есть подслушивающий все доносчик,

кляузник. Его ненавидел весь район, но в то же время многие, даже начальники, тихо побаивались. И было от чего. Тот своими доносами и кляузами отправил многих видных людей в лучшем случае в лагерь, а в худшем – на тот свет. Я твердо решил, что пришла пора избавиться от этого чудовища его же методами. Тщательно продумав каждый ход этой тонкой операции, осторожно начал игру. Для начала разослал начальникам районного и областного НКВД несколько домалак арыз – заявлений-анонимок, где было акцентировано внимание на подрывную деятельность салпанкулака. Написал, что он зачастую допускает перегибы в своей работе, дискриминируя тем самым советскую власть в глазах народа. В бытность активистом превышал свои полномочия и забирал последние запасы продуктов у бедного населения, что привело к массовой гибели степняков.

После некоторых колебаний и глубоких раздумий я также решил, что надо уничтожить и самого следака. Во-первых, его руки уже по локоть в крови безвинных людей, которых он беспощадно ловил и отправлял в ненасытную мясорубку. Он истреблял наш народ с таким рвением, с таким наслаждением, что, глядя на это, у людей волосы стояли дыбом. Он сеял ужас и страх везде на подвластной ему территории. Народ так боялся его, что не смел даже пикнуть, лишь только тихо, про себя проклинал изверга. Да и методы его были изощренными. У меня кипела кровь, и про себя давно вынес ему смертный приговор, но не мог привести в исполнение. Но мысль зрела, не давая покоя. Надо было избавить нашу землю от такого палача. И, по методу оборотней, начал накатывать анонимки на него в вышестоящие структуры НКВД.

Конечно, я понимал, что освободиться от этой железной хватки будет нелегко, а может, и невозможно. Но шел на все сознательно, ни о чем не жалел, и решил на случай неминуемой гибели отомстить сам за себя авансом. То есть, уничтожать побольше врагов, пока это возможно, а когда придет время, уйти со спокойной совестью. Лишь счастливый случай смог бы меня спасти.

И этот случай появился неожиданно.

Как раз в это время сместили и арестовали наркома внутренних дел Ежова. Впоследствии его расстреляли как врага народа. Новым наркомом стал Берия, и прошла очередная чистка в рядах энкеведешников. Это давало возможность привлечь к ответственности приспешников Ежова, коим являлись этот следак энкеведешник и его салпанкулак – сексот.

Наверное, наши анонимки попали в общий поток бурлящих событий, и через некоторое время следака и салпанкулака арестовали. Потом прошла молва в народе, что их расстреляли по приговору тройки. Туда им и дорога!

Таким образом, избавившись одним хитроумным ходом от двух настоящих врагов, я облегченно вздохнул. Не знаю, как все там произошло, но, кажется, все нити оборвались вместе с расстрелянным следователем.

Больше меня по этому вопросу никто не беспокоил.

Война

Вскоре началась война, и про меня вообще забыли.

Несмотря на свой возраст – мне шел тогда сорок первый год, я, по «дружескому совету» руководства, одним из первых добровольцем отправился на фронт Великой Отечественной войны.

До сих пор помню проводы дома. Халима сварила мясо, испекла много лепешек. Мы с детьми молча поели. Всем было тягостно. Трое сыновей и две дочери сильно переживали – казалось, что они вмиг повзрослели и понимают все. Мать благословила, тихо прочитала молитву и обняла меня. Глаза ее были полны печали. Я обнял детей и наказал держаться вместе.

У самого порога Халима, вручая котомку, не выдержала и, наверное, впервые за всю жизнь, при всех обняла меня! Еле сдерживая слезы, прошептала:

– Береги себя! Вернись живым! Вернись, наперекор всему! Мы будем ждать и молиться за тебя!

Сердце разрывалось от горя, но другого пути не было – и я отправился на войну.

Помню, как после скорой переподготовки, шли несколько недель на передовую. Вереница людей со скатками на спине и винтовками на плечах медленно и непрерывно двигалась неизвестно куда. Лишь командиры часто сверяли маршрут по компасу и уточняли дорогу с кем-то по рации. Только через несколько дней стало понятно, что мы сбились с пути и теперь блуждаем по лесистой, незнакомой местности.

Я машинально шагал вместе со всеми, но мысли часто улетали вдаль. Смотрел на солдат и думал: «Вот идут люди в строю толпой, а ведь у каждого своя жизнь! Идет солдат и несет свою судьбу на спине! Интересно, о чем думает каждый из них?! Никому не дано знать об этом. Воистину, каждый человек – отдельная история, ненаписанная книга! И в одно мгновение жизнь может прерваться! Так и останется непрочитанной эта книга».

Лезут в голову разные мысли, одна страшнее другой. Глядя на строй солдат, вдруг ударило в голову: «Люди – будущие мертвецы! Сегодня живой, а завтра мертв! Вот идут солдаты, такие милые ребята, а ведь они идут, чтобы убивать других и быть убитыми!» И эта жестокая правда войны, от которой не убежать и не спрятаться нигде! «Но все делается ради победы над врагом!» – возражал разум. «Неужели это и есть смысл и суть жизни – побеждать, уничтожая других!?» – задает риторический вопрос внутренний голос. От этого спора, от этих голосов голова разламывается и идет кругом. В отчаянии хочется просто стрелять, стрелять куда попало до последнего патрона или пойти навстречу вражеской пуле.

На войне страшно тогда, когда в первый раз вступаешь в бой. Затем так же страшно бывает, когда возвращаешься после ранения из госпиталя на фронт. А в остальное время привыкаешь ко всему и просто воюешь. Никто не думает, что выйдет из этой кровавой мясорубки живым. Бывало, пули свистят над головой, снаряды рвутся рядом, а ты обедаешь. Нельзя медлить – пища остынет!

Когда попал в первый раз под обстрел немецкой артиллерии, стоял на посту. По уставу, часовому нельзя самовольно покинуть пост. Но ведь можно же прилечь, чтобы защититься от взрывов. А я стоял как вкопанный! Снаряды пролетали со свистом или взрывались где-то рядом. Вдруг грохнуло совсем рядом, и на меня упало что-то тяжелое. Успел подумать: все, конец! Нет, смотрю, живой еще, но не могу шевельнуться. Оказывается, завалило землей по горло, и я так и застыл в положении «смирно!» на своем посту. Вскоре откопали свои. Смотрю – ни единой царапинки! Командир похвалил даже: «Молодец! Не покинул пост!» А я-то просто остоленел от страха!

Пережитый ужас пошел на пользу, я начал привыкать к войне. Хотя привыкнуть к этому нельзя. Но деваться-то некуда – в тебя стреляют, и ты стреляешь. Естественно, не очень-то приятно, когда по тебе стреляют, и пули свистят у виска, иногда звякнув по каске. Когда фашисты ведут интенсивный огонь, не давая опомниться и поднять голову, то прилипаешь к мерзлой земле со всей силой, и она кажется тебе такой теплой, мягкой. И хочется войти в эту землю, слиться с нею в

единое целое и навеки избавиться от этих мучений, сотворенных самими людьми.

Я видел, как утром тяжелые грузовые машины, заполненные молодыми солдатами, уезжали вперед. И видел, как вечером возвращались эти грузовики обратно. Они были загружены трупами солдат, и кровь стекала из кузова на землю, на колеса. А колеса крутились и смешивали людскую кровь с дорожной грязью, и это кровавое месиво выбрасывалось на несколько метров вокруг, когда машина буксовала от натуги. От ужаса чуть не терял сознание. Конечно, никто не хотел умирать, но и никто, наверное, думать не мог, что вернется домой живым из этого ада.

Не могу забыть самую первую смерть, которую видел на этой войне. Немцы наступали. Мы залегли в траншеях и отстреливались. Рядом лежал Саша, совсем молодой русский парень, и стрелял из винтовки. «Во, попал!» – вдруг воскликнул он радостно. Кажется, его пуля сразила фашиста. И тут же дико вскрикнув от боли, юный солдат перевернулся на бок. Я бросился к нему, поднял его голову. Он смотрел на меня широко раскрытыми синими глазами и шептал: «Асанбай... Асанбай!» Кровь текла ручейком, автоматная очередь полоснула его по груди. Держа его голову на руках, я неотрывно смотрел ему в глаза и растерянно бормотал: «Саш! Сашенька!». Он вздрогнул и помер! После боя похоронили, как могли. Его голос до сих пор иногда звучит в ушах. Что хотел сказать этим юнец, который не хотел умирать, не верил в свою смерть?

А потом было столько смертей – массовых, героических, ужасных, нелепых! Оказывается, и к смерти привыкает человек! Бывало, в жаркие моменты схватки, когда, стреляя на ходу, шли в атаку, или во время безумного рукопашного боя мы ходили по трупам, как по чужим, так и по своим. Только потом замечали, что были по колено в человеческой крови. Озверевшие солдаты в тот момент, наверное, готовы были уничтожить все живое.

В самом начале войны мы отступали вглубь страны. У немцев было лучшее оружие, отменная техника. Нам казалось, что это конец, но все-таки была маленькая надежда, что в конце концов победим. Должны победить! И ради этой по-

беды простые советские солдаты и офицеры проявляли чудеса храбрости и совершали фантастические подвиги.

Отчаянные ребята спасали боевых друзей, жертвуя собой. Точно не помню, сколько раз спасали меня, и скольких спас я сам!

А как мерзли в морозную зиму, в заснеженных окопах! Вот сейчас, сидя у теплой печи, думаю, как мы вообще выдержали все это! Бывало, трясешься от холода, ждешь горячую пищу как мечту всей жизни, а тут как начнется вражеский артобстрел! И без того тошно, а тут еще по тебе бьют снарядами! А попадет снаряд в солдатскую кухню – и прощай, горячий суп, сытная каша! Что поделаешь, терпели!

Когда наступил перелом в той войне, и Советская Армия начала побеждать, мы воспряли духом. Казалось, теперь и смерть бежит от нас. Нет, никуда она не убежала. Она была всегда рядом и брала свое.

Однажды, в период затишья, ко мне в траншею подошел особист-майор. Я внутренне сразу насторожился, но быстро успокоился, ибо он имел обыкновение общаться с солдатами. Почти все с ним разговаривали с легким напрягом и явно недолгоблвали. Но никто не смел об этом открыто говорить и все слушались его, поэтому майор считал себя нашим авторитетным надзирателем. Вначале он никого не обвинял в предательстве и шпионаже и никого не арестовывал. Но это продолжалось до поры до времени и, когда сверху пришла команда ужесточить борьбу с замаскированными вражескими шпионами и ненадежными элементами, он крепко взялся за свою работу. Уже несколько солдат и офицеров отправили в штрафбат, а некоторых, по слухам, даже приговорили к расстрелу. Вот такая была мрачная надбавка в этой без того ужасной войне.

И вот этот самый майор ненавязчиво начал разговаривать со мной о том, о сем, предложил папиросу. Покурили, и тут только я заметил его повышенный интерес. Стало как-то не по себе, но на помощь пришла моя степная выдержка. Я коротко, четко отвечал на его вопросы и старался сделать вид, что внимательно его слушаю. А сердце колотилось все быстрее. Боялся больше всего, что особысты пронюхали что-то о Салиме. Тогда нет мне спасения! Я твердо решил

не сдаваться, а биться насмерть с ищейками. Благо, боевое оружие – автомат и гранаты были рядом.

Но майор спокойно предложил прогуляться. Пришлось беспрекословно подчиниться ему. Только хотел взять автомат, но он жестом показал – оставь!

Мы отошли подальше от линии фронта. Остановились возле разбитого грузовика, и тут майор взялся за меня всерьез. В его голосе появились металлические нотки.

Оказывается, ему донесли, что я в разговоре с однополчанами высказал мысль о бессмысленности войны. Как-то не выдержал и высказал все, что думаю о этом.

– Как могут люди убивать людей и в таком количестве?! – спрашивал я после особенно жестокого боя, переживая за погибших боевых товарищей.

– Че ты несешь? По-твоему, немцы тоже люди? – возражали мне.

– А кто же они? – не унимался я.

– Они нелюди! Они фашисты! И наше правое дело – уничтожить их как можно больше! – толковывали мне.

– Мы так думаем! Они тоже так думают! И что же, удел человечества – беспощадно уничтожать друг друга!? – я никак не мог понять такой жестокости.

– Да прекрати этот вздор! Наверное, ты тронулся умом при взрыве!

Служивцы так пытались заткнуть мне рот, что пришлось замолкнуть. Но в голову все равно лезли всякие мысли.

Вот Сталин сидит в Кремле и вершит судьбу человечества. Гитлер в рейхстаге, в своем бункере мечет гром и молнии. Черчилль, укутавшись сизым дымом своей сигары, выдувает ежедневно несколько бутылок выдержанного дорогого коньяка и строит хитроумные планы в пользу Англии. За океаном Франклин Рузвельт вынашивает мысль о мировом господстве. А Азат Бектемиров, сын простолюдина Аманжолы, жметесь на дне сырого окопа, прячась от града пуль немецких автоматчиков, и улучив момент, уничтожает их по одному из простой армейской винтовки. Так во имя чего, ради кого стреляем мы друг в друга, простые люди-солдаты советской и немецкой армии?!

Пока я мучился и сомневался, кто-то все-таки донес. Майор начал анализировать мои слова, и слово за слово нашел в них призыв побрататься с немцами.

– Вы ведете разговоры якобы о гуманизме, а на самом деле пытаетесь разлагать советских солдат идейно, расшатать их веру в нашу правоту! Это равноценно подрывной, провокационной идеологической работе!

– Нет! – вскрикнул я не то от страха, не то от несправедливого обвинения. – Я никогда не сомневался в правоте нашей войны! Знаю, что фашисты напали на нашу страну, вторглись на наши территории, что они захватчики! И воевать против них, защищать свою родину – долг и святое дело каждого гражданина Советского Союза!

– Не знаю, не знаю! – усмехнулся особист. – Вот такие слова надо говорить в окопах, а не хныкать! Ну, посмотрим, что скажут там!

Он многозначительно показал пальцем в небо. Выдержал паузу, сверля меня ледяным взглядом, и продолжил.

Второе обвинение было еще серьезнее. Как-то, опять же после того, как мы понесли большие потери, я раскритиковал наших военачальников, заставляющих солдат бежать в атаку во весь рост большой толпой среди бела дня с криком «Ура!», с винтовкой наперевес по заснеженному полю на хорошо укрепленную вражескую оборону! Бьют из пулеметов и автоматов засевшие в бетонированных дотах и дзотах фашисты, и гибнет немыслимое количество наших солдат! – говорил я, раздосадованный такой тактикой наших военачальников, любой ценой стремящихся взять высоту Н., безжалостно жертвуя своими подчиненными. И эти мои мысли, оказывается, тоже дошли до особого отдела.

– Ты че, твою мать, шкура продажная! Ты против советской военной тактики выступаешь, а? – заорал неожиданно майор, да так, что птицы, сидящие на обгоревшем грузовике, от испуга взлетели. – Сколько раз русский солдат с криком «Ура!» героически бросался грудью на град огня любого противника и побеждал! И вот теперь какой-то болван деревенский подвергает это сомнению!

– Нет, я не против героизма наших солдат! – решительно возразил я, понимая, что все для меня, скорее всего,

плохо кончится. – А против неоправданно многочисленных потерь!

– Если солдат погибает смертью храбрых за свою Родину, это и есть высший смысл освободительной войны!

– Но еще лучше, если он возвращается домой с победой! – не отступал я, незаметно погладив рукоятку ножа.

Я был готов убить майора и скрыться в лесу. Но особист как будто прочитал мою мысль. Неожиданно он вытащил наган и приставил к моей голове.

– Ты арестован, изменник Родины! Руки вверх! Пойдешь под трибунал!

Это был конец. В лучшем случае меня ждал штрафбат, а могли просто расстрелять на месте как изменника Родины.

Я покорно поднял руки. Но все равно пытался придумать, как выбить из рук майора наган.

И тут прогремел взрыв. В глазах потемнело, и я упал. Через некоторое время пришел в себя. Голова кружилась, текла кровь, я понял, что ранен в голову. Перевязав туго бинтом рану, осмотрелся. Майор лежал, разорванный в клочья, – смотреть на его изуродованный труп было страшно.

Тут подбежали санитары, и меня быстро отправили в санчасть. Оттуда – в госпиталь. Оказалось, снаряд разорвался прямо за спиной майора. А я стоял лицом к нему, и он оказался живым щитом между мной и снарядом. Он хотел меня уничтожить, а получилось так, что спас от неминуемой гибели! Чудо, только чудо! Осколок снаряда попал мне в правый висок, прямо в височную кость и застрял там намертво. Целую неделю врачи не могли его удалить и оставили там. Самое главное, оставили в покое меня самого, так как все подозрения и обвинения ушли в небытие вместе с разорванным немецким снарядом особистом.

Успокоившись, я тихо поблагодарил Всевышнего и прочитал молитву духам моих святых предков: Марал ишана и Салык муллы.

Неделю провалялся я в военном госпитале. Боли в голове постепенно начали утихать, я наконец выспался, отдохнул. После окопной сырости больничная койка казалась райским местом, а горячая пища доставляла такое удовольствие, что хотелось лежать и лопать здесь до конца войны. Написал не-

сколько писем домой, читал газеты, слушал радио. Но рана давала о себе знать, голова то и дело раскалывалась от нестерпимой боли. Врачи давали лекарства, делали уколы, и я успокаивался. Но удалить осколок не смогли, поскольку застрял он слишком глубоко в кости, а заниматься основательно мной было некогда – слишком много поступало раненых с линии фронта.

Наконец меня выписали и отправили опять на передовую. Только дошел до линии фронта, как голова снова заболела нестерпимо. Что же делать, санитары ничем не могли помочь – мучила меня железяка, застрявшая в височной кости. Посоветовавшись, они отправили меня обратно в госпиталь.

В госпитале военные врачи все же решили отправить меня на лечение в тыл. После обеда я должен был получить все необходимые документы и уехать. Во время обеда по радио прозвучал голос Левитана, зачитавшего приказ Сталина отправлять на передовую всех раненых, способных стоять на ногах и стрелять. Вот так-то! Бедная моя голова опять покати-лась по полю бранному. Через несколько дней почувствовал невыносимый зуд в области виска. Почесал пальцем, протер кулаком – не унимается. Тут подали обед. Я нагнулся к миске, черпая ложкой кашу, и вдруг что-то со звоном упало в нее. Смотрю, осколок немецкого снаряда в миске! Длиной около сантиметра, тоненький, такой безобидный с виду железный красавец из стали высшего качества, способный убить человека или причинять столько боли, теперь лежит совершенно спокойно в моей каше! Скорее всего, организм не принимал, отторгал чужеродное тело, боролся с ним долго, и наконец кровавый гной вытолкнул его! Легко стало в голове, и захотелось опять жить! Ну, а осколки в сердце остались, и от них не избавиться. Это на всю жизнь! Каково было мне воевать и бросаться на вражеские танки и пулеметы за власть Советов и за Сталина? Я ненавидел Сталина, но еще больше ненавидел Гитлера! И вот сгорала моя бедная душа меж двух огней.

...Помню, шли мы с одним товарищем по лесу. Здесь было тихо и вроде безопасно – линия фронта проходила чуть дальше. Мы направлялись в штаб. Вдруг я споткнулся и чуть не упал. Раздосадованный, нагнулся посмотреть и нашел виновника. Оказывается, когда-то снарядом срезало могучую

сосну, но один сук, наполовину сломанный, но не оторванный от корней, который рос ближе к основе дерева, лежал на траве. Видно было, что по нему проезжала тяжелая машина – сук был буквально вдавлен мощными колесами в землю, но не сломан. Просто накрылся местами землей, и как-то удивительно извернувшись, продолжал расти и стремиться к солнцу! А место слома уже срослось, и сук питался от корней. «Через несколько лет будет большим деревом!» – подумал я. Меня удивило это чудо природы, я задумался на миг, стараясь найти в нем скрытый смысл. Спустя некоторое время, поднял голову, осмотрелся – стояла благодатная лесная тишина. Листья тихо шелестели, птички пели – будто и не было войны. Окликнул товарища, но он не ответил. Пока я замешкался, он ушел вперед. Но теперь его было не видно и не слышно. Хотя он не мог уйти слишком далеко, и я, забеспокоившись, побежал вперед, окликая его. Но лес молчал.

Исчез товарищ бесследно. В штабе всполошились, подняли тревогу, искали повсюду, но не нашли. А утром разведчики доложили, что вчера немецкая разведгруппа перешла линию фронта и прошла в наш тыл. Они, наверняка, взяли языка. И вполне вероятно, что их жертвой стал наш пропавший товарищ. Если так, получается, что сломанный, но не оторванный от своих корней сук случайно спас мне жизнь!

Как-то мы возвращались из разведки. Взяли языка, шли всю ночь. Изможденные, под утро дошли до какого-то полуразрушенного здания и завалились спать. Приснился сон. Во сне мать угощала меня свежесдобитым, ароматным хлебом. Я откусил хлеб и жевал, жевал с наслаждением, а мать так нежно смотрела на меня и гладила по голове. И тут проснулся. Светало. «Предутренний сон – вещий сон!» – вспомнил слова умудренных жизненным опытом аксакалов. – «И еще помните, сон сбудется не таким, каким его видели, а таким, каким его истолковываете! Поэтому сон не надо рассказывать никому, особенно недоброжелательным людям. Лучше самому истолковать все к лучшему». Я тихо помолился аллаху и подумал, что, наверное, мне суждено вернуться живым домой и отведать хлеб-соль своей матери. Тихая, светлая радость согрела душу, но в то же время одолевала и смутная тревога. «Вот если вернусь живым на родину, увижу родных

и близких, съем вместе с ними кусочек хлеба и сразу же умру, то буду счастлив и благодарен судьбе!» – подумал я.

Но вдруг какой-то шум привлек наше внимание. Мы, семеро разведчиков, прижались к земле и осмотрелись. И заметили группу немецких солдат, идущих по оврагу. Их было человек пятьдесят, вооруженные автоматами и пулеметами, они шли в обход наших флангов. Сразу догадались, что идут они в наш тыл. Наш командир Иван быстро принял решение и приказал атаковать немедленно, рассчитывая на внезапность. Мы заняли позиции, поджидая, и когда они поравнялись с нами, открыли огонь со всех автоматов – своих и трофейных – и забросали гранатами. Фашисты не успели оказать сопротивления, внезапный прицельный огонь вмиг многих сразил наповал. Лишь несколько врагов успели открыть ответный огонь, но они не видели нас и стреляли наугад. Постепенно мы перебили всех, а двух раненых взяли в плен.

В штабе были очень довольны нашим поступком, назвав его героическим. Оказывается, перебив отряд, сорвали какую-то секретную операцию. И нас всех представили к награде, а Ивана и меня – к званию Героя Советского Союза!

Но затем началась такая заваруха, и все смешалось в кровавой бойне. И не до наград было. Кто знает, может, сгорели наши бумаги вместе со штабом и командирами. После войны мои дети обратились в военкомат, но документа так и не было найдено.

За три года на передовой я многое повидал. Героизм одних и подлость других, смекалку солдата и самодурство командиров. Были случаи, когда солдаты прикрывали телом и жертвовали собой ради спасения уважаемого, человеческого командира. А иногда, бывало, чего греха таить, озлобленные самодурством и издевательствами командира солдаты, идя в атаку, первыми стреляли в спину такого горе-командира, а затем сами погибали с криком «За Родину!»

Еще я видел, как солдат, у которого оторвало взрывом половину туловища, из последних сил и истекая кровью, бросался со связкой гранат под немецкий танк.

Больше всего поражал патриотизм советских солдат. Представители разных национальностей, в том числе и казахи, как единое целое стояли насмерть и с криком «Ура!» шли

в атаку. Это было поколение, в основном родившееся уже при советской власти и воспитанное в духе большевизма. Они не видели того, что пережили мы, они не знали то, что знали мы. Самое главное, они свято верили в идеи социализма и интернационализма. Их подвиг заслуживает высокого уважения. И я, забывая свою душевную боль, рука об руку с ними шел в атаку и отчаянно дрался с фашистами. Иногда задавал себе вопрос: «Так кто ты, Асанбай Бектемиров, сын Аманжолола? Ура-патриот советов или националист-казах, болеющий за судьбу своего народа?! А может, просто солдат, воюющий за справедливость?» Ответа не было, и, глубоко вздохнув, подчинялся своей судьбе. А судьба всегда загадка.

...Расскажу еще несколько военных историй. Как-то мы сидели в лесу и обедали. Кругом стояла тишина, только тихо шелестели листья, умиротворяя душу. Вдруг один из наших товарищей медленно завалился на бок. Мы удивленно посмотрели на него, а он был уже мертв. Не было слышно ни выстрела, ни взрыва. Выяснилось, что ему прямо в темя упала, да-да, именно упала с неба планирующая бродячая пуля крупнокалиберного пулемета, выпущенная с борта самолета где-то там, вдали. И надо же, судьба какая – закаленный в жарких боях настоящий солдат, прошагавший два года сквозь огонь бомбежек, который бесстрашно бросался на вражеские траншеи под шквальным огнем, нашел свою смерть в тихом лесу, во время мирного обеда.

Однажды напали на нашу пехоту немецкие штурмовики. Они расстреливали наши позиции с крупнокалиберных пулеметов. Мы спрятались в укрытиях и наблюдали за ними, свободно летающими над нами. И тут случилось невероятное. Как-то один офицер, возвращаясь из штаба, оказался в открытом поле и попал под воздушный обстрел вражеского самолета. Являясь прекрасной мишенью, он, петляя, старался добежать до леса, чтобы укрыться за деревьями. А немецкий летчик, видно, хотел поиздеваться над ним, а может, у него кончились патроны – не знаю. Самолет почти настиг беглеца, как выяснилось потом, капитана, и, казалось, вот-вот протаранит его. И тут капитан кувыркнулся, лег на спину и выстрелил из нагана по низко летящему самолету. Навер-

няка, точно попал в голову фашистского летчика, и самолет, немного пролетев, упал на землю и взорвался. Воодушевленные подвигом капитана, наши солдаты начали стрелять по другим низко летящим фашистским самолетам, и те поспешно удалились. Командиры подбежали к капитану и радостно поздравляли его. Говорили потом солдаты, что его представили к боевой награде.

Сейчас, по прошествии половины века, с высоты двух тысячелетий, после стольких исторических потрясений, мир начал заново осмысливать ту страшную войну, пересматривать и переоценивать. Звучат разные мнения, люди спорят. Естественно, такая война, потрясшая и изменившая весь мир, многозначна и противоречива. Поэтому существуют разные мнения, противоположные, предвзятые и тенденциозные, субъективные и объективные... всех не перечислить... Но я знаю одно и убежден в этом: если совесть вождей была не чиста, то они в ответе за это перед историей, перед Всевышним. Но кровь солдатская, пролитая в той войне, чиста и свята!

Наша война была справедливой, мы защищали свою страну от захватчиков. Что поделаешь, если страной правили тиран и его приспешники?! Это совсем другой вопрос. Солдаты отдали свои жизни за родную землю, а не за правителей!

Кровь и смерть, жестокая схватка двух систем, казалось, растоптала, уничтожила в людях все светлое, человеческое. Но нет, человек оставался человеком, и дух его не был сломлен. Люди проявляли чудеса храбрости, верности боевой дружбе, самопожертвования, защищали грудью родину, погибали и пели! Да, да, пели песни во время затишья и с песней шли против смерти. Любили народные, советские песни. Не только пели, но и сочиняли новые. Помню, прогремела на весь фронт песня «Жас казах» – «Молодой казах». История этой выстраданной песни такова: погиб в бою Тулеген Тохтаров, ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Отчаянный храбрец и умелый, смекалистый воин совершил за свою короткую жизнь много подвигов. Один из первых автоматчиков, он один внезапно атаковал отряд фашистов и уничтожил тридцать шесть вражеских солдат. Однажды в бою у него кончились патроны, он был ранен очередью крупнокалиберного пулемета – весь живот был

рассечен, и внутренности вывалились на белый снег. Превозмогая боль, он, придерживая рукой разорванный живот, поднялся и бросился на немецкого офицера, стрелявшего в него. Добрался до него и ударил по голове автоматом, да так, что фашистский офицер замертво рухнул на землю. И на него упал Тулеген Тохтаров и на нем умер. Его гибель потрясла весь полк, а военный санитар, композитор Рамазан Елебаев, сочинил песню «Жас казах». Рожденная в огне войны, песня облетела весь фронт и стала гимном всех казахских солдат.

Покрытая снегом, широкая степь пропитана кровью,
Серое небо рычит, изрыгая смерть,
Защищая страну на войне, как лев,
Молодой казах бросается на врага и повергает его...
Как тяжело покидает молодая душа эту жизнь!

Потом до нас дошли слухи, что Рамазан Елебаев вскоре тоже погиб. Но песня «Жас казах» осталась навеки с народом, ее поют до сих пор! Чуть позже узнал, что Рамазан Елебаев – выходец из нашего рода аксары керей, что он родился в ауле Кудукагаш – Колодец и дерево, что в нашем районе. Да, да, в том самом ауле Кудукагаш, куда мы с Салимом любили ездить к нашей сестре Мариям и слушать сказки Алтын-апа! Вот так-то! Но он, оказывается, рано уехал из аула, затем учился и работал в Алматы. Нам не было суждено встретиться в этой жизни, но он всегда рядом, когда звучит песня «Жас казах»!

Испытание человечности

Командир нашей разведгруппы старший сержант Иван Петров был опытным специалистом своего дела. Мы сразу подружились. Он, с виду простоватый мужик, сколько подвигов совершил, сколько языков доставил прямо из логова врага!

Частенько, во время затишья перед боем или на привале в чистом поле, мы беседовали. Он доставал кيسет с такой важностью, что казалось, нет занятий важнее этого. Огрубевшими пальцами ловко закручивал самокрутку и глубоко затягивался тяжелым дымом махорки. Этот горький запах табака был для нас лучше всех ароматов на свете. Пуская дым колечками, забывали о войне и предавались своим мечтам.

Однажды мы с Иваном шли на разведку по нейтральной лесистой полосе, подальше от передовой. Здесь не было явно очерченной линии фронта. В любое мгновение можно было поймать пулю или нарваться на мину, поэтому солдаты, как наши, так и немецкие, предпочитали без особой надобности не заходить сюда. А для нас, разведчиков, это было проходной в тыл врага, а иногда даже в небеса.

Мы быстро перешли линию фронта и оказались в тылу у фашистов. Незаметно, как барс-леопард, проскальзывали сквозь густые кустарники и шли к цели – разведать расположение и количество немецких сил на нашем участке. Сколько раз ходили так на разведку и брали языков! Все было как обычно, как вдруг раздался грозный окрик:

– Хенде хох!

Я шел впереди. Вражеский окрик был как удар по темени, в глазах потемнело, и я застыл как вкопанный, медленно поднимая руки. Иван тоже последовал моему примеру. В голове возникла мысль: неужели это конец?!

– Кому говорю, руки! А ну-ка, руки вверх! – вдруг услышали команду на русском языке.

– Не стреляйте! Свои! – обрадовано шагнул я вперед, действительно поверив, что это наши солдаты, принявшие нас за немецких лазутчиков.

– Свои, свои! Здесь все свои! Иди к нам! – позвал неизвестный, и я увидел силуэты за кустами. Их тоже было двое.

– Иду, иду! – ответил я и пошел к ним с поднятыми руками.

А Иван, воспользовавшись моментом, нырнул в кусты. Я тоже собирался последовать его примеру, но тут просто остолбенел.

– Асанбай!? Эй! Это ты, Асанбай?! – вдруг закричал неизвестный по-казахски.

Голос больно знакомый, но я был не в состоянии узнать его. Тут он что-то крикнул по-немецки, наверное, предупредил своего и, выскочив из своего укрытия, побежал ко мне. Когда разглядел бежавшего, даже голова закружилась от волнения.

Это был Салим!

– Бауырым – брат мой! – воскликнул Салим.

– Салим! – ответил я, и мы бросились друг другу в объятия. Невольно слезы навернулись на глаза.

Не знаю, что подумали Иван и немец. Они оставались лежать каждый в своем укрытии. Наверное, держали на мушке друг друга, а может, и нас, двух братьев.

Вот так играет нами судьба – два родных брата-казаха, почти после двадцати лет разлуки, неожиданно встретились на линии фронта и стояли, обнявшись, под прицелом автоматов.

Мы присели под большим деревом. Вначале от волнения не могли даже говорить. Чуть опомнившись, стали расспрашивать о здоровье, про жизнь. Салим спросил о матери.

– Год назад была жива, здорова, дома, с внуками. Теперь сам не знаю, давно писем не было. А мы все думали, что ты погиб! – сказал я.

– Как видишь, жив, здоров! – ответил он. – Перешел к немцам с власовской армией! Был приказ генерала, и все тут! Иного выхода не было!

– Пойдем к нашим! – наконец не выдержал я.

– Каким нашим?! – разозлился он. – Этих ты уже называешь своими? Надеюсь, ты не забыл, сколько нашего народа они истребили!

– Ладно, не до политики сейчас! – прервал я. – Пойдем домой!

– Домой нас никто не пустит! Меня сразу к стенке, и точка! Лучше давай пристрелим этого русского и пойдем с нами!

– Нет, Салим! Я вышел с Иваном на разведку и вернусь только с ним! Лучше давай твоего немца возьмем как языка и пойдем с нами! Авось, простят!

– А я прощения просить не собираюсь! Слишком много претензий у меня к советской власти! И виноватым себя не чувствую!

– Но против правды не попрешь! Почти весь казахский народ вместе с Советским Союзом и воюет с фашистской Германией!

– Жаль! И очень больно! Во имя чего? За чуждые нам империи? Во имя двух психопатов, страдающих манией величия и стремящихся к мировому господству?

– Ты раньше ненавидел Маркса и Энгельса, а теперь как-то быстро полюбил Гитлера и Геббельса!? – съязвил я. Рифма так понравилась Салиму, что он улыбнулся.

– Я и этих не люблю! – шепотом стал оправдываться Салим. – Но пойми одно: немцы ни в чем не виноваты перед нашим народом! Не их власть уничтожила наших людей голодом! Не они репрессировали нас и вырезали весь цвет нашей нации! Практически вырезала всех выдающихся казахов и обезглавила наш народ русская власть, за которую вы воюете и готовы отдать свои жизни! Глупо по-человечески! Политическая слепота, наивность и боязнь наказания заставила вас взять в руки оружие и броситься грудью на немецкие пули с криком: «За Сталина! За Родину!» Как можно жертвовать своей жизнью за этого кровавого тирана? Как может быть нашей родиной такая кровожадная страна большевиков, беспощадно уничтожившая добрую половину нашего народа! Да и многих других народов тоже! Скажи, объясни, какой смысл в вашей, в лично твоей, войне? За кого, за что вы идете на верную смерть?

– Защищая Советский Союз, мы защищаем свою землю, свой дом! Ладно, оставим этот спор! – примирительно сказал я. – Лучше расскажи о себе. Где ты пропал все эти годы?

Салим успокоился, и посмотрев по сторонам, вкратце рассказал о своей жизни.

– После поражения Алашорды я скрывался от преследования красных в южных краях степи. Затем мы восстали против насилия советской власти. Но из центра были направлены карательные отряды, хорошо вооруженные, закаленные в боях с белогвардейцами. Мы бились несколько раз в чистом поле, и в открытом бою они разбили наши слабооруженные, неопытные повстанческие группы. Особый урон нанесли нашей коннице тачанки – они летели и вращались как смерч, изрыгая град смертоносного свинца. Много наших крепких удальцов пали жертвами этого обстрела, не успев даже вступить в бой. Что поделаешь, мы были разбиты окончательно, и остатки наших отрядов рассыпались по всей степи. Единственное утешение – степные меткачи умудрились из старинных ружей и луков поразить несколько врагов, а я лично из трофейного бесатара – пятизарядной винтовки – убил троих красноармейцев и командира! И подался в дальние края, сменил имя, фамилию и скрылся в туркменских Каракумах – черных песках, вместе с адайцами. Но наше сопротивление не было бессмысленным, ибо после множества таких восстаний местные власти все-таки изменили свою тактику и стали чуть сговорчивее, осторожнее в обращении с казахами.

– А как ты попал сюда?

– Добровольцем, как и ты! – съязвил Салим. – Вместе с туркменами. Под другим именем!

– Ты хоть женился? У тебя есть семья?

– Да! Двое детей – сын и дочь растут в Каракумах – черных песках.

Начали говорить о родном доме, о близких нам людях, и тут раздались выстрелы. Неподалеку началась перестрелка.

Мы крепко обнялись и простились.

Салим махнул рукой на прощание и скрылся за деревьями. Я тоже, пригнувшись, побежал назад. Иван встретил угрюмо.

– Кто это? – спросил он тихо.

– Да бывший товарищ, земляк! – солгал я. – Попал в такие переплеты, запутался совсем и вместе с генералом Власовым ушел к немцам.

– А почему ты их отпустил? Как-то предательством пахивает!

– Да ты что мелешь чепуху! – резко возразил я. – Мы ведь не совсем озверели, чтобы стрелять в бывших друзей!

– Как ты можешь назвать его другом?! Он – предатель, и точка! Надо было кокнуть!

– А что же не выстрелил? Он же был как на ладони!

– Да очень сильно хотел это сделать! Но понимал, что его хер фашист тоже держит тебя на мушке! Я не мог допустить, чтобы тебя убили!

– Ну, я так и понял! Думаю, и ты все понимаешь!

И вопросительно посмотрел на него, своего боевого друга. Так хотелось рассказать ему всю правду, но не мог. Время научило молчать.

Иван тяжело вздохнул и буркнул:

– Да ладно, хрен с ними!

Мы шли к своим. Но мысли были далеко. Я был глубоко потрясен неожиданной встречей с Салимом и еще сильнее – тем, кем он стал! Вот так она, война, разбрасывает и перемальвает людей.

Я не мог осуждать его, не мог и понять. Лишь искренне желал, чтобы он остался живым. Мне хотелось встретиться с братьями после окончания войны в родном ауле, сесть возле пылающего очага в звездную ночь и беседовать душевно. Сердце разрывалось, я про себя молился.

...Несмотря на все испытания и трудности, наша армия начала побеждать и изгонять врага с нашей земли. Мы воювали в составе Украинского фронта, под командованием маршала Жукова. Прошли через русские города, освободили Украину и вошли в Европу.

Но всякому везению бывает конец.

Глубокой осенью, в ноябре сорок четвертого, ходили за «языком» в тыл фашистов. Нас было пятеро во главе с нашим неизменным предводителем Иваном. Темной ночью тихо перешли линию фронта, прошли в тыл вражеской обороны и,

выбрав удобную позицию, устроили засаду, подкарауливая неосмотрительных солдат, отошедших от своих укреплений в сторону. Мы видели огни немецких блиндажей. Вдруг слышались шаги – в нашу сторону шли двое. Мы напряглись, и тут случилось непредвиденное. Наверное, густая трава щекотнула нос, и один из наших солдат чихнул, да так громко, что я невольно вздрогнул. Немцы повернулись и побежали к своим, крича на ходу: «Ахтунг! Руссо! Ахтунг!» Поднялся шум-гам, десятки ракет взмыли в небо, и началась стрельба. Палили в нашу сторону, и при свете ракет сразу были убиты два наших товарища. Мы втроем начали отступать.

И вдруг Иван, крикнув «ложись!», схватил меня и повалил на землю. Тут же прогремел взрыв. Через миг я пришел в себя, осмотрелся, не находя повреждений. Смотрю, Иван лежит рядом, прикрыв меня с боку, и тяжело дышит. Понял, что он ранен, и тихо толкнул его.

– Иван! Уходим!

– Нет! Оставьте меня и уходите! Прощайте и простите, если что не так! – проговорил, задыхаясь, Иван.

– Нет! Мы уйдем вместе! – решительно ответил я.

– Уходите! Это приказ! – процедил он сквозь зубы, сжимаемая гранату. Нам пришлось подчиниться последней воле нашего командира, и мы начали отходить.

Не успели далеко отойти, как прогремел взрыв. Мы догадались, что смертельно раненый Иван взорвал гранату, когда немцы бросились на него, чтобы схватить. Так героически погиб наш боевой товарищ. Это он, жертвуя собой, спас меня от смерти, вовремя заметив вражескую гранату и повалив на землю.

Но мы так и не ушли. Немецкая пуля догнала моего товарища, и он упал замертво. Я подумал, что пришел конец. Укрывшись за каким-то большим камнем, решительно ждал приближающихся врагов. Страха не было, только было жаль покидать белый свет вдаль от родного края, не увидев, не простившись с родными, с матерью, с женой и детьми. На миг представил их, и так захотелось жить, вернуться домой. Перед глазами появилась моя Халима, которая заклинала, провожая на войну: «Вернись живым!»

Я так ненавидел войну, убийства, уничтожение человека человеком, что моя душа разрывалась и кричала всем жаждущим власти над землей, всем, кто стремится к этому через кровь и страдания, всем завоевателям-героям: «Это несправедливо! Война бессмысленна, на войне победителей не бывает! Остановитесь, о, люди!» Но меня никто не слышал и не услышит! От этого было еще больнее. Да, никому даже нет дела, что Асанбай Бектемиров, сын самого доброжелательного и мирного народа на планете, погибает вместе с русскими солдатами на чужой европейской земле, и останется навеки лежать под кустом. И никто не узнает, как и за что погиб. Это бесило больше всего, и я отчаянно отстреливался до последнего патрона.

В последний момент прошептал калима – молитву: «Ля иляха илла аллах!» и осталось только одно желание – отомстить за своих боевых друзей, особенно за Ивана и побольше забрать с собой свою жастык – подушку из вражеских тел на тот свет. Так предки-кочевники говорили с большим уважением о достойных воинах, которые погибали не зря, а уничтожали столько врагов, сколько смогли: «Он герой, унес с собой свою подушку!» Не знаю, скольких там я застрелил, но, кажется, попадал. Немцы вскоре окружили меня и стали кричать: «Руссо, руссо! Сдавайся, сдавайся! Хенде хох!»

Патроны кончались, оставались штык и граната, и не знаю, что было бы дальше, как вдруг почувствовал, как к затылку приставили дуло автомата и приказали на чистом русском языке:

– Бросай оружие! Руки вверх! Мой совет – сдавайся добровольно!

Враг был опытный, не дал возможности пошевелинуться, и, пригвоздив стволом к земле, заставил сдаться.

Я сначала не поверил своим ушам. Думал, мерещится. Слышалась русская и казахская речь! Потом понял все. Это были солдаты Русской освободительной армии и Туркестанского легиона. Они служили немцам и, по существу, спасли меня от верной смерти.

Немцы допросили меня быстро. Ну, какую военную тайну может знать простой окопный сержант? Линия фронта, расположение войск им и так известны. Ничего нового, полезного для фашистов нет. Немецкий офицер собирался рас-

стрелять, но казах-туркестанец упросил его оставить меня в живых для дальнейшей службы в легионе. Немцы махнули рукой. Для них никакого значения не имело – одним больше, одним меньше на этом свете, и отправили в лагерь для военнопленных.

Вот как повернулась судьба! Получается, меня спасли предатели Родины, враги советской власти. Как быть теперь? Если встретятся эти ребята в чистом поле, долг советского солдата обязывает меня уничтожить их. А как выглядит человек, который убивает тех, кто спас его от смерти? Попробуйте развязать этот клубок истории, не оборвав ни одной нити!

Легионер, его звали Мажит, говорил мне, что организовал Туркестанский легион Мустафа Чокаев, известный политический деятель, алашордынец, эмигрировавший в годы сталинских репрессий в Париж. В легион набирали военнопленных казахов, узбеков, киргизов, туркмен, татар, башкиров, азербайджанцев и всех представителей мусульманских и тюркских народов. Он шепотом говорил, что основной целью Мустафы Чокая было не столько служение Третьему Рейху и война против советской власти, сколько спасение своих братьев по крови и религии от неминуемой смерти в фашистских застенках. И хоть он умер в начале войны при загадочных обстоятельствах, созданный им Туркестанский легион действительно спас многих наших собратьев. «Вот, благодаря ему, ты тоже живой, и это самое главное!» – хлопнул меня по плечу легионер. Я тихо поблагодарил его.

Каждый год, в День Победы, девятого мая, я читаю Коран, посвящая молитву душам погибших в Великой Отечественной войне. А еще каждый год, в день смерти Мустафы Чокая, читаю молитву, посвящая ее Мустафе и Мажиту.

Какая противоречивая штука жизнь! Не знаю, насколько прав или не прав, но я хотел остаться человеком в этом смерче событий.

Легионер Мажит, пока меня везли в лагерь для военнопленных, полушепотом рассказывал, что большинство пленных русских и казахов не хотят вступать в ряды РОА – Русской освободительной армии и Туркестанского легиона. Но жизнь в плену – очень тяжелое испытание, и, не выдержав

нечеловеческих условий, часть из них соглашались служить немцам. Есть и такие, которые за хорошее питание и сносные условия жизни навсегда оставались в их рядах. Но многие, как только попадают на передовую, при первой же возможности переходят к своим, невзирая ни на что. Иногда просто убегают группами или прорываются с боями. Поэтому немцы старались держать Туркестанский легион подальше от советского фронта. Вот и сейчас основные силы легиона находились совсем в другой стороне – во Франции.

Мажит говорил о многом, но со временем большая часть разговора забылась. Но самое главное запомнил – он говорил, что хотел просто спасти меня от неминуемой гибели, потому что все казахи – братья. И еще посоветовал быть покладистым, не высовываться и терпеть все невзгоды плена. «А еще лучше будет, если через некоторое время вступишь в ряды Туркестанского легиона!» – подытожил он.

– Там будешь не один! Братья-туркестанцы встретят тебя с раскрытыми объятиями. Будешь служить и жить как солдат вермахта, ну, может, чуть хуже, но все-таки несравнимо лучше, чем в лагере, на самом дне. Да и вообще, что вы потеряли в этой стране советов – колонизаторов!?! Глупо воевать за них!

– Сколько вас? – тихо спросил я, не смея возражать своему спасителю.

– Нас несколько сотен, а может, и тысяч по всем фронтам! – уклончиво ответил Мажит.

– А сколько нас? Миллионы! Весь казахский народ! На фронте проливает свою кровь. Работает в тылу и ждет с надеждой своих сыновей и братьев. Хочешь не хочешь, но эта война стала священной, отечественной и для казахов! Она стала нашей общей трагедией со всеми народами Союза! Ты прости, но перейти к вам не могу. Если твоя дорога пошла по-другому, что поделаешь, такова судьба! Но я остаюсь со своим народом. Да, спасибо, что спас как брата, но пойми: измена присяге – смерть для джигита!

– Постараюсь понять, Асанбай, – спокойно сказал прожженный огнем, переживший гонения и травлю туркестанец. – Но и ты пойми правильно, мы хотим блага для всех казахов! Подумай еще. Поживем, увидим.

Я промолчал. Он тоже не стал докучать, а просто сказал: время покажет. Так хотелось спросить его про Салима, но удержался. Боялся, как бы не навредить брату. На прощание легионер Мажит сказал, что еще вернется за мной. Но исчез навсегда. Никто не знает, что там у них случилось, а война стремительно шла к концу, усиленно затягивая в свой кровавый водоворот все больше и больше людских жизней.

В плену у немцев я пробыл почти шесть месяцев. Вначале было просто ужасно. Но, как говорят казахи, через три дня человек привыкает и к могиле. Очухавшись, тянул свою лямку со всеми вместе.

Сколько нас, советских военнопленных, было здесь, никто точно не знал. Наверное, несколько тысяч. Здесь были выходцы из многих уголков Советского Союза. Мы толпами жили в полуподвальных каменных застенках. Низкий серый потолок, двухъярусные железные нары, маленькие окошечки, зарешеченные с немецкой аккуратностью, давили на психику. Мы толком не ведали, где, на какой стороне света находимся. С нами обращались как с рабами. Кормили сносно, чтобы могли работать. Ранним утром выводили на работу. В основном копали землю, строили какие-то непонятные укрепления. Ползли слухи, что это бункеры, огневые точки для подземного укрытия. Для себя делали вывод: немцам туго и они отступают. Скоро наши будут здесь, но, неизвестно, доживем до этого дня или нет. Многие, полуголодные, умирали от переутомления. После нескольких месяцев тяжелой, иногда непосильной работы пленные превращались почти в живых скелетов. Тех, кто падал в обморок от изнеможения во время работы и не мог подняться, охрана пристреливала без звука. Природная выносливость и многолетняя закалка пригодились и на этот раз, и я терпел все тяготы и унижения. Бывало, лопата казалась такой тяжелой, что становилось невозможно даже пошевелить ею, а сделать шаг было почти невозможно. Однажды я упал от бессилия на холодную, сырую землю, и конвоир начал наводить ствол автомата, но неимоверным усилием воли, каким-то чудом я заставил себя подняться. Как будто какая-то святая мощь поддержала меня, и, почувствовав прилив сил, опять взял лопату и продолжил работу. Конвоир-немец оскалился, покачал головой и отвел

ствол. Я тихо помолился Всевышнему, вспомнил святых предков Марал ишана и Салык муллу.

Плен – самый унижительный удел человека, и я переносил это только потому, что очень хотел выжить. Выжить любой ценой и вернуться домой, увидеть детей, мать, жену, родной край! Но, не все зависело от меня. Фашисты в любой момент любого военнопленного могли вывести и расстрелять. Но это происходило очень редко, потому что немцы берегли и использовали нас как рабскую силу.

Многие советские солдаты стойко переносили все тяготы и оставались верны воинской присяге, но были и такие, которые, не выдержав мучений, поддавшись уговорам и испугавшись угроз, вступали в ряды Русской освободительной армии и Туркестанского легиона.

Иногда думаю, что, если бы фашисты заставили меня вступить в ряды Туркестанского легиона? Смог бы стрелять в советского, в русского солдата?! Я дрался с царскими карателями, был против белых и красных, потому что они пришли с оружием на мою землю. Ненавидел всякую власть колонизаторов – русскую, царскую, белую, красную, советскую, называйте как хотите. Но стрелять в русского солдата я не мог!

В этой войне мы все были братьями, боевыми друзьями. Мы, казахи, русские, все национальности огромной страны, были едиными советскими солдатами, боевыми товарищами и защищали единую Родину – СССР! Защищая Советский Союз, русский край, мы защищали свою родную землю, свой народ.

Это была священная война! И кровь солдата, пролитая в той войне, священна! И дружба солдата, испытанная огнем и мечом, священна!

Нет, не мог я, несмотря на всю неприязнь и историческую обиду за свой казахский народ, поднять руку на русского солдата, вместе с которыми шел на смертельный бой с фашистами. И твердо решил не вступать ни в Туркестанский легион, ни в Русскую освободительную армию.

«Лучше испытать свою горькую чашу до дна, чем быть предателем! А там посмотрим!» – успокаивал сам себя.

Америка и аул

День за днем война приближалась к концу. Ночами слышны были далекие канонады и взрывы авиабомб. Бывало, мы тряслись на нарах, боясь, как бы свои, советские бомбы и снаряды, не разорвали нас в клочья.

Однажды ночью услышали отзвуки ожесточенных боев, которые, судя по всему, шли рядом. Всю ночь, несмотря на усталость, не могли сомкнуть глаза, и лишь под утро заснули.

Наутро нас никто не заставлял, как обычно, выходить на работу. Казалось, про нас забыли. Лишь через сутки послышались чьи-то шаги, и ворота отворились. Вошли солдаты, но не наши.

Это были американцы.

Они хотели увезти военнопленных в далекую загадочную Америку. Нам так и сказали: «Поехали к нам, ребята, будете жить свободно! А вернетесь в свою страну, Сталин прикажет всех вас расстрелять!»

Некоторые предпочли уехать с ними в Америку, чем возвращаться в СССР.

Вот это было бы здорово! Сесть на большой корабль и бороздить мировой океан. Плыть и плыть день и ночь, лежать на открытой палубе, обдуваемой вольным теплым ветерком со всех сторон, смотреть на мерцающие крупные звезды на ночном небосклоне Южного полушария, наслаждаться мирным мгновением жизни и предаваться своим мечтаниям.

Но я отказался!

Что-то меня не отпускало!

Тоска по родной земле была сильнее. Сильнее американской мечты и сильнее страха сталинских лагерей.

Ну хорошо, поплыву на корабле через Атлантику, и что дальше? Не будешь же всю жизнь плавать и созерцать звездное небо. Когда-то придется выйти на берег, и этот берег не наш, чужой, американский! Нет, лучше поверну лодку своей жизни к родным берегам!

И тут внутри меня тихо прозвучал насмешливый голос Салима: «А где твой родной берег? Есть ли вообще наш родной берег? Хочешь назвать родным берег страны, которой правит кровавый тиран? Ты отдаешь себе отчет в том, что там тебя ждет?!»

Интересно, почему называем эти явления голосами, они ведь не звучат – ни громко, ни шепотом! А мы слышим их как бы нутром. Голоса без звука – какой парадокс!

Не помню, когда начали преследовать меня эти противоречивые голоса. Кажется, еще с кровавых двадцатых годов. Они звучали во мне, разные, неожиданные, где-то там, в глубине, то задавая неудобные, мучительные вопросы, то осуждая или подбадривая. Иногда голоса шумели в голове, в ушах, не давая покоя. Они стали моими мучителями и учителями одновременно.

И я все-таки повернул. Меня манила к себе родная земля, мой аул, моя родня, мой очаг. В сердце звучали голоса матери, Халимы, детей:

«Вернись живым! Вернись, наперекор всему!»

Не знаю, поймет меня сегодняшняя молодежь или скажет: «Вот, дурак! Ему предлагали бесплатно на корабле уплыть в Америку, страну грез, купаться в синей океанской воде и в потоке зеленых долларов, жить свободно и подчиняться только закону, а он отказался! Во имя чего? Чтобы валяться в лагерной грязи, блуждать в дебрях бесправия и жестокой советской действительности? В лучшем случае влачить жалкое существование в степных совхозах, где нет даже элементарных жилищных условий?»

Может, отчасти они правы. Но им не понять того глубокого чувства любви к родной земле, к ковыльным просторам степи, к запаху полыни – жусана. Надо родиться в степи, чтобы понять это. Тяга к родным местам была настолько сильной, что соблазн сладкой свободной жизни и великой американской мечты не могли перетянуть меня на чужбину.

Я решительно вернулся в свою героическую и коварную, добрую и жестокую, честную и чудовищную страну с твердой решимостью принять все то, что придется пережить.

Была надежда и на прощение. Среди пленных ходили слухи, что Сталин приказал оправдать всех наших солдат, по-

павших в плен, но до этого храбро воевавших с фашистами, проливавших свою кровь за Родину. Тогда мне, больше трех лет сражавшегося на передовой, трижды раненого – дважды тяжело и один раз легко – имеющего боевые награды, вообще бояться нечего. Говорили, что об этом объявили генералы, передавали по радио, писали в газетах. И многие поверили обещанию военно-политической верхушки и вернулись домой.

Только потом, по прошествии многих лет, я читал где-то, что действительно было такое постановление, но оно было правдивым не для всех. То есть, многих действительно простили и восстановили во всех правах, а других посадили.

Моя участь оказалась тяжелой.

Лагерь

На Родине нас, своих солдат, бывших в плену у немцев, встретили холодно. Проверили, обсудили и отправили кого куда. Кто-то поехал домой, кто-то на службу, а кто в лагерь. Мне выпала путевка в Сибирь на десять лет! От расстрела, пожалуй, спасли три ранения на передовой, орден Красной Звезды и высшая солдатская награда за личный подвиг – медаль «За Отвагу», которые отобрали.

Обвинения были нелепыми. «Почему попал в плен, а не погиб, как подобает советскому солдату, героической смертью?» Естественно, я не мог брякнуть в лицо суровым судьям, что не хотел и не хочу погибать за таких тиранов, скажите спасибо за то, что вообще воевал!

Сказал, как было на самом деле.

Судилище быстро вынесло приговор. Эти шесть месяцев плена перевесили три года войны на передовой. Главное обвинение заключалось в том, что, якобы, я умышленно сдался в плен, поддался враждебной агитации туркестанцев и работал на немцев. Никаких оправданий даже слышать не хотели.

Отправили меня на край света вместе с такими же горемыками в спецвагонах. Потом пересадили в грузовики. Мы даже понятия не имели, куда едем. Только после мучительно долгого переезда, когда прибыли на место, узнали, что попали в местечко Сусуман. Название запомнилось сразу, оно напоминало казахское слово су – вода и сусу – скольжение, течение.

Позже узнал, что речку Сусуман, приток Колымы, которая текла рядом с лагерем, эвены называли Кухуман, что означает буран, поземка. Точно, скользит поземка, течет речка!

Сведущие зеки говорили, что этот лагерь находится аж в Магаданской области, на крайнем севере, дальше самого Магадана. Оказывается, отсюда до Оймякона рукой подать. Про Оймякон все наслышаны – самая холодная точка

планеты. Название Оймякон напоминает казахское слово Ой мекен – место обитание в низменности.

Климат Сусумана сверхсуровый, зимой морозы доходили до шестидесяти градусов. Поговаривали зеки, что эти места – самые холодные на земле. Люди мерзли, болели, нередко умирали от истощения. Умерших заключенных тихо хоронили и ставили таблички с номером – и конец! Когда видишь такое, так не хочется умирать! Да ведь никто потом не найдет, не прочтет молитву на твоей могиле! Так и сгинешь в неизвестности. Ходили слухи среди зеков, что недалеко отсюда и Долина смерти, при одном упоминании которой все умолкали от ужаса. Страх смерти напоминал о себе каждому. Любой из нас, если в чем-то провинится перед кем-то, мог исчезнуть в любой день и час. Люди умирали не только от мороза, но и от руки отморозков. Поговаривали, что даже краснопогонники особо не церемонились с неугодными, норовистыми, и при удобном случае, тех, кто посмел перечить им, пускали в расход «при попытке к бегству».

Что и говорить-то, приходилось выживать в нечеловеческих условиях, созданных человеком для человека.

Но при всех ужасах лагерная жизнь имела и свои плюсы по сравнению с передовой. Во-первых, по тебе денно и ночно не бьют из пушек и пулеметов, не бомбят самолеты. Во-вторых, все-таки есть какой-то порядок, закон, хоть и жестокий. И шанс выжить несравненно выше, чем на войне.

Сначала было очень тоскливо, но постепенно начал привыкать к новой обстановке. Я принял все это спокойно, как неизбежность.

Лагерные дни тянулись медленно. Интересно, когда месяцы и годы идут однообразно, то скучная череда серых будней тянется, кажется, бесконечно. Но когда все-таки проходит это время, и ты оглядываешься назад, то оно кажется тебе коротким отрезком пути, окрашенным в один невыразительный серый цвет. Вот так, небогатые событиями первые пять лет прошли сравнительно тихо, если не считать мелких склок и столкновений зеков, окриков начальников и рутинную работу. В Сусумане добывали золото,

поговаривали, что здешние прииски считаются одними из самых богатых на земле. Мне повезло – работал на лесозаготовках. Пилить лес все-таки легче и привычнее, чем дробить камень в стужу. Жили в длинных, низких каменных и деревянных бараках, с железными ограждениями, построенных самими же зеками. Кормили сравнительно неплохо, скорее всего, не от жалости, а просто как необходимую рабочую силу. Горячая тюремная баланда казалась такой вкусной после тяжелой работы.

Лишь интересные рассказы и жаркие споры разношерстных зеков – политических, военных и уголовных, представителей разных национальностей – вносили какое-то оживление в наши серые будни. Их разговоры развлекали, возмущали, будоражили кровь, будили мысль. Наслышавшись всякой всячины о политике и политиках, после долгих размышлений, я пришел к выводу, что политика – вещь сложная, многослойная. Политик думает одно, говорит другое, делает третье, ожидает четвертое, преследует пятое, получает шестое.

А за каждым политическим шагом кроется столько таинственных хитросплетений, что непостижимо уму нормального человека. И решил не вступать ни в какие разговоры на политическую тему, а просто слушать и мотать на ус. «Кто молчит, тот оберегает себя от больших бед!» – гласит одна казахская пословица.

Естественно, иногда болтали о том, о сем с теми, с кем сдружились. В общем, серые будни шли своим чередом, и мы несли дальше груз своей судьбы.

Я держался тише воды, ниже травы, ни с кем не спорил, исполнял все приказы краснопогонников. Одна-единственная, самая главная цель в жизни придавала мне сил и терпения – вернуться домой живым! Нередко звучал в ушах голос милой Халимы: «Вернись! Вернись живым, не взирая ни на что! Мы ждем тебя!»

Все люди разные, и почему-то не могут ужиться, даже находясь в таком тяжелом положении. Однажды один из уголовников, новоявленный громила-авторитет, грубо окликнул меня и велел принести ему воды. Повиновение означало падение авторитета, и я отказался. Получив от-

пор в словесной перепалке, он, злобно стрельнув глазами, удалился. Понятное дело, затаил обиду и замыслил недоброе. Он был из другого барака. Мне так не хотелось после той войны с кем-нибудь враждовать, тем более воевать. Но не все зависит только от тебя. Теперь на мои плечи навалилась еще одна нелегкая проблема.

Весной пятидесятого года к нам пришел новый смотрящий. Его все звали Тараско, по фамилии. Звучная, она сразу осталась в памяти. Имя его никто не произносил. Хохол или капитан Тараско – и все было понятно. Он был загадочным человеком. О нем никто ничего толком не знал. Одни говорили, что он воин-герой, другие шептали, что служил во внутренних войсках, а третьи считали, что он особист до мозга костей.

Тараско стал инвалидом во время войны, сильно прихрамывал на правую ногу, а левой руки до самого плеча не было. Сказывали, что он попал под обстрел немецкого танка, был поднят взрывом высоко в воздух, и упал прямо перед бронированной машиной. «Тигр» проехал по его левой руке. Но капитан, теряя сознание, сумел бросить гранату сзади и сжечь бронированное чудовище. После госпиталя его списали, но он не хотел оставить службу, и его направили сюда. Он был суровым, строгим, но справедливым малым. Высокорослый, косая сажень в плечах, настоящий украинский богатырь теперь наблюдал за зеками. Иногда я чувствовал, что ему тесно здесь.

Каждый день он наблюдал за нами, пока мы работали в лесу. И вот однажды произошло событие, перевернувшее всю мою жизнь.

Мы валили лес, как всегда. Двое лесопильщиков, предчувствуя окончание работы, азартно усилили движение, и пила завизжала пуще прежнего. Высокая сосна начала медленно падать. Я стоял в стороне, задумчиво глядя на макушку великолепного дерева и дальше, на пасущиеся в небе облака. И, скорее всего, интуитивно почувствовал, что сосна, мощно набирая скорость, падает как раз на безмятежно стоящего Тараско. Он стоял спиной к дереву и ничего не видел. Дальнейшее произошло как во сне. Меня как будто подтолкнули, и я отчаянно бросился к нему и на

лету оттолкнул двумя руками в сторону. Мы вместе упали и покатались по густой лесной траве, и в это время толстый длинный ствол со всеми сучьями с неимоверной силой ударился об землю. Треск ломающихся сучьев и пыль, поднятая в воздух, как после взрыва бомбы, повергли нас, двух закаленных вояк, в шок. Гибкие, мягкие молодые побеги и зеленые иголки накрыли нас. Несколько мгновений мы лежали неподвижно, по боевой привычке ожидая последующих взрывов. Затем, вспомнив, где мы, быстренько выбрались из холодных объятий вечнозеленого друга. Зеки издали смотрели на нас, вытаращив глаза. Столько смятения и собранности было в этих дубленых, морщинистых лицах! У меня как будто мороз пробежал по коже. Охранники приготвилились к бою, некоторые подбежали к капитану.

Тараско успокоил их жестом и, прихрамывая сильнее обычного, подошел ко мне.

– Спасибо! Гарный мужик!

Он хлопнул меня по плечу и пожал руку. Я посмотрел ему в глаза. Эти большие, синие глаза красноречивее любых слов выражали его благодарность, излучая свет и тепло. Я был сильно взволнован и, крикнув, чтобы скрыть это, зашагал в сторону своих товарищей. Встретили меня молча. Угрюмо продолжили свою работу. Только верзила-авторитет изредка сверлил меня свирепым взглядом.

Ночью долго не мог уснуть, прокручивая в сознании снова и снова произошедшее. И не мог найти разумного объяснения своему отчаянному поступку. Что это было?

По всем правилам инстинкта самосохранения, не должен был бросаться под падающее огромное дерево. Я – зек, несправедливо осужденный советской властью. Был солдатом этой страны, защищал ее, не щадя живота своего. И правители этой страны отправили меня в лагерь. Следовательно, я не должен был, не имел права спасать от неминуемой гибели офицера этой власти. Что подвигло меня на этот отчаянный поступок? Жалость человеческая? Разве не умерло во мне это чувство после всего пережитого?

Или это была простая солдатская взаимовыручка?

Ведь я мог погибнуть или стать калекой на всю оставшуюся жизнь. А умирать совсем не хотелось. Особенно теперь, когда шквальный огонь и взрывы фашистских снарядов остались в прошлом. Погибнуть там, где не стреляют, солдату, прошедшему через горнило мировой бойни, было как-то не к лицу.

Ворочался на соломенном матраце полночи, мучился над этим вопросом, но ответа так и не нашел. Наконец, забылся и уснул.

Только утром понял, что бросился спасать офицера по доброте душевной. Только она, доброта человеческая, подвигла меня на этот отчаянный поступок. Не было никаких разумных мыслей, корыстных расчетов, а был простой порыв души – вот человек в беде, и надо ему помочь!

Но, оказывается, не все так думали, и не всем это нравилось. Назавтра, во время работы, я отошел чуть в сторону, по малой нужде. Только собрался вернуться, как появился тот самый бугай-авторитет. Он явно караулил меня и теперь преградил мне путь.

– Ты зачем спас начальника? – спросил он хриплым голосом.

– Я спас человека! – ответил я, как можно миролюбиво. – Он такой же солдат, как и я. Прошел такую же войну и теперь должен вернуться домой живым! Не погибать же ему под каким-то деревом!

– Нет! Ты спас нашего врага! Следовательно, ты наш враг! – Его глаза наполнились такой злобой, что мурашки пробежали по моей спине. – Сама судьба собиралась наказать краснопогонника, а тут встречаешь ты, гнида! Выслужиться хотел, да?! Я долго следил за тобой и давно почувствовал, что ты – говнюк. Все собирался тебя посадить на парашу. А ты хитрец, почуял это и удачно подсуетился. Думаешь, теперь будешь спокойно жить за пазухой у капитана Тараско?! Нет, не дадим тебе уйти от нас! Так что выбирай! Или – или! Либо ты замочишь его сам, и мы квиты! Либо встанешь на нож! Даю тебе сутки, чтобы исправить ошибку! Все, время пошло! Сука, ты на счетчике!

Он так же быстро исчез, как и появился. Я ничего не мог ему объяснить и надеялся, что это просто бравада.

Думал, при следующей встрече попрошу его выслушать и объясню все по-человечески.

Но не тут-то было! На следующий день, к концу работы, ко мне подошел молодой зек и попросил отойти в сторону. Есть, мол, разговор. Я насторожился, но деваться было некуда. На всякий случай поднял с земли большой, толстый сук и пошел, опираясь на него, нарочно прихрамывая. Молодой не обратил на это никакого внимания. Как только отошли шагов на сто, он внезапно исчез. Не успел я сообразить, что к чему, как из-за дерева выскочил мой давнишний знакомец.

Вытащив большой нож из голенища, он молча бросился на меня. Но я не растерялся, так как внутренне был готов к такой подлости, и принял бой. Ловко увернувшись от первого натиска, поднял сук. Верзила, уверенный в себе, начал махать ножом. Он был силен, как бугай, и разъярен, как медведь. Но, улучив момент, я со всего размаха ударил грозного противника по голове толстым суком. Он покачнулся и рухнул на землю замертво.

Убедившись, что он мертв, я застыл как вкопанный. Мне стало нехорошо. Но, пересилив себя, быстро ушел подальше. Не подавая виду, работал, как всегда.

Спустя день, во время лесных работ, Тараско незаметно отвел меня в сторону. Мы присели, прислонившись к толстому стволу вековой сосны, в тени величественных вечнозеленых крон, забили самокрутку и задымили. Хохол кашлянул, посмотрел по сторонам и тихо буркнул:

– Старик, тебе бежать надо отсюда!

От неожиданности я замер, только молча смотрел на него.

– Чем скорее, тем лучше! Иначе они убьют тебя! Такие вещи не прощают! Я все оформил как несчастный случай! Но зек не обманешь! Скоро меня переведут отсюда, я не смогу защитить тебя!

Отпираться и возражать было бессмысленно. Он все знал и понимал. Главное, искренне хотел мне помочь.

– Но куда?

– Куда глаза глядят! Лишь бы подальше отсюда! – При этих словах его голос дрогнул. – Будет нелегко! Опасно,

смертельно опасно! Но все-таки есть надежда уйти, выжить! Я помогу тебе, чем могу! Легенду придумаем... Будут проверять – ссылайся на архив лагеря, на меня. Придумаем что-нибудь! Давай, приготовься, я кое-что припасу для тебя, и с богом! Держи путь все время строго на юго-восток! Ориентируйся по звездам – они не обманут!

– Знаю! Я же кочевник! – вырвалось у меня.

– Вот и кочуй отсюда, да с умом! Но тайга – не степь! Тут совсем другое дело!

Он без громких слов платил добром за добро, и это было понятно. Тронутый его заботой, крепко пожал ему руку и посмотрел в глаза. Его глаза были полны печали. «О, людской род! Чего же ты хочешь в этом мире?!» – подумал я и вздохнул глубоко.

Испытание

В июне тысяча девятьсот пятидесятого года, почти после пяти лет заключения, с помощью богатыря украинца Тараско мне удалось бежать из лагеря.

Придумал Тараско нечто фантастическое. Через два дня после нашего разговора он повез меня вместе с несколькими зеками на Хандыгу. Обычно из Сусумана зеки в сопровождении охраны нередко ездили в Хандыгу по хозяйственным нуждам, например, за бензином. Но меня взяли впервые. Тараско тихо шепнул, что таким образом подбрасывает меня примерно на тысячу верст ближе к родным местам. Оттуда, если повезет, напрямик надо будет пройти еще около пяти тысяч километров, а зигзагами может и целых семь! Городок Хандыга стоял на берегу реки Алдан и считался одним из первых центров золотодобычи в Северном крае. Название Хандыга напомнило мне казахское слово Кан дога – Кровавая дуга.

Мы ехали на нескольких американских «Студебеккерах». Эти тяжелые, мощные вездеходы, предоставленные нашей стране союзниками-американцами во время войны, теперь использовались в сибирских рудниках. Дорога была не ахти какая, в кузове сильно трясло.

Я был один в кузове последней машины, а Тараско сидел в кабине. Не помню, сколько ехали, но казалось, конца не будет этой тяжелой дороге. Наконец, под утро наша машина остановилась.

Тараско отвел меня в сторону.

– Мы находимся под Хандыгой, – тихо сказал он. – Там река Алдан. Твоя легенда – остановились, вышли по нужде. Отошел в сторону, пока управился, машина уехала. Забыли меня! Хотел вернуться, заблудился. Стемнело, сбился с пути и оказался в глухой тайге! Я все отмечу в бумагах и оформлю как следует! Ну, прощай!

Он бросил полный вещевой мешок под куст, молча указал рукой в сторону леса и зашагал к машине. Я остался

стоять. Тараско сел в кабину, и машина уехала. В мешке были консервы, спички, хлеб, большой нож и еще кое-какие необходимые в пути вещички.

Итак, капитан Тараско, герой войны и гроза зеков, отправил меня домой, указав путь через тайгу. Дорога была дальняя, неизвестная, полная опасностей. Мы оба, кажется, рисковали. Что было на уме у Тараско, как он все это устроил и как будет оправдываться – известно только ему. Наверное, придумал что-то убедительное или надеялся на авось! Мысленно пожелав ему счастья, я зашагал в сторону леса.

Вначале пьянел от чувства свободы и буквально порхал, не чувствуя под ногами земли. Но через некоторое время вернулся в реальность. Кругом были деревья и деревья. Только небо проглядывало местами сквозь густые кроны. Я начал беспокоиться. Казалось, человека, прошедшего через горнило войны, ничто не может испугать. Но нет, неизвестная тайга пугала, одиночество давило. Но деваться было некуда, и я прислонился к стволу сосны, чтобы отдохнуть и прийти в себя.

И вдруг из-за деревьев появились двое вооруженных военных. Они шли прямо на меня. Это был конец. Выхода не было, я, закрыв глаза, тихо вжался в ствол дерева. Ох, как хотелось слиться с сосной, превратиться в нее и жить тихо в лесу, подальше от людского общества! Стою и думаю: вот сейчас возьмут!

Но они прошли мимо!

Вроде шли прямо на меня, но прошли рядом, как будто не заметили, не увидели. Стою ни жив, ни мертв, и смутно чувствую, как меня окутало что-то невидимое. Когда военные скрылись из вида, опять смутно почувствовал какое-то легкое дуновение воздуха, как будто что-то улетело. Мне стало очень легко, я спокойно зашагал дальше. Всю жизнь думаю об этом таинственном явлении, благодарю аллаха и читаю молитву, посвящая ее благословенным всевышним святым предкам Марал ишану и Салык мулле.

Долго шел, и наконец, подустав, решил отдохнуть. Перекусил, задымил махоркой и задремал.

– Эй, чувак! Че, попался?! – послышался вдруг хрипловатый, грозный голос.

Я похолодел. Нагнали-таки краснопогонники!

Из-за деревьев появились двое. Мужчина-амбал и пухлый молодой человек.

– Да не бойся! Свои!

Я перевел дух.

– Пахан! – представился старший. – А это Баклан!

Это были обычные уголовники. Оказывается, они тоже бежали из какого-то лагеря и, заметив меня, проследили. Убедившись, что я один, решили присоединиться. Я был рад спутникам, но в то же время опасался их.

Втроем пошли дальше, по дороге познакомились, завели разговор. Пахан знал тайгу, знал путь через нее. Но ситуация была непростая. Кругом стояли деревья и только деревья. В начале пути они казались мне прекрасными, и я любовался их красотой. Но через день, два надоело это однообразие, я начал молиться, чтобы скорее выйти отсюда на простор, на открытую местность. Но тайга не хотела отпускать. Мы шли долго, много дней, а может, и несколько недель. Продукты кончились, силы начали покидать нас. Кое-где находили съедобные растения, ягоды, но это было слабой поддержкой. Все больше и больше нам хотелось есть, и голод стал диктовать свое. Я вспоминал голодный тридцать второй год, представляя себе погибших в бескрайней степи и их предсмертные муки. Тихо кружилась голова, во рту пересыхало. Но одна-единственная мысль, одно слово крутилось в сознании: «Жить! Выжить во что бы то ни стало!»

Не помню, сколько и куда шли. Измотанные, остановились и прилегли под деревом. Баклан чуть отстал, а мы с Паханом оказались под одним деревом.

Пахан достал кисет. Сидя молча, долго курили самокрутку – махорка успокаивала, густой дым окутывал нас, как бы закрывая от суровой реальности.

– Знаешь, Асанбай, – хриплым голосом твердо произнес Пахан. – Всем не выбраться отсюда!

Он умолк и испытующе посмотрел на меня. Я невольно вздрогнул. В этом пронзительном взгляде была решительность и жестокость.

– Двое сытых лучше троих голодных! – изрек Пахан, метнув взгляд в сторону Баклана. В этот миг злобный ам-

бал был похож на голодного хищника. – Один может спасти остальных! И если он не хочет сделать это добровольно, то мы должны помочь ему!

– Помочь в чем? И как? – вырвалось у меня, хотя уже начал догадываться, о чем тот говорит.

– Помочь пробудить эту добрую волю! Другого выхода нет! Ты со мной?

Я невольно кивнул.

Амбал плюнул на окурочек и затоптал его каблуком. Я сделал то же самое.

И тут меня осенило, почему Пахан взял с собой пухленького Баклана! Да ему нужен был не только малый на побегушках, но и пища на ногах, жертва на привязи!

Ужас сковал меня. А Пахан уже направился к Баклану и ничего не замечал. Я поплелся за ним.

Ослабевший от голода и усталости Баклан лежал на спине, устремив синие глаза в небо.

Пахан, как пантера, бесшумно подошел и внезапно накинул на его шею шнурок-удавку. Баклан оторопел от неожиданности и инстинктивно дернулся. Невероятным усилием воли ему удалось встать на колени, пытаясь скинуть удавку, но Пахан был опытным бойцом и не отпускал петлю, продолжая душить бедолагу.

Когда я подбежал к ним, Баклан уже терял силы и тихо заваливался на бок. Амбал вытащил из голенища большой острый нож, собираясь вонзить в горло бедолаги. Баклан в отчаянии держал его руку, не давая зарезать себя. Но он был явно слабее, и Пахан начал одолевать. Я остановился как вкопанный, не зная, что делать.

– Че стоишь? – прохрипел Пахан злобно. – Помоги забить кабанчика!

Он тяжело дышал. Было видно, что голод отнял много сил и у него. Я не знал, как быть. Не мог, несмотря на смертельный голод, не мог я зарезать человека. Но с другой стороны, выхода не было. В замешательстве подошел к ним, и только хотел скрутить руки Баклану, как встретились наши взгляды. В синих глазах двадцатилетнего парня смешались страх и надежда. Нет, не мог я убить его! В отчаянии схватил за руку Пахана и со всей силой отвел ее

от горла парня. Отъявленный отморозок вскрикнул от боли и выронил нож.

Высвободившись, Баклан вскочил и бросился наутек. Пахан хотел броситься в погоню, но я удержал его. В мгновение ока Баклан нырнул в кусты и исчез из виду.

Пахан в бешенстве выругался и, подняв нож, с криком набросился на меня. Я быстро вытащил свой нож.

Начался смертельный бой.

Изможденные долгой дорогой и голодом, доведенные до состояния хищников, мы из последних сил старались убить друг друга, чтобы остаться самим в живых. Таинственное создание все-таки человек! Вот висит над нами угроза всеобщей смерти, а все равно стараемся перегрызть горло друг другу. Но как быть, когда перед тобой отъявленный бандит с налитыми кровью глазами машет острым ножом, собираясь зарезать и съесть тебя?!

Чтобы не быть убитым, должен убить ты. Чтобы не быть съеденным, съесть должен ты. И я махал ножом, как мог. Пахан был опытным бойцом, его нож со свистом блеснул несколько раз буквально перед глазами. Он был чуть выше ростом, крупнее и моложе лет на десять. Но я был настроен решительно. В пылу борьбы нам удалось выбить ножи из рук друг друга. После нескольких взаимных ударов кулаками, мы сцепились мертвой хваткой. Так и застыли. Не помню сколько времени прошло тогда, но до сих пор кажется, что прошла целая вечность. Силы покидали нас, мы оба дрожали от ярости и бессилия, скрипели зубами. Кровавая пена ненависти сочилась изо рта, мы хрипели. Не знаю, сколько еще смогли бы продержаться, но оба понимали, что падать нельзя. Потому что тот, кто повергнет противника на землю и окажется сверху, первым успеет взять нож и поставит точку.

От слабости и напряжения начала кружиться голова – деревья поплыли, завертелась земля, ноги подкосились. Но и бывалый зек явно начал уступать, а его лицо исказилось от бессильной злобы.

Вдруг он резко сник и начал оседать на землю, как мешок. Я отпрянул от неожиданности и увидел перед собой Баклана. Оказывается, он ударил по темени Пахана увесистым суком.

Изможденный, я бессильно присел на землю. Баклан взял нож Пахана и быстро вонзил в горло. Хлынула кровь, амбал захрипел, содрогнулся несколько раз и замер. Мы с Бакланом молча переглянулись.

Баклан развел огонь. Запах дыма и треск горящих сучьев вселял надежду. Я сидел у огня и смотрел вдаль, вглубь тайги. Впереди была неизвестность, и, скорее всего, голодная смерть. А рядом куча мяса и огонь.

Баклан, не глядя в мою сторону, подошел к труп. Вначале он обыскал его карманы и вещмешок. Нашел немного табака, коробку спичек и... пачку соли! Он многозначительно посмотрел на меня, держа ее в руках. Без слов поняли друг друга – Пахан заранее запасался, чтобы солить мясо Баклана!

Баклан страшно оскалился и начал разделять труп.

Я видел много пролитой крови и смертей. Шагал по трупам в разгар боя, шлепая кирзачами по луже людской крови, кричал и стрелял, чтобы пролить еще больше этой самой крови. Но то было другое...

Сейчас я должен был съесть человеческое мясо, чтобы самому остаться в живых.

Тайга затаила дыхание и давила своим молчанием.

Голод овладел всем моим существом и начал управлять разумом. Мертвый человек начал казаться уже не человеком, а просто кучей мяса. Представил себе, будто мы зарезали животного. «Возьми, раздели и съешь! Иного выхода нет!» – властно диктовал голос внутри.

Каннибалы убивают людей по необходимости, только для того, чтобы съесть и выжить самим. В этом плане они похожи на нормальных людей, которые забивают скот для пропитания. А короли, цари, фюреры, президенты, генералы, отправляющие миллионы людей на кровавую массовую бойню? Да по сравнению с ними самый кровожадный каннибал кажется большим гуманистом.

Схватив нож, долго смотрел на труп. С чего начать, с какой части? Может, отрезать для начала руку? И тут перед глазами появилась та самая маленькая, обезумевшая девочка из далекого заснеженного мертвого аула. Я резко отпрянул. Мне так хотелось убежать отсюда – бежать без оглядки. Но

не смог. Не было сил сдвинуться с места. Что-то приковывало меня к мертвой туше, к трупу только что убитого человека.

Баклан не был похож на человека... Он становился хищником на моих глазах.

Пахан заранее спланировал, подготовился, чтобы в случае смертельного голода зарезать его и съесть. Но судьба распорядилась иначе, и теперь Баклан собирался зажарить его самого. Но я не мог этого сделать. Я молился Всевышнему, призывал на помощь духов моих предков.

Вдруг ясно понял, что теперь нам с Бакланом не по пути. После смерти Пахана рано или поздно мы перегрызем горло друг другу. Голод превратит нас в зверей.

Я молча встал и пошел.

– Ты че, охренел? – прохрипел вдогонку Баклан. – Помрешь ведь с голоду! Он-то нас спокойно зарезал бы и съел! Вернись! Мы спасемся вместе!

Я не ответил ему и молча продолжал идти.

– Ну и хрен с тобой!

Мне казалось, что Баклан зарычал. Осторожно бросил беглый взгляд назад. Баклан с остервенением резал труп ножом.

Я поплелся подальше от этого места.

Не знаю, сколько времени блуждал по лесу. Наконец вышел на поляну. Шатаясь от бессилия, все шел и шел вперед. До сих пор не могу понять, но кажется, какие-то таинственные силы вели меня, не давая упасть.

Я шел, уже абсолютно запутавшись, потеряв всякий ориентир. Везде были деревья и только деревья. Казалось, они молча, с холодным безразличием ждут, когда упаду и под каким-нибудь деревом останусь навеки. В голове шумело, в глазах помутнело, я уже почти терял сознание. Местами приходил в себя, будто выплывая из тумана, затем снова впадал в забытие. Думал, это конец. Помолился Аллаху, приготовился к смерти, но все еще по инерции шел вперед...

Милость судьбы

Неожиданно я увидел человека, идущего впереди!

Он шел в моем направлении, но сворачивал чуть вправо. Откуда появился – загадка. Шел так легко, как будто скользил по густому травяному покрову леса. Его белая одежда, похожая на чапан – казахский халат, развевалась на ходу. Он шел, не оборачиваясь, я хотел окликнуть его, но не мог произнести ни звука. Боялся, что он не заметит меня и вскоре уйдет далеко. Стараясь не отстать от него, приложил все силы, чтобы прибавить шагу, но спотыкаясь от бессилия, упал. Когда поднялся, того и след простыл. Перед тем как упасть, заметил, что человек прошел между двумя большими соснами, я тоже по инерции поплелся в ту сторону.

И тут увидел зайца.

Оторопев сначала, быстро взял себя в руки и начал подкрадываться. Но разве можно запросто поймать зайца? И, о чудо, заяц был в капкане!

Если капкан, то значит, и люди где-то рядом! Но в тот миг не до этого было! Я быстро схватил испуганного зайца, прошептал «бисмилляхи», зарезал его. Быстро развел огонь, разделал зайца, и поджарив, начал есть...

Мне тогда казалось, что я никогда не ел такого вкусного мяса. Пока ел, вспомнил давнюю картину голодной години: незнакомца, умершего в степи от голода, так и не дотянувшегося до замерзшего суслика! А ведь я тоже мог умереть так. Стоило пройти в нескольких шагах от зайца! Уму непостижимо – в глухой тайге попасть прямо на зайца в капкане! Веря и не веря своему счастью, мысленно поблагодарил Всевышнего и аруахов – духов моих предков. Да, не простая случайность все это! Уже сколько раз смерть была буквально рядом, но в самый последний миг каким-то таинственным образом приходило спасение. Вера воодушевляла, и я воспрял духом.

Поев, я заснул мертвым сном.

Не знаю, сколько времени прошло, но проснулся от какого-то странного ощущения. Когда приоткрыл глаза, передо мной стояла женщина с ружьем!

Вначале подумал, что мне это мерещится.

Нет, это была действительно женщина. Она заговорила по-русски:

– Эй, кто ты?

Я молча глядел на нее, с облегчением понимая, что это спасение.

– Эй, старик! Отвечай живо!

Она вскинула ружье.

– Сдаюсь! – вымолвил я наконец.

Она подошла ближе и стала задавать мне вопросы: кто, откуда, какими судьбами?

После короткого допроса, она повела меня за собой. Мы недолго блуждали по таежным тропам и пришли в маленькое поселение. Поселение состояло из нескольких дворов – старых, заброшенных. Некоторые избы уже разваливались.

Мы вошли, судя по всему, в ее избу. Она молча приготовила чай. Глотнув горячий напиток, я удивился необыкновенному вкусу.

– Пейте на здоровье. Это травяной чай.

– Спасибо! Вы спасли меня!

Ответ был поразительным.

– Спасенный спасает спасителя! Это вам спасибо!

Ее звали Татьяна. Она была красивая, крупная женщина со светлыми волосами. Потом выяснилось, что ей сорок лет. Ее движения отличались силой и гибкостью. Мы разговорились, привыкая друг к другу.

Татьяна рассказала, как попала сюда. Оказывается, они с мужем во время репрессий, в тридцать восьмом попали под колпак и, опасаясь ареста, бежали из Омска в небольшой поселок в сибирской глухомани, к бабушке.

– Через год, когда энкеведешники все-таки пронюхали, что мы живем в глухом районе и начали плести вокруг нас свои сети, бабушка подсказала нам, что надо бежать в тайгу. Она знала, что в этих краях есть несколько поселений и посоветовала пожить там несколько лет до лучших времен.

Мы подготовились, оставили сына и дочку у нее и тихо улизнули прямо из-под носа ищеек Берии. Легенда бабушки для них была такова: «Ушли в тайгу за грибами, да так и не вернулись! Заблудились, наверное!». Ну, естественно, кто будет искать в глухой тайге двух врагов народа? Да и время такое, на все рук не хватает. А мы долго блуждали по тайге, прошли не меньше сотни километров. У нас было ружье с патронами, продукты. И наконец, случайно наткнулись на это поселение староверов. Они, оказывается, еще в прошлом веке ушли в тайгу, спасаясь религиозных притеснений. Старушки сказывали нам, что больше века жила здесь их община, оторванная от остального мира. Когда мы пришли сюда, их осталось совсем мало – несколько дворов и всего девять человек. Со временем все померли, кроме одной бабушки.

Татьяна немного помолчала. Потом тихо сказала, что год назад, осенью, внезапно скончался ее муж.

А весной умерла старушка, последняя спутница и опора. Татьяна осталась совсем одна в бескрайней, непроходимой тайге.

– Я русская, и муж у меня был русским, – говорила она. – Оба были христианами по рождению. Но в школе и в институте нам вдалбливали, что бога, творца нет! Есть только вечная материя, которая была всегда, переходит из одного состояния в другое и никогда не исчезает. Дома бабушка твердила – «На все воля божья!» Вот теперь решайте сами, какой вере принадлежу я?! Ведь не исповедую христианство как полагается, хотя верю в создателя. Заколдовали нас советский атеизм со своим материализмом, что поделаешь.

Посмотрев в старенькое маленькое зеркальце, я невольно вздрогнул и понял, почему Татьяна назвала меня стариком. Уже забыл, когда в последний раз смотрелся в зеркало. И то, что увидел, поразило. Изможденный, обросший, покрытый сединой морщинистый облик стареющего человека лишь слегка напоминал родное обаятельное лицо! А ведь мне было всего пятьдесят лет, и я никак себя стариком не считал.

Первые несколько дней я спал как убитый. Наверное, после госпиталя так не спал. Таежная тишина, чистый воздух и покой – что еще нужно измученному человеку. Самое

главное, здесь не было ни войны, ни лагеря, ни особистов, ни паханов! Не было никакой власти!

Но, не было и людей! Об этом начал думать потом, спустя некоторое время. А в начале хотелось отдохнуть и забыться, забыться и отдохнуть!

Случившееся со мной было милостью судьбы, подарком. После стольких лет адских испытаний вдруг оказаться в тихом таежном селении, где вокруг девственная природа, тишина и покой!

Приходил в себя долго.

В то время мое положение было незавидным – бежал от одной смертельной опасности к другой. Даже если вышел бы из тайги к какому-нибудь городу, станции, все равно пришлось бы отвечать на вопросы властей – кто, откуда, какими ветрами? А это был почти идеальный вариант спасения – приютиться в затерянном таежном мире!

Сколько лет искал покоя! Иногда мне так хотелось убежать, улететь куда-то, за океан, в джунгли, в небеса, лишь бы не видеть все это безумие человеческое, насилие и кровопролитие! Эта мысль манила в неизвестность. И вот те на! Хотел спрятаться от властей, от общества, а оказался в глухой тайге. Почти абсолютная тишина успокаивает. Таежный чистый воздух дает силу. Шелестит девственный лес, умиротворяя душу. Кажется, здесь остановилось время. Живи и восстанавливайся. Избушка, срубленная из сосен, стала жилищем. Приветливая, добрая женщина рядом.

Но все равно не было покоя в душе. Я думал, как всегда, о своем родном очаге, о детях, о родном крае. Затем привык к новой жизни, принял ее такой, какая она есть, и успокоился.

Мы с Татьяной беседовали часто и подолгу. Рассказывали друг другу историю своей жизни, обо всем увиденном и пережитом. Со временем очень сблизились и полюбили друг друга.

Постепенно я начал приходить в себя, хотя до полного восстановления было далеко. Но зима была на носу, и надо было подготовиться как следует. Я осмотрел все имеющиеся орудия труда.

У нас имелись старые, но еще вполне пригодные топоры, ломы, лопаты. У Татьяны было одно ружье с несколькими патронами.

– Давно не стреляли, патроны берегли! – сказала она. – Охотились в основном капканами!

Первым делом мы собрали урожай пшеницы и картофеля. Запасы продуктов положили в погреб. Оказывается, кержаки бережно относились к семенам, берегли их как зеницу ока до следующего посева в своих сусеках и погребах.

Питание наше не отличалось многообразием. Но Татьяна умела приготовить одни и те же продукты по-разному. Пекла хлеб, готовила картошку в мундире. Иногда попадали зайцы в капкан, и это был праздник.

Одним из основных питательных и целебных продуктов Татьяны была пророщенная пшеница. Кто бы мог подумать, что пшеница, прорастая, пробуждает столько жизненных сил!

– Отсутствие соли, сахара, жира, чая – не беда. Считайте, что это благодать! – настраивала на оптимистический лад Татьяна. – Целители считали, что для здоровья и долголетия надо исключить из питания жирное, сладкое, соленое и жареное. Так вот вам возможность очищать и оздоравливать себя! Моя бабушка была сибирской целительницей, травницей. Она знала столько народных рецептов от всяких болезней, что можно было бы написать несколько книг. В свое время я записала их, сколько смогла. Да и о пользе всех трав для здоровья, для долголетия она рассказывала удивительные вещи! Она научила меня многому, привила любовь к природе. Говорила, что тайга – кладезь здоровья и питательных веществ, что сведущий человек никогда не умрет от голода в ней. Все, что вокруг нас, – все полезно! Только в меру! Надо знать меру во всем, и если превысить дозу, лекарство станет ядом! А в меру – даже яд лечит! Дары природы очищают и оздоравливают человека, но мы часто не придаем этому значения.

Татьяна умела находить лечебные травы и даже из иголок и шишек сосны и карликового кедра умудрялась готовить лечебные настойки. Она могла часами рассказывать о целебных свойствах растительного мира, бережно относи-

лась к каждому пучку травы, каждому зернышку, орешку и ягодке, высушивала их на чердаке, готовила запасы на зиму. Мне, потомку кочевников-животноводов, все это казалось фантастикой.

– Казахи никогда не ели трав! Траву едят наши лошади, верблюды и коровы, бараны и козы, собирая для нас витамины и полезные вещества по всей степи. Мы едим их мясо и впитываем все это через него. Но, вот ты, волшебная целительница, напоила кочевника, как коня, травяной водой! – пошутил я однажды. Она лучезарно улыбалась, и в избе становилось светлее и теплее.

– Мужчины калечат, женщины – лечат! – восклицал я.

– Женщины как огонь, или исцеляют, или испепеляют! – отвечала она.

Моя спасительница, волшебница-целительница не только лечила, но и открыла для меня неизвестный мир, новый образ жизни.

Татьяна нашла у меня кучу болезней, о существовании которых я вообще не подозревал. Такие болезни, наверное, и не снились моим предкам.

– Война, лишения, лагерь, однообразное, скудное питание и постоянное нервное напряжение свалили бы даже слона. Удивительно, как вы выдержали все это и остались живы-здоровы, – восклицала она.

И сама же отвечала:

– Наверное, естественный отбор, суровый, но здоровый образ жизни на природе, натуральное питание и постоянное движение, верховая езда в степи, чистота крови и души, вера и спокойствие кочевников дали вам ту духовную и телесную силу, благодаря которой вы выстояли под такими ударами судьбы!

Татьяна поведала о том, что человек должен думать о своем здоровье и стараться жить правильно, оберегая себя. Это было для меня открытием. Я начал понимать суть здорового образа жизни. Правильное питание, оздоровительное дыхание, постоянное движение и душевное спокойствие. Не есть соленого, сладкого, жирного и жареного.

И запомнил главный, золотой закон, завещанный многими поколениями мудрецов разных народов, начиная с

древности, и хорошо забытый цивилизованными людьми – все полезно в меру! Тут приходит на память девиз Солона из Эллады: «Ничего чрез меру!» И звучит в ушах голос отца, который в детстве баловал нас, но когда мы начинали перебарщивать, приструнивал, приговаривая постоянно: «В меру, детки, в меру! Все прекрасно в меру!»

Я бросил курить. Бросил навсегда. Во-первых, махорка закончилась, а во-вторых, Татьяна так живописно описала вред от курения, что захотелось поскорее забыть о никотине.

...Вскоре наступила зима.

Помню первый день зимы в тайге. Шел снег. Он валил большими, пушистыми хлопьями. Мне казалось, что сама чистота опустилась на землю. Тишина стояла удивительная. Я буквально замер и раскрыл ладони. Снежинки нежно садились на мои заскорузлые, мозолистые руки и таяли. Я вспомнил родной Кокшетауский край, вспомнил, как встречали первый снег в детстве. Подумал, вот моя мать, мои дети, жена, родственники, земляки стоят под открытым небом и тоже, наверное, ловят белые пушинки! А ведь снег есть для всех снег, и ловят его на ладошки и наши, и чужие, дети и старики, коммунисты и фашисты, мирные люди и бандиты. Наверное, каждый чувствует свое, что-то особенное, но есть же что-то общее у всех. Да, матушка природа одинаково относится ко всему человечеству, но мы, люди, по-разному относимся к ней.

А снег в тайге особенный. С каждым шагом он хрустит под ногами, словно разговаривает с тобой. И этот его глас подбадривает тебя, придает какую-то силу, дает знать, что ты не совсем одинок в безбрежной, непроходимой тайге. Еще он похож на раскрытую, пока еще не написанную книгу.

– Зима здесь долгая! – сказала Татьяна. – Снегопад – ой-ой-ой! Аж до крыши насыпает! Но бурана нет, тайга ветра не пускает – тишина аж звенит! Зато морозы лютые!

Через несколько недель настоящая таежная, лютая стужа охватила железными объятиями всю природу. Земля покрылась толстым, непробиваемым слоем белого, как сахар, холодного снега, сосны скрипели от мертвой хватки мороза, а сучья ломались с треском. Высокое, холодное

небо безразлично взирало на нас свысока, а воздух тихо звенел. Казалось, он стонет вместе с тайгой.

Часто по ночам мы смотрели в звездное небо. Звезды здесь были яркие, крупные, как будто ближе, чем в других местах, к земле. Так казалось от того что кругом была непроглядная тьма. Иногда пролетал метеорит, разрезая и озаряя своим бликом на миг темно-синее небо. Такие мгновения радовали нас – мы чувствовали свою причастность к чему-то высокому, таинственно-великому.

Нам очень хотелось выжить. Но также хотелось просто жить, оставаться человеком.

Чтобы победить скуку, тоску, да и просто не сойти с ума от однообразия, мы планировали каждый день. Рассказывали друг другу что-то новое из своей биографии, об увиденном и пережитом.

Мы не только рассказывали истории, но и давали волю простой болтовне. Бывало, отойдешь из дома, видишь медведя, притаившегося за сосной. Стоишь как вкопанный, сжимая рукоятку топора от страха, всматриваешься, ан нет, это не медведь, а волк. Ну, с волком-то легче справиться. А затем посмотришь повнимательнее, и вот те на – никакого волка нет и в помине, а просто кустик какой-то! И смеемся над этим. Или рассказываем, затягивая рассказ как можно дольше, как сходили за водой, как ведро застряло в колоде, как встряхивали веревкой, как наполнилось водой, и как вытаскивали драгоценную воду. И такая болтовня расслабляла, забавляла нас, и мы смеялись от души.

Зимой делали горку, заливали водой и катались, как в детстве. Вспоминали детство, даже на некоторое время забывали реальность и становились настоящими детьми. Это не только забавляло, но и оздоравливало телесно и психологически. Мы смеялись громко, как дети, визжали от радости. Стесняться было некого – кругом тайга.

Такая психотерапия нужна была позарез. Долгие годы, проведенные в напряжении, на грани жизни и смерти, оказывается, основательно избороздили нервную систему. Раньше особо не замечал нервных потрясений – просто на это не было времени. Калейдоскоп событий, одно страшнее другого, не оставляло времени на остановку, на осмыс-

ление происходящего. Мы как бы все время бежали без оглядки в сумасшедшей, смертельной гонке. А теперь, когда все осталось позади, когда наступил покой, все это стало терзать с новой силой. Все пережитое проходило перед глазами, чередовались воспоминания и снились кошмары тридцатых годов – голод, репрессии и бессмысленная мясорубка войны и безумная жестокость лагеря.

Ночами в голове грохотала война. Нервы были истощены, я стонал во сне, бредил и часто, вскрикнув, просыпался среди ночи. Татьяна терпела и успокаивала добрыми словами. Мне повезло с ней, она с пониманием относилась к моим переживаниям и помогала не только добрым словом, но и лечила травяными настоями.

Но пережитое настолько глубоко врезалось в душу, что вытравить его было невозможно. Когда я рассказывал историю своей жизни, о карательных операциях царских отрядов в казахских аулах, о Малом Октябре – голодоморе и геноциде нашего народа, о репрессиях тридцать седьмого и военной мясорубке, о лагерных мучениях, из глаз Татьяны текли слезы. Выговорившись, мне становилось легче.

Со временем я начал приходить в себя.

Увидев, что ружье одно, да и то старое, патронов мало, я всерьез задумался об оружии для охоты и самообороны. Я долго старался и наконец сделал лук. Вернее, два средних лука – для себя и для Татьяны. Стрелы изготовил из тонких веток. Вот тут-то пригодились редкие старые гвозди, которые находили и вытаскивали из почти сгнивших досок и бревен развалившихся домов и сараев. Приложив некоторые усилия и проявив терпение, удалось прикрепить гвозди к веткам, и стрелы были готовы. Мы начали учиться стрельбе из лука, и это было очень интересно. Стрелы летели со свистом и – тюк, втыкались в снежный ком или в дерево. Конечно, из такого лука и с такими стрелами не убить волка, тем более медведя, но завалить зайца или птичку вполне можно. Самое главное, мы с азартом учились стрелять как можно дальше и точнее. Этим заполняли пустоту времени.

А время в тайге шло по-другому. Долго тянулись часы,

удивительно медленно, как бы нехотя, сменялись дни и ночи. Мы много времени проводили на природе. Изучали окрестности, искали пути выхода из тайги.

Татьяна говорила, что сам бог прислал меня. Если бы не я, как она одна пережила бы в глухой тайге такую суровую зиму?

Я вспомнил и рассказал ей о Татьяне, которую знала вся степь. Абай перевел письмо Татьяны из поэмы «Евгений Онегин» Пушкина, степняки пели эту песню.

– Ты будешь моей Татьяной! Ты тоже особенная! – говорил я ей.

Она зарделась и вся просияла.

Долгими зимними вечерами мы начали рассказывать друг другу сказки, легенды, притчи, все, что знали. Рассказывали про свою жизнь, про людей, о пережитом. Бывало, повторялись, вспоминали, заново переживая те или иные события. Это было здорово, освежало память, помогало оставаться человеком.

– Когда выйдем из тайги, заберу тебя с собой! – говорил я Татьяне совершенно серьезно.

– И что дальше? Как жить-то буду там? – вопрошала целительница.

– Как что? Будешь моей женой, будешь лечить людей!

– Но у тебя есть любимая Халима!

– А ты будешь токал – второй женой!

Это предложение Татьяна не воспринимала всерьез. Она даже не могла понять и смеялась надо мной.

– Нет, это дикость какая-то! Ни за что не соглашусь! Лучше ты оставайся со мной! – говорила Татьяна. – Если любишь – останешься!

– Люблю, поэтому заберу с собой! Но ни за что не останусь!

– Как любишь? А Халима?

– Я вас обеих люблю!

– Не понимаю, как можно любить сразу двух женщин?!

– Была бы мужчиной, поняла бы! – подтрунивал я. –

Вот, смотри: львы имеют свой прайд, жеребцы – косяк. Да все в природе правильно, естественно. Только мы, цивилизованные люди, нарушили законы природы и установили свои, искусственные.

Она засмушалась.

– Не уговаривай, не соглашусь ни за что!

Мы обнялись, и слышно было только биение сердец.

Мне очень нравилось разжигать огонь в печи. Это было целое искусство, украсившее нашу однообразную жизнь.

Сначала аккуратно складывал высушенные ночью щепки, затем сверху накладывал несколько дров покрупнее и разжигал огонь. Когда огонь разгорался, сидел у печи и долго-долго смотрел на огонь. Языки пламени весело играли в свою горячую игру, сыроватые, замороженные дрова шипели, а затем с треском начинали гореть. Я видел много огня, можно сказать, горел в огне. Но этот огонь был совсем другим. Он был мирный. Глядя на языки пламени, я вспоминал свой далекий дом, тосковал по родному очагу.

Несколько раз, летом, мы пытались выбраться из тайги, найти людское поселение. Готовились, запасались продуктами. Потом выходили в путь, делая топором зарубки. Ничего не выходило, и мы возвращались назад.

Почти три года прошли в тайге. Три долгих зимы пережили вдали от людей. Только вдвоем. Но я верил, что когда-нибудь выберусь отсюда. Закончить свой век вдали от родного края не хотелось. Мы готовились к последнему путешествию через тайгу.

У меня была одна-единственная цель и мечта – дойти до родной земли, переступить порог своего дома, увидеть мать, детей, жену и родственников, перекусить вместе с ними кусочек баурсака – хлеба, и можно было умирать. Лишь бы дойти до дома, сказать слова прощания родным и улечься в могилу на родной земле! И ничего не пугало! Никакие энкеведешники, особисты, фашисты, шовинисты мне больше были не страшны! Домой, домой, домой! Этот властный зов звучал все сильнее и сильнее, не давая покоя моей, казалось бы, умиротворенной, излеченной душе.

...На третий год, как только наступило лето, мы тронулись в дальний путь. Риск был большой: впереди лежала глухая тайга и опасная неизвестность. Но и нам не хотелось отступать. Больше жить здесь и ждать мы не могли.

Шли непрерывно, день за днем, ориентируясь по солнцу и звездам. Так прошло несколько недель. И чудо... Наконец-то мы вышли из тайги!

А еще через несколько дней добрались до поселка, где жила бабушка Татьяна. Она была еще жива, было ей уже хорошо за восемьдесят. Но она прекрасно выглядела, двигалась энергично – целительница! Дети Татьяны уже выросли. Трогательная была встреча родных через четырнадцать лет – они радовались и плакали. На мои глаза тоже невольно навернулись слезы.

Недельку прожил у них. Но пришло время прощаться.

Бабушка и ее дети поблагодарили меня за спасение и поддержку Татьяны, я благодарил их за то же самое.

Татьяна проводила меня до окраины. Долго не могли проститься. Отойдя довольно далеко, оглянулся – она все еще стояла у дороги. Она помахала мне ручкой. Я ответил тем же. Мы оба понимали, что расстаемся навсегда.

Такова жизнь – состоит она из встреч и расставаний, и мы, люди, взаимосвязаны незримыми нитями судьбы.

Почти целый год продолжалось мое мытарство. Бродил по вокзалам, станциям, селениям, по степи. По дороге я узнал о смерти Сталина. Не знаю, но, кажется, на душе стало легче и появилась надежда на спасение.

Железное благо

Когда приехал в родной край, никто меня не узнал. Даже сам толком не понимал, кто теперь я – фронтовик или преступник?

Отправился на фронт сорокалетним мужчиной из города Степняка, а вернулся пятидесятичетырехлетним пожилым человеком в аул посреди койтасов. Многие знакомые уже умерли или разъехались кто куда. У всех была своя трагедия, раны войны еще кровоточили, и людям было не до других. Проблем хватало и у властей, началась целинная эпопея, так что никакого интереса ко мне ни у кого не возникло. Наша семья в начале войны переехала в аул посреди койтасов, к старшему сыну, табунщику Кабдошу. Они мне писали об этом на фронт, поэтому я точно знал, куда идти.

Я пришел домой вечером.

Когда тихо вошел, Халима пекла баурсаки в казане – котле у печи. Она не сразу заметила меня, и я тихо окликнул: «Халима! Халима!»

Халима подняла голову, посмотрела на меня, да так и застыла. Затем обняла меня и зарыдала. Долго, долго плакала она, прослезился и я. Выплакавшись, она пришла в себя.

Пришли дети. Радости не было предела. Все казались счастливыми безмерно.

Но время брало свое. Мать, оказывается, умерла четыре года назад. Ей было семьдесят два года. Я, испытанный воин, пожилой человек, всегда чувствовал себя маленьким ребенком, когда была жива мать. И вот вмиг почувствовал себя стариком. Халима утешала, как могла:

– Она верила, что ты вернешься! Переживала, когда после победы от тебя не было ни весточки! Чувствовала, что с тобой случилось что-то страшное! Но говорила, что видела сон, что ты жив. Молилась аллаху за тебя и Салима! Все время просила Всевышнего взять ее в жертву, лишь бы вы остались в живых!

Я поведал Халиме о своем вещем сне. Потом вспомнил, как бродил в тайге на грани голодной смерти. Мы начали анализировать и пришли к выводу, что мать умерла примерно в то же время, когда меня спасла Татьяна. Неспроста все это, заключили мы, и сели за дастархан – круглый стол, я прочитал суру из Корана, посвятив ее духам родителей, родственников, предков и святых Марал ишана и Салык муллы.

Мне пришлось некоторое время скрываться в ауле. Благо, аул в Койтасах был затерян в степной глубинке и лежал вдаль от райцентра – города Степняка – почти в двухстах километрах. Этот край был на границе нашей области, а дальше начинались окраины другой, Павлодарской области. И там на несколько сот верст почти не было населенных пунктов, и таким образом, койтасы – овцекамни были полузабыты, считались районами бесперспективными. Там практически не было советской власти, потому что уклад жизни был старинный. Люди в основном занимались скотоводством.

В ауле было тихо и спокойно. Не было рыскавших по степи в поисках врагов народа салпанкулаков и агентов. Во всем чувствовалось какое-то смягчение, ослабление железных клещей власти. Понятное дело, после смерти Сталина наступило другое время. Смерть вождя, по существу, спасла миллионы людей, в том числе и меня.

На первое время, на всякий случай, жена вручила документы двоюродного брата Тахтауихана, умершего в начале войны. Началась война, властям было не до него, и его смерть не была задокументирована нигде. По документам он числился в живых! Его никто не искал. С его документами чувствовал себя спокойнее, хотя никто и не искал меня. А от любопытных аульчан умело скрыл историю о плене и бегстве из лагеря, объяснив свое позднее возвращение участием в боях с японцами, лечением от ран и воинской службой. Они даже не подозревали, что я присвоил себе имя двоюродного брата. В степи годами никто не проверяет документов, и наша легенда была просто подстраховкой.

Когда я вернулся, моей жене Халиме было уже сорок семь лет. Она одна растила пятерых наших детей и терпеливо переносила все невзгоды лихолетий.

Наши дети стали взрослыми, дочери вышли замуж, сыновья женились. Внуки бегали вокруг дома, звонкие голоса наполняли радостью наши сердца.

Много джигитов из нашего рода не вернулись с фронта. Некоторые погибли, так и не успев обзавестись семьей, не оставив потомства. А вдовы несли свою трагическую судьбу, скрывая слезы.

Сноха Каримжана Рахия, оставшаяся вдовой с тремя детьми, даже слушать не хотела о новом замужестве. Тяжелая доля выпала ее мужу, младшему нашему брату, сыну Каримжана. Он верой и правдой служил в государственных органах, добровольцем отправился на фронт в самом начале войны и пропал без вести. Дома осталась двадцатитрехлетняя супруга Рахия с тремя детьми на руках. Мы потом только узнали, что наш любимый брат пал смертью храбрых в 1942 году.

Она сказала всем родственникам, что полюбила навеки своего мужа, погибшего в первые месяцы войны, и только ему будет принадлежать в двух мирах. Никому не позволит войти в его дом хозяином. Не хочет, чтобы ее дети стали чьи-то пасынками. Попросила всех сородичей уважать память погибшего и больше не беспокоить ее по этому вопросу. Нежная, благородная женщина стала закаленной, как сталь, и растила детей.

Вдова еще одного двоюродного брата, милая Нагима, с двумя детьми долго, аж целых девять лет ждала своего любимого с фронта. Ждала и надеялась, а Халима, оказывается, скрыла похоронку, полученную в мае сорок пятого, накануне Победы. Не хотела убить зыбкую надежду бедняги. И только теперь, после моего возвращения, в пятьдесят четвертом году, мы вместе с сородичами сообщили Нагиме о героической гибели мужа.

Она горько оплакивала любимого мужа, до последнего верила и надеялась, что он вернется живым. Особенно ее надежда усилилась, когда вернулся я, тоже пропавший на целых девять лет без вести. Тяжело было видеть и слушать плач вдовы, заново пережить всю трагедию войны.

Прошло какое-то время, и вокруг нее начались всякие разговоры. Симпатичной, обаятельной женщине было всего тридцать четыре года. Некоторые овдовевшие мужчины на-

чали свататься к ней. Но безуспешно. Тут есть одно очень важное обстоятельство: казахи никогда своих вдов не отдавали представителям чужого рода, дабы их дети не стали сиротами на чужбине. У казахов не было детских домов, и уважающий себя род никогда не бросал своих сирот на произвол судьбы, на попечении чужих. По закону степи, если у женщины умирает муж, то через год, после окончания траура, она должна выйти замуж за брата мужа. Если братьев несколько, женщина имеет право выбора. А если нет родных братьев, то на ней женился кто-нибудь из самых близких сородичей. Закон этот был суровым, но справедливым – род заботился о своем потомстве. Однажды родственники Нагимы приехали к нам и поставили вопрос ребром: либо – либо. То есть, или кто-то из мужчин нашего рода женится на ней, или они забирают ее. Вот такой поворот жизни! Дело в том, что все взрослые мужчины нашего рода погибли в кровавые годы. Остался я один, пятидесятичетырехлетний беглец из лагеря. А молодые были намного младше вдовы. Они были воспитаны в духе социализма, поэтому законы и понятия у них были уже другие. Да, некому было жениться по обычаю предков на ней! А с другой стороны, не могли же мы отпустить ее с двумя детьми. Духи наших предков содрогнулись бы и не простили бы нам этого.

Вот тут моя многострадальная Халима нашла единственно верное решение. Она сказала, чтобы я женился на Нагиме.

Тогда с глубокой болью еще раз осознал, что от нашего рода из старших остался я один! Во-первых, я был уже пожилым человеком, во-вторых, у меня была своя семья. А двоеженство в советском обществе осуждалось морально как пережиток прошлого и по закону считалось преступлением.

– А мы перехитрим такой закон! – твердо сказала Халима.

И я втихаря женился на Нагиме, обойдя советские законы. Мулла по шариату объявил нас мужем и женой. Мы в ЗАГС не обращались. А на всякий случай, если потребовалось бы, у меня были документы давно умершего брата! Официально я – был не я! По закону, был мужем только Халимы, а мужем Нагимы был покойный Тахтауихан!

Получается, мы, казахи, не могли, не имели право жить по своим обычаям. Нам навязали абсолютно чужой закон, которому мы обязаны были подчиняться.

Почему одни народы диктуют другим свои законы? Что поделаешь, мы терпели и жили.

Мой старший сын Кабдош родился в 1927 году, а после него родились еще двое сыновей и две дочери. Сызмалства им пришлось пережить общенациональные трагедии – голод тридцать второго, репрессии тридцать седьмого. А затем война, самая страшная за всю историю человечества. Когда я уходил на фронт, Кабдошу было четырнадцать, а остальным того меньше. Самому младшему было всего три года – это он родился в том тридцать восьмом году, когда меня арестовали. Время взвалило на детские плечи такую ношу! Но они выдержали. Потом, когда вернулся домой, дети взахлеб рассказывали о пережитом.

Во время войны в казахские степи депортировали много людей разных национальностей со всего Советского Союза, в том числе немцев из Поволжья. И вот, несколько семей немцев попали в наш аул. А затем старших как врагов народа быстро отправили в Карлаг. Оставшиеся несколько женщин и дети жили в ауле – добрые казахи помогали им, как могли.

Судьба, что поделаешь! Получается, пока я воевал с немцами, родственники приютили немцев. Среди них была девочка Полина. Когда подросла, Полина стала высокой, стройной красавицей, и мой старший сын Кабдош, табунщик-коневод, эдакий степной батыр-богатырь, страстно влюбился в нее. Весь наш род был против этого брака – она не была казашкой, мусульманкой, а самое главное – она была немкой! Слишком глубоко сидела обида и ненависть к фашистской Германии в сердцах и памяти людей, поэтому никто не одобрил этот выбор молодого табунщика. Вот так столкнулись было лбами Кабдош и жители аула, каждый твердо стоял на своем, но судьба опять обыграла всех. Полина оказалась беременной, и теперь всем пришлось искать компромисс. И решили аксакалы, что если Полина примет ислам, то быть ей снохой нашего рода. Пригласили Абсаляма – хаджи, и Полина приняла ислам и новое имя – Мариям. После этого хаджи совершил религиозный обряд бракосочетания, и Кабдош и Мариям стали мужем и женой.

Я так хотел держаться подальше от немцев и русских! Но жизнь распорядилась иначе.

Волею судьбы немецкая девушка Полина стала казахской снохой Мариям, затем стала матерью казахов. Она родила десять детей – пятерых сыновей и пятерых дочерей. Ей было присвоено высокое звание «Мать героиня». Она вместе с мужем Кабдошем летом жила в степи, в юрте, была верной помощницей в трудной и романтической работе табунщика. Они вместе с детьми пасли сотни голов лошадей на просторах Кенаси, стали героями Труда и прославились на всю республику. Мариям доила кобыл, и приготовленный ею кумыс – целебный напиток из кобыльего молока – считался одним из лучших на кокшетаушине. Однажды молодая казашка, направленная руководством совхоза в помощницы, неумело подоила кобылу. Говорят, увидев ее, Мариям воскликнула по-казахски: «Посмотрите на нее! Она доит кобылу стоя, как немцы и русские!» Народ хохотал над ее словами! Да, казахи законно считали ее своей! Она говорила по-казахски удивительно образно, с интересным немецким акцентом. Старшая из снох, она беспрекословно уважала меня и Халиму, называла ата – дедушка и апа – бабушка. Вначале я относился к ней более чем сдержанно – не мог забыть образ врага-немца. Но, время – великий лекарь, и Мариям своей добротой и честностью добилась большого уважения, а любовь к внукам вовсе растопила мое сердце. И Мариям заняла достойное место в нашей семье.

Ее девичья фамилия была Сауэр, и казахи подшучивали: «Сауэр – сауыр болды, баринен тауыр болды, немис – казак бауыр болды!» – «Сауэр пришла, как апрель-весна, оказалась лучше всех, и казахи с немцами стали братьями!»

...В тысяча девятьсот пятьдесят пятом году вышел указ Верховного Совета СССР об амнистии военнослужащих, бывших в плену у немцев, осужденных на различные сроки. Благодаря этому указу я был оправдан, восстановлен в правах инвалида войны, мне вернули боевые награды и назначили пенсию по инвалидности. Вздыхнув свободно полной грудью, я вступил в новый этап – в спокойную осень своей жизни.

Вскоре, в шестидесятом году мы переехали в районный центр, город Степняк. В это время набирала обороты целинная эпопея – освоение целинных и залежных земель в Казахстане. Явление это нельзя характеризовать однознач-

но. С одной стороны, подняли край, построили новые совхозы в степи. Действительно, эта была целая эпоха в истории двадцатого века. Но, с другой стороны, миллионы пришельцев нахлынули в Казахстан. Соха – плуг железного коня – трактора перевернул землю, подрезал корни казахского древа жизни, а гусеницы перемололи почву – устои национальной особенности, смешивая все в единое советское, социалистическое месиво.

И казахи стали меньшинством на родной земле. В нашей области, в районе мы составляли только одну треть от всего населения. Большинство стали русские, украинцы, белорусы и другие народы Советского Союза.

Был создан Целинный край, объединяющий пять целинных областей Казахстана – Акмолинскую, Кокчетавскую, Северо-Казахстанскую, Кустанайскую и Павлодарскую. Административным центром края был город Акмолинск, впоследствии переименованный в Целиноград. Край не хотел считаться с правительством КазССР, поскольку подчинился напрямую Москве. Председатель Совета Министров Казахской ССР, истый казах Жумабек Ташенов своим сильным волевым решением заставил руководителя края признать власть республики, на чьей территории находился край.

Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев как-то выразился о главной цели и сути целинной эпопеи. «Мы сделали плугом то, что не смог сделать царь пушкой!» – восторженно ликовал руководитель страны Советов.

В народе легенды ходили о бесстрашном патриоте Жумабеке Ташенове. Говорят, Хрущев пригласил Ташенова в Москву. Он ласково говорил с ним о дружбе народов, о территориальном единстве Советского Союза, и тихонько предложил передать Целинный край под юрисдикцию РСФСР – России! На что Ташенов деликатно ответил, что Казахстан – целая республика, и ее территория неделима по Конституции! Хрущев раздраженно заметил, что все мы – единый Советский Союз, и все, что принадлежит республикам, является собственностью СССР! Просто по Конституции, для формальности, нужно постановление республиканского Совета Министров о присоединении Целинного края к РСФСР! И потребовал довольно резким тоном, чтобы Ташенов беспрекословно ис-

полнил волю первого руководителя страны! Иначе его запросто могут выкинуть с высокого поста. Но Ташенов, глыба, герой, непоколебимо встал на защиту родной земли и сказал, что даже постановка такого вопроса на повестку дня противоречит Конституции и закону СССР!

Хрущев был человек крутого нрава, и разразился гром и молния. Все боялись его. Он угрожал Ташенову и говорил: «Мы не нуждаемся в постановлении Совмина республики, можем вынести решение на союзном уровне прямо в Москве!»

Но Ташенов был тверд и ответил Хрущеву: «В таком случае я подам на вас в международный Гаагский суд!»

Хрущев ничего не смог поделать, не смог проглотить казахскую землю. В ярости он снял с должности Ташенова и устроил гонения. Но Ташенов выстоял и еще при жизни стал легендарным народным героем! И вся пропагандистская машина компартии и советской власти не смогли очернить эту легенду!

При Хрущеве была спущена команда сверху: каждая казахская семья имела право держать только одну лошадь или корову и три барана. И опять над нашим народом сгустились тучи, всем казалось, что тени прошлого нависают над степью. В страхе некоторые зарезали лишний скот: «Да хоть поедим мяса вдоволь, а там будь что будет!» А многие переписывали лишнюю голову на имя родственников, у которых не было скота. Помню курьезный случай. Мы спрятали одну корову у троюродных родственников, живущих по соседству. Тут приезжает уполномоченный на велосипеде проверять наличие скота. Это был русский мужик, немного подвыпивший. Мы показали свой двор, он осмотрел и все аккуратно записал в кожаную толстую тетрадь красным карандашом. Вежливо распростился и вышел. Во дворе родственника играли наши внуки. Он подходит к ним и спрашивает: «Корова есть?!» Дети были польщены, что такой большой начальник – русский обращается к ним с уважением и спрашивает о важном деле. Они наперебой, стараясь быть полезными, закричали: «Корова?! Есть! Есть, конечно!» И повели уполномоченного в сарай, где была спрятана лишняя корова. Но их путь преградила та самая вдова Рахия – хозяйка дома. Она говорит: «Ко-

броба нету, коброба нету!» – и не пускает в сарай. И тут, как назло, корова замычит во все горло! «Вот ты говоришь, нету, а она, коровушка-то, мычит!» – смеется уполномоченный. А Рахия не теряет и повторяет: «Коброба нету! Раз я говорю нету – значит, нету!» Покачал головой этот русский, видать, прошагавший войну, вздохнул глубоко, сел на свой велик и укатил дальше. О чем он думал, что чувствовал, нам не известно, но факт: корову все-таки не записал в свою кожаную тетрадь красным карандашом! И оставили нас в покое.

Время Хрущева еще запомнилось хлебными давками в магазине Конного двора.

За хлебом в магазине выстраивалась огромная очередь с раннего утра. Люди рвались к заветной полке магазина и дрались буквально за каждый метр. Кто покрупнее, посильнее, вытесняли остальных и добивались первыми, но получали всего по две булки хлеба на руки. Завоза хватало только половине очереди, а оставшиеся без хлеба уходили, матеря всех лысых на свете.

Однажды моя внучка добровольно пошла за хлебом и попала в самую гущу разъяренной голодной толпы. Ее чуть не раздавили, и она, еле живая, выбралась оттуда, пришла домой вся в слезах. На нее смотреть было жалко. И мы после этого никого из своих не пускали за хлебом и пекли его дома. Было и такое.

Степняк, хоть и имеет официальный статус города, больше похож на большой поселок. Он раскинулся во всю ширь, согласно своему названию, в степи, и как бы состоит из множества объединенных в одно целое аулов. Булак басы – Исток родника называется наш аул, по-русски – Черкал, а дальше – Абай, Ирмовка, Казаул-Казахский аул, Жоке аяк-Джукаяк, Капай, Кирпичный сарай, Шанхай, Центр, Октябрь, Первомайка, Конный двор.

В шестидесятые годы добыча золота уже заметно снизилась. Но элеватор работал в полную мощность, и его вентиляторы гудели на всю округу, особенно когда кипела уборочная страда.

В Степняке особенно выделялся Дом культуры. Он был интересной архитектуры – большая часть двухэтажная, а крайняя, сценическая часть – как бы трехэтажная, с высокой

крышей. Построили ДК еще в тридцатые годы из камня и кирпича на славу. Сказывают, что в первый год после естественной осадки здания одна стенка дала трещину, и инженера осудили за это аж на двадцать лет. А Дом Культуры до сих пор стоит! Народ ходит туда на концерты и в кино.

Общественная баня в Степняке была в центре. Одноэтажное здание, построенное давным-давно, было очень крепким и теплым. Баня имела два моечных отделения – мужское и женское, парикмахерскую – и работала бесперебойно, точно по расписанию. Самое потрясающее – там продавали морс, газированный чудо-напиток. Золотистые пузырьки из граненого стакана взмывали вверх, заставляя ребятишек, затаив дыхание, делать большой глоток прохладной, освежающей чистоты и восхитительной сладости морс! Ни до, ни после степнякской бани я нигде не встречал такого отменного газированного напитка!

На стадионе проходили футбольные матчи на кубок района. В них постоянно участвовала команда Первой автобазы, которая была почти бессменным лидером района. С ними соперничали команды ДЮСШ, Второй автобазы и некоторые совхозные команды. И матчи были бескомпромиссные, азартные. Зрители разделялись на несколько групп и драли глотки, поддерживая своих любимцев.

Народ жил, трудился, развлекался и с надеждой смотрел в будущее. А будущее нам обещали светлое – коммунизм.

А мы жили в бараках, построенных где-то в тридцатых, сороковых годах. И нам в голову не приходило, почему мы живем в бараках? Барак был достоянием народным, высшим достижением строительства социализма. Барак олицетворял советское лагерное общество, социалистическое общежитие. Был некой моделью. Толстенные, крепкие каменно-кирпичные стены казались незыблемыми. Наши дети, внуки родились в бараке, для них он был родным домом. И мы думали, что проживем там до самого ухода в мир иной!

Маленькая комната и кухня, узкий коридор – вот и все. Слишком тесноватым кажется нам сейчас, а тогда иметь такую крышу над головой – было чуть ли не пределом мечтаний. В бараках жили в основном золотодобытчики – шахтеры и служащие, не каждый мог добиться желанного красного ор-

дерева на жилье. Бараки были очень крепкие, низенькие, на несколько семей, то есть, в одном бараке было несколько квартир. Стены толстенные и аккуратно сложены из природных камней, да так крепко, что позже, после развала СССР, когда хотели снести некоторые бараки, бульдозеры долго не могли разрушить их. Посредине каждой квартиры была большая печь, и в зимнюю стужу выдыхала она тепло жизни. Вообще люди жили спокойно, мирно и счастливо – после всех общенародных бедствий, голода и репрессий, войны и хлебных карточек, застойный период правления Брежнева для многих простых людей казался раем. Сизый дым, уходящий прямым столбом в синее, чистое небо в морозный день, еще издали манил к себе, радовал душу... Со временем людям, в том числе и нам, расширили жилплощадь – разрешили соединить две квартиры в одну, и тогда получалось целых пятьдесят квадратных метров.

У меня было много товарищей и друзей других национальностей, среди которых выделялись Николай, русский, и Лион, немец. Николай был водителем грузовика марки ЗИС – Завода имени Сталина, а затем ЗИЛа – имени Ленина, на автобазе, а Лион – сварщиком, мастером на все руки. Мы с ними были соседями – жили в одном бараке. Посередине – мы, справа – Николай, слева – Лион. Вот опять играла со мной судьба – вокруг опять русский и немец!

Три мира, три нации – в одном бараке, под одной крышей!

Николай Борисович Нестеров был родом из России. Выходец из простой рабочей семьи, он прошагал всю войну, был дважды ранен, имел ордена и медали. Огромного телосложения, рослый, сильный физически, он был уравновешенным, спокойным человеком. Большие синие глаза его излучали душевную доброту, он был очень отзывчивым и чутким. С ним было приятно беседовать и даже спорить. Потому что он умел слушать, терпеливо выслушивал собеседника и был по-своему справедлив. Отвечал искренне, без обиняков выражая свое согласие или несогласие, и самое замечательное в нем было то, что он никогда не переводил спор в ссору! Несмотря на все несогласия с мнением другого, на всю жесткость наших дебатов, в жизни он оставался таким же другом, каким был всегда!

Он был намного, аж на двадцать один год младше меня, и относился ко мне с почтением. Но это не мешало нам общаться по-соседски и дружить. Пользуясь привилегиями старшего по возрасту, я относился к Николаю и Лиону как к своим младшим братьям.

Николая иногда называл шутя Николаем Третьим. Вначале ему становилось не по себе, но со временем так привык, что, выпив, любил бахвалиться этим именем. Иногда даже знакомился с новыми людьми так:

– Николай... Не Второй, так Третий!

И заливался здоровым мужицким смехом.

Соседи, кто помоложе, обычно называли Николая «дядя Колей».

Мне очень нравились пирожки с квашеной капустой, которые мастерски пекла его жена Люба и щедро угощала нас. Она была очень жизнерадостной женщиной. Дородная, статная, крепкая домохозяйка, уверенная в себе, всегда говорила правду-матку, невзирая на лица. Гостей встречала всегда приветливо, но если кто, перебрав рюмку-другую, начинал безобразничать, могла любого поставить на место. Даже мужа, храброго воина Николая, останавливала метким словом, остудив излишний пыл. Открытую, с веселым нравом соседку уважали все. Ну, одним словом, была она настоящая русская баба из сказок.

У них было трое детей – мальчик и две девочки.

Дальний родственник моей снохи-немки Мариям Лион Вильверт, прозванный в народе Лейке, был интересным человеком. Я его называл куда – сват. Он был лет на тридцать младше меня, почти свободно говорил по-казахски. Удивительно, что немцы быстрее других осваивали наш язык, но говорили своеобразно, с большим акцентом, и речь у них была необычной. Наверное, смешивались логика и языковые особенности двух наций.

Однажды приехали к нему гости. Соседи-казахи спрашивают: кто приехал? Лейке думает, мучается, как поточнее объяснить им, и как ляпнет: «Ой, алги... катындыкы катын!» Дословно: «Ну, эта... бабья баба!»

Оказывается, приехала боле – кузина его жены из Белоруссии.

Добродушные казахи долго смеялись, подтрунивая над Лейке. Но тот не унывал и неустанно выдавал устные шедевры казахско-немецкого языка.

Его фамилия – Вильверт – напоминала нам слово вельвет – бархат, и казахи так и называли его: Лейке Белбет.

Его любимой немецкой пословицей была: «Реден ист зилбер, швайген ист голд! – Слово – серебро, молчание – золото!» Когда он говорил это по-немецки, потом переводил нам, мы с Николаем всегда удивлялись. До чего созвучны пословицы народов мира! Николай приводил свою версию на русский манер: «молчание – золото», а я вспоминал казахское: «Аз соз – алтын, коп соз – комир!» – «Мало слов – золото, много слов – уголь». Эта мудрость помогала всем нам в жизни, особенно в обществе. Но мы, три соседа, меж собой не очень-то придерживались этого правила и болтали, сколько хотели, иногда даже смешивая русско-немецко-казахскую речь. Дело в том, что Лейке рос среди казахов в ауле и хорошо знал наш язык, а Николай тоже давно жил в Казахстане и многое понимал, хотя не мог говорить, как Лейке. И благодаря Лейке, который мастерски вставлял в свою русско-казахскую речь сочные немецкие выражения, мы с Николаем обогатили наш фронтной немецкий меткими словами языка Гете и Гейне.

Сварщик Лейке был в почете, как и шофер грузовика Николай. Один подвозил кому что надо, а другой приваривал сломанные железные вещи, необходимые в домашнем хозяйстве. Однажды, рассказывал Лейке, его убедительно попросила одна апа – бабушка починить очень нужные, важные вещи. Приезжает Лейке к ней домой на своем «Урале» – трехколесном чуде-мотоцикле того времени, загруженный аппаратурой для сварочного дела. Смотрит, бабушка выносит во двор алюминиевую миску и кружку с дырочками на дне! Усмехаясь, из уважение к ее возрасту пытаюсь сдерживать свое возмущение, что его побеспокоили такими мелочами и вынудили притащить целый багажник оборудования, он с трудом объяснил бабушке, что эти вещи не подлежат сварке. Бабушка не могла поверить, что такой мастер, тем более немец, не может подчинить такие простые вещи, как миска и кружка! Лейке убеждает ее, что теперь ее кружка и миска

пригодны только для полива цветов. И он продырявливает дно миски и кружки еще в нескольких местах гвоздем. Бабушка, добрая душа, и этому рада!

– Это лейка Лейки! – рассказывала она потом всем соседям.

Вот такой он наш сосед, немец Лион – по-казахски Лейке!

Его жена Зоя была белорусской. У них было четверо детей – два сына и две дочери, и все говорили по-казахски.

Оба моих соседа любили наш кумыс и казы-карта – конину. Их дети, а позже и внуки, стали любителями нашего курта – сушеного творога.

Изредка мы, трое соседей, устраивали себе праздник. Николай растапливал свою баньку, запасались выпивкой, хорошей закуской, и мы отдыхали на славу.

Я водку пить начал еще при советской власти, в далекие двадцатые годы. Ну, а на войне фронтовые сто граммов стали нормой для солдата. В зимнюю стужу, в сырых окопах без них было туговато. А дернешь сотку, и светлее становится, и чувствуешь себя героем! Даже под огонь идти легче.

– Ну, че, жахнем по стопочке? – было нормой общения, признаком доброжелательности.

Но также важно было знать норму и не перебарщивать, ибо водка не терпит баловства. Девиз древнего мудреца Солонна – ничего чрез меру – тут как раз кстати. Что поделаешь, такова правда – водка была нашим спутником жизни, вакциной, наркотой, называйте, как хотите. Мы запивали водкой душевную боль, горечь судьбы и украшали радости земные.

Парились от души – полдня не выходили из бани. Раздевалка была просторная, и мы обожали сидеть там подолгу после парилки. Болтали о том, о сем, рассказывали анекдоты, даже политические, и смеялись над идиотизмом любого пошиба. Иногда затрагивали очень сложные темы, и тогда спорили до хрипоты.

Особенно блаженствовали в зимнюю стужу. Заходишь с мороза в парилку – ох, какое это удовольствие! А как напариться – бегом на задворки, на мороз – повалиться в чистом снегу! Сравнить русскую баню ни с чем невозможно! После снежного объятия – опять в парную – бой-бой-бой!

Баня для нас была не просто баней. Она была потайным местом, где мы прятались от мирских сует, самодурства власть имущих, да и от всего прочего. Там могли дать волю голой правде, распирающей грудь, раздирающей душу. Сидя в старенькой, деревянной баньке, своими смелыми словами сотрясали каменные стены Кремля и толстенные устои диктаторского общества. Дело в том, что в шестидесятые годы наступила так называемая хрущевская оттепель, и поэтому мы могли уже говорить более свободно.

Народ, воодушевленный оттепелью, когда был развенчан культ личности Сталина, и в стране стало свободнее, уже начал поднимать голову. Помню, как в середине шестидесятых годов в нашем ауле Булакбасы – Черкале, совершали тасаттык – религиозный обряд, когда мусульмане приносят в жертву барана или корову и молят Всевышнего, чтобы он направил на их землю обильные дожди, дал богатый урожай хлеба и сена. И вот, собрался народ, в большом казане – котле варится мясо, аксакалы – белобородые старейшины восседают на холме, а в центре Абсалям хаджи в окружении мулл проповедует шариат – исламский кодекс. Он был на один мушел – цикл годоисчисления в двенадцать лет – старше меня, и тогда ему было уже под восемьдесят. Вообще его звали Габдусалам, но народ переименовал на казахский лад это арабское имя – Абсалям. Он при жизни стал легендой, два раза пешком совершал паломничество в Мекку.

И случилась с ним невероятная история. В тридцатые годы к нему домой приходит хороший знакомый и просит спрятать какую-то котомку до определенного времени. Абсалям хаджи, как настоящий мусульманин, бережно хранит доверенный ему узелок, даже не спрашивая о содержимом. Оказывается, там было спрятано алтын – золото, ворованное из рудника. Вскоре бдительные органы арестовали вора, и в ходе следствия выяснилось, что золото находится у хаджи. Приехали, обыскали, нашли и изъяли золото, завернутое в тряпье. И привлекли Абсаляма хаджи к уголовной ответственности как соучастника преступления, дали срок и посадили в тюрьму. Советские работники были рады, что избавились от хаджи, народ недоумевал. Никому из ответственных товарищей в голову не приходило, что они таким образом спасли его от

неминуемой гибели! Дело в том, что через некоторое время в стране начались репрессии и гонения – многих религиозных деятелей расстреляли или посадили на очень долгие сроки. А Абсалям хаджи отсидел свой срок как обычный уголовник и вернулся домой.

Потом еще много раз его подвергали гонениям, требуя, чтобы он отказался от своей религии. Но Абсалям хаджи стойко выдержал все испытания и стал настоящим духовным лидером нашего края. Его почитали не только казахи, но и все мусульмане – татары, ингуши, балкарцы, независимо от национальности. Он был достоин высокого имени религиозного наставника, его предки, выходцы из рода Курсары Керей, были известными в округе хаджи. И вот теперь, воспользовавшись тем, что время жесточайших репрессий ушло, хаджи решил помочь высыхающей земле и напомнить своим землякам о религиозном обряде тасаттык. Он говорил о могуществе и милости Аллаха, голос его звучал твердо. И тут подъехали на мотоцикле трое милиционеров в служебной форме. Люди встревожились, все-таки тень недавнего прошлого еще беспокоила всех. Милиционеры были казахами, увидев сколько аксакалов во главе с самим Абсалямом хаджи собрались здесь, они поубавили свой пыл. Подойдя к собравшимся, они с почтением поздоровались.

Милиционеры не смогли прямо говорить о цели своего визита и уклончиво объяснили, что их направило сюда районное руководство, встревоженное запахом дыма в степи. На что аксакалы ответили, что они осторожны и не допустят пожара, и пригласили товарищей милиционеров отведать мяса курбандык – принесенной жертвы. Те поблагодарили и поспешно ретировались.

Люди совершили обряд тасаттык полностью, помолились Всевышнему и съели мяса. Это событие взбудоражило не только наш район, но и всю республику. Неслыханная дерзость в стране Советов, руководимой коммунистической партией – публично приносить жертву аллаху и массово молиться! Вскоре появился фельетон в республиканском журнале политической сатиры «Ара – Шмель», и начались разборки по инстанциям. Естественно, в открытую наказать Абсаляма хаджи, авторитетного в народе аксакала, не могли. Но зато

досталось многим другим, якобы допустившим такое безобразие. Те отговаривались как могли и приводили весомый довод – дожди-то, причем обильные, после тасаттык все-таки были! Таким явлением природы тайком были довольны и в райкоме, сказывал народ, и поэтому особо жесткие меры по отношению якобы виновных не принимались.

Двое сыновей Абсаляма хаджи, работающие водителями на автобазе, под влиянием отца начали совершать намаз. Об этом стало известно в райкоме партии. Секретарь райкома по идеологическим вопросам вызвал братьев в свой кабинет и отчитал беспощадно, подверг, так сказать, идеологической обработке. Он напомнил им, что, Маркс говорил, что «религия – опиум для народа», и посоветовал побыстрее протрезветь, пока им не промыли мозги до костей!

– Если Ленин сказал, что бога нет, значит, бога на самом деле нет! Компартия продолжает дело вождя. Мы, коммунисты – атеисты, и терпеть бога и всякие таинственные силы не намерены! – пригвоздил главный идеолог района.

И чтобы честные трудяги поняли важность вопроса, заключил без обиняков: – Если вы сейчас же не прекратите ваши религиозные рвения и агитацию среди населения, то будете высланы из нашего края в течение двадцати четырех часов!

Работяги пригорюнились, пришли к отцу и рассказали все как есть. Мудрый хаджи, переживший гонения и судилища, посоветовал сыновьям до поры до времени скрывать свои религиозные взгляды.

Да, в то время мирные трудяги тихо, спокойно жили и терпели все сумасбродства верховных вождей и их приспешников, рожали и воспитывали детей. Но упорно, сознательно, целенаправленно внедряли в сознание и душу своих детей родной язык и культуру, религию и традиции. Это была наша, народная борьба за самосохранение.

Вот, например, в школе наши дети клялись: «Честно-пионерски! Честно-комсомольски! Ленински-сталински!» Это считалось высшей формой клятвы, и вроде никто не нарушал ее. Так учила советская школа. Но дети есть дети, и частенько нарушали свои клятвы, данные именем советских вождей. Но когда наступал момент истины, когда детям при-

ходилося клясться друг другу по-настоящему и убеждать в верности своей клятвы, они клялись именем Всевышнего: «Оллаһи, билляһи!» И все знали: клятва навек! Ее никто не смел нарушать!

В старинных деревянных, обутых железом крепких абдыре – сундуках хранились раритеты прошлого – память предков. Там были редкие рукодельные серебряные, иногда золотые изделия ювелирных мастеров степи и востока. Встречались женские украшения – кольца, браслеты из царских целковых, серебряных монет. Были и монеты, просто продырявленные с края. Женщины пришивали их к своей одежде или, продев в дырку ниточку, носили как подвески. Изредка можно было в бабушкином сундуке обнаружить какую-нибудь рукопись, испещренную затейливой арабской вязью, а то и маленькие пожелтевшие книжки, изданные в царские времена в издательстве Казани. А найти большую старинную книгу было удачей. И мне однажды повезло – нашел «Киссас-уль анбия» Рабгузи, изданную в Казани в конце девятнадцатого века.

Пожелтевшие страницы раритета уносили в глубь веков, во времена пророков, и я снова чувствовал себя маленьким мальчиком, слушающим притчи и легенды Алтын-апа в одинокой зимовке в буранную ночь.

И читал историю пророков внукам и правнукам, чтобы они, ученики школы безбожников, соприкоснулись с вечной истиной, почувствовали размеренное дыхание древности.

Один известный клязник накатывал анонимки во все инстанции по любому поводу и на кого угодно. Он был в тридцатые годы шолок бельсенды – горе-активистом, а впоследствии – салпанкулак – стукачом НКВД. Интересно, все знали, что он клязник, но делали вид, что уважают его. Некоторые побаивались его, а другие просто не хотели связываться с ним. И вот этот анонимщик додумался до того, что накатил несколько бумажек наверх о том, что руководители-казахи нашего района совершают религиозный обряд сундет – делают обрезание своим детям. Чтобы не быть голословным – сказывался опыт нквдешника – он следил за детьми в общественной бане! Подсматривал за ними и мотал себе на ус: «Ага, дети таких-то начальников-казахов обреза-

ны!» А тех, кого не смог встретить в бане, поджидал, когда они возвращались со школы домой. И обманывал ничего не подозревающих ребятшек: «Покажи-ка мне свою писульку, а я тебе за это конфетку дам!» – и машет карамельками перед носом обалдевших мальчиков. «Ну, и дурак! На, смотри сколько тебе хочется, только давай конфету поскорей!» – думают детишки, радуясь сладкому угощению. А кляузник, таким образом собрав факты, накатав бумажку в область. Ох, какой был шум, какая разборка! С обкома партии, из областного центра Кокшетау, раньше назывался Кокчетав, приехала комиссия. Собрали весь актив района и давай разбираться. Солидный партработник, инспектор обкома начал давить на районных руководителей: «Товарищи, как это так?! Партия и правительство доверяет вам ответственные руководящие посты, а вы чем занимаетесь? Компартия борется с пережитками прошлого, всякого рода проявлениями национализма и религиозного фанатизма, призывает искоренить любые признаки противоречия марксизму-ленинизму! А вы допускаете обрезание детей в районе! Более того, сами подаете пример населению, совершая этот дикий, устаревший мусульманский обряд в своих семьях! Это несовместимо с нашей советской моралью, противоречит коммунистической идеологии! Этого терпеть никак нельзя и надо прекратить обрезание и подрезать корни такого обычая!» В этом месте не выдержал доселе угрюмо молчавший первый секретарь райкома партии: «Что вы говорите, товарищ инспектор!? Обрезать – можно, подрезать – нельзя!» Все захохотали, а инспектор растерялся и, глотнув воды, посмотрел на кляузника, ища у него поддержки. Но не тут-то было! Поднялся с места первый секретарь райкома партии Алпысбай Жакупов, бывший фронтовик, раненый, имеющий боевые награды, испытанный и закаленный в огне войны огромного телосложения человек, эдакий степной батыр-богатырь и начал расстегивать штаны. Все, весь районный актив и комиссия обкома, обомлели. «Подойди-ка сюда, товарищ правдоискатель-анонимщик, и снимай живо свои штаны, не то я сам сдеру их с тебя! И вы, товарищ инспектор, и вы, уважаемая комиссия, снимайте штаны и покажите всем, да и посмотрите сами хорошенько! А ну-ка, давайте, все разом!» Тут инспектор пришел в себя, и смягчив

тон, начал успокаивать разбушевавшегося как бугра – самец верблюда – ветерана войны, а кляузник от страха чуть не залез под стол. Немного успокоившись, первый секретарь снимать штаны не стал, но, держа руку на ширинке, продолжил в том же духе: «Ни для кого не секрет, что все казахи обрезаны, и это не мешает им хорошо работать на благо родины! Передайте привет руководителям области и республики, пусть сначала посмотрят на себя! Что, у коммунистической партии и советского правительства нет других проблем, кроме как бороться с обрезанием казахских ребятишек!? Наш народ вместе с братскими народами Советского Союза трудится на славу, собирает богатый урожай и умножает богатства страны! И не заглядывает никому в штаны! Так кому какое дело, если казахи обрезают своих детей!?»

Вот так, не побоявшись немилости высших инстанций, дал отпор этот грубоватый, громадный мужик нелепым обвинениям. Комиссия уехала ни с чем, да, наверное, им стало как-то не по себе, а там, наверху, тоже нашлись разумные люди, и история с обрезанием казахских ребятишек так и осталась без последствий. Народ смеялся над идиотизмом партийно-советских идеологов, жил и работал, растил и обрезал своих детей.

А первый секретарь Алпысбай Жакупов, около двадцати лет руководивший районом, стал легендой!

...В то время подверглась гонению домбра! Этот древнейший двухструнный музыкальный инструмент, спутник казаха на протяжении многих веков и в радости и в печали, вдруг оказался неуютным советской власти. Ее неофициально окрестили пережитком прошлого и дали понять, что пропаганда народной музыки нежелательна. И все, домбра сначала ушла в тень, а затем постепенно исчезла. Представляете, на родине величайшего народного певца, композитора Биржан-сала, в городе, где покоится его прах, школьники в середине шестидесятых годов днем с огнем не могли сыскать настоящую домбру! Да и в школах уже не особо приветствовалась игра кюев – степных симфоний на домбре – и пение народных песен в ее сопровождении.

Я смастерил из простых сухих досок домбру, склеил, сделал струны из тонкой кишки козы и начал учить внуков, как мог. Так я сопротивлялся мракобесам от советской власти!

Только через несколько лет, усилиями разумных патриотов-казахов домбра опять приобрела свой высокий статус.

Переживая вновь в памяти всю свою вековую жизнь, поймал себя на мысли, что при всей кровавой тирании и несправедливости, жизнь есть жизнь, и в ней есть как плохое, так и хорошее. Если задать прямой вопрос, чего же было больше – зла или добра, я бы затруднился ответить. А кого больше встречал – хороших людей или подонков? Тут вообще невозможно ответить однозначно. Дело в том, что один и тот же человек в одной ситуации проявляет себя молодцом, а в другом случае оказывается, мягко говоря, не совсем на высоте. Такова жизнь, и таков людской род, и с этим ничего не поделаешь. Надо принимать всех такими, какие они есть, и стараться самому оставаться человеком.

Может, я ошибаюсь, кто знает. Но в одном уверен – выносить однозначный приговор целой эпохе отдельного народа или такой сложной страны, как Советский Союз, где жили много национальностей, нельзя! Объективно это невозможно, а судить субъективно и предвзято, загонять в узкие рамки многогранную историю глупо. Даже жизненный путь одного человека не вмещается в судебский приговор обвинителей прошлого. Все было в ту эпоху: и хорошее, прекрасное, возвышенное, а так же плохое, гнусное, отвратительное. Что поделаешь, таково величие жизни, такова история, которая не знает «если...»

...В семидесятые годы наступили времена облегчения – худо-бедно, но люди зажили по-человечески. Иногда кажется, что эти лет пятнадцать были подарком судьбы многострадальному советскому народу за все лишения и муки. И народ жил, отдыхал от души. Мирный труд, твердая зарплата, сравнительно неплохой жизненный уровень радовали массы. По вечерам все прилипали к своим черно-белым телевизорам, голубой мираж манил своей магией, уводя мысли и чаяния в неизведанную даль, отрывая от шероховатой реальности.

Период правления Брежнева до начала перестройки и развала СССР почему-то называется застойным периодом. Застойный период – застойный период, говорили в народе. Ох, посчитать бы на компьютере, сколько человеко-часов просидели и сколько проели-пропили в те годы граждане

Советского Союза! Сидели, как могли! А что делать! В то время все сидели – одни за большим столом руководили нескончаемыми заседаниями, другие жадно ловили взглядом в маленькой щелке железной решетки кусочек белого облака, лениво проплывающего мимо. А многие сидели за большим дастарханом – накрытым столом и ели-пили, пили-ели. И говорили не умолкая обо всем на свете. Так мы отводили наши задыхающиеся в железных тисках советско-коммунистической диктатуры души.

Народ пировал и потихоньку спивался.

Вообще, застоный период – застольный период заслуживает особого внимания. Время было интереснейшее! Это сейчас хаотично на разный лад. А тогда жилось весело!

Легенды ходили о похождениях руководителей. Прodelки начальников, прикрытые политическими лозунгами, – целая история!

Рассказывали, что такой-то хороший оратор, очень образованный человек. Его ораторство в том, что он умел лучше других вешать лапшу на уши, а цитаты, подобранные с умом и используемые точно к месту, придавали его словам вес и поднимали авторитет в глазах прямолинейных партийцев и наивных масс.

Жизнь народная была вольная. Душа нараспашку. Все всегда были готовы помочь друг другу бескорыстно. Никто денег не брал за оказанную посильную помощь. Брать деньги, особенно у своих земляков, считалось позором. Об этом даже и не думали. Зато обмывать сделанное дело было в порядке вещей. Это был неписанный закон застольного времени, некий кодекс чести. Подвез человек на машине солому соседу, починил велосипед, или еще чего сделал – бутылку на стол и пошло, поехало. Задушевные беседы переходили иногда в жаркие дискуссии с мордобоем, а примирение поссорившихся соседей назавтра становилось отличным поводом для похмелья. Самое интересное, деньги на водку находились всегда.

А столько интересного происходило вокруг.

Добрые соседи, мы с Николаем и Лионом были друг для друга и неким моральным судом. Если казах натворит чего-нибудь, они начинали подтрунивать надо мной: «Ей, Асе-

ке! Что такое, а? Ваши там, говорят, того... хе-хе-хе!» Я тоже не оставался в долгу, и когда русский или немец, украинец или белорус облажается, непременно высмеивал соседей. Бывало, мы своих стыдили за дурные поступки или слова: «Как тебе не стыдно? Что скажут русские, если узнают?» «Прекрати! Немцы будут смеяться над нами!» Нередко мы слышали, как русские или немцы отчитывали своих: «Не позорься перед народом! Казахи будут высмеивать нас!»

Удивительно, но это действовало. Даже самые бессовестные, которые своих не стыдились, вроде привыкли перед ними быть такими, какие есть, стыдились показать другим народам себя с плохой стороны. Им не хотелось ударить лицом в грязь перед представителями других народов, и это было неким моральным ограничителем. Мы были открытыми, гласность и свобода слова были полные, говорили правду-матку друг другу в лицо, полушутя-полусерьез, может быть, иногда даже злорадствовали. Но не было у нас ненависти! Не щадили друг друга, подтрунивали над недостатками, спорили до хрипоты, но вражды как таковой не было ни у кого. Мы жили вместе и уживались, делили радости и горе, делились хлебом и солью... и шутили, шутили друг над другом!

Иногда, будучи навеселе, Николай и Лион подтрунивали надо мной, истолковывая на разный лад мое двоеженство.

Мы со старшей женой Халимой жили вместе с младшим сыном Айгали, снохой Баян и внуками в бараке. Вторая жена Нагима жила рядом, в неказистом старом саманном доме. Ее старший сын и дочь, дети нашего погибшего на войне брата, к тому времени уже обзавелись семьей и жили и работали в областном центре Кокшетау. Через два года после нашей женитьбы Нагима родила мне сына, с которым она и жила теперь. По-сууществу, мы были всегда рядом, вместе.

– Вот, кайф у Асеке! Две жены под боком! Хоть куда поворачивайся – благодать! И там, и тут! Да, никуда не убежишь! – подшучивал Николай.

– А зачем ему бежать-то? – продолжал Лейке в том же духе. – Это нам с тобой бегать по бабам! А у него все дома!

– Асеке, кто слаще, байбише – старшая или токал – младшая?

– Когда как! – в тон им отвечал я. – Человеку хочется иногда сладенького, иногда соленького! Вот, старшая подсаливает, а младшая подслащивает! Или, наоборот, по настроению!

Они хохотали, сотрясая смехом деревянную баньку.

– А вообще-то правильно делали казахи! Взяли законно четыре жены, народили детишек, растут четыре аула! И все по совести! – говорил Николай полушутя. – Не надо гулять на стороне! А мы что делаем?

– Женимся на одной, клянемся в верности и ходим налево, грешим! – размышлял вслух Лион.

– А кто вам мешает? – прикидываюсь дурачком. – Берите по второй!

– Ойбай, кто нам даст? – вздыхали друзья.

– Что, состарились уже? – подтруниваю над ними. – Тебе, Колька, только за пятьдесят, а тебе, Лейке, за сорок всего!

– Нет, дело не в нас! Дело в законе! – оправдывается Николай.

– В понятии! – вторит ему Лейке. – Во-первых, никто нам не позволит иметь вторую жену! Ни закон, ни обычаи, ни жена, ни общество – никто!

– Во-вторых, это считается дикостью! – горячится Николай.

– Ну это с какой стороны посмотреть! С вашей – так дурно, а с нашей – вполне нормально! Вся беда начинается тогда, когда один народ навязывает другому народу свои законы. А что в этом плохого, если каждый народ живет по-своему?! Вам что, хуже от того что казах по закону шариата будет иметь четыре законные жены и растить свое потомство?! Если все согласны и довольны, то кому какое дело?!

– Да нет, мы не против!

– Нам бы тоже не помешало! – отвечали соседи.

– А знаете, почему запретили законное многоженство? Хотели препятствовать размножению казахов как нации! Мало того, что уничтожили столько, так еще и пресекли рост численности нашего народа!

– Да ну, Асеке, вы перегнули палку! – возражал Николай. – Наоборот, советская власть дала свободу женщинам востока!

– Какую свободу? От кого?

– Ну, это же правда, что женщинам дали равенство, свободу! – поддержал Николая Лион.

– Женщина может быть равноправной по закону государства, да. Но она не может быть равной мужчине по закону природы!

Даже такую серьезную тему добрые соседи превращали в шутку.

Шутки давали нам силы, здоровый юмор спасал нас от психологического надлома. А было над чем шутить, жизнь выкидывала такие невообразимые фортели! Однажды несколько специалистов районного среднего звена, после хорошего застолья, умудрились на автомобиле-фургоне «Москвич» взлететь ввысь и зависнуть на дереве! Это в центре города, на главной улице имени Ленина! Недалеко от райкома партии, перед райотделом милиции, напротив райисполкома, рядом с поликлиникой! Говорят, когда их снимали оттуда краном пожарники, они пели песню про космонавтов! И вот пошли слухи, узункулак – длинное ухо работало свободно даже во времена жестокой цензуры. Оказывается, главному специалисту по строительству выдали новенькую служебную машину и он стал радостно обмывать ее с друзьями. А был он казах, и Николай с Лионом стали подтрунивать надомной. Вечером, когда мы сидели перед домом, любясь закатом, они торжественно поздравили меня с полетом первого казаха в космос.

– Молодцы, казахи! – говорил совершенно серьезно Николай. – Догнали и перегнали Америку! Даже они не додумались бы до такого!

– Улететь с асфальта в центре города и приземлиться на дереве могут только каз – гусь, и казах! – вторил ему Лейке Бельбет.

Я отвечал им, что, мол, сами не можете, вот и завидуете.

– А что делать казаху, если вы не даете ему полететь в космос даже с собственного космодрома в Байконуре?

Но назавтра ситуация окончательно прояснилась. Оказывается, «космонавтов» было трое! И что интересно, вместе с казахом «летали в космос» немец и русский! Причем, за рулем был русский! Теперь уже я был на коне и спуску не давал милым соседям!

– Эй, слушайте! Вот видите, как всегда, все из-за вас, русских и немцев! Бедняга казах, простая душа, просто оказался между вами, чтобы вы ненароком опять не натворили бед! Ну, куда только не полетишь под руководством русских, да при поддержке немцев!

Посмеялись добрые соседи и поставили бутылку!

На Пасху соседи нас угощали крашеными яйцами, а на праздник айт – приходили к нам и ели лепешки со сметаной. Помню, однажды был курьезный случай. Я ездил в Кокшетау по делам и зашел на базар. Смотрю, женщина, русская, торгует красивыми кругленькими хлебушками. Намазанные белым кремом, они притягивали взгляд. Спрашиваю: «Свежие? Вкусные?» Женщина кивает головой и удивленно смотрит на меня. Я купил целую кучу. Приезжаю домой, вручаю гостинцы снохе Баян. Она накрывает стол, готовит чай, и мы все собираемся есть эти кругленькие булочки. И вот тут сын Айғали и сноха Баян начинают хохотать, посмотрев повнимательнее на привезенные гостинцы. Оказывается, это были куличи, которые русские специально пекут на Пасху! Что делать, не выбрасывать же! Я соскреб ложкой все нарисованные кремом кресты с булочек, произнес бисмилляхи! Теперь эти булочки стали мусульманскими, и мы с удовольствием, посмеиваясь над незадачливым аксакалом-старцем, то есть надо мной, съели их. Вот тебе толерантность!

Не нужно превращать дружбу народов в голый лозунг. Нельзя умалчивать о противоречиях или сглаживать шероховатости. Можно не любить отдельного человека, но нельзя эту неприязнь переносить на весь народ. Невозможно искренне дружить с человеком другой национальности, если не уважаешь его народ. Можно бороться против политической власти другого народа, но нельзя позволять себе ненавидеть весь народ. Народ не виноват и не отвечает за злодеяния политической верхушки!

Но все не так просто в жизни, и сколько раз история доказывала, что ее путь непредсказуем. Размеренное, тихое течение мирной жизни народа нарушили тревожные слухи. С каждым днем нарастали как снежный ком разговоры о том, что Советский Союз ввел войска в Афганистан и начал войну с американцами и афганцами! Мы были потрясены

и напуганы. Как так, что за война, зачем, за что? Подобные вопросы задавались втихаря везде и никто не мог ответить толком. Стало еще тревожнее, когда начали говорить, что отправляют на войну в далекую жаркую страну солдат, которые были на воинской службе в Туркмении. Двое моих внуков в это время служили в Кушке и они могли попасть в эту загадочную страну Афганистан. Я переживал и молился за них. Говорили в народе, что афганцы, пуштунские племена, очень воинственны и никто никогда не побеждал их. Все, особенно те, чьи дети были в армии, беспокоились и переживали. Точной информации не было, и от этого слухи становились все тревожнее. Через некоторое время стали приходиться первые печальные вести, говорили о погибших из нашего района, и военные привозили тела в оцинкованном гробу и, не разрешая вскрывать, так и хоронили. Иногда возвращались домой раненые или контуженные парни. Слава аллаху, мои внуки вернулись домой после окончания срока службы. Один наш земляк из степняцкого аула Булакбасы Мадай все-таки оказался покалеченным этой войной. Он вернулся инвалидом, без одной ноги. Их отряд попал в засаду, и в разгар боя взрыв пуштунской мины достал-таки его. Подоспела помощь, афганцы отступили. Мадаю, раненого, вытащили санитары. Он, оказывается, лежал без сознания, истекая кровью, на бронетранспортере. С трудом уловив признаки жизни, врачи отвезли парня в госпиталь, прооперировали, ампутировали левую ногу, почти полностью оторванную взрывом. Чудом остался жив Мадай. Ему сделали протез, он научился ходить, устроился на работу учителем в сельской школе. Через некоторое время женился, родились дети. Обожженный огнем войны Мадай мужественно перенес личную драму и стал настоящим человеком. Я недоумевал и возмущался, как после той страшной второй мировой войны, всеобщей трагедии, человечество опять может стрелять друг в друга! Кто играет судьбами народов, кто заставляет людей с оружием вторгаться в чужие страны?!

Я этого до сих пор не понимаю, наверное, так и не пойму...

Абсурд, возведенный в абсолют

Через лет десять-пятнадцать после освоения целины начались гонения на казахский язык. К концу шестидесятых, началу семидесятых годов стали повсеместно закрываться казахские школы, под предлогом недобора школьников. Поощрялся переход местного населения в русские школы. Начали открыто говорить на всех уровнях власти и в народе, что нет будущего у казахского языка, что скоро все будет только на русском. Родителям внушали, что будущее их детей связано только с русским языком, и если их чадо не будет знать его, то и шагу не ступит в жизни, не говоря о карьерном росте. Дело в том, что во всех ВУЗах и предприятиях, да и во всех сферах жизни говорили и писали только на русском языке. Даже в аулах со стопроцентным казахским населением школьное обучение было переведено на русский язык. В районном центре, городе Степняке, от шести казахских школ осталась только одна – средняя школа имени Абая. Самым ужасным следствием такой диктаторской, шовинистической политики было то, что дети, выросшие и воспитанные до семи лет в чисто казахской семье, не сразу усваивали русскоязычное обучение, и в результате выросло целое поколение людей, находящихся в каком-то раздрае.

Понимавшие политическую подоплеку такого подхода взроптали, возмутились, некоторые протестовали, но не могли выступить открыто и организованно, противостоять целенаправленному натиску могущественной машины власти мировой сверхдержавы.

Замаскированное и открытое гонение на религию, язык и культуру казахов усиливались с каждым днем. Осуждались ураза – пост и намаз – каноническая молитва, печатались антирелигиозные статьи в газетах. А об ономастике, топонимике невозможно было даже заикнуться – всюду целенаправленно насаждались русскоязычные названия местности, населенных пунктов и улиц, чуждые казахам.

Именами людей, не имеющих никакого отношения к Казахстану, назывались города, поселки и проспекты. Мы понимали, что это тоже проявление политики русификации и ассимиляции, кипели от негодования, говорили даже открито, но власти нас и слушать не хотели.

Когда в первый раз встретил казаха, не знающего родного языка, я вначале не поверил. Думал, он разыгрывает нас. Когда убедился, что он настоящий казах и, тем не менее, не знает ни слова по-казахски, мне показался, что мир перевернулся. Это было так неестественно, так дико, что у меня не хватило слов объяснить. Я-то думал, вот, конь ржет, корова мычит, а собака лает, точно так же казах говорит по-казахски, русский – по-русски, немец – по-немецки. Я наивно полагал, что родной язык человека рождается вместе с ним!

Нам оставалось только молча негодовать. Иногда мы жарко спорили об этом с Николаем Третьим. И Лион был часто моим союзником. Он шутил: на войне казахи и русские вместе воевали против немцев, а теперь казах с немцем атакует русского! Самой главной темой наших споров был национальный вопрос.

Это был самый острый вопрос нашего времени, своеобразный гордиев узел, который все предпочитали обходить стороной, не разрубая.

По словам Николая выходило, что наша страна – СССР – есть образец справедливого общества, братства и дружбы народов.

– Как бы не так! – отвечал я ему. – Братство, дружба – да! Но равенства-то нету-у! А если нет равенства, то и справедливости тоже нема!

Он, бычился, начинал доказывать свою правоту, аргументируя фактами процветания страны Советов за послевоенный период и приводя в доказательство достижения компартии и советской власти в области национальной политики.

– Вон, смотрите, сколько городов и совхозов построили в голой степи! Надо быть слепым, чтобы не видеть все это! А сколько казахов получили высшее образование и выросли в крупных руководителях! Надеюсь, вы не отрицаете

прогрессивную роль России в истории народов СССР, в том числе и казахов?!

– Нет! Но это не дает право русским поглощать другие народы! Говоря о прогрессии, мы не должны забывать об агрессии и репрессии!

– Ну, не перебарщивайте... Никто никого не проглотил и не собирается...

– Но посмотри сам, Николай... Каждой нации, по конституции, дано право на самоопределение. А где оно, это самоопределение на самом деле?

– Ну... это... значит, никто не хочет самоопределяться! Все народы видят свое будущее только вместе, в составе СССР!

– Да нет, просто никому не дадут реализовать это право! Оно только на бумаге! Вот алашордынцев, да и всех патриотов своего народа, советская идеология обвинила в национализме и уничтожила. Ты хоть подумал, попытался разобраться, в чем там национализм? В чем заключается их вина? Ведь они всего-навсего хотели свободу и равенства своему народу! Мы, казахи, мирный народ, и хотим сохранить себя как нацию, и жить в дружбе со всеми народами земли! Мы самый доброжелательный народ в мире! Мы не хотим подчинять себе, унижать, поглощать другие народы! Мы всего-навсего хотим оставаться самими собой! И если это вы считаете национализмом, то да здравствует такой национализм!

Николаю это явно не нравилось, но он, насупившись, молчал. Я продолжал говорить о накипевшем.

– И еще смотри... Вот дается право каждой нации учить своих детей на своем родном языке! А все ВУЗы обучают только на русском! Везде, вся работа в Казахской ССР идет на русском! И как быть нам? А потом идеологи партии и власти трубят на весь мир: мол, сами казахи не хотят отдавать своих детей в казахские школы! Какое политическое коварство! А ведь один народ не должен проглатывать другой! Когда один народ ассимилирует другой, не может быть разговора о равенстве и справедливости! Ты понимаешь это!?

Удивительно, но Николай этого не понимал! Он никак не мог допустить такие мысли! Дело в том, что в семидеся-

тые годы идеологи партии начали усиленно насаждать теорию о слиянии наций – это было политической программой страны.

Такие предметы в ВУЗах: диалектический и исторический материализм, научный коммунизм, толком никто не понимал псевдонаучные выкрутасы этих лжеучений. Но одно мы, колониальные народы, понимали четко и ясно, но выводы делали по-разному, учитывая все плюсы и минусы. Постулат о дальнейшем сближении братских советских народов и слиянии наций звучал со всех трибун и на первый взгляд казался единственно верным для всего человечества.

– Да ведь это здорово! – восклицали наивные ура-патриоты. – Весь человеческий род – единое целое! Не будет нации, не будет и националистов! Никаких проблем!

Они даже не задавали себе вопроса: а на каком языке будет говорить этот единый советский народ? Естественно, на языке большинства, то есть, на русском! А это справедливо? Об этом не думали, но с энтузиазмом приняли такое положение и рьяно стремились это реализовать поскорее, всячески содействуя бредовой шовинистической идее ЦК КПСС. Сами быстро начали забывать родной язык, обычаи и традиции своего народа, обучали своих детей на русском языке и воспитывали в интернациональном советском духе, то есть, плясали под дудку компартии. Подобные им вторили:

– Раз ЦК считает так, значит, так оно и есть! По-другому быть не может! Не должно быть, понимаешь!?! Если ЦК решил сливать все нации в одно целое, значит, будем сливаться!

Что поделаешь, ассимиляция шла полным ходом. А другие, и мы в том числе, поняли, что за этим кроется коварнейшая политика русификации всех наций СССР. Мы были возмущены и воспротивились этому. Нет, открыто не кричали об этом, да и в то время нигде, ни в одном СМИ невозможно было возроптать против политики центра. В стране железного занавеса и цензура была железная. А мы потихоньку воспитывали своих детей и внуков в духе традиций своего народа дома! Всеми силами старались вну-

шить нашим детям сызмальства, что мы казахи, и должны оставаться казахами!

– А что в этом плохого? – потянулся Николай, когда я рассказал ему об этом: – Не надо делить наш советский народ на национальности. Мы все единый советский народ. Какая разница в том, на каком языке говорить? Лишь бы понимали друг друга и были вместе!

Меня задели его слова, но больше всего удивляло, что он говорил искренне! Он верил в то, что говорил! И я не выдержал:

– В начале века я воевал против русских – царских карателей, белых, красных, в общем, всех мастей русских. Затем воевал вместе с русскими против фашизма, проливал свою и чужую кровь, защищая русскую землю. Вот живу тихо-мирно с вами по соседству. Но почему вы нам не дадите жить спокойно своей жизнью? Вам мало того, что вы имеете? Зачем вы ущемляете наш родной язык? Почему хотите уничтожить нашу культуру, насаждая свою? Почему вы хотите проглотить нас? Вот ты говоришь, что для тебя нет разницы, на каком языке будет говорить советский народ! Это ты говоришь, будучи уверенным, что все народы будут говорить на русском языке. А что бы ты сказал, если тебя заставили бы забыть свой родной русский язык? Вот подумай, а? Посмотрел бы на тебя тогда! А ведь все народы также любят свой родной язык. Все хотят создавать, сохранять, развивать свою культуру! Мы всего-навсего хотим сохранить себя как нацию, как народ! Мы не хотим раствориться в этом мире подобно толпе, сброду без рода и без племени! И нам очень больно, обидно, когда видим, как нашу одурманенную коммунистическими идеями молодежь все сильнее затягивает в жизнь чужого народа!

Николай угрюмо сидел в тяжелом раздумье.

– Прости, Асеке! – промолвил он наконец. – Действительно, я даже не думал, что вы так переживаете.

– Дружба бывает только между равными. Если мы будем все это скрывать, не выскажем всю правду друг другу, то не будет искренней дружбы, взаимопонимания между нами. А я не хочу обманывать соседа!

Я продолжил:

– Вот ты говоришь, что советская власть, компартия многое дали народам Советского Союза, в том числе казахам! Да, несомненно, это исторический факт! Но, скажи честно, ради бога! Какой смысл во всем этом, если завтра исчезнет мой язык? Не будет культуры? Обрусеет моя нация?! Так зачем такая жизнь?!

Я умолк.

Николай грустно покачал головой и неожиданно сказал:

– Я вас понимаю! Теперь понимаю, только теперь... Раньше как-то не думал... что для вас это так важно! Теперь буду изучать казахский язык!

– А мы давно по-казахски калякаем... шпрехен! – вставил молчавший до сих пор Лейке, и налил по полной.

– Спасибо, что понял наконец! Но какой прок от того что один или несколько русских будут говорить по-казахски, когда сами казахи будут забывать родной язык!? – произнес я грустно.

– Я больше ничего не смогу сделать для вас! И очень жалею об этом!

Николай глубоко вздохнул и залпом выпил. Я последовал его примеру. Нам было немного неловко после разговора, и мы оба старались переменить тему. Выручил Николай.

– Ну, вы нас все равно не перепьете! – буркнул он, закусьвая.

И пошло-поехало. Мы все загорелись и начали пить уже на спор – кто кого перепьет: казах, немец или русский? Выпили до последней капли водку – наше лекарство, а может, и отраву, и разошлись с миром. Идти в магазин и продолжать не хотелось, мы с Лионом прекрасно понимали, что в этом деле за русским богатырем нам не угнаться.

А политика слияния наций продолжалась, и в восьмидесятые годы начали сгущаться тучи над единственной казахской школой имени Абая в Степняке. В восемьдесят пятом угроза стала реальной – власти собирались закрыть ее, поскольку был недобор учащихся. Школьников было мало во всех классах. Казахи-патриоты встревожились не на шутку. Директор школы Оспанов и учителя обратились ко мне, попросили пойти в райком и поговорить с руководителями.

И я, злой, пришел в райком.

Новый секретарь по идеологии райкома партии Зигмунд Збигневич Качановский был поляк по национальности. Его имя и отчество было для простых казахов-аульчан очень труднопроизносимыми и народ прозвал его просто и мудро – Зигзаг и Кочан. Называли иногда Зигзаг, иногда Кочан, смотря по обстоятельствам. Ну, просто – да, а почему мудро? Да потому что он был очень гибким человеком. Он никогда ни с кем не спорил. Никому не говорил нет, кажется, у него в лексиконе не было такого слова.

Качановский старался никому не делать зла. Никого ни за что не притеснял, не подвергал гонениям, и был честным и справедливым сотрудником, разумеется, в тех пределах, которые позволялись советской властью и компартией.

Когда я вошел, он широко улыбнулся, привстал со своего кресла, выказывая уважение восьмидесятипятилетнему старцу, и воскликнул:

– О, какие люди! Здравствуйте! Присаживайтесь!

Буркнув «здрась», я остановился в центре кабинета.

Он удивленно посмотрел на меня. Наверное, он видел меня впервые в таком мрачном состоянии. Я стукнул березовой крепкой палкой об пол и произнес злым голосом, еле сдерживая приступ ярости.

– Зигмунд Збигневич Качановский! Почему ты так не любишь казахов? Что мы плохого сделали тебе?

Прямой вопрос – как кинжал. Зигзаг заволновался, его правый глаз широко распахнулся, а левый, наоборот, зажмурился, и он по обыкновению поднял свой длинный указательный палец вверх и воскликнул.

– Да вы что, дед Асанбай! Вы же меня знаете! Какая нелюбовь? Наоборот, очень уважаю казахов! Казахи помогли нашему народу, полякам, в трудные годы! Я родился здесь, всю жизнь живу с казахами! Да мы же почти породнились!

– А тогда почему ты закрываешь наши школы?!

– Да не я же! Вы же знаете! – Качановский показал пальцем вверх.

– А кто же тогда?! Иванов, Петров, Сидоров?! Да все они говорят одно и то же: «Не мы закрываем школы! Мы

уважаем казахский народ!» Так ответь по-партийному честно, по-советски прямо: если вы все так уважаете казахский народ, то тогда почему не позволяете этому народу на своей земле, на своей родине учить своих детей на своем родном языке!?

Зигмунд Збигневич покраснел и начал нервно тереть ладони.

– Дед Асанбай, и вы поймите нас, – произнес он просительным тоном, что смягчило мой гнев. – Это требование времени! Установка сверху! Решение партии и правительства!

При упоминании коммунистической партии и советской власти перед глазами промелькнули железные комиссары жестоких времен репрессии, которые под прикрытием лозунгов классовой борьбы и социальной справедливости вырезали весь цвет нашей нации. Это было продолжением той политики. Да, было понятно, что за закрытиями казахских школ кроется далеко идущая политическая цель – дальнейшая колонизация и русификация казахской степи.

– Требование времени, говоришь?! А кто создал такие условия, кто установил эти требования?

– Да сами казахи хотят, чтобы их дети учились в русских школах! Сейчас ведь без великого и могучего русского языка никто и шагу не сделает в нашей необъятной стране Советов! Как ни больно это признавать, но факт остается фактом – у вашего и у нашего языков нет никакой перспективы!

– Нет, казахи никогда не хотели и не хотят забыть свой язык и слиться с другими народами. Просто создали такие условия, вынуждающие наш народ изучать в первую очередь чужой язык!

– Да ладно, не нужно слишком драматизировать. Почти все народы СССР уже отходят от своего языка, русеют. Вон, мои дети уже почти не знают по-польски ни слова! Обидно, но что поделаешь!

– Послушай, Зигмунд Збигневич, у тебя есть целая Польша! Родина всех поляков, хранилище языка, культуры польской нации! А у меня кроме Казахстана ничего нет! Ты понимаешь это?!

Никогда не думал, что выступлю с таким политическим заявлением в райкоме партии, в кабинете секретаря по идеологии. Ну, довели! Когда вопрос стоял о жизни и смерти родного языка, а значит, всей нации, наверное, каждый казах думал и переживал как я.

Разговор принес пользу. Зигзаг почти полупешотом сказал мне, что еще не все потеряно. Если до начала учебного года, за две недели, в первый класс наберут семерых, а в остальные существующие классы дополнительно по несколько учеников, по закону никто не посмеет закрыть школу.

– Так что действуйте, Асеке! Только тихо, а я обещаю поддержку!

И мы начали искать и собирать детишек.

Обратились к родственникам, знакомым, живущим в совхозах, где были казахские школы, попросили отправлять своих детей в Степняк, в интернат, чтобы заполнить пустующие парты во всех классах. Нашлись все-таки казахи, которые беспокоились о будущем нации, и отправляли своих детей в единственную в районе среднюю казахскую школу имени Абая.

Но беда была в том, что во многих казахских аулах, совхозах не было казахской школы! В ауле Кенаши, где жил мой сын, герой-коневодец Кабдош, почти девяносто процентов населения были казахи, но школа была русская. Все десять детей Кабдоша и Мариям учились по-русски. В ауле Бирсуат, центре совхоза «Восточный», где жила моя старшая дочь Майке, школа была тоже на русском. Восемь ее детей тоже учились по-русски. Представьте себе, дети до семи лет росли в казахской семье, говорили по-казахски, а затем началась для них совсем другая жизнь. Надо сказать, что они все-таки сохранили свой родной язык, но большинство только на разговорном уровне. И это было драмой, которая неумолимо перерастала в общенациональную трагедию. Все мои дети в свое время учились по-казахски, но уже внуки и правнуки разделились – многие из них ходили в русские школы, поскольку в тех местах, где они жили, попросту не было казахской школы. И я, их дед и прадед, глава рода, не мог ничего поделать с таким положением вещей.

Единственное, что было в моих силах, постоянно говорил с ними на родном языке, рассказывал о культуре, истории и традициях. Мои потомки знали родной язык, правда, некоторые только тоже на разговорном уровне.

Невзирая ни на что, все пятеро детей младшего сына Айгали, с которым жили вместе, учились в казахской школе в Степняке.

А мой второй сын Темырбек, учитель литературы и языка, жил в ауле Сауле, где почиталось все казахское. Поющий аул называли Сауле в народе. Школа была казахская, почти весь аул играл на домбре, и четверо моих внуков тоже пели свои песни. Но вот младшей дочери в этом плане не повезло – она жила и работала в городе Петропавловске. Ее муж, наш зять, учился в русской школе, рос среди русских и плохо знал родной язык, обычаи и традиции казахов. У них росли трое детей, и все они говорили только на русском. Я много раз возмущался этим, говорил откровенно с дочкой и зятем, бывало, метал громы и молнии, но ничего не помогало. Зять и дочь разводили руками и обреченно признавались: «Это веление времени! Мы живем и работаем в русскоязычной среде, и там казахский язык попросту не нужен! Да, понимаем, что надо знать родной язык, беречь культуру, но не знаем, как быть?! Ничего не можем поделаться!» О чем говорить дальше? Вот так история, творимая не нами, играла с нами.

Время брало свое, и политика слияния наций засасывала всех. И уговорить многих казахов, живущих в казахском райцентре, отдать своих детей в первый класс казахской школы, стало трудной, даже невыполнимой задачей.

Помню, как мы с директором школы Оспановым и двумя учительницами казахского языка навещали каждый дом, где были дети, собирающиеся в первый класс. Хозяйева встречали радушно, по обычаям гостеприимства. Но когда начали объяснять цель нашего визита, они менялись на глазах, их лица становились каменными. Помню, были и душевные беседы с молодыми родителями, и прения, и скандалы. Воспитанные советской школой, обученные на русском языке, обрусевшие молодые папаши и мамыши и слушать не хотели нас. Директор Оспанов, честный комму-

нист и патриот своего народа, был человеком эмоциональным, и даже на партийно-советских собраниях не очень-то скрывал свою обеспокоенность судьбой родного языка. Он говорил с родителями откровенно, пробуждая в них национальные чувства, и просил, даже требовал, чтобы те отдали своего ребенка в казахскую школу. «Будущее родного языка под угрозой! Ну, будьте людьми, пожертвуйте одного ребенка ради своей нации!» Да, дошли даже до таких разговоров! Но не тут-то было! Одна молодая мамаша заявила нам прямо в лицо: «У казахского языка нет будущего! Скоро все будет только на русском! И не хочу калечить своего ребенка, забывая его голову никому не нужными вещами! Учить своего ребенка где хочу – мое право!» Такой цинизм был похлеще фашистских издевательств в плену и злобных взглядов зеков в Сусумане. Оспанов покраснел от ярости, но сдержался, понимая, что дальнейшая ссора окончательно испортит все. Учительницы тихо вытерли крупные капли слез. Мы молча покинули этот дом, осознавая, что обрусевшие молодые родители – жертвы и плоды колониальной политики империи – теперь начали выполнять ту программу, которая была заложена в них – рубить корни своего народа! На нас давило чувство обреченности.

Но шли до конца, и в двух домах нам улыбнулась удача. После нашего серьезного разговора и горячего уговора Оспанова, молодые родители, сами выпускники школы Абая, твердо решили привести своих малышей в нашу школу.

И так, всеми правдами и неправдами, мы набрали шестерых, а седьмого никак не могли найти. И опять случайность помогла мне найти решение. Помню, сидел я перед своим баракком и напряженно думал об этой проблеме. Вдруг кто-то здоровается со мной по-казахски. Смотрю, мальчонок Герольд, семилетний младший сын соседа Лейке. Он пришел играть с моим правнуком. И меня осенило – а почему вот его, Герольда, свободно разговаривающего на нашем языке, не привлечь в нашу школу?! Я разговорился с ним, он так прекрасно отвечает, что просто любо-дорого слушать. Спрашиваю, не хочет ли он учиться в казахской школе? Он неожиданно обрадовался такому предло-

жению и охотно согласился. Оказывается, он подрался с несколькими русскоязычными мальчишками, будущими одноклассниками, во время игры в футбол, и теперь ему не очень хотелось учиться с ними в одном классе. А мой правнук, который тоже собирается в первый класс, заступился за него. Они с рождения жили рядом и росли вместе. Такой казахско-немецкий союз был мне на руку, и теперь оставалось только уговорить Лейке и Зою.

Я поговорил с ними. Мой куда – сват Лейке, помнивший доброту казахов в тяжелые для немцев время, глубоко задумался. Ответ дал назавтра. Ну, просто молодцом оказался этот работяга немец Лион Вильверт! Когда он понял, что единственная казахская средняя школа, носящая имя великого поэта Абая, может закрыться навсегда, вскипел от негодования и по-черному ругал и советскую власть, доведшую до этого, и казахов, чурающихся своего родного языка. И в самый критический момент Лион со своей женой, белорусской Зоей, которая свободно, но с акцентом говорила по-казахски, привели младшего сынишку, своего позднего ребенка Герольда, в первый класс казахской школы! Так, без громких слов, мы поняли, что они решили помочь казахам в критической ситуации.

– Гете поддерживает Абая! – воскликнул я, вспомнив далекий тридцать седьмой год.

Герольд стал настоящим героем среди казахов. Он учился хорошо, говорил свободно, сочно по-казахски, знал наизусть много стихов и декламировал мастерски. Среди школьников Герольд всегда блистал знанием казахского языка и литературы, и все прозвали его бильгир – знаток. Даже седые учителя баловали его, обращаясь уважительно – Гереке! Герольд бильгир – знаток закончил школу уже в новое время и стал известным казахстаноязычным телеведущим независимого Казахстана.

...В середине восьмидесятых годов объявили Перестройку, а потом вышло постановление ЦК партии о борьбе с пьянством. С полок магазинов начали исчезать привычные для глаз приятные бутылочки. Зато стали процветать подпольное производство и торговля подделками, прозванными в народе самопалом. Трудно было достать хорошую

водку для дорогих гостей, да и для себя. Казалось, мы были в тупике. Но выход нашел Николай Третий.

– Как пили, так и будем пить! – отрезал он. – Только по уму будем делать это!

И мы, три добрых соседа, начали подпольно гнать самогон. Николай привозил остатки пшеницы в кузове, собрался солидный запас, и по мере надобности, аккуратно готовил бражку. Я вносил свою лепту сахаром, а Лион, мастер на все руки, приготовил прекрасный самогонный аппарат. Помню, как в первый раз гнали самогон. Впервые в жизни видел, как это делается. Николай и Лейке были главными действующими лицами, а я был прикрытием. Любой милиционер не осмелится войти в наш барак, оттолкнув восьмидесятипятилетнего инвалида войны. В строжайшем секрете держали мы нашу затею, и когда, глубокой ночью, пошли первые капли из змеевика, меня охватило непонятное волнение.

– Первач! – смачно произнес Николай. – Самый смак, сила!

И мы, три соседа – русский, немец и казах, не дожидаясь конца процесса, пропустили по полстакана первача и захрустели соленым огурчиком! Ох, не забуду этот огненный, отменный вкус! Мне за свою вековую жизнь не удалось пробовать виски – не встречался. Так вот, мне потом рассказывали, что у виски примерно такой же вкус. Но, мне показалось, что первач из чистой пшеницы, наша отрада и наша отрава, лучше всех спиртных напитков.

Это был наш негласный бунт против произвола партии и власти. Но не все могли рисковать, как мы. За самогон судили строго, могли и срок дать. Поэтому мы редко позволяли себе рискнуть, и гнали запасы на несколько месяцев. Многим приходилось туго, и каждый находил свою лазейку как мог. Приключения в поисках выпивки в перестроечные времена – это целая народная трагикомедия!

Тогда достать водку для народа стало проблемой номер один. У кого была водка про запас, тот и заказывал музыку. Тому первым подвозили уголь, дрова, сено и солому. Парадокс – хотели понизить роль водки, а получилось, подняли очень высоко.

Как известно, русские на похоронах поминают усопших стопкой водки. Ну, кто будет держать в подвале на такой случай целый ящик? Даже если старухи припрятали где, все равно старики, да и постарше кто, нашли бы и выпили за здоровье и долголетие этих же старушек.

Поминки, понятно, дело серьезное, и власти тут не могли пренебрегать традицией. По негласному решению райкома и райисполкома, на каждые похороны выделялся ящик водки, и в райпотребсоюзе выдавали этот заветный ящик за наличные деньги строго по списку и только по справкам о смерти близкого человека. Тонкость ситуации в том, что такая привилегия не была предусмотрена для мусульманской части населения. Да и не нужна эта водка на мусульманских похоронах. Но нашлись люди, думающие иначе. Воспитанные в духе советского интернационализма, они увидели в этом разделение и ущемление людей по национальным и религиозным признакам. И некоторые из них начали требовать в райпотребсоюзе, вместе с необходимыми товарами для похорон, этот злосчастный ящик русской водки! Вот до чего доводит ассимиляция сознания! Получив категорический отказ от руководства потребсоюза, они прямоком шли к Зигмунду Збигневичу Качановскому. Как-то одна женщина-казашка требовала от него на полном серьезе:

– Сын женится. Мы с мужем сызмальства работаем в совхозе, наверное, заслужили внимания, помощи от правительства. Так вот, помогите нам получить в райпотребсоюзе ящик водки на свадьбу и приплюсуйте положенный нам ящик водки по случаю смерти свекра! Мы тогда не брали!

– Какой положенный!? – возмутился, не выдержав, Зигзаг.

– По закону! По общему порядку! – не отступала боевая женщина.

– Нету такого порядка! Это мы просто помогаем людям в трудную минуту! – пытается объяснить Кочан, закрыв левый, вытаращив правый глаз.

– Так помогайте всем! – не унимается аульная женщина. – А вы разделяете людей!

– Но вы же мусульмане, казахи! И вы же не пьете водку на похоронах!– взрывается Кочан.

– А это наше дело! Но что положено, то положено! Свекор помер, значит, вы должны выдать нам ящик водки!

Бедный Зигмунд Збигневич! Наверное, со времен Речи Посполитой ни один поляк не вступал в такой спор и не встречал такую железную логику! Качановский объясняет и так, и сяк, но женщина стоит на своем.

– Вот недавно умер же деверь нашей соседки Наташи, так им сразу дали ящик водки!

– Но они же русские! – взмолился Зигмунд Збигневич.

– Ах, вот как! Если русский умер, значит, положено ящик водки! А казах помер – не положено?! Что, нерусским поминать покойников нельзя!? Выходит так, по-вашему!? – ярится женщина пуще прежнего.

И она обвиняет преданного идеям и заветам Ленина коммуниста Качановского в предвзятости, разделении советских людей по национальности и по вере.

– Накачу-ка на вас в обком бумажку! Компартия учит, что мы единый советский народ. Значит, у нас должны быть одинаковые обычаи! А вы мешаете этому!

Я представляю себе Зигзага при этих словах. Он как огня боялся всякого рода бумажек наверх. А такая угроза вообще убила его. И он позвонил председателю потребсоюза и попросил, чтобы выдали этой женщине два ящика водки – один на свадьбу сына, а второй по случаю смерти свекра. Гордая победительница зашагала поспешно в сторону продснаба, а Качановский, качая поникшей головой, потянулся к графину с холодной водой.

А вообще, под давлением обстоятельств, Зигзаг проявлял большую гибкость и отказывал, кому можно, стыдя людей несоблюдением обычаев предков. Но когда чувствовал, что ему не просто отделаться от назойливых просителей, особенно женщин, уступал, но с умом. Вот так иногда водочный вопрос перерастал в политический, с национальным оттенком.

Перестройка и постановление о борьбе с пьянством была не очень понятны народу. Народ не воспринимал смысла этих шагов правительства и терялся в догадках – что же за этим кроется?

На всякий случай, многие местные начальники переставили мебель в рабочих кабинетах, перекрасили стены, окна, пол и потолки. Помню, посмеивались между собой – раньше столы для совещаний стояли Т-образно, а теперь их переставили П-образно! Вот и перестроились!

Но время неумолимо диктовало свое и незаметно для нас приближались большие перемены. В декабре одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого года в тогдашней столице Казахстана Алма-Ате произошли известные декабрьские события. Решением Москвы руководителя республики Кунаева сняли и поставили русского Колбина. Случился взрыв негодования. Молодые казахи, в основном студенты и рабочие, вышли на центральную площадь выразить свое несогласие по этому вопросу. Это был неслыханный массовый открытый протест решению ЦК Компартии в Советском Союзе, который потряс тоталитарную систему власти огромной страны.

Казахская молодежь потребовала от ЦК и Советского правительства: каждому народу – своего руководителя! То есть, первым руководителем Казахстана должен быть казах!

Но власти не прислушались к гласу народа. Внутренние войска и милиция силой разогнали безоружных молодых людей, вышедших на площадь выразить свой гражданский протест против произвола кремлевских диктаторов. Потом начались гонения. Наказывали студентов, исключали из вузов, сажали в тюрьмы.

В дальних уголках республики пока ничего толком не знали об этом. Степь наполнилась слухами. В те дни узункулак – степной телеграф – заработал вовсю, потому что официальные источники молчали. Мало того, власти старались затыкать рот всем говорящим и вопрошающим на эту тему. Узнать судьбу своих детей-студентов родителям было нелегко. Телефонную и почтовую связь перекрыли на некоторое время, кажется, власти были серьезно встревожены и подстраховались на всякий случай.

А слухи были один страшнее другого. Говорили, что в город ввели войска, солдаты били саперными лопатами демонстрантов, поливали из водометов, убитых и избитых

до полусмерти студентов вывозили за город на грузовиках и «черных воронах» и выкидывали на мусорные свалки, оставляя в морозную ночь на произвол судьбы. Погибших и искалеченных было немало, а многих молодых казахов – парней и девушек – просто хватали и бросали в темные подвалы, в каменные тюремные камеры, где избивали до полусмерти и издевались. А алматинский горком и райкомы партии дали тайное указание всем трудовым организациям, чтобы те вооружали своих рабочих-неказахов железными арматурами, чтобы быть готовыми дать отпор казахской молодежи. И очевидцы рассказывают, как раздавали эти обрезки арматур прямо на рабочем месте. Никто точно не знает, сколько железных прутьев обагрилось кровью безоружных студентов. Как выяснилось потом, в этих ужасных слухах было много преувеличено, и все же была и доля правды.

Чуть позже появились статьи в официальных центральных и республиканских газетах, которые назвали эти события беспорядками и обвинили казахскую молодежь в национализме, хулиганстве, алкоголизме и наркомании. Было ясно, что так власти пытаются очернить первых ласточек свободы и демократии.

Я остро переживал это событие и сразу вспомнил шестнадцатый год, когда молодые казахи восстали против произвола царизма и пошли против пушек, пулеметов и винтовок с простой березовой палкой – соилом, и погибали в неравной схватке. Сердце обливалось кровью, и я молился за нашу молодежь.

Но поднять глас было невозможно, никто и слышать не хотел нас. Многие, до мозга костей преданные делу партии и заветам Ильича патриоты Советского Союза, в том числе и казахи, охотно верили официальной версии и открыто обвиняли молодежь в заблуждении. По их мнению выходило, что студенты, поддавшись провокации чуждых советскому обществу элементов, покусились на святая святых нашей необъятной страны, сплоченной навеки Великой Руси – единство и дружбу народов, нарушили мир и покой, пытались разжечь межнациональную рознь.

Мы, три соседа, сначала тихо обсуждали это событие

на кухне, а затем завелись и продолжили в баньке у Николая. Николай и Лейке были ошарашены таким неожиданным проявлением «казахского национализма».

– Казахи были всегда интернационалистами! Что это вдруг нашло на них? – вопрошал недоуменно Николай.

– Такой терпеливый народ, и на те – взорвались! – удивленно пожимал плечами Лейке.

– Значит, накопело, наболело десятилетиями! – как можно спокойно ответил я соседям. – Чего только не терпел наш многострадальный народ! И вот, наконец, его прорвало!

И высказал многое соседям. Не скрывал, что солидарен с декабристами, что методы подавления молодежи советских политиков и силовиков граничат с жестокостью кровавых диктаторов.

– Так и надо! Так надо поступать со всеми, кто против нас! – возразил Николай. – Это политика, а не балет на льду!

– Тогда это антинародная политика! Шовинизм с элементами деспотизма! – взорвался я. – Как можно молодежь своей страны вот так запросто избивать, изгонять, растаптывать!?

– А нечего было высовываться! – не унимался сосед. – Вот скажите, зачем, ради чего надо было бунтовать, будоражить всю страну?!

– Ты лучше подумай, зачем, ради чего надо было доводить до этого?! – парировал я. – Неспроста все это! Значит, накопилось немало проблем в национальной политике! И придется все это исправить, ответить когда-то!

– Перед кем? – возмутился Николай.

– Перед историей... Перед богом... Перед памятью... Перед совестью человеческой, в конце концов!

Разошедшись, я начал рассказывать добрым соседям об исторических преступлениях в степи. Они молча слушали, но когда речь пошла о голодоморе, Николай не выдержал и прервал меня.

– Да, ну!.. Если произошла бы такая грандиозная катастрофа, то мы непременно слышали бы об этом! Раз до нас не дошло никаких слухов, значит, не очень-то громкое дело было!

Такая логика выбьет из колеи кого угодно, но я удержался и продолжил свой рассказ об увиденном и пережитом в голодный год. Николай покачал головой.

– Тогда почему мы об этом не знаем? Раз мы не знаем об этом, значит, этого не было!

– Вот те на! – не выдержав, возмутился я. – Логика гребаная! Выходит, если ты не знаешь чего-то, значит, этого нет? Если ты о чем-то не слыхал, значит, этого не было, да?

– Да! Тогда этого и в помине не было! А теперь вот заявляется! Нет, я этому не верю! – сказал он твердо.

– Да просто все это было закрыто, запрещено властями! А в действительности это факт! Причем, исторический! И документально подтвержденный, между прочим! Весь народ знает и шепотом говорит об этом!

– А я не верю этому! И точка! – невозмутимо произнес Николай, обливаясь холодной водой.

Вот попробуй пробить, изменить такое железное убеждение. Мое спокойствие и терпимость претерпели и такие испытания.

Оказывается, он ничего не знал о голоде тридцать второго! Он вообще об этом не слыхал! Николай также ничего не знал о многих злодеяниях царских, а затем советских властей в отношении казахского народа! И Лейке не знал!

Мне пришлось драть глотку, рассказывая о национальных трагедиях казахов, произошедших в бескрайней степи. Они слушать-то слушали, но с каким-то недоверием. Объясняя им, русскому и немцу, пережитое нами, казахами, вдруг я понял, что все это для них так не важно. То, что больно, очевидно для нас, для них казалось какими-то внеисторическими, сомнительными легендами. Как будто что-то полоснуло по сознанию, и я понял простую, но жестокую истину: трагедия одного народа – в лучшем случае просто исторический факт для других народов! Страдания одной страны – статистика для других!

– Зачем вы все это ворочаете? К чему клоните? Мне совсем не нравится такой разговор! – наконец не выдержав, резко сказал Николай.

– А хочу высказаться! Чтобы все знали правду и имели мужество прямо смотреть на нее! – ответил я спокойно

и твердо. – Затаенная обида приводит к озлоблению, вражде – к недоверию! Надо высказать всю правду о событиях в истории и сделать выводы, идти вперед и жить дальше! История вражды должна учить нас дружбе! История войны должна учить миру! Пора положить конец разным криво-толкам и спекуляциям по казахско-русско-немецкой войне!

– Ну, ладно... Но все это ведь в прошлом... А сейчас-то тишь да благодать! – вымолвил Николай.

– Какая тишь, какая благодать! – воскликнул я в сердцах. – Ты что, не слыхал о ядерных испытаниях на Семипалатинском полигоне?

– А что? Военная необходимость! Для самообороны бомба нужна!

– Оборона, говоришь... Но где, какое государство, какая власть подвергает свой народ такому ядерному испытанию, обрекая на мучительную смерть и страшные болезни?! Вот столько десятилетий взрывали Святую землю, и на тебе, многострадальный народ ответил взрывом души!

Лейке угрюмо молчал. В то время эта тема была запретной. Николай почесал в затылке, покачал головой и грустно произнес:

– Вот я тоже думаю... это ужасно! Бомба-то... атомная... ядерная... не выбирает национальностей. Она – общая беда!

– Да никто нигде не спрячется от нее! – поддержал Лейке. – Само ядерное испытание в степи – преступление!

Нам всем стало страшно, и, как всегда, в трудную минуту пришла на выручку верная обманка – водочка. Затем попарились, хлестая друг друга веником и вымещая таким образом всю бессильную злобу и обиду.

И тут вспомнилась мне история, связанная с баней, которую тут же рассказал соседям.

– Однажды на разведке мы тихо, незаметно подошли к неизвестному хутору. Понаблюдав основательно и убедившись, что немцев нет, постучались в крайнюю хату. Хозяин обрадовался и испугался одновременно, увидев нас. Сказал, что к вечеру придут фашисты попариться в баньке. Мы спрятались за хутором, в лесу, и терпеливо ждали. Вечером подъехали на трех мотоциклах офицеры и солдаты. Они громко разговаривали и хохотали. Потом вошли в приго-

товленную баню, оставив одного часового. Мы подождали чуточку, затем тихо подошли ближе. Ребята быстро убрали часового, заняли позиции, а мы с Иваном вошли в баню. В прихожке висели одежды и оружие фашистов. Здоровяк Иван, наш командир, резко открыл дверь в парилку. Голые немцы обомлели, увидев нас. Иван молниеносно схватил одного фашиста, вытащил его и бросил мне. Я скрутил его, накинул немецкую шинель. Перед уходом посмотрел на немцев в парилке. Они застыли в растерянности и широко раскрытыми глазами смотрели на нас. Кажется, еще толком не понимали, что случилось. Обычные человеческие лица, горячий пар, запах березовых веников невольно напомнили мне о простой земной жизни. Но в следующий миг Иван бросил связку гранат в парилку, хлопнул дверью, и мы выскочили. Прогремел мощный взрыв, пламя и дым окутали баню. «Какая ужасная смерть! Война, что поделаешь!» – утешал себя. Но почему-то этот эпизод врезался в сознание, и не могу забыть об этом...

Николай Борисович Нестеров загрузил и тоже начал рассказывать.

– Однажды мы переходили фронт...

Он умолк и долго сидел молча, упершись взглядом в бревенчатую стену. Видно было, что ему трудно дается этот разговор.

– Нет, я все-таки должен рассказать об этом. Никогда никому не рассказывал... но, хватит молчать!

Николай продолжил тихим голосом:

– Мы переходили фронт, шли в тыл фашистам и вдруг наткнулись прямо на огневую точку. Пулемет был искусно замаскирован ветвями и травой. Мы тихо легли и прижались к земле. Ждем, смотрим – тишина. Присмотрелись, а там фашист у пулемета спит. Ну, командир приказывает мне – убрать его. Подполз к нему, смотрю, спит молодой, даже совсем юный немец. Вытащил я нож, чтобы всадить ему в шею, но никак не могу ударить его. Не знаю, что на меня нашло, но рука не поднимается. А он спит себе так мирно, сладко. Ну, говорю про себя: «Ах, ты, фашист проклятый! Ты пришел на нашу землю! Ты убил столько мирных людей! Кровопийца, изверг!» Нет, никак не могу

злиться на этого мирно спящего пацана! Что же делать? Приказ есть приказ, надо исполнять. Если ты не уничтожишь врага, то он уничтожит тебя! Таков жестокий закон войны. Я приставил острие ножа к сердцу юного немца и надавил со всей силы. Нож мягко вошел в молодое тело, как в масло. И тут юнец широко открыл глаза, посмотрел на меня. Я оцепенел и не мог оторвать взгляда от таких невинных глаз! Он молча помер! Тут подошли наши, и мы пошли дальше выполнять боевое задание. Но этот взгляд юнца на всю жизнь остался в моей памяти. Бывает, забываю надолго, а затем, в один миг, всплывает этот взгляд, и я мучаюсь, не сплю ночами...

Загрустили мы, загрустил и Лейке. Заглушили душевную боль как всегда водкой. Ничего не поделаешь, что случилось, то случилось. Такова, значит, наша судьба!

– Странно все! – вымолвил наконец Лейке. – Получается как... Вот мы, три соседа, живем тихо, мирно, в дружбе и согласии... А что было бы, если встретились там... на передовой... лежали в окопах по разную сторону?! Стреляли бы друг в друга, а?!

Каждый из нас представил себе, как бы это могло быть, и мы некоторое время сидели молча.

– А что поделаешь, коли прикажут?! – произнес Николай глухим голосом.

– Но что тогда дружба? Добрососедство? Прикажет какой-то психопат, и что, палить будем друг в друга? – взорвался Лейке. – И потом потомки будут обвинять: вот какой вы сволочной народ, нацисты, шовинисты, националисты!?

– Да, успокойтесь! – воскликнул я на правах старшего. – Не надо обвинять народ, целую нацию во всех грехах! Жизнь не раз убеждала меня в том, что нет плохих народов, а есть плохие и хорошие в каждом народе. Нет плохих народов, а есть плохая политика! Нет плохих людей, а есть плохое поведение. Плохие поступки людей – плод плохого воспитания.

– Понимаю вас, Асеке, и поддерживаю! – произнес Лейке. – Однажды, в ауле, осенью сорок четвертого года, меня чуть не убили казахи!

Мы с Николаем раскрыли рты.

– Да, те самые добрые казахи, которые нас приютили, поддерживали. Случилось так, что в один дом пришла похоронка. Родственники оплакивали погибшего солдата, весь аул, в том числе и депортированные народы разделяли их горе. Но через несколько дней двое братьев павшего на фронте солдата, юноши на год-два старше меня, четырнадцати-пятнадцати лет, встретились со мной за аулом, в степи, во время поиска коров. Они злобно посмотрели на меня и начали ругать, оскорблять, называя фашистом, кровопийцей, душегубом. Я отвечал, что я не фашист, а мирный немец. Они говорили, что все немцы – дурная кровь, убийцы, одного поля ягоды!

– Ну, вот об этом и говорю! – воскликнул я. – Когда один человек ненавидит другого человека – это драма. А когда один народ ненавидит другой народ – это трагедия. Путь ненависти – не человеческий путь, она никогда к добру не приведет!

– После словесной перепалки, озлобленные гибелью брата парни яростно набросились на меня. Они были старше и крупнее, повалили на землю и начали бить, пинать. Не знаю, убили бы или нет, но покалечили бы точно. И тут послышался резкий окрик, и братья отпрянули. Я встал и отскочил подальше. Они собрались было опять напасть, но тут между нами встала Батима-апа – бабушка, ваша мама! Она грозно отчитала парней, те не смели перечить ей, успокоились. Батима-апа сказала им, что эти бейшара – бедняги немцы не от хорошей жизни приехали к нам.

– Они не виноваты в этой войне. Не все немцы фашисты. Лейке не виноват в смерти вашего брата. Одумайтесь и помиритесь! Живите дружно! – призвала нас суровым голосом. Братья ушли, ничего не сказав, но больше не приставали ко мне. Вот так ваша мама спасла меня в трудную минуту!

Я был глубоко тронут рассказом Лейке. Николай тоже покачал головой.

– Знаешь, Лейке, – наконец произнес я. – Чуть позже твоего случая, в ноябре сорок четвертого я попал в плен. Немец-офицер хотел меня пристрелить. Он стоял в не-

скольких шагах и игриво перебрасывал свой парабеллум с одной руки на другую. Я тихо молился. И тут обратился к офицеру и попросил за меня казах-легионер. Офицер некоторое время раздумывал, затем подбросил парабеллум в воздух, прокрутив несколько раз, ловко поймал его на лету, вложил в кобуру и махнул рукой, оставив меня в живых! Не могу объяснить, но, кажется, между этими событиями есть какая-то неведомая нам таинственная связь! Моя мама, спасая тебя, наверное, спасла и меня! То есть, ее доброта в отношении тебя, немца, вернулась через немецкого офицера и сохранила мне жизнь!

– Кто знает, кто знает! – пробормотал потрясенный Николай.

Мы некоторое время сидели молча, заново переживая драму далеких лет и, как всегда, запили все горькой водкой.

И хотя прошлое временами напоминало о себе и заставляло заново переживать те далекие события, жизнь продолжалась и шла своим ходом.

...Однажды ко мне обратилась с удивительной просьбой соседка Зоя, жена Лиона. Она очень волновалась. Переборов себя, сказала на одном дыхании, что в магазин поступил цветной телевизор. И ее дети очень хотят приобрести такое чудо. Но цветной телевизор – товар дефицитный, и не продается свободно. Не каждый имеет, во-первых, финансовую возможность завладеть магическим экраном. А во-вторых, такие дефициты распределяются строго по спискам. И в первых рядах этого списка числятся инвалиды и ветераны Великой Отечественной войны. А первую строчку в этом почетном ряду занимал, как вы думаете, кто? Асанбай Бектемиров, то есть я, который прошел всю войну, трижды раненый и имеющий множество боевых наград – орденов и медалей. Логика соседки была железной: Ардагер – ветеран идет к председателю райпотребсоюза, тот подписывает бумажку, и завмаг отпускает такой вожденный многими цветной телевизор доброму старикашке. А по приезду домой Лион встречает его, и уже в этот же вечер весь барак – три семьи-соседи – дружно будут смотреть разноцветные передачи из Москвы, чокаясь и закусывая хрустящими огурцами.

Мне стало не по себе от такой просьбы, но не мог отказать доброй соседке, матери нашего героя Герольда.

Председатель райпотребсоюза встретил меня радушно. Выслушал внимательно и ответил:

– Кому, как не вам, положено цветное диво!

И без лишних слов позвонил завмагу и поручил единственный большой цветной телевизор продать мне.

Когда я пришел в магазин, там собралась небольшая группа женщин. Они встретили меня не очень дружелюбно, поздоровались для приличия и стали зорко следить, что будет дальше. Стало как-то не по себе. Завмаг неохотно указал на красивую коробку и выдал из себя:

– Вот он... ваш красавчик. Семьсот пятьдесят пять рублей! Оплатите утром и забирайте к черту! А сегодня оформляем новый товар – делаем таксировку!

В то время советский рубль уже начал падать в цене, стал в два раза дешевле, но все еще был в силе. Я сказал «хорошо» и собрался уходить. И тут прозвучал робкий голосок:

– Почему весь дефицит выдаете только ветеранам?

Не успел обернуться, как люди заговорили наперебой:

– Надоели уже эти ветераны! Все подряд забирают!

– А нам крохи достаются!

– Как будто молодые не люди!

Я растерялся от такого лобового наскока. Женщины наседали.

– А что, цветной телевизор нам не по цвету?

– Аташка, вы же тот раз взяли стенку для дочки!

– И теперь еще телевизор!

– Да, ладно уж, если бы себе покупали! Зачем для других стараетесь?

– Вы что, талон на дефицит?

– Вот мы все против того, что вы стараетесь для соседей! Постыдились бы своей седины!

Я, кажется, пробормотал что-то невнятное и поспешно ретировался. И вдогонку доносилась азартная ругань разгоряченной толпы.

– Да они совесть потеряли совсем!

– Или выжили из ума!

Наверное, я так не убегал даже от фашистских пуль. Мне хотелось поскорее удалиться от них, спрятаться в уголке и укрыться большой черной шубой из овчины. Но, ясное дело, от словесных пуль нигде не укроешься. И меня начала мучить совесть. Как я, почтенный аксакал, подобно глупой рыбе, попался на крючок мелочных склок?

Вот тут пришла интересная мысль. А кто вообще первым выживает из ума? Тот, у кого много ума, или тот, у кого его нет? Если ума нет, то из чего выживать-то!? Тогда получается, что умные первыми и выживают из ума?! Так, так, продолжил я свою мысль, посмеиваясь над собой, народ прав, как всегда, и ты, наверное, потихоньку, сам того не замечая, сходишь с жизненного пути, то бишь с ума! Нет, так не пойдет!

И решил отказаться от этой затеи и открыто сказал об этом соседям. Они немножко сникли, но приняли мой отказ, да и что им оставалось! На этом можно, даже нужно было поставить точку.

Но вот тут-то на сцене появилась моя любимая сноха Баян. Логически она рассчитала точно. Зачем пропадать полученному от председателя райпотребсоюза разрешению? Раз отказали соседке, так она, сноха, имеет полное право на этот телевизор. Мои любимые детки ласково уговорили меня не отказываться от цветного телевизора, а приобрести его для себя, как полагается. А черно-белый продать кому-нибудь и наслаждаться всей семьей светиком-семицветиком. Я опять растаял и дал добро.

Но не тут-то было. На горизонте появился еще один старый хромой ветеран войны. Он несколько лет назад переехал в Степняк из аула Тассу – Камень-вода, который разваливался, а впоследствии вовсе перестал существовать. Получив отказ от председателя райпотребсоюза, он пошел прямо к Зигмунду Збигневичу Качановскому. Зигзаг, как обычно, с хитрецей выслушал его, и покачивая головой, пообещал разобраться. Он был не на шутку встревожен предстоящим столкновением двух авторитетных ардагеров-ветеранов, которое могло перерасти в громкий скандал областного, а то и, по Кочану, республиканского масштаба.

Зазвенели натянутые нервы Зигзага. За это не погладят по голове. Не обеспечить ардагеров – ветеранов войны самыми необходимыми вещами быта, создать дефицит товаров! Да вы понимаете, что это такое!

В магазине нас встретил сам Зигмунд Збигневич Качановский. Он был заметно взволнован.

– Некрасиво получается как-то! Боюсь, нас не поймут.

Он многозначительно поднял указательный палец вверх, вытаращив правый и зажмутив левый глаз.

Вот так я невольно оказался вовлеченным в скандал, которые очень не любил и всю жизнь старался избегать. Ибо считал, что всякого рода склоки и распри людские в корыстных целях, особенно из-за мелочей, пустяжных выгод, ниже человеческого достоинства. Я сознательно отказывался от таких мелочных схваток и всегда спокойно оставлял материальный объект вожделения страстно жаждущим. Но на этот раз случай был особенный – столкнулись интересы женщин двух семейств, и мы, бедные ветераны, оказались меж двух огней, как на фронте.

Я вообще не понимал, как люди могут враждовать из-за каких-то вещей-товаров. И всегда иронизировал над теми, кто штурмом брал бетонные склады райпотребсоюза, чтобы достать импортную шмотку, или с кровавой пеной у рта разрывал глотку в многолюдных очередях из-за какой-то дефицитной мебели или красочного тряпья. Но что поделаешь, это была наша реальность, наша жизнь.

«Тогда, на фронте, мы делились куском хлеба, куском свинца и осколком вражеского снаряда. А теперь драться за это дерьмо?! Мы что, остались в живых, чтобы ссориться из-за дефицита?!» – подумал я. Стало противно.

И нашел единственно верный выход из этой тупиковой ситуации – добровольно отказался от цветного телевизора. Качановский так радовался моему решению, хромой ветеран, который был лет на двадцать младше меня, торжествовал. А сын и сноха дулись пару дней. Но люди, кажется, зауважали меня еще больше.

«Ветеран ветерану рознь! Молодец, аташка, не позорится – не зарится на барахло!» Было приятно это слышать, и легче стало на душе.

Иногда мне казалось, что жизнь играет со мной в лотерею. Бывало, я выигрывал крупно, но и проигрывал солидно. Но, при всех плюсах и минусах, эта была моя жизнь, и я любил ее.

Сейчас не помню точно когда, но в послевоенные годы власти выделяли легковые машины марки «Запорожец» инвалидам войны. Но не всем, конечно. Там были специальные статьи, имеющие очень много извилистых ответвлений, как в древнем критском лабиринте, так, что не каждому было под силу пройти весь этот загадочный путь закона, где в любой момент из-за угла мог выскочить чудовищный Минотавр и поднять бедолагу на острые рога. Но были и редкие счастливики, которые приезжали домой на новеньких, поблескивающих на солнце «Запорожцах».

И вот, накануне дня победы Айгали и Баян загорелись идеей пустить в ход инвалида-отца, то есть меня, и завладеть автотранспортом. В то время собственная машина была такой редкостью, которая даже и не снилась многим. Но я-то хорошо знал, что мне по закону не положено.

В то время документы имели силу закона, и никто не смел изменить даже букву на бумажке, подписанную представителем советской власти и скрепленную гербовой печатью. Милой снохе Баян пришлось столько мытарствоваться, чтобы исправить одну нелепейшую ошибку в паспорте. Она родилась в далекой зимовке чабана, и отец приехал за документами через несколько недель. В конторе он радостно говорит, что дочь родилась в последний день второго месяца зимы. Секретарь сельского совета каким-то чудом записал в метрике фантастическую дату рождения – тридцатое февраля! И все! Баян окончила среднюю школу, получила паспорт, поступила в медучилище, получила диплом, военный билет как медсотрудник, работала в больнице, в поликлинике и нигде никто не задавался вопросом – а ведь тридцатого февраля не существует! Когда мой сын Айгали собрался жениться на ней, в ЗАГСе не захотели менять документ! Несмотря на все доводы молодоженов, им выдали свидетельство о браке с датой рождения тридцатого февраля. Документ советский, значит, изменению не подлежит! Да, все согласны, что нет тридцатого февраля, но документ есть документ!

И только после перестройки мне удалось добиться правды – документы наконец-то переделали и написали правильную дату – двадцать восьмое февраля.

И сын все время подтрунивал, мол, надо было записать двадцать девятое февраля, чтобы тратиться на подарки только раз в четыре года!

Шутка шуткой, но грозный пункт закона «Не положено!» не подлежал обжалованию. «Не положено!» – и все. После такого четкого ответа никто задавать вопросов не смел.

Но сын и сноха не унимались. Айғали обижался, Баян молча упрекала взглядом. Их можно было понять.

– Отец! – воскликнул однажды сын. – Неужели тебе безразлично, что твои дети и внуки ходят пешком? Ты же воевал, прошагал всю войну, проливал свою кровь, защищая Родину, нас. Думаю, ты заслуживаешь не одну, а десятки машин!

– Но я же не воевал ради машины!

– Воистину это так! Но раз государство дарит достойным ветеранам легковую машину, почему ты отказываешься получить свое?!

Сын кипел от негодования, а сноха молча слушала нас и только изредка кивала головой, слегка вздыхала, как бы раздувая огонь ярости мужа.

– Но ты же знаешь, что мне не положено, – привел я последний аргумент, чувствуя, что теряю позиции.

– Это еще с какой стороны посмотреть – положено или не положено! – вдруг вмешалась в разговор звонким голосом Баян. Я к ней относился, как к родной дочери – она была воспитана в лучших традициях казахской семьи, уважала и так заботливо ухаживала за нами. Трудяга необыкновенная. Мы не могли ее остановить во время работы – за что ни возьмется, не знает отдыха и покоя, пока не доведет до ума. Мать пятерых моих внуков, она заслуженно занимала свое почетное место в нашей семье. Вот из-за нее я был почти готов пройти медкомиссию и попросить этот неположенный мне «Запорожец».

– Да она говорит дело! – воспрял духом сын.

– Вот пожалуйста... хромой фронтовик из Тассу... получил же машину! – продолжала сноха. – А вы говорите,

положено – не положено! А он-то... не на фронте закопал свою левую ногу! – возмущалась сноха.

– Да все знают об этом! Он после войны... спяну попал в аварию на мотоцикле! – подхватил сын. – Прошло лет двадцать, очевидцев почти не осталось, и вот тебе – нашлись влиятельные родственники, тихо подделали документики и пожалуйста! Катается он на «Запорожце» и в ус не дует! А чем ты хуже? У тебя заслуг, да не простых, а кровных, перед матушкой родиной побольше будет! Ты же чуть Героем Советского Союза не стал! Тогда почему ты должен на старости лет ходить пешком?

– С другой стороны, кажется, вы тоже правы! – соглашался я. – Но что поделаешь, не положено!

– А вы только согласитесь идти на комиссию! Остальное наше дело! – с жаром воскликнул сын. – В наше время легко сделать так, что «не положено» станет «положено».

– И что ты имеешь в виду?

– А мы нашли людей, готовых нам помочь! Вы просто покажитесь медкомиссии, а остальное они сами доведут до ума!

– Прекрати сейчас же! И не смей больше даже думать о таком! – отрезал я. – Я свою кровь на фронте по благу не проливал! И не буду по благу брать эту машину!

Айгали стиснул зубы и с трудом промолчал, но по его виду ясно было, что он хочет сказать: «Ну и дурак же ты, отец! Дураком жил, дураком и помрешь!»

Баян тихо всплакнула и начала убирать со стола. Айгали молча вышел.

Я остался один и предался тяжелым размышлениям, облокотившись на подушку из гусиных перин. «Позвольте хоть остаться честным перед памятью боевых товарищей!»

И вдруг, что странно, внутри меня заговорил Салим.

– Честность, говоришь? Так перед кем? Перед этой жестокой советской властью, которая потопила в крови нашу степь, уничтожила миллионы ни в чем не повинных людей?

– Может, совесть вождей не чиста, но кровь солдатская, пролитая на той войне, священна! – отвечал я ему про себя.

Как-то неловко было нам всем после этого разговора. Как бы ни старались сгладить все, какой-то осадок оставал-

ся. Особенно остро переживал Айгали, и каждый раз, как надо было куда-то ехать, тонко подкалывал.

– Ну, что, аксакал? Кого сегодня попросим отвезти нас до аула? Может, хромого из Тассу? А был бы свой «Запорожец», ехали бы с ветерком!

И мне становилось неловко. Особенно перед снохой, которую любил как родную дочь. Она ничего не говорила, но перед каждой поездкой казалось, что она тоже упрекает меня.

Наконец я сдался. Сын со снохой с радостью повезли в областной центр Кокчетав, и я предстал перед комиссией. Признаться, был взволнован и ругал себя за отступничество, но комиссия приняла с почтением. Осмотрели все бумаги, проверили здоровье, пошептались, почесали затылки и объявили свое суровое решение.

– Ата, у вас заслуг – на десятерых, болезней – на пятиерых. Было бы справедливо, если всем таким, как вы, дали по машине. Но, по положению, вам не положено! То есть, ваши ранения не подпадают под эту статью! Вот если бы вы были ранены в ногу и стали хромым, тогда другое дело! А так... простите нас и живите долго!

Ответ был получен, и сын сам все слышал. Сгорая от стыда, я долго молчал по дороге.

– И что за дурацкое положение! – возмущенно произнесла наконец Баян. – Вот смотрите сами. Если человек ранен в ногу – ему дают машину! Если в голову – не положено! А ведь голова-то важнее ноги!

– Из-за ноги! Из-за ноги! – покачал головой Айгали. – Эх, отец, почему вы не подумали об этом, когда воевали!? Зачем голову подставили под пули? Надо было ногу подставить!

Мы расхохотались. Историческую обиду инвалидов и ветеранов войны выражало это слово! Ну, хоть посмеялись!

И опять все решилось случайно.

Я выиграл автомобиль «Москвич» в лотерею!

Республиканские денежно-вещевые лотерейные билеты, стоимостью в тридцать копеек, нам, пенсионерам, почти насильно навязывали на почте, когда мы получали пенсию. Это было в порядке вещей. Каждый месяц нас загружали на

несколько копеек. Подкидывали цветные открытки с пропагандистским лозунгом, марки, и тому подобное. Я всегда брал одну лотерею – азартно все-таки, интересно, авось выиграю! Аккуратно клал этот хрустящий красивый билет в свой большой кожаный бумажник и бережно хранил до публикаций результатов очередного тиража выигрышей. Старшая жена Халима высмеивала меня каждый раз, когда я проигрывал, а младшая Нагима тихо улыбалась, поддерживая ее. Внуки радовались, что им достался такой красивый билет, и играли с ним, как с деньгами. Но я все же надеялся, что когда-нибудь выиграю и, получив приз, посмеюсь над женушками. С каждым проигрышем тайная надежда усиливалась, ибо должно же было мне повезти после стольких поражений. Но о такой победе мечтать и не мог!

Как-то пришел на почту за пенсией. Была небольшая очередь из одних пенсионеров. Передо мной получал пенсию тот самый ветеран из Тассу, которому мы уступили цветной телевизор. Он отсчитал свои деньги и уже собирался положить их в карман. И тут кассирша и говорит ему заговорщицки:

– А лотерейка?.. Лотерейку-то забыли!

Такое предложение не очень-то понравилось хромому ветерану, но он нехотя согласился.

– Ладно. Давай на копейки.

– Копеек-то как раз не хватает, – воскликнула повеселевшая кассирша. – Придется рубчик разменять!

Медяки, до сих пор точно помню, пять пятаков, она со звоном положила на полку перед ним. Ветеран с сомнением посмотрел на свои деньги – там были одни десятирублевые хрустящие красные ассигнации. Видно было, ему не хотелось разменивать их из-за пяти копеек.

Он взорвался и начал отчитывать кассиршу:

– На кой черт мне ваша латари! Надоело уже! Каждый месяц суете латари, а мне ее куда совать? Нет ни выигрыша, ни копейки!

С этими словами он отбросил лотерейный билет.

Пожилая, опытная кассирша твердым голосом ответила:

– Вы поймите меня, это я не для себя делаю! Нам дают план, и мы его должны выполнить! А кто, как не вы, под-

держит нас, а? Как пенсию выдаем, так мы хорошенькие, а чуть нагрузку даем, сразу плохие! Нехорошо как-то получается!

И обиженно отложила билет в сторону. Ветеран, соскребя с деревянной полочки свои медяки, ушел, прихрамывая и что-то бормоча себе под нос. Мне стало как-то неловко перед кассиршей, уже столько лет неустанно отсчитывающей нам пенсии. Получая свои деньги, сказал ей дружелюбно:

– Давай мне два латари!

Она миг повеселела и вручила мне два лотерейных билета, один из которых был тот самый, который не взял скандальный ветеран.

– Удачи вам! – сказала она. – Возьмите и назло этому жмоту выиграйте машину!

И я выиграл! Именно этот, отвергнутый хромым, билет оказался выигрышным!

«Москвич» был для нас не только средством передвижения, но и мерилom социальной значимости. Наверное, невозможно сосчитать, сколько тысяч километров степной пыльной дороги мы исколесили на своем «железном тулпаре – скакуне»!

...В девяностые годы начал падать советский рубль. Никто вначале не верил, что рубль, который казался незыблемым, может обесцениться. Но процесс был необратимым, и рубль стремительно терял свой вес и цену. Многие, хранившие деньги в сберегательных кассах, в считанные недели потеряли все сбережения. Помню, как один скотовод, десятки лет копивший деньги для покупки легкового автомобиля «Жигули», обращался к Зигзагу за помощью. Он накопил двадцать две тысячи рублей и все ждал своей очереди на приобретение заветной машины. Только подошла его очередь, а тут – инфляция, и все его накопления стремительно упали в цене. Зигзаг, по доброте душевной предлагал ему купить большой холодильник, который стоит на складе потребсоюза за двадцать тысяч рублей. Трудяга разозлился: «Вы что, издеваетесь?! Я копил деньги на машину, а не на холодильник! Так давайте мне машину!» Зигзаг отвечает, что это уже им не под силу, цены на маши-

ну немыслимо взлетели. Трудяга не верит, что компартия и советская власть не могут урегулировать цены, что рубль стал «деревянным»! Так и не взял холодильник, надеясь на авось, а через полмесяца этот же холодильник стоил уже сто шестьдесят тысяч рублей! Так и сгорели накопленные честным трудом деньги бедняги. Да не он один, а почти все население в какой-то степени потерпели убытки в то время. Наш терпеливый народ пережил и это.

Падение рубля было предвестником больших перемен.

И в это время в космос полетел первый казах. Мы ликовали. Тридцать лет казахи ждали этого. Сколько советских и зарубежных космонавтов, начиная с Гагарина, летали в космос с космодрома Байконур, расположенного в казахской степи! И среди них не было ни одного казахского джигита – молодца! Мы тихо роптали и смело мечтали, терпеливо ждали, что когда-нибудь справедливость восторжествует. И вот настал этот час, и когда Тохтар Аубакиров взмыл в космос, дух казахского народа вознесся до небес! Интересно, что он оказался первым космонавтом-казахом и последним космонавтом СССР! Еще интереснее, что казахский батыр – герой полетел в космос вместе с русским Александром Волковым и австрийским космонавтом Францем Фибеком! Ну, опять казах, русский и немец вместе, теперь в космосе! Нам, добрым соседям, было еще веселее от этого, и мы за них пропустили пару лишних стаканчиков, попарились и почувствовали себя словно парящими в космосе!

Через некоторое время прошло торжественное собрание в районе, посвященное полету нашего космонавта. От имени ветеранов восторженно выступил я.

– Это событие запишем в архив истории района! Особо отмечу вас!

Качановский произнес эти слова с выражением, подняв правый указательный палец вверх, широко раскрыв правый и крепко зажмурил левый глаз. Я об архиве раньше не знал и спросил:

– Так, значит, все, что происходит в районе, записывается и хранится?

Зигзаг заулыбался загадочно, поднял вверх длинный указательный палец, цокнул языком.

– Не все, не все, дорогой... В архив, в историю района пишется только то, что считается нужным и важным!

– А какие события вы считаете важными и важными? Зигзаг завиллял.

– Не я считаю... Считают райком партии и местные советы. Прежде всего наиважнейшими считаются события, в которых принимают участие руководители Центра, области и района!

– Значит, на события, в которых не принимает участие начальство, вы не обращаете внимание? – вырвалось у меня.

– Это как сказать... как посмотреть... – Зигзаг начал юлить, сбивая меня с толку. – Конечно, есть мероприятия, проходящие по той или иной причине без участия начальства, которые мы все-таки отмечаем в архиве. Но когда принимают участие первые руководители, совсем другое дело! – Зигзаг осторожно посмотрел по сторонам, указал пальцем в потолок, да и сам робко посмотрел туда, и произнес почти полусшепотом: – Это будет уровень!

На этом уровне мы попрощались, но я потом долго размышлял над услышанным от Зигмунда Збигневича Качановского. Это было для меня открытием. Вот как, оказывается, создается архив, пишется история! А ведь партийно-советская контора является прямым преемником царской конторы! Метод-то один – что считали нужным и важным царские, а затем коммунистические писари, то и записывали в историю и хранили в архивах! Вот почему про наших предков в царские времена, а также о казахских талантливых личностях, народных любимцах в советский период, нет ничего толкового в архивах. Наши архивы создавались строго по инструкциям, историю казахского народа писали по своему усмотрению конторщики имперской власти! Конечно, я не отрицаю важность и объективность архивных документов, но эта объективность односторонняя, тенденциозная. Дело в том, что вся истинная казахская народная жизнь не интересовала никого. Настоящая история бурлящей жизни во всем своем многообразии не вмещается ни в какие архивы! Поэтому наш народ всегда сохранял свою историю сам, из уст в уста передавая будущему поко-

лению опыт жизни отцов. И меня поражает позиция некоторых историков, считающих слово, записанное на бумаге, историческим фактом, а не записанное – легендой. А если просто подумали бы, проанализировали бы, то поняли, что слово, которое записано на бумаге, когда-то тоже было устным словом. Кто записал, когда записал и вообще, правда ли все то, что записано? А если записана неправда? Хуже того, мог же тот, кто говорил эти слова, соврать, ошибиться или преднамеренно исказить факты?! Так что слепо верить архивным документам и писать историю только по ним нельзя – это необъективно.

...А время шло своим ходом, подкидывая новые интересные материалы для людских архивов. Происходили громкие политические события, одно круче другого. СССР разваливался, один за другим бывшие союзные республики объявляли о своей независимости. Мы с тревогой ждали каждый новый день.

Независимость

В морозный декабрьский вечер 1991 года до нас дошла весть о независимости нашей Родины – Казахстана.

Когда впервые услышали по телевидению эту весть, вначале мы не поверили своим ушам. Через мгновение я тихо присел на кошму. Присел, наверное, чтобы не упасть. Я почувствовал сильнейшую усталость и душевное умиротворение, всем своим нутром почувствовал, что случилось великое историческое событие – родилось новое независимое государство, мечта всех сознательных казахов на протяжении последних трех веков!

Тихая, глубокая радость медленно, тяжело наполнила измученную душу, все уголки запуганного сознания.

Назавтра я пригласил Николая с Любой и Лиона с Зоей в гости. Халима с Нагимой сидели рядом со мной, правнуки радовались гостям и баловались. Предварительно по моему заказу Айғали купил большую бутылку русской водки, а Баян приготовила отменное мясо по-казахски – конину.

Мне исполнился девяносто один год, а Николаю – семьдесят, Лиону – шестьдесят. Тоже, согласитесь, солидный возраст. Но мне, с высоты своих лет, они всегда казались молодыми людьми. Николай уже растолстел, волосы поседели, врачи нашли у него несколько хронических заболеваний, и он постоянно подтрунивал над собой:

– Асеке, у меня – гастрит, панкреатит, эзофагит, бронхит, артрит – столько итов! Наверное, это казахские ит – собаки, накинулись на меня и хотят растерзать бедолагу из русской глухомани!

– Это дают знать о себе осколки фашистских снарядов и солдатские сухие пайки в сырых окопах! Казахский ит тут ни при чем, они не кусают гостей! – отвечал я своему извечному оппоненту.

Мы смеялись над своей старостью и своими болячками.

Сегодня, как мне показалось, Николаю Третьему было не до смеха. Он был озабочен, и даже не поздравил меня с независимостью.

– Ты че, Третий Николай, хмурый такой? Голова болит, али с жинкой не поладил, а? – нарочито бодро спроси я, откупоривая бутылку.

– Да, так... анау-мынау... то да се... – невнятно буркнул он, вытирая пот с изрядно облысевшей головы, заодно прикрывая лицо махровым полотенцем.

– Ты че, не слышал новость-то? – наседал я, наливая в рюмочки-неваляшки водочки.

– А что, арестовали кого? – невозмутимо спросил он через полотенце.

– Ан нет! Вот представляешь, как раз освободили! – произнес я с подъемом.

– Казахстан стал независимым государством! – отчеканил Лейке. – И я первым поздравил Асеке! Так что теперь ты, сосед добрый, друг по жизни – гражданин республики Казахстан!

– Я гражданин Советского Союза! – парировал он.

– Николай, скажи честно, кажется, ты не очень-то рад, что мы отделились и стали независимой страной!? – спросил я напрямик у старого друга. Первоцелинник, трудяга и до мозга костей коммунист Николай долго молчал и наконец промолвил:

– Да как-то не по себе, если честно... Развалили такую огромную, могучую страну... На обломках корабля далеко не уплывешь!

– Но ведь каждый человек должен иметь свой дом и быть в нем хозяином, да?!

– Да! – вздохнул он.

– А ведь каждая нация, каждый народ должен иметь свою страну, свое государство и жить независимо! Что в этом плохого?! Это же естественно, а, Николай?

Николай ничего не ответил, закурил, затаился глубоко. Тяжелые мысли окутывали его, как дым табака.

– Ты че, друг наш сердечный, мучаешься как царь Николай Второй перед отречением от престола? Будем жить, как жили, в мире и согласии, как равноправные граждане новой

независимой страны казахов! Давай, на прощание с русской водкой и властью, налью по полной! – засмеялся я.

Николаю было не до смеха.

– Что было, то прошло! – сказал он грустно. – Но ведь мы, вот уже три века, держали всех вас вот так! – Он показал огромный кулак. – В железных лапах! И теперь раз – все развалилось! Обидно, как говорится, за державу!

– Ну, если так... Триста лет казахи держали Великую Русь под игом! Может, ты об этом тоже не знаешь? И скажешь, что этого тоже не было?

Николай недовольно буркнул:

– Ну и хрен с ними!

– Были времена, когда наши предки властвовали над Московской, над всей великой Русью. Золотая орда Батый хана была полна нашими предками – казахскими племенами! И с тобой согласен, почти триста лет казахи были подданными русской империи! – ответил я спокойно. – История повторяется! Счет ничейный – 300 на 300! И мы, кажется, квиты!

Лейке заплодировал.

Николай третий сначала побагровел, а затем расхохотался.

– Может, хватить властвовать друг над другом? Давайте жить да дружить! Быть равными, просто добрыми соседями! Как ты думаешь? Ведь все равно русским без казахов, казахам без русских не обойтись! Сколько тысячелетий и сколько тысяч километров границы, сколько судеб связывают нас!

– Мы всегда за дружбу! – ответил, успокоившись, бравый сосед-богатырь и посмотрел на меня открыто. Высказав таким образом друг другу свои исторические обиды, мы, два добрых соседа, при поддержке третьего – Лейке, залпом выпили за дружбу народов. Казалось, мы этим подписывали народный договор о казахско-русско-немецкой дружбе!

– Знаете что, соседи добрые, я решил завязать с этим! – указал я на полупустую бутылку водки. – Советы нас научили пить, так и пусть эта привычка уйдет вместе с Советами!

– Ну, я вам давно говорил, что вы нас, русских, не перепьете! – восторжествовал Николай.

– Твоя взяла! И я рад этому! – ответил я, доливая остаток водки в стаканы. – Спору нет, ты меня перепьешь!

Николай захохотал. Я продолжил:

– Пойми ты правильно. Я решил проводить в последний путь русскую советскую власть и компартию русской водкой!

Добрые соседи понимали меня и молча закивали головой.

Назавтра я начал читать Коран и намаз. Принял непосредственное участие в постановке и продвижении вопроса о строительстве мечети.

Наступило новое время. Наше время независимости. Это какое счастье, быть независимой страной, свободным народом! Но поймет ли молодое поколение нас, старцев, прошедших через все это? Народы, не испытывавшие тяготы зависимости, могут и удивиться нашей радости, но те, кто был под игом другого народа, думаю, поймут нас. Какое счастье верить своему аллаху, без оглядки на других! Какое счастье сохранить и развивать родной язык и свою культуру.

Несмотря на все невероятные трудности, деды и бабушки, отцы и матери передали все хорошее, что было у казахов, следующему поколению. А партия и власть, которая хотела слить все народы в противоестественное единое целое, развалилась и ушла с арены истории.

Это была наша, народная победа!

Сейчас я часто думаю, а ведь эта уникальная, удивительная школа воспитания – традиция наставничества дедушек и бабушек. И я думаю, дедушки и бабушки должны, просто обязаны дать своим внукам и правнукам все то хорошее, чему их научила жизнь, все то доброе, народное, что есть в духовном мире своей нации. Так что, с выходом на пенсию списывать нас, дедов и бабушек, со счетов нельзя. Я даже думаю, что начинается неповторимая, счастливая и ответственная пора: воспитание внуков и правнуков!

Нам всем нужна объективная история, независимая от интересов кого бы то ни было. Какими железными, страшными не были эти семьдесят три года СССР, это тоже история! Несмотря ни на что, жизнь шла своим ходом, народ мучился, жил, трудился, радовался, любил, выросло несколько поколений. Много чего добились в те годы выдающиеся люди. Так просто вычеркнуть или вырезать из хронологического порядка мировой истории этот период не удастся никому, а вот допускать всякого рода кривотолки могут необъективные

дельцы от науки. История не знает если, так же она не воспринимает нашу оценку – нравится или не нравится. Историю надо принимать такой, какая она есть, и анализировать, понимать и объяснять, а не поносить и вычеркивать.

Как-то Николай Борисович Нестеров поведал нам одну трогательную историю.

– Однажды в бою вражеский снаряд взорвался рядом. Я был тяжело ранен, и моя одежда начала гореть. Думал, все, конец. Вдруг очухался, вижу, меня тащит кто-то. Смотрю, это Сатур Рахимов, боевой товарищ. Он таджик по национальности, плохо говорил по-русски. Тащит меня, а немцы строчат из пулеметов и автоматов. Наконец дошли до наших траншей. Тут я потерял сознание. Очнулся уже в госпитале. Больше не увидел своего товарища по оружию и спасителя. После войны часто думал о нем, хотел встретиться, да где его найдешь? Ни адреса, ни весточки. И вот однажды он приснился мне, и слышу его голос. Он называл какой-то адрес. Я проснулся и быстро записал на бумажке то, что услышал во сне. Написал по этому адресу, и, о чудо! получил от него ответ! Так нашел боевого друга, теперь брата. Съездил к нему. Славно встретил он меня! Затем приехал ко мне! Вот такая история!

Мы были тронуты его рассказом и подвигом настоящих солдат.

– А сейчас мы – разные страны! – грустно произнес Николай.

– Но это не мешает нам оставаться друзьями! – подбодрил его я.

– Селяви, солай! – сказал Лейке. – Зо ист дас леибен!

– Да, такова жизнь! – согласился Николай Третий.

Оралман

Летом тысяча девятьсот девяносто второго года в городе Алматы проходил Первый всемирный курултай – сход казахов. И братья-казахи со всех концов земного шара вернулись в родные края! Их называли оралман – возвратившиеся!

Мне посчастливилось в составе делегации нашей области принять участие в этом событии. Поставили белые юрты на территории ВДНХ – Выставки достижений народного хозяйства. Перед казахами всего мира вдохновенно и уверенно выступил первый президент нашей независимой страны Нурсултан Назарбаев. Трогательно говорил аксакал из Турции, первый переводчик Корана на казахский язык Халифа Алтай, который вспоминал, как казахи, преодолевая неимоверные трудности, перекочевали из Алтая до Анатолии.

Да, забываемы дни первого курултая казахов всего мира! Несколько волнительных дней, встречи, возвышенные, выстраданные слова и слезы радости!

В группе братьев-казахов из Турции я заметил седобородого старца, который сильно сторбившись, еле двигался, опираясь на деревянную палку.

Проходя мимо меня, седобородый горбун вдруг воскликнул.

– Асанбай! Асанбай ага – старший брат!

Я не поверил своим ушам – это был голос Салима! Но этот старик совсем не был похож на того отчаянного удальца – степного волка! Мы обнялись и долго не отпускали друг друга. Его сопровождал один из его сыновей.

Мы долго беседовали, не только слушая внимательно друг друга, но и горячо перебивая, взхлеб рассказывая о своих приключениях.

– Я приехал под чужим именем. То есть под своим вторым именем! Наверняка я еще числюсь здесь как военный преступник!

При этих словах он бегло посмотрел по сторонам. Я улыбнулся – навыки воина остались те же!

Оказывается, во время войны он в составе Туркестанского легиона был совсем на другой стороне от нас, где-то во Франции. Немцы опасались, что туркестанцы с оружием могут перейти к своим, к советским войскам, и держали их подальше от восточного фронта. После окончания войны Салим со своими перебрался в Турцию, где и обосновался. Он женился на казашке, родились двое сыновей и две дочери. Растут внуки и правнуки. К сожалению, ему так и не удалось найти своих детей, которые родились у него до войны в туркменских Каракумах.

По окончании курултая, я повез Салима вместе с сыном на родину, познакомил их с моими потомками. Он один день провел у нас, всю ночь мы беседовали. Многие слова Салима до сих пор звучат в ушах.

– Мне часто снился наш родной дом, родители и братья, сестры, – говорил он. – Аульчане, ровесники. Во сне я будто еще ребенок, бегал по весенней расцветающей степи. Скакал на своем любимом стригунке, и ветер продувал меня, и слетали с меня одна за другой одежды, военные мундиры, которых носил в разное время на протяжении своей долгой жизни. Они были окровавленные, и стригунок увозил меня, маленького, подальше от всего этого грязного хлама!

Когда он говорил это, мне казалось, что мы – маленькие сорванцы, и скачем в степи на своих стригунках вместе со сверстниками.

– В последние годы несколько раз приснилась мне наша сестра Халилия... ты помнишь ее? И тот царский офицер, которого убил на дуэли! Халилия несколько раз во сне, вся в слезах, умоляла оставить его в живых, но я все время стрелял в него! И просыпался в холодном поту! Может, надо было отпустить их на все четыре стороны? Как ты думаешь, Асанбай?

Я не мог ничего ответить. Это горькое воспоминание из прошлого временами мучило и меня. Перед глазами проплывало светлое личико милой Халилии и благородный облик того белого офицера.

– Да, я горько, горько сожалею о том, что приходилось убивать людей! – тихо продолжил Салим. – В молодости тешил себя, считая, что я прав, что все они нелюди, враги кровожадные. Но, по прошествии стольких лет, прихо-

дит осознание того, что мы все люди, и могли не стрелять друг в друга, а жить в мире и согласии! Что поделаешь – прошлое не изменишь. Да, брат, нам пришлось испытать слишком горькую судьбу! Только не понимаю, почему, зачем история сыграла с нами такую страшную игру? И вот на закате жизни я прошу прощение у тех, кого уничтожил... По велению времени, по воле судьбы, называй, как хочешь! Разве от этого легче?!

Назавтра Айгали прокатил нас на нашем знаменитом «Москвиче» по родному краю – по холмам и оврагам, съездили в Кенаши, а в завершение посетили древнее кладбище в Степняке, в ауле Булакбасы.

Здесь похоронены наши предки. Здесь и памятник Биржан-салу. Мы сели на траву и прочитали молитву.

– Тебе, наверное, не терпится узнать, как стал горбатым, – заговорил Салим. – Когда мне было уже за семьдесят, прогуливался вечером в парке. Был тихий, теплый майский вечер. Вдруг началась стрельба. Шум-гам, топот ног, sireны полицейской машины. Я не успел даже оглянуться, как что-то ударило меня по спине. Не понимаю до сих пор, как очутился на земле, только помню, как корчился от нестерпимой боли. Вскоре меня подобрала, отвезли в больницу, прооперировали, и стал я горбуном. Оказывается, молодчики из какой-то радикальной организации вышли выразить свой протест властям. Начались беспорядки, и они стали стрелять в центре города. Одна из шальных пуль пробила мой позвоночник. Вот видишь, догнала меня все-таки пуля той войны! А может, вернулась моя пуля, выпущенная когда-то в кого-нибудь!

Салим глубоко вздохнул и продолжил:

– Знаешь, что сказал бы, если мне дали последнее слово, одно-единственное предсмертное слово?! Сказал бы, нет, закричал бы на весь мир: люди, никогда не стреляйте в людей!

Я слушал не перебивая Салима, изъеденного временем памятника древности, но он мне казался тем самым безобидным баловнем, с которым беззаботно росли под крылышком родителей. И с трудом верилось, что воин-сорвиголова, колмерген – снайпер верная рука, говорил такое! Но он говорил искренне, и это были выстраданные слова.

И они были близки, понятны. Мне тоже хотелось иногда кричать на весь мир, всему человечеству: о, люди! Никогда не убивайте друг друга!

Салим чуть подустал от долгого душевного разговора, умолк на миг, но, несколько раз вдохнув ароматного степного воздуха, продолжил:

– Знал бы ты, брат, как я молил Всевышнего дать мне возможность посетить родной край, пройтись по степи, увидеть родных и близких, прочесть Коран на могиле предков! И умереть! Да, так и молился – увидеть родную землю и умереть счастливым! Ты понимаешь меня, какая тоска по родной земле съедала мою душу за эти долгие годы странствий! И я счастлив, безгранично благодарен Аллаху, что мне суждено поклониться этой земле, поцеловать ее и остаться на ней! На веки! Ля иляха илля аллах!

Я слушал его внимательно и сначала не понял, что происходит. Салим тихо прошептал молитву и как-то странно поклонился земле, лег ничком, обняв ее распростертыми руками и... замер!

Только в следующее мгновение я понял – он испустил дух!

Так закончил свой долгий, тернистый путь мой героический брат Салим на девяносто первом году жизни. Мы с почестями похоронили его на древнем кладбище наших предков, рядом с Биржан-сал.

Через несколько лет все его дети вернулись на родину, в Казахстан.

Вечность и миг

Новое время породило новые проблемы. Но это уже другая история, судьба нового поколения.

– Не дали спокойно жить, дайте хоть спокойно умереть! – в сердцах сказал я однажды, когда во время выборов хотели меня привлечь на свою сторону разношерстные кандидаты. Мне так хотелось оставаться самим собой, уединиться, жить тихо-мирно среди внуков и правнуков.

В первое время независимости Казахстан испытывал очень много трудностей. Старое развалилось, новое только начиналось. Туго было и в экономике, и в политике, смута была в сердцах людей. По-существу, вместо коммунизма пришел капитализм. Нравы изменились, отношения стали другие. Но мы терпели все тяготы времени, воспринимая перемены спокойно, с верой и надеждой смотрели в будущее. Ибо понимали, что свобода и независимость – самая главная мечта всех народов. Она не обменивается ни на что, несмотря на все трудности! Не меняется на колбасу и кабалу!

Но нередко раздавались и голоса недовольных тем, что бывшая союзная, а на самом деле колониальная республика, стала свободным государством. Без зазрения совести отщепенцы разных мастей и политические прихвостни шовинистов и великодержавников начали поливать грязью наш народ. Парадокс был в том, что казахи были хорошими, когда были бодан – подданными, а как только стали независимыми, то вмиг стали плохими. Мы возмущались и яростно давали словесный отпор, где могли. И вот в такие моменты были очень кстати выступления представителей других национальностей, которые благодарили казахов и поздравляли с независимостью, желали всех благ.

Однажды слушал выступление немца Лиона-Лейке по радио в защиту казахов.

Лейке-Лион говорил резко, эмоционально:

– Если бы не казахи, мы бы все погибли от голода и холода в степи в далеких сороковых годах. Как вам не стыдно охаивать такой добрый, я бы сказал, самый добрый народ в мире, который, несмотря на свои трудности, приютил, накормил, одел и обул, спас от верной гибели столько народа, не разделяя их по национальности и вероисповеданию! Я всегда поддерживаю казахов!

Мы были благодарны ему за эти слова.

Вскоре мы покинули наши бараки. Говорят, их строили пленные японцы, немцы или сталинские зэки под надзором советских солдат. Но строили на славу. Толстенные, почти метровые в ширину каменные стены были незыблемы. Вот их-то начали разрушать. Но не могли разрушить до основания. Сняли крыши, после долгих атак железным молотом трактора кое-как развалили верхние части стены, а низ, фундамент не могли разрушить. Так и оставили. Руины зияли, особенно в сумерках и ночью, устрашающе. Спрашивается, зачем надо было разрушать готовые, мощные строения? Можно было отделать, придать вид и отдать бездомным молодоженам! Обязательно нужно было все старое «разрушить до основания, а затем построить свой новый мир»? А разве нельзя просто продолжить строить дальше, не разрушая старое, воздвигнутое предыдущими поколениями?! Селяви – солай, как говорится....

Мы простились с бараками, построили отдельные большие дома. И опять жили по соседству три добрых соседа – в середине казах Асанбай Бектемиров, справа русский Николай Нестеров, а слева немец Лион Вильверт, но теперь не в одном здании – бараке, а в отдельных домах.

Я люблю смотреть на течение реки, стоя на берегу. Время, как река жизни, течет непрерывно, унося в неизвестность каждое мгновение нашей жизни.

Что есть наша жизнь?

Ясный миг или таинственная вечность?!

В начале пути, когда мы были еще юными, безвинными созданиями, почитали баев – богатых людей. Надо отдать должное им – казахские богачи никогда не оставляли в железных объятиях голодной смерти своих сородичей! Кто-то кормил хорошо, кто-то плохо, кто-то человеком

был хорошим, кто-то плохим, но факт: никто при бае не умирал от голода! Да и умирать не могли! Даже если бай был жадным и не хотел делиться едой с бедными сородичами, он все равно не в силах был сделать это. Потому что скот вон, пасется в степи, и табун или отару не спрячешь за пазухой. А когда голод заставляет кочевника сесть на коня, то никто не в силах удержать его на пути к добыче. Так, может быть, лучше не доводить народ до отчаяния и по-братски делиться с ними едой и жить в мире? Мудро и благородно поступали степные феодалы, в трудное время, в голодный год спасая всех от гибели. Но бывали жестокие времена – жут – джут, стихийное бедствие, зимой буквально скашивало весь скот. Даже и тогда народ не погибал от голода, все равно оставалось поголовье скота, достаточное для пропитание.

Но вот произошла революция и буквально все перевернула вверх дном, и уклад жизни, и понятия – теперь богатые считались врагами нового строя. С криком «Ура!» раскулачили и уничтожили всех богачей. И на протяжении семидесяти лет, считай, всю мою зрелую жизнь, нам вдалбливали в голову: богатые люди – угнетатели, кровососы, враги человечества! Самые лучшие, умные, добрые люди – это бедные люди! И выросло несколько поколений советских людей, считающих это единственно верной точкой зрения.

Теперь вот опять все перевернулось, и мы живем при капитализме, с которым боролись всю жизнь. Общество снова раскололось на богатых, середняков и бедных. Люди, невзирая ни на что, устремились к личному обогащению. Богатство стало самой главной ценностью, богачи вновь в почете.

Вот так-то, ее величество жизнь показывает человечеству каждый раз, на каждом изломе и взлете истории, на каждом повороте судьбы, что она не вмещается ни в какие рамки человеческого порядка и понятия и течет стихийно по своей извилистой траектории, не известной никому! И никто не в силах предвидеть, тем более предопределять, будущее! Может быть, тем и интересна жизнь!?

Обычно люди делят мир на своих и чужих. Мы тоже делили, чего греха таить. Сначала делили мир на бедных

и богатых. Причем, бедные всегда казались нам очень хорошими, а богатые – абсолютно плохими. И это несмотря на то, что все сказки обычно заканчивались словами: они стали богатыми и жили счастливо и долго! Все люди втайне мечтают об одном и том же – жить в достатке, не знать нужды ни в чем. Да это же многовековая мечта всех народов! А молодые советские романтики, под руководством партии большевиков, взяли и разрушили эту мечту, растоптали и осквернили ее. Затем разделили мир на врагов народа и борцов с ними. Еще и еще раз, снова и снова придумывали все новых и новых врагов и разделялись на своих и чужих. Мы не знали, не понимали, что могут быть нейтральные люди, что можно жить в мире со всеми. «Кто не с нами, тот против нас!» – вот боевой клич революционного времени. Потом мир раскололся на два враждебных лагеря – капиталистический и социалистический. Затем появились фашисты и антифашисты. Разрыв между противоположностями был так велик, что засасывал любого, кто пытался как-нибудь наладить отношения, проложить мост.

Мудрый арестант Жакежан-бий сказал мне еще в далеком, кровавом тридцать седьмом году, что легче живется тем, кто примыкает к какой-нибудь группировке. Там все ясно, знаешь своих, знаешь чужих. Держись вместе со своими и мочи не своих! Лежишь в окопе со своими и знаешь, кто враг, где он, и спокойно стреляешь в него. Вот и вся примитивная, но прагматичная философия. Труднее всех приходится тем, кто понимает, что не бывает ни своих, ни чужих, а есть человечество, и не становится в ряд ни с теми, ни с другими. Их жизнь превращается в сплошное мучение. Так как им попадает и от тех, и от других!

Тогда я, конечно, полностью не осознавал этого. Лишь по прошествии долгих лет, после таких потрясений и испытаний начал понимать эту мудрость жизни человеческой, что все живущие на нашей матушке земле – братья и сестры, и не надо делить людей по принципу свой-чужой и воевать на этой основе. Но это очень сложная вещь, и, наверное, жить с такой философией многим просто не под силу. А может, такую философию постигают только столетние?!

Не помню, сколько раз мне хотелось уйти в мир иной. Просто тихо, мирно улететь от этого ужасного земного бытия и найти вечный покой. В минуты наибольшего отчаяния эта мысль появлялась вдруг из ниоткуда и вращалась в мозгу. Но я старался отгонять ее прочь и цеплялся из последних сил за эту поганую, полную страданий жизнь. И выживал. Трудно понять вам, молодым, нас, столетних.

Парадокс вот в чем. Когда, бывало, вражеские снаряды разрывались буквально над головой, рядом, то мы прижимались к земле, стараясь спрятаться поглубже и молились Всевышнему. Тогда нам очень хотелось остаться в живых. А затем, в перерывах кровавой бойни, когда особисты начинали дергать за нервы, сдирать кожу, от обиды сердце обливалось кровью. Так хотелось расстрелять их всех и самому застрелиться. Но мы держались, иного выхода не было.

Иногда думаю, сколько людей лично я убил на войне? Точно не знаю, специального счета не вел, было противно, да и невозможно. Стреляли в меня, и я стрелял в них. Если считать, что я выпускал в сторону вражеских окопов всего по десять пуль в день, то за тысячу дней получается десять тысяч пуль, отлитых в казахском городе Шымкенте, то есть девяносто килограммов смертоносного свинца. Вот теперь прикиньте, пусть даже девяносто девять процентов моих пуль пролетели мимо цели, но если оставшийся один процент сразил врага, то получается сто жизней!

А ведь процент попадания в цель, в человека, может быть намного выше, что тогда получается, а? Даже подумать страшно, но, это вероятнее всего так, ибо мы стреляли именно на поражение врага. Потому что жесточайший закон любой войны – «убей скорее врага, если ты не убьешь его, то он убьет тебя!» действовал в той войне особенно четко. Яростно били друг друга советские и немецкие солдаты, не зная пощады. И это всеобщее чувство овладевало мною в кровавой бойне, тогда в голове вертелась только одна мысль: уничтожить как можно больше врагов, чтобы самому остаться в живых. При таком раскладе, если учесть, что я был неплохим стрелком, наверняка несколько десятков пуль из каждой сотни выпущенных моей рукой

точно ложились в цель! На склоне лет, к закату жизни такая простая арифметика часто мучает меня, и я утешаюсь только тем, что это была священная война – мы защищали свою родину, свой народ, а немецко-фашистские захватчики сами вторглись на нашу землю и начали мировую войну. Да, наверное, только это оправдывает нас. Но все равно перед глазами возникают ужасающие картины. Когда мы, озверевшие люди, вырывали глотку и вспарывали живот друг другу, что же происходило с нашими душами, куда девалась вера, гуманизм?!

Жизнь и смерть всегда рядом. В молодости об этом почти не задумываешься, а если появится шальная мысль о бренности бытия, то она мгновенно улечивается, как только начинались бурные события земной жизни. А с годами, оказывается, закаленная, умудренная душа спокойно взвешивает ценность жизни и смерти – вот и вся философия.

Когда становится страшно от неизвестности и хаоса, только вера успокаивает и спасает душу. Человек устремляется к Всевышнему, несмотря ни на что! Человек устремляется к свету, невзирая на конец света! Он может пройти сквозь кровь и слезы, страдать, падать, быть растоптанным, валяться в грязи, но все равно в его душе сохраняется вера и она ведет его к чистому, светлому!

В итоге – или человек останется человеком, невзирая ни на что, и это его победа. Или падает низко, не выдержав испытания судьбы. Это его трагедия.

Ну, вот, пожалуй, все рассказал, что хотел. Теперь можно и на покой. Смерть не страшна, когда она приходит вовремя. Мудрецы говорят, что человек не умирает, а переходит в другое состояние, в другое измерение. Надеемся, что смерть – это продолжение жизни, второе рождение человека в неведомом мире.

Наверное, когда человек доживает до глубокой старости, он созревает для смерти – своего второго рождения. Рождения в новом, таинственном мире. Но никому не дано знать об этом. Людям не под силу разгадать эту загадку. Когда человек угасает естественно и готов уйти с миром в мир иной – это благодать. Но когда прерывается молодая

жизнь – это трагедия. А когда люди сотнями, тысячами, миллионами убивают друг друга – это общечеловеческая трагедия... Мой разум отказывается понимать, моя душа не воспринимает этого!

Иногда кажется, что моя вековая жизнь пролетела как один миг!

Как будто только вчера был маленьким, самым счастливым мальчиком на свете, а теперь вот, весь белый, как вершина горы, вековой старец, собирающийся улететь в небытие. Но иногда вся эта вековая жизнь кажется мне такой долгой, порою мучительно извилистой дорогой в неизвестность. Как бы то ни было, это моя жизнь, и я принимаю ее такой, какая она есть. Это нам, столетним, после такого пройденного векового пути можно, наверное, говорить о жизни, как о мгновении. Но тогда, когда она прошла, она кажется такой быстротечной. А когда впереди целая жизнь – совсем другое дело!

Бывает и так, что один день, даже один час длится как целая вечность. И я удивляюсь, когда молодые люди говорят о жизни, как о чем-то быстро преходящем. Зачем забивать свою молодую голову всякими сумасбродствами, загружать душу лишним греховным грузом сомнений и терзаний? Да вам жить и жить и не тужить! Радоваться земной жизни, с верой и надеждой, любовью и добротой пройти отпущенный отрезок в непрерывном потоке времени. А там посмотрим, что будет с нами со всеми.

Мне думается, что во всем этом есть какой-то высший смысл, неведомый нам. И, кажется, вся прелесть жизни заключена в этой таинственности.

Я ведь филолог по специальности, и кое-что читал в молодости, почитываю и по сей день. Задают философы и писатели, идеалисты и реалисты, атеисты и абстракционисты, материалисты и моралисты всякие заумные вопросы типа «Есть бог или нет?!», «Есть бессмертие души или нет?», «Есть вечная жизнь или нет?».

Если нет, то тогда какой смысл в этой жизни, во всем этом? История, цивилизация, вся борьба человечества за прогресс, за лучшую жизнь теряет смысл, если итогом всего будет крах, исчезновение?!

Мне запомнились слова матери в детстве. Она говорила, что когда ребенок плачет при рождении, это значит, что он плачет от огорчения: мол, вот я родился, теперь умру! Развивая эту тему, можно говорить бесконечно. Если так рассуждать, то получается, что мы живем ради смерти, с каждым днем идем к своей кончине. То, что мы строим сегодня, это будущие руины. А если наступит конец света, то вся эта многовековая возня человечества вмиг теряет смысл.

Да, наверное, это самые тяжелые, самые главные вопросы человечества, мучающие столько поколений людского рода, на которых в этой жизни ответа нет. Никто не смог и не сможет на это ответить! Никому не дано увидеть вечность, подержать в руках душу. Так что не надо ломать голову, сходить с ума, а просто надо верить во Всевышнего и прожить эту жизнь достойно, по-человечески.

И никогда не унижать и не уничтожать людей!

Это мой жизненный итог и заветное слово.

8.11.2015 г. – 16.07.2018 г.

РАЗРЕШИТЕ

ЖИТЬ!

Повесть

Бандероль вместо бомбы

Генерал Янга Ли Мжанба приказал начать спецоперацию через три часа. Массированные бомбежки и артобстрел города должны решить исход боя. Обычно после такой атаки живых не оставалось.

«Жестоко, но необходимо!» – подумал про себя пятидесятилетний, подтянутый, стройный военачальник и искусный политик, и устало откинувшись в большом кресле, затянулся густым дымом дорогой сигары.

Быстро и бесшумно, как дрессированный леопард, вошел адъютант. Он принес неожиданную, странную бандероль.

– Мы проверили... Все чисто, безопасно! – отчеканил браваый служака. – От неизвестного, хорошо засекреченного профессионала!

Генерал небрежно бросил взгляд на адрес. Там было напечатано компьютерным шрифтом:

«Генералу-политику Янгу Ли Мжанбе! От борца за совесть и справедливость во всем мире!»

Он полистал послание и проиронизировал:

– Бредовик-авантюрист? Явление нонсенс? Глава абсолютных леворадикалов, имеющий абсурдные лозунги и манипулирующий жизнепрожигающими авангардистами-новобранцами от верноподданных?!

Но в следующее мгновение лицо его посуровело, он все-ррез начал читать странное письмо таинственного незнакомца. Адъютант, точно оценив ситуацию, тихо удалился.

Абсурдная война

Мистер Янга Ли Мжанба!

Не удивляйтесь моему письму.

Да, я заклятый враг ваш и вам подобных, но иногда весьма полезно послушать горькую правду недругов, чем слащавую ложь фальшивых друзей.

Никогда не думал, что буду писать вам и отправлю бандероль вместо бомбы.

И вот ирония судьбы – я изливаю свою израненную душу извечному врагу. Почему? Потерпите и прочтите мое письмо до конца, тогда все поймете!

Не буду пудрить вам мозги мудреватými выкрутасами ухищренной словесности, которых никто не понимает толком, где смысл и чувства теряются в нескончаемом потоке слов. Удивительно, но факт – вроде высокообразованные критики оценивают всю эту невыносимую болтовню как образец высшего художественного пилотажа. Разве они не понимают, что сейчас век компьютеров и космических скоростей, и у людей просто нет времени и желания даже полистать толстенные тома, копаться в детальных описаниях жития-бытия исторических персон или в мелочных душевных переживаниях вымышленных пузырьных персонажей? Или у них тоже что-то не так со вкусом? Да, ладно, мне нет дела до них, и я расскажу вам в духе народном – просто и мудро!

Естественно, я не назову вам своего настоящего имени. Называться вымышленным, фальшивым надоело. (Хотя вы всю жизнь скрываетесь под вымышленным, загадочным именем – всем известно, что Янга Ли Мжанба – ваш псевдоним, а настоящее имя, наверное, вы сами забыли.)

Я смертельно ненавижу вранье, лучше скрою некоторые детали и честно расскажу истинную историю моей страдающей души. Вообще-то я думаю, что история жизни человека – это не просто факты биографии, это история движения его души.

Я не скажу вам о своих корнях, ибо ваш несправедный, необузданный, абсурдный гнев может быть направлен на моих ни в чем не повинных сородичей. Единственное, что могу сообщить, – во мне смешалось много кровей, как восточных, так и западных. Я нормальный, образованный человек, свободный гражданин высокоразвитого демократического государства.

Но вам не нужно знать, в какой стране я родился, где живу – такой хитроумный профессионал даже по малейшим намекам может вычислить и нанести ракетный удар по моему кварталу.

Не суть важны и моя профессия, бытовые подробности моей жизни. Также ничего не скажу о вероисповедании, чтобы у вас не возникли подозрения, что я пропагандирую определенную религию или, хуже того, воюю за нее. Нет, смысл и суть моей борьбы в другом.

По знаку Зодиака я Весы, родился в год Лошади.

Я без ума люблю справедливость и честность.

Несправедливость, наблюдаемая мною, с самого детства больно ранила мое крохотное сердечко. С годами страдания и переживания закалили меня, но все равно – несправедливость и насилие в этом мире проходили через мою душу, легко выводя меня из себя. Даже взрывы на далеком Востоке безжалостно разрывали мою бедную сущность на части, и я все больше и больше ненавидел насильников всех мастей.

И вот в один прекрасный день меня призвали в армию.

Целыми днями мы проходили медицинскую комиссию и бегали от одного врача к другому. Было неудобно и неприятно нагими являться перед незнакомыми, опрятно одетыми людьми. Стояла осень, отопления еще не дали, и в огромных, пустых, продуваемых сквозняком полуподвальных коридорах военного ведомства мы продрогли до самых костей. Но холодный пол и холеный полковник были абсолютно безразличны к нашим страданиям. В этот миг я возненавидел всех военных самодуров. Ну могли же провести медкомиссию призывников в нормальных человеческих условиях, не издеваясь над молодой гордостью? Я начал возмущаться, и полковник, выматерившись основательно, отправил меня к психиатру.

Психиатр попался странный. Вид у него был какой-то влажный, изможденный, глаза потухшие.

Спросил: какие сны видишь?

Я с воодушевлением начал ему изливать свои переживания и фантастические сновидения, потому что никто и никогда так сочувственно не спрашивал меня про мои сны, тем более не слушал так внимательно.

– Летаешь во сне на Луну? – неожиданно прервал он меня.

– Еще как летаю! Даже перелетаю Луну и гуляю по Марсу, Юпитеру и Сатурну одновременно!

У него отвисла челюсть.

– Красавиц... во сне обнимаешь? – вымолвил он наконец.

– На Юпитере юбок нету! Сатурн тоже существует без секса! – отрезал я. И быстро добавил: – Но марсианки да... снятся мне голенькими, миленькими... и до утра... до утра ласкают меня...

– Ясененько! – Психиатр что-то записывал. – А воюешь во сне?

– Да, воюю! – ответил я с особенным воодушевлением.

– С кем? – спросил с интересом психиатр.

– Со всеми, кто творит зло!

– Стреляешь в них?

– Нет, я в них не стреляю! Я их взрываю!

Он записал в личном деле, что я – психопат.

А я думаю, что психиатры сами психопаты, потому что постоянно общаясь с душевнобольными, они, наверное, потихоньку становятся похожими на своих пациентов. Подобное притягивает подобное, как говорили древние, а в психдиспансере, естественно, духовного здоровья не наберешься.

Так меня вначале признали ненормальным и негодным к строевой службе. Но затем срочно, даже странно, наспех призвали в армию опять. Обучили и отправили за тридевять земель, в неизвестную, непобедимую страну, на непонятную и несправедливую войну. Эти страшнейшие пятьсот пятьдесят четыре дня среди крови и страданий, огня и дыма окончательно закалили и убедили меня, что мы, люди, народ – орудие, игрушка в большой политической игре.

С самого начала я мучился в этой кровавой бойне. Через страдания, душевные муки полностью осознал: война – бессмысленная мясорубка. И мы, люди, пища для непрерывной работы чудовищной машины убийства. Я видел много смертей. Мы оправдывали свое нахождение здесь исполнением долга перед родиной, воинской обязанностью, приказом, но это не утешало и не облегчало наши души.

И однажды мы решились напрямик задать этот сакраментальный вопрос нашему командиру. Бывалый майор, битый мужик, до мозга костей человек войны построил нас в ангаре, среди каменистых скал и начал резко отчитывать:

– Война заложена самой природой в генах человека! – отрывисто говорил он. – Каждый самец стремится подавлять, подчинять, а в случае сопротивления – уничтожать чужих и насаждать свои семена! Один народ всегда хочет властвовать над другим! Жизнь – это борьба! А закон, цель любой борьбы – унижение или уничтожение противника! И в этой борьбе побеждают только сильные! Поэтому не надо морочить голову разными ветряными идейками о равенстве, братстве народов! А надо просто стрелять во врага! Если ты не выстрелишь, выстрелят в тебя! Если не убьешь ты, то убьют тебя! Может, вы скажете, что это безвинные люди, как их убивать? В начале карьеры я тоже так думал. Я искренне рыдал, когда наши стерли с лица земли целое селение. Но когда из этого пепелища вдруг кто-то выстрелил и убил моего друга, я понял, что такая жалость ни к чему. Естественно, стрелявшего наши ребята в мгновение ока разорвали в клочья. Не думайте о врагах, что это люди! Представьте себе их просто как мишень на учебном полигоне – и мочите! Человек есть куча мяса, и не более того! И ваша задача – попасть в эту массу первым, дабы самим не лежать на камнях разложения! Да, да, да, человек – это просто куча мяса и костей, крови и дерьма! И он жив, пока все это цело! Старайтесь сохранить себя целеньким в вашем кожаном мешке! Если он разорвется... фу-у! И не тешьте себя тем, что душа бессмертна, что есть потусторонний мир, есть вечность! Нет этого, просто не-ту! Это все обман, иллюзия, заблуждение, как хотите, так и называйте! По крайней мере, я видел столько смертей, но ни разу не видел бессмертия! Мяса, разлетевшегося по сторонам, разбрызганную везде

кровь видел вдоволь, да! А душу не видел! Вот такая она, бессмысленная, жуткая штука жизнь... проходящая игра плоти и политическая мясорубка! Ха-ха-ха!

Командир захохотал так громко, что смех отозвался эхом, сотрясая горы. Он истерично смеялся... и вдруг смех его резко прекратился... Мы толком ничего не поняли. Страшный свист – снаряда, мины или гранаты из базуки – оглушил нас. В следующий миг мы увидели, как тело командира медленно падает на землю.

Головы не было!

Она куда-то улетела!

Стало страшно.

До сих пор мне кажется, что голова нашего бравого командира бродит по ущельям чужих гор, не находя покоя. Иногда во сне разрывает мой слух его истерический хохот, эхом сотрясающий невозмутимые скалы.

Мы долго не могли прийти в себя. И остался горький осадок и самый главный вопрос бытия: а если он прав? Как быть, как жить, если нет бессмертия души, нет вечности?! Тогда ведь все, абсолютно все, вся история человечества, вся цивилизация – теряют смысл! Тогда зачем все это? Какой смысл во всем этом!? Зачем жить, бороться, страдать?! Тогда что, безумствовать как хочешь и как можешь? Это и есть единственный смысл жизни в этом безумном, хаотичном мире?!

Какое-то непонятное, необъяснимое чувство давило на меня все это время.

Но кроме этого вопроса, меня везде, денно и ночью преследовал еще один конкретный вопрос: зачем мы здесь и какой смысл во всей этой бойне?! Почему мы, здоровые, крепкие молодые ребята, вместо того, чтобы наслаждаться бурной жизнью, пришли сюда убивать ни в чем не повинных, абсолютно незнакомых нам людей? Почему мы не даем этим людям жить по своему усмотрению на своей родине? Я и мои боевые друзья вообще не хотят воевать и находиться здесь, и кто же заставляет нас брать в руки оружие и отправляет за тридевять земель уничтожать других?! Кто дал им право распоряжаться и играть нашими и чужими судьбами? Некоторые стараются объяснить это политической необходимо-

стью, нуждами государства. Но ведь это несправедливо! И эту несправедливость надо же исправлять! Надо принять общечеловеческий закон, по которому никто – ни один король, царь, император, хан, президент, командующий, полководец, не имел бы права давать приказ своим войскам на вторжение в чужую страну! Да, никто не должен иметь права начинать агрессивную войну, убивать людей, уничтожать народы! И все, точка! А защищать свою родину – совсем другое, святое дело!

Этот вопрос не давал мне покоя и во сне, и наяву, и тогда, когда шел бой, и когда стрелял я и стреляли в меня. В каждом свисте пуль, в каждом взрыве мин, в каждом стоне раненых, в последнем вздохе погибающего звучало одно и то же: Бес-мыс-ленно! Абсурд! Бес-мыс-ленно! Абсурд!

Однажды после кровопролитного боя мы наткнулись на раненого врага. Он лежал возле огромной глыбы серого камня. Автоматная очередь прошла насквозь его грудь. Наши удалцы готовы были растерзать его в отместку за погибших боевых друзей. Мне удалось их отговорить. Санитар дал ему воды и перевязал рану. Но было ясно, что он не жилец. Он мучился от боли, но держался молодцом. Видно было, что он верующий и с достоинством ждет своего последнего решающего и счастливого мига, когда улетит в вечность. Санитар знал их язык и перекинулся с ним несколькими фразами. Он спросил, зачем он воевал против нас, стрелял в наших солдат, зная, что проиграет, погибнет. Не лучше ли было покориться нам и жить в мире? Раненый при этих словах ожил, глаза его засверкали и он начал говорить, харкая кровью. Речь его была отрывистой, уверенной.

– Не мы пришли к вам войной... Мы защищаем свою страну... Всего-навсего...

...Мы хотели жить на родной земле... независимо и по-своему... равными со всеми... всего-навсего... и за это вы хотите нас сломать... истребить... но не будет этого никогда!

...Это несправедливо! Вам этого не понять!

... Как бы вы поступили, если б чужеземец пришел к вам домой с оружием и потребовал, чтобы вы стали его рабом?!

...Вы стреляете именем закона! Мы стреляем во имя справедливости!

...Вы воюете ради придуманного вами порядка. Это для вас порядок... А для нас это рабство!.. Мы воюем ради совести, свободы и равенства...

...В конечном счете – мы все убийцы! Слышите вы... и как вам не стыдно?! Или у вас вообще нет совести?

С этими словами он испустил дух...

Мы завалили его тело камнями и поспешно покинули это место.

Но от себя не убежишь... Его душевные предсмертные откровения о совести, справедливости, вражде и всеобщей ненависти и страхе, окутавшие весь земной шар, вызвали отклик в моей душе и преследовали меня постоянно. И даже сейчас, по прошествии стольких лет, временами я отчетливо слышу хриплый голос харкающего кровью поверженного, но непобежденного, доселе абсолютно чужого мне, а затем вмиг ставшего моим вечным спутником, душевным мучителем, человека!

Я – инвалид

И незаметно пришло мое время. Однажды меня ранило. Я даже не понял, как это случилось. Шла ожесточенная перестрелка... Я стрелял, не целясь, во врага, вдруг перед глазами ослепительно блеснуло, и все исчезло.

Очнулся уже в госпитале.

Все тело пронизывала нестерпимая боль. Хотел перевернуться на бок, но не смог сдвинуться с места. Ноги не слушались меня! «Онемели, наверное, – подумал я. – Ничего, сейчас пройдет!»

Но не проходило! Медленно стал ощупывать рукой и не нашел ногу. Одной ноги не было вообще!

Весь покрывшись холодным потом, в ужасе, я начал искать вторую ногу. Ее тоже не было! Нет, и все!

Я закричал в шоке. Прибывшие врачи и медсестры быстро дали обезболивающий укол и принялись меня успокаивать. «Благодари судьбу, что остался живым! Мы тебя буквально с того света вытащили!»

Сказали: оторвало взрывом мины, и что я в рубашке родился. Когда меня нашли, я лежал на залитом кровью бронетранспортере, все наши были мертвы. Меня тоже посчитали трупом, и когда начали грузить, санитар ощутил едва уловимые признаки жизни. Дальше – вертолет, госпиталь и... калека!

Вначале было страшно. Я никогда не испытывал такую пустоту.

Жить не хотелось, умирать тоже. Такое непонятное полумертвое, полуживое существо в оживленном центре города – явление ненормальное. Мне казалось: все, кончена моя жизнь, сломана, растоптана и выброшена на обочину, в канаву, на свалку, называйте как хотите. И с обжигающей душу болью я непрестанно мучил себя вопросом: почему я оказался в таком положении? Почему именно я, а не другие!? А другим не было дела до моих страданий, они проходили мимо коляски, не обращая никакого внимания, громко разговаривая, смеясь. Некоторые, бросив беглый взгляд, быстро

отводили, прятали глаза: не думаю, что всем им было жалко инвалида, просто некоторым здоровым и счастливым было неприятно видеть урода! И я кипел от необъяснимой ярости! Мне было обидно, до боли обидно смотреть на здоровых людей. Я со злостью думал, почему я – калека, а они здоровые. И в глубине души я желал, чтобы все люди стали калеками! Так будет справедливо, думал я, и никто не будет на меня смотреть свысока, жалеть, презирать!

Мир сделал меня инвалидом, и я возненавидел весь мир!

И мне очень хотелось установить в самом центре мегаполиса крупнокалиберный пулемет и мочить всех подряд по ногам или взрывать, взрывать, не щадя снарядов и мин, чтобы все люди, все народы, существующие на планете Земля, стали такими же безногими инвалидами, как я! Вот так я мстил всем в душе за свои потерянные ноги, погибшую молодость, растоптанную мечту.

Но со временем, свыкнувшись с судьбой, я успокоился, ибо ясно понимал, что люди и народы тут ни при чем. Я замкнулся, ушел в себя, инвалидная коляска стала моей крепостью, моим прикрытием.

Я начал читать умные книги о жизни и смерти, размышлял о бренности бытия и смысле жизни. Чего только не написано и не сказано об этом извечном вопросе! Человек приходит из небытия и уходит в небытие. Мир катится в пропасть независимо от человека! Наступит конец света, и все будет кончено! И многовековая история, громяющая цивилизация превратится в прах и тлен! Так что в конечном счете нет никакого смысла в этом обманчивом процессе под названием жизнь. Поэтому какая разница в том, как мы живем? Хоть в хижине, хоть в золотых дворцах, все равно неумолимо летящее время поглотит любую жизнь!

Эти мысли навевали такую страшную тоску, что иногда хотелось просто покончить собой. Но червячок сомнения меня бесил и останавливал. Ладно, оставим неподвластную нам вечность в покое. Мы пришли в этот мир, и мы должны прожить достойно, по-человечески! Тот отрезок времени, отпущенный нам создателем, судьбой, космосом, природой, называйте как хотите, ибо никто точно не знает сути этого таинственного творца, миг по сравнению с вечностью. Но это

наша жизнь, наш путь и мы просто обязаны пройти его до конца, а там посмотрим! И вот тут-то возникает немало вопросов, которые доступны нам, и мы в сила повлиять на их решение по справедливости и по совести! Поэтому есть, есть все-таки разница в том, как и где провести эту самую брэнность! Если вы возражаете, то представьте себя на мгновение беспомощным инвалидом, сидящим в инвалидной коляске в центре бурлящей вокруг жизни! Нет, генерал Янга Ли Мжанба, конечно, у вас нет ни малейшего желания поменять свой командный пост, комфортное кресло в высоком кабинете на мою коляску! А по справедливости надо бы! Надо бы, чтобы вы тоже сидели рядом со мной, со своим бывшим солдатом, товарищем по оружию, и испили горькую чашу судьбы до дна!

Итак, я жил и думал. Думал о многом! Болезненно, непрерывно и навязчиво размышлял о справедливости и совести. Задавал себе жестокий вопрос – почему такие цивилизованные, высокообразованные политики творят невыносимую, вопиющую несправедливость без зазрения совести?

И я все больше и больше убеждался в мысли, что должен бороться против всей несправедливости и нечестных людей на земле!

Я не могу сказать точно, когда все это началось во мне. Наверное, я родился с этим, ибо, насколько помню себя, это было всегда со мной. Я и сейчас затрудняюсь назвать это каким-то одним словом, термином. Это – странное, смешанное чувство, какое-то неопределенное понятие, не вмещающееся ни в какие нормальные рамки человеческого поведения и психики. И вот, насколько себя помню, я болезненно реагировал на любое проявление несправедливости и нечестности, независимо от того, были ли эти действия направлены непосредственно против меня или на других. Меня бесило все, что связано с этими поступками. Также легко выводила меня из себя словесная грязь, которой поливали люди друг друга. И мне мгновенно хотелось наказать таких, и наказание это в мыслях часто переходило в крайность. В порыве гнева я в своих мыслях безговорочно уничтожал таких или страстно желал, чтобы их наказал бог, да так, чтобы они исчезли в небытие.

Но, во имя справедливости, я должен заметить, что люди, допустившие несправедливость в отношении кого-то, затем

искренне раскаивались и просили прощение, вызывали во мне сочувствие и я прощал их в душе.

Был у нас командир, невыносимо придиричивый. Мы, солдаты, недолюбливали его, втайне даже ненавидели. Он все время старался подчеркнуть свое превосходство, поблескивая капитанскими звездочками. Строевик до мозга костей, он в жару гонял солдат до седьмого пота. Кто пытался возразить, аргументируя тем, что мы на войне, а не на учебном полигоне, он поливал отборной матерщиной и заставлял еще больше бегать и ползать. Меня всегда возмущало любое проявление неравенства людей, а все, кто смотрел на других свысока, старался подчинять себе, подавляя и унижая, вызывали жгучую ненависть, я хотел их убивать, стереть в порошок и развеять по ветру. А этот капитан был как раз из таких людей. И я долго вынашивал мысль, как его пристрелить при первом же удобном случае во время боя из трофейного вражеского автомата. Конечно, это был всего лишь порыв моей жаждущей справедливости души, и, естественно, я бы этого не сделал. Однажды его смертельно ранило в скоротечной, но кровопролитной внезапной схватке. Он лежал на спине, истекая кровью, и долго, долго смотрел на безоблачное синее небо. В его глазах была такая тоска, что меня всего передернуло. Я уставился на него, сочувствуя от души. Он это заметил и тихо подозвал к себе. Когда я подошел, он крепко сжал мою руку и дружелюбно улыбнулся. Это была его первая улыбка. Я ответил тем же.

– Ну, я отвоевал свое! Скоро буду там! – Капитан обратил взор к небесам. – Передай ребятам, пусть простят меня за жесткую требовательность! Без этого нельзя в нашем деле! Поймите и простите! Не поминайте лихом! Живите, ребята!

Я помню только, что горячо кивал ему в ответ. Сердце мое растаяло, от былой неприязни и обид не осталось и следа! Теперь я его искренне жалел и желал, чтобы он оставался жить! Да ведь он, оказывается, тоже человек, наш боевой, важный товарищ! Он еще раз улыбнулся, преодолевая боль, и тихо умер.

Мы долго поминали его добрым словом. И нам было даже немного стыдно за чувство неприязни! Вот такая она, штука жизнь, неоднозначная, нелогичная, порой не вмещающаяся ни в какие рамки!

И мне всегда хотелось взобраться на самую высокую точку в мире, на Джомолунгму, в космос, и оттуда донести свой крик души всему человечеству. Именно человечеству, а не отдельному государству и народу.

Люди мира! Зачем вы делаете плохое другим, зачем ежесекундно расстреливаете друг друга пулей – словами, нанося душевные раны, причиняя боль и страдания, зачем убиваете друг друга на бессмысленных войнах? Почему один народ хочет поработить другой народ, вторгается в чужие земли, наводит свои порядки насильно, угнетает и эксплуатирует? Остановитесь, люди, живите сами и дайте жить другим! Ведь судьбы всех людей взаимосвязаны, у нас у всех один-единственный ковчег-приют – планета Земля в безграничном океане космоса. А она, добрая матушка Земля, может и не вынести всю тяжесть энергетического и физического негатива, который исходит от человечества. И тогда наступит конец всему! Настоящая дружба бывает только между равными, а настоящая свобода начинается с уважения свободы других. А по-настоящему счастливыми люди будут только тогда, когда счастливы все.

Но я прекрасно понимал, что это только благородный порыв моей доброй души. А жизнь, история показывают обратное. И я недоумевал – неужели это неизменный, трагический путь человечества, и альтернативы этому нет?! Может, мы прилагаем недостаточно усилий для того, чтобы жизнь стала лучше, чище?!

И после долгих мучительных раздумий, душевного смятения и борьбы я принял твердое и окончательное решение – очистить мир от всякой мрази и беспощадно бороться за справедливость!

Но как?

Уничтожать мерзавцев? Убивать убийц и отморозков?

И, признаюсь, мне хотелось так и сделать! В своей необузданной фантазии я придумывал разное новое оружие и методы расправы с негодяями всех мастей.

Но какой смысл в такой борьбе? Ведь тогда ты сам становишься монстром, врагом человечества, убийцей?!

Но что я могу поделать с моей раненой душой, которая так жаждет возмездия и желает всем злодеям такого же несчастья?

Мучился я над этим вопросом долго.

Ненависть и совесть

И вот однажды я попытался переехать дорогу на своей коляске и чуть-чуть не успел: светофор замигал и загорелся красный свет. Машина, с нетерпением ожидавшая зеленый, рванула было с места. Чуть не сбив мою коляску, резко затормозила.

– Ты че, обрубок несчастный, калека проклятый! – донесся до меня грубый окрик. Обернувшись, я увидел искаженное от злости лицо тучного водителя. – Не валяйся тут под ногами и не мешай жить нормальным людям! Твое место на мусорной свалке! – не мог успокоиться раздраженный толстяк.

Я все же переехал на другую сторону. Оскорбление вывело меня из себя и я, выматерив этого мерзавца как следует, плюнул в его сторону. Отвел душу, что называется, и покатился дальше. Вдруг кто-то со спины схватил меня за горло, да так сжал, что я начал задыхаться. Все в глазах поплыло, я начал терять сознание. Тут схватка слегка ослабла, напавший начал опрокидывать коляску. Я судорожно вздохнул глоток воздуха и крепко схватился за поручни. Прохожие не вмешивались в происходящее, все обходили нас стороной, будто ничего не видели. Вдруг раздался звонкий голос женщины:

– Да как вы смеете! А ну прочь!

Я почувствовал сильный рывок, и через мгновение – облегчение. Повернувшись, увидел, как мой обидчик-водитель с матом и поднятыми кулачищами надвигается на мою спасительницу – стройную, немолодую женщину. Я кипел от ярости и беспомощности, а женщина спокойно отступила на несколько шагов, вытащила из сумочки баллончик и распылила струю газа прямо в лицо толстяка. Тот толком ничего не поняв, вздохнул и медленно, как обмякший мешок, начал оседать на тротуар, оставшись лежать там. Женщина подтолкнула мою коляску и нервно проговорила:

– Скорее уходим отсюда! Полежит и очухается, сволочь! Ну, озверели люди... совсем совесть потеряли! Стыдились бы себя самих! Что поделаешь, люди без совести – это нелюди! Вот вернуть бы совесть многим, кому следует, и мир стал бы намного лучше!

– Дайте ему пинка по башке, пожалуйста! За меня! – попросил я ее.

Она посмотрела на острые носки своих туфель и решительно покачала головой.

– Нет! Тогда мы сами станем подонками! Мечь и ненависть к добру не приведут! Помните это и берегите себя!

Я поблагодарил смелую, добрую женщину, и она, помахав мне на прощание, пошла своей дорогой. Но ее слова, сказанные в порыве чувств, глубоко запали в мою душу.

Долго думал я над произошедшим, размышлял о людской совести. Ведь общеизвестно, что самое страшное наказание – это угрызения совести! Совесть – штука хитрая, она живет где-то в глубине души, ее нельзя увидеть глазами, нельзя схватить руками и выбросить вон. От нее не убежишь, не спрячешься нигде. Ее невозможно вытравить химией, вылечить облучением, антибиотики на нее не действуют. И вот она пробуждается и начинает неустанно мучить человека за совершенные им злодеяния. Единственный способ победить ее – не переступить через себя, не допускать низменных поступков. Правда, можно ее заглушать на время выпивкой и наркотой. Но все это обман, временные меры, и в конце концов она берет свое с удвоенной силой. Никто не может помочь человеку победить ее, человек остается один на один со своей совестью, и она медленно, но уверенно выгрызет всю его душу, если человек не раскается искренне и не попросит прощения у тех, против кого было направлено его зло, и у Создателя, и не начинает творить добрые дела!

Анализируя ситуацию всесторонне, я пришел к выводу, что это произошло не случайно. Судьба преподала мне наглядный урок и указала путь!

И еще она показала мою полную беспомощность и незащищенность. Я начал думать обо всем подробно, детально и задал себя сакраментальный вопрос: что делать?

Надо определиться и действовать. Но с чего начать? И я начал с самого себя.

Я начал убивать убийцу в себе, в своей душе!

И после долгой, упорной душевной и умственной борьбы вместо яда выбрал лекарство. Это была моя великая победа! А кто побеждает себя, тот побеждает во всем. После долгих и мучительных раздумий, духовных и интеллектуальных исканий я нашел идеальный метод борьбы со всем злом на свете. Надо пробуждать совесть в людях! И чувство справедливости!

Но как? Как быть, если у человека эти чувства загнаны так глубоко и подавлены абсолютно? А если их нет вовсе?

Решил, что воздействовать на эти чувства надо очень сильно, заставляя стыдиться и задумываться о справедливости!

Я с особым рвением начал изучать химию, кибернетику, электронику, нанотехнологию. Так же налегал на биологию, где почерпнул много полезных знаний и идей по вопросам бактериологического и генного оружия.

Ни в какие организации не вступал, ни с кем не делился мыслями, никого не посвящал в свои дела. Стал эдаким волком-одиночкой, строгим, справедливым, свободным и абсолютно секретным.

И придумал уникальный аппарат, который насильно пробуждает совесть у человека! И ему становится стыдно за свои злодеяния. Такой неприметный маленький передатчик направляет Н-частицы. Они всемогущи в союзе с веществом Х, которое я открыл в результате долгих исканий и держу в строжайшей тайне. Х-вещество надо предварительно ввести в кровь человека в мизерной доле, потом направить на него Н-частицы, которые с любого расстояния, не взирая ни на какие препятствия, воздействуют почти мгновенно. В мозг, на центральную нервную систему, на внутренний мир, на душу, на биополе, ауру, энергетическую структуру, чакры, жизненные центры, называйте, как хотите, вместе с Н-частицами человеку подается мощная команда-сигнал: «Как тебе не стыдно! Что ты натворил? Остановись! Это несправедливо! Подумай, прежде чем совершить! Крепко подумай о последствиях! Не будь таким бессовестным!»

И человек меняется на глазах. Ему становится стыдно за свои несправедливые поступки и злодеяния. Он раскаивается, испытывает ужасные муки совести, отказывается от всяких злых намерений и начинает призывать всех к добру.

Недостаток этого аппарата в том, что человек, подвергшийся такой обработке, потом будет всю жизнь испытывать угрызения совести за все содеянные им преступления, даже проступки, и в дальнейшем будет стыдиться даже самых маленьких прегрешений. Ну что же... лучше угрызения совести, чем всемирная грызня! Пушай себе стыдиться, лишь бы не уничтожал и не унижал других!

Я поставил себе цель, и методично, точно атаковал самых опасных для общества персон, пробуждая в них совесть и переделывая их.

Вы скажете – безнравственно мучить человека всю жизнь угрызениями совести. Может быть. Но пусть лучше люди испытывают муки совести, чем бессовестно будут уничтожать себе подобных.

Еще я задумался о том, что моя инвалидная коляска оказалась совсем беззащитной от любого посягательства хамов и извергов. И я создал чудо-коляску, мою обитель-крепость! Мне ее любезно изготовили на военном заводе мастера своего дела, по моему проекту и за сносную цену. Четырехколесная, около полутора метров в длину и около метра в ширину, с изящным рулевым управлением, ручными и ножными педалями движения и тормозами, со стеклянными окнами и передвижным тонким, но прочным тентом – защитой от жгучих солнечных лучей и дождей. Спинка кресла была высокая, она полностью закрывала и защищала спину, плечи и голову. Колеса были широкие, с жесткими каучуковыми протекторами, цельные. Не было необходимости надувать шины воздухом и бояться проколов. Мягкое, легкое, комфортное кресло при желании откидывалось до горизонтального положения, и коляска превращалась в спальню! В металлический корпус были приделаны множество тайников разного размера, предназначение которых были известны только мне. Она имела еще три батареи-аккумулятора на сорок восемь часов работы. В случае усталости

или просто при желании я мог включить аккумуляторы, и моя коляска катилась со скоростью сорок километров в час под воздействием электричества. А по ходу движения они накапливали электроэнергию, и коляска не боялась непроглядной ночной темноты – две маленькие, но мощные фары освещали ее путь. К тому же она была двухместной, ну не мог же я оставить на дороге пожелавшую поехать ко мне в гости милую подружку! Не коляска, а прямо маленькая БМП. Но это еще не все – она была непотопляемой! При необходимости, могла поплыть как лодка, катер. И назвал я свою чудо-коляску Янгалибус! Во-первых, подражая легендарному Наутилусу, во-вторых, чтобы всегда помнить того, кто усадил меня в эту коляску. Название Янгалибус означало, что настоящим создателем этого средства передвижения является генерал, политик Янга Ли Мжанба! Изготовители прикрепили металлическую табличку с выгравированной надписью на латыни прямо на двери.

Хитроумные приспособления были надежно припрятаны везде, особенно в трубчатых ручках коляски.

Янгалибус ни на кого не нападала, она защищалась! Защищалась хитроумно, изящно! Если кто-нибудь напал на коляску, она мгновенно реагировала, ее защита срабатывала автоматически и давала отпор! Атака агрессора оборачивалась против него самого же, и он получал по заслугам!

Вначале к Янгалибусу придрались было два сержанта и капитан дорожной службы полиции, как к странноватому средству передвижения. Они остановили меня в оживленном центре города и отвели в сторону. Долго разбирались со мной, пытаюсь понять, что это такое и к какому виду транспорта отнести моего Янгалибуса.

– Чудесно! Минимашина, коляска, квадроцикл или тарантас? Куда прикажете приписать? – таранил глаза бравый капитан. – Это не лезет ни в какие рамки дорожного движения и технического арсенала. Такого нету нигде!

– Теперь есть! – возразил я сдержанно. – Надо вам расширить эти самые рамки!

– Расширить-то можно! – нашелся капитан. – Но вот только надо определиться, где и в каком статусе ездить

вам? По тротуару, как инвалидная коляска, или по дороге, как транспортное средство?

Вопрос был резонный, можно было его решить по справедливости, но парни стали создавать волокиту с определением статуса Янгалибуса и законным оформлением этого еще неопределенного определения. Мне все это надоело и пришлось пробудить у них совесть, после чего они много раз извинились и сами начали хлопотать о законном оформлении документов. В результате их стараний мой Янгалибус получил исключительные права на беспрепятственное передвижение по дорогам, тротуарам и рекам страны. Ставшие вдруг сердобольными, блюстители порядка хотели даже выхлопотать для моей коляски-крепости право свободного полета, но не получилось, да и не нужно было.

Таким образом, мой Янгалибус стал законным уникальным средством передвижения и проживания. И словно капитан Немо, бороздивший мировой океан на своем Наутилусе, я перемещался среди людей на своем Янгалибусе. И никому в голову не приходило, что молодой инвалид замыслил перевернуть мир. Наоборот, люди жалели меня, некоторые даже чувствовали себя в чем-то виноватыми передо мной, и всячески старались помочь мне передвигаться, охотно брались за ручку и подталкивали до нужного места. И все генералы мира не догадались бы, что таким образом я преобразил сознание ста тридцати семи человек! Дело в том, что когда нужный мне объект касался ручки моего Янгалибуса, я использовал прием «Кольцо Борджиа» и вводил в него микрочастицу X. А затем направлял на него частицу H, и все! Этот злодей сгорал от стыда, корил себя за все свои злодеяния и мучился, мучился страшно до тех пор, пока не каялся и не становился на путь праведный. И начинал бывший преступник творить добрые дела, смывая свои грехи.

Судьба вручила мне пару костылей для опоры, и я решил из этого выжать максимальную пользу. Они стали для меня тренировочными снарядами и боевым оружием. По спецзаказу приготовили мне складные трубчатые костыли. Их можно было удлинять или сокращать при необходимо-

сти – одна труба входила в другую. Можно было использовать их как дубину, как железный блок. Кончики внутренней трубы были заострены, при необходимости костыль превращался в настоящее копьё! В корпусе было много дырок, где были припрятаны разного рода хитрейшие приспособления для атаки и защиты, о чем распространяться не буду по понятным соображениям.

Итак, около пяти лет я мучился и боролся. Огромным усилием воли заставил себя ходить в протезе. Да так приоровился, что мог танцевать и никто не заподозрил, что я – инвалид. Но без коляски и костылей всегда бывало туговато, и я пользовался ими постоянно, по своему усмотрению.

Наверное, звучит парадоксально, но контузия была моей привилегией. И я бережно хранил соответствующую справку медучреждения об этом, и при малейшем недоразумении с людьми, особенно с полицией, предъявлял ее. И все немедленно оставляли меня в покое. От контуженного какой спрос? Самый лучший способ уйти от ответственности, от общественного и семейного груза обязанностей – это быть психологически неадекватным, душевнобольным, как говорят в народе – чокнутым. Это идеальная психологическая маска! Представьте, у вас нет никаких обязанностей, вы не отвечаете за свои поступки и проступки, даже за преступление, все о вас заботятся, вас боятся, сторонятся, вы можете себе позволить любые выходки почти безнаказанно. Правда, есть опасность, что можно нарваться на такого же, как вы сами, но обычно чокнутые быстро находят общий язык и каким-то удивительно тонким чутьем сразу понимают, что к чему.

И самое главное открытие, которое я сделал, и которое давало мне исключительную силу духа – инвалид не считает себя инвалидом! То есть, он может быть калекой телесно, но душой он не калека! Душа не может быть инвалидом! Вам этого не понять, мистер Янга Ли Мжанба, ибо вы никогда, ни на мгновение не задумывались над судьбами жертв ваших военных новаторских идей и захватнического бреда! А если бы подумали о тех десятках, сотнях тысяч, миллионах судеб, искалеченных войной, то поняли бы, что

главные калеки – это вы сами! Да, да, можно как угодно называть, но души, способные на такие уродливые и ужасные дела, действительно ненормальные!

Мне иногда кажется, что все люди в какой-то мере с заскоком, ненормальные, и весь мир – какой-то дурдом.

И мечется моя больная душа в этом безумном мире и мучается бесконечно!

Но невзирая ни на что, бродил я по этому миру на своем Янгалибусе, подобно капитану Ахаву, бороздившему океан в поисках своего кровника – белого кита по имени Моби Дик. Если по справедливости, не белый кит пришел домой к героическому капитану, оскалив свою огромную пасть, а капитан охотился за ним. Но Моби Дик был безобидным существом по сравнению с тем монстром, перемоловшим мою судьбу. И я бродил один среди людей, как живой упрек, как жертва и свидетель человеческой жестокости и безумия, и пробуждал у людей совесть одним своим видом. А у кого она слишком крепко спала, пробуждал насильно! Таким образом уничтожая в них зло, преображая их через совесть и чувство справедливости!

Гениальный злодей

Первый раз я применил свой метод на моем эксцентричном друге Янусе, с которым вместе учился, рос. Он был фантазером, мечтал о величайших открытиях для человечества и очень сильно хотел остаться в истории личностью номер один всех времен и народов. Это задевало меня, и поначалу, когда он об этом говорил, мы много спорили и в итоге обязательно били друг другу морду. Но затем я как-то смирился с этим, и только иногда возражал его бредовым идеям. Пусть себе бредит, я ведь не обязан разделять его бредя, мудро решил я и отстранился от его вечных исканий. А фантазер он был несусветный! О чем бы он ни говорил, за что бы ни брался – ему обязательно надо было что-то открывать, ошарашивать весь мир. Слушая его эмоциональное словоблудие, мне казалось, что все бредовые идеи сегодняшнего дня принадлежат ему. Он так мастерски присваивал себе, перефразируя до неузнаваемости, все откровения сомнительного толка современных сумасбродов, то есть, был еще и прирожденным плагиатором.

И вот однажды Янус похвастался, что придумал нечто такое, что позволит получать урожаи фруктов и овощей по десять раз в год и в десятки раз большем объеме, чем в природе. В пылу бахвальства он поведал мне, что собирается семена всех растений обрабатывать уникальными соединениями радиационных и бактериохимических элементов, что даст в итоге гигантские плоды-мутанты. И тогда он завоюет весь мировой рынок дешевыми и свежими овощами и фруктами. Самое главное: некие вещества, внедренные в эти плоды, сильно влияют на клеточном уровне на психогены и управляют ими по заданной программе. А народы, потребляющие эти продукты, постепенно становятся тихими, безликими, послушными гражданами-рабами, исполняющими любую команду, исходящую от хозяина этого вещества, то есть его. И таким образом он становится

практически владыкой мира! А если кто и воспротивится, он посылает сигнал смерти, и такие люди тихо, незаметно покидают этот мир.

Я содрогнулся от ужасной фантазии неистового друга, но все-таки не верил в реальность этого и думал, что он опять бредит по своей привычке. Мои сомнения задели его и раззадорили пуще прежнего, и Янус стал доказывать мне свою правоту. Дошло до того, что он показал мне свою секретную лабораторию, готовые продукты и двух бомжей, живущих здесь же, в вольерах, и питающихся этими плодами. Для пущей убедительности он послал им через эфир секретные сигналы-команды из своей электронной спецаппаратуры, бомж и бомжиха стали медленно, театрально раздеваться. Походили полуголыми, демонстрируя публике, то есть мне, самые постыдные части своего тела, и наконец начали открыто совокупляться. Смотреть на это было невозможно, я отвернулся. Друг восторжествовал, увидев мое отвращение.

– Нет, ты еще не понимаешь супергениальность моего открытия! – воскликнул он в экстазе. – Люди покупают свое рабство и деградацию, болезнь и смерть за свои же деньги. И я становлюсь самым богатым человеком планеты и завоюю весь мир без единого выстрела!

– Но это же угроза для здоровья человечества, ведущая к уничтожению всего!

– А зачем вообще это человечество? Оно нам нужно только для прибыли и в качестве рабов! – истерично засмеялся Янус. – Вообще-то я иногда немножко люблю людей за их наивность и глупость, за то, что легко дают нам себя обмануть и быстро, податливо становятся послушными рабами тех, кто их надувает и управляет ими!

Я похолодел от страха за судьбу мира и возненавидел смертельной ненавистью Януса и его открытие. В сознании, как вспышка молнии, блеснула мысль: вот случай спасти мир, очистить его от мрази. И я сразу решил уничтожить в нем врага человечества и его открытие в самом зародыше, пока оно не распространилось.

Незаметно достал из тайника Янгалибуса свое секретное оружие и применил его против присутствующих. Ми-

стер Янус и двое бомжей в мгновение ока застыли на месте. В следующий миг я направил на них Н-частицы из крохотного передатчика, и сразу же все переменялось! О-о, это надо видеть своими глазами! Они сначала содрогнулись от запрятанных и подавленных в глубине души мук совести и чувства справедливости! Янус обхватил свою кудрявую голову двумя руками и сжимал ее с такой силой, что мне слышался хруст костей! Бомж и бомжиха быстро оделись и катались по полу, готовые провалиться сквозь землю. Затем Янус решительно сжег лабораторию вместе с плодами, со всей документацией и молил Всевышнего, чтобы и капля информации о его секретном плане не просочилась в наш безумный мир.

А последствия моего воздействия были таковы: Януса замучила совесть и вместе с двумя бродягами он ушел в религию. Вот так-то, оказывается, гений и злодейство совместимы, если нет совести!

Вот так я впервые переступил черту и стал борцом за справедливость, спасителем человечества, а по-вашему – просто насильником-экспериментатором. Но ведь с таким же успехом и вас, политиков-генералов, можно назвать террористами-убийцами, экспериментирующими на судьбах не только отдельных людей, но и целых народов! И это даже больше соответствует истине. Разве неправда, что вы уничтожаете под прикрытием очистки от нечисти целые дома, кварталы, селения? И под вашими бомбовыми и артиллерийскими ударами погибает мирное население. Самое страшное в вашей войне – и ваше, и их оружие не выбирает, кто виноват, а кто нет. И гибнут невинные люди, причем массово! А я, в отличие от вас, высокопоставленных особ, выбираю и наказываю конкретных виновников человеческих несчастий, нанося точно рассчитанные удары и, хоть и насильно, превращаю их в совестливых, тихих, мирных граждан.

Альтернатива

Я понимал, конечно, что задача, которую я возложил на себя, по большому счету, похожа на бред сумасшедшего. Но все равно реальная конкретная польза от моих деяний оправдывает сумасбродные порывы моей души. Правда ведь, действие, направленное на защиту справедливости, пусть даже порой безумное, лучше, чем абсолютное равнодушие. Это была альтернатива.

Об альтернативе стоит поразмышлять. Удивительная штука – мир мыслей, и чем глубже в него погружаешься, тем чаще открываются поразительные, порой даже парадоксальные вещи. Вот посмотрите сами вокруг. Некоторые люди создают себя имидж борца за справедливость и совесть, ратуют за народ, активно критикуют власти. Причем критикуют власти как некий образ виновника всех бедствий в этой жизни. Без всякой конкретности. И все, даже представители этой самой власти, делают то же самое. Никто не называет конкретных виновников конкретного случая. Теперь дальше. Вот эти же якобы борцы за народ, якобы выступающие против властей, спокойно якшаются с представителями этой же власти, получают от них дивиденды, награды и благодарят в три поклона благодетелей от этой же власти! Какая альтернатива, какой парадокс!

Любовь в поезде

Однажды я ехал в двухместном купе люкс-вагона скорого поезда. Дорога была дальняя, и я специально выбрал поезд, чтобы по дороге хорошенько выспаться, отдохнуть от суеты и тревог.

И вдруг вошла она... прекрасная, удивительно обаятельная. Мы поздоровались, и она сказала:

– М-м, да... Почему-то нет женских вагонов-купе в этом поезде! Что делать, может, поменяться с кем-нибудь?

Проводница развела руками, мол, не с кем, и ушла. Попутчица нехотя начала устраиваться.

– Вы чем-то обеспокоены? – спросил я дружелюбным тоном. – Я вовсе не собирался напугать вас! Но ваша тревога невольно наталкивает на многое!

Она засмеялась...

И тихо назвала свое имя.

– Жанмила Токанато!

Такое милое, редкое имя врезалось в мою память и осталось навеки – Жанмила Токанато!

Придерживаясь правил конспирации, мне пришлось назвать свое вымышленное имя.

Она оказалась международной журналисткой, пишущей на политические и военные темы. Мы разговорились. И разговор был у нас интересный. Речь зашла о свободе слова.

– Что мы понимаем под свободой слова? – спросил я с наивным видом.

– Гражданин свободной, демократической страны должен иметь полную свободу слова! То есть он вправе выражать свои мысли и чувства открыто, публично, говорить то, что считает нужным, правильным. Одним словом, говорить то, что захочет! – четко отчеканила политкорреспондент.

– Вы полагаете, что человек волен говорить и делать то, что захочет? То есть, что приходит ему на ум? А как

слово отзовется в душах людей? А если это его свобода ущемляет права других? Разве человек может свободно оскорблять, унижать, издеваться словесно над другими? И как быть, если абсолютная свобода слова пробуждает ненависть и злобу у других?

Жанмила слушала меня внимательно, не перебивая. Ее светлые глаза выражали сочувствие и понимание. Я чувствовал, что мои слова нравятся ей, мои мысли находят отклик в ее душе, поэтому мне хотелось говорить и говорить умные, хорошие слова такой чуткой спутнице. Я так воодушевленно, так откровенно не разговаривал давно! И речь лилась непрерывно.

– Зачем вам, как говорится, играть на нервах? Тем более, если эти игры могут взрывать города? – откровенничал я. – Не лучше ли быть деликатным и говорить и писать в согласии с разумом и совестью? Вы, журналисты, должны успокаивать бурлящий мир, а не поджигать, не подливать масла в огонь! Полмира и так в огне! А в погоне за жареным фактом некоторые ваши собратья по цеху готовы даже зажарить шар земной! Вот скажите честно, разве не кощунство рисовать и публиковать карикатуры на пророка Мухаммеда? Я считаю, что это не просто кощунство и бесстыдство, а преступление против человечества! Потому что это и есть разжигание межрелигиозной вражды! Хотите – верьте, хотите – не верьте! Но высмеивать, тем более оскорблять священные чувства других, никто не имеет права! А каковы будут последствия, вы об этом думаете, отдаете себе отчет, а, господа свободословные!?

Жанмила посмотрела на меня пронзительным взглядом.

– Я согласна с вами! – сказала она с грустью в голосе.

Ее доброжелательность вдохновила меня пуще прежнего.

– А почему бы нам не примерить на себе и претворить в жизнь девиз древнего мудреца Солона: ничего чрез меру? Ведь правда – передозировка превращает лекарство в яд.

– Мне иногда кажется, что человечество все время бросается из одной крайности в другую, – заметила она многозначительно.

– Есть только одна абсолютная свобода, которая не вредит никому. Свобода совести!

– Это действительно так или все-таки есть какие-то нормы общепринятой морали? Не означает ли абсолютная свобода совести распущенность и разгул бесстыдства? – спросила она, неожиданно внося новый смысл в нашу беседу.

– Нет, нет, нет! Наоборот, свобода совести должна сдерживать, оберегать людей от позорных поступков! – с жаром возразил я. – Вот мы все созданы любовью. Любовь – это жизнь! Все люди любят! Но она тем и прекрасна, что таинственна! Подумайте сами, какой народ, какой уважающий себя человек позволит себе прилюдно целоваться, тем более заниматься любовью?

Она задумалась и покачала головой, ее волосы заволновались, раскачивая и унося с собой мои чувства.

– А тогда почему это делается на экране, на виду у миллионов зрителей? Вот это и есть бесстыдство! Мы унизили, растоптали женщин! Мы их раздели публично и показываем в самых бесстыдных, позорных позах!

Жанмила тихо вздохнула. Замолчал на миг и я. Но, конечно, не мог остановиться и продолжил разговор о совести в иной плоскости.

– А сколько ненависти пробуждают войны? Вот вы пишете о войне... И вы считаете это справедливым? Когда ваше правительство отправляет свои войска – вооруженную до зубов, обученную убивать современную могущественную армию на порабощение и уничтожение малых народов, что вы пишете? Воодушевляете молодых солдат в своих статьях, где желаете им скорого возвращения домой с победой, да? Матери, провожая своих сыновей на войну, желают им того же самого?

– А что, они должны пожелать им другое? – с иронией спросила она.

– Вы что, не осознаете, что они благословляют сыновей на убийство, желают, чтобы другие матери осиротели и оплакивали своих детей? Вопрос в том, что их победа – это поражение, гибель другого народа! Вы это приветствуете и правда восторгаетесь, а, военно-политическая журналистка Жанмила Токанато?

Ироничное выражение слетело с ее лица, она загрузила. Задумался и я, но, признаюсь, легче стало на душе.

Волей-неволей наш разговор перешел опять к взаимоотношениям мужчин и женщин.

– К пророку Мухаммеду пришел мусульманин и сказал, что разводится с женой, – решил я сменить тему. Жанмила заинтересовалась. – Совсем уж кривой характер у нее, говорит. Что ни потребу, она делает по-своему! Неисправимая! Я больше не вынесу этого!

Пророк лучезарно улыбнулся и изрек:

– Всевышний создал женщину из ребра мужчины. А ребро-то кривое! Поэтому не старайтесь выпрямить его – можете сломать! А используйте с умом в первоизданном виде!

Мусульманин засмеялся и понял глубокий смысл слов пророка, помирился с женой и зажил с ней спокойно. Так вот, женщины прекрасны своей естественной кривизной. Только не искривляйтесь, пожалуйста, искусственно еще больше!

Жанмила от души засмеялась – в этот миг она стала еще красивее.

– Равенство между мужчиной и женщиной предусмотрено самой природой. Они как две половинки – друг без друга не бывают. Но каждый прекрасен на своем месте, то есть мужчина должен оставаться мужчиной, женщина – женщиной! Тогда все будет в гармонии. Но когда женщина начинает превращаться в мужчину или наоборот – нарушается естественный ход жизни!

– Постараюсь быть на своем месте! – ответила она с юмором, и я понял, что мои мысли ей понравились.

Оказывается, ночь наступила давно, незаметно. Пришло время отдыха. Я деликатно вышел.

Когда вернулся, она уже лежала в постели. Я переключил яркий свет на полутемный и начал возиться с чайником и стаканами.

– Надеюсь, у вас нет плохих намерений? – спросила Жанмила певучим голосом.

– Конечно, нет! У меня самое благое намерение, которое знало человечество со дня своего появления на зем-

ле! – ответил я полушутя. Она с удивлением взглянула на меня. – Я хочу вас... – продолжил я. Девушка замерла. – ... угостить кофе... в постели!

И начал готовить кофе.

– Но кофе в постель подают только по утрам! – засмеялась она.

– Я не могу ждать до утра! – весело ответил я.

– Кофе на ночь! Потом спать не буду!

– А я как раз и хочу, чтобы вы не спали!

Жанмила со смехом взяла чашку, и мы вместе выпили кофе.

– Неспokoйной ночи! – пожелал я ей, выключая свет. Она тихо засмеялась. Рассмеялся и я. И вот так мы, опьяненные любовью, молча нежно обнялись. Целовались мы долго, все крепче прижимаясь друг к другу, чувствуя волнение. И вот он, самый сладкий, счастливый миг жизни, а мне еще предстояло в который раз испить горькую чашу своей участи. Я ведь должен был, как всегда, снять протезы с обеих ног! Я торопливо избавился от них и обнял Жанмилу. Она все поняла, но не подала виду, еще крепче обняла меня, закрыла глаза и с жаром отвечала на мои поцелуи...

Назавтра она сошла с поезда раньше меня. Мы обменялись телефонами, нежно простились, предварительно договорившись встретиться снова.

Моя душа пела, и охваченный радостью, через некоторое время я позвонил ей. Хотелось еще раз услышать мелодичный, ласковый голос, поделиться порывом нежных чувств.

Но ее телефон был отключен. «Может, вне зоны связи?» – думал я и с нетерпением стал названивать ей через каждый час. Ответа не было! Мне стало тревожно. В конце концов, она бы увидела мой звонок, и ответила! Да, если только захочет... Сомнения начали закрадываться в мое сердце. Может, она уже выкинула меня из своей жизни? Да, скорее всего, так, ведь зачем ей, красивой, цветущей девушке, инвалид без обеих ног? Или просто для нее это было мимолетным увлечением? Ну что же, взаимно! – утешал я себя. Но это был самообман! На самом деле я осоз-

навал, что полюбил ее по-настоящему. Я тревожился за нее – а может, случилось что-то нехорошее? Мало ли чего может произойти в наше беспокойное время.

По приезде в свой город я начал активно искать журналистку Жанмилу Токанато во всех редакциях страны и по Интернету, в адресных бюро. Но такого имени нигде не значилось! Она попросту исчезла! Или, может быть, ее не было вообще?!

Так и оставила меня в недоумении, под грузом безответных вопросов моя любимая. Она, как глоток чистой родниковой воды в мутном потоке жизни, как спасительный кислород для задыхающегося пациента в реанимации, освежила мою душу, оживила усыхающие нежные чувства. И таинственно исчезла!

Интуиция

Небеса одарили меня исключительной интуицией, а годы напряженной борьбы со всякого рода врагами человечества довели ее до совершенства. Я мог чувствовать намерения нелюдей на расстоянии, чувствовать опасность, агрессию и скрытые волны нервного напряжения всем нутром, слухом и нюхом. И почти безошибочно определял отморозка или отъявленного душегуба среди массы людей в светливой обстановке городской жизни.

Однажды в сумерках я сидел в своей коляске-крепости на набережной. Люди спешили домой после работы, им было не до меня. Я тихо двигался, нажимая на ручную педаль, и любовался все еще красноватым после заката горизонтом. И вдруг почувствовал на интуитивном уровне, что рядом очень опасный тип. Скрыв волнение, спокойно начал осматриваться по сторонам и, благодаря хорошо развитому боковому зрению, увидел идущего чуть позади верзилу. Он сразу показался мне странным, и когда, обогнав меня, попал под прямой взгляд, я понял по его осанке и походке, что он несет в себе нечистую силу, а может, даже смертельный груз. Не мешкая, я окликнул его, прося помощи. Он вначале испуганно замер, затем медленно развернулся и пошел ко мне. Шаги его были неизмеримо тяжелыми. Когда он неуклюже подошел ближе, я встретил его кротким видом и мирным голосом попросил подтолкнуть коляску к тротуару. Видно, он был еще не законченным отморозком и поспешил сделать доброе дело. Когда он взялся за ручку Янгалибуса, сработало «кольцо Борджиа», чего он вообще не заметил. Я направил на него Н-частицы совести. И, о чудо, в следующее мгновение он заговорил со мной.

– Инвалид... войны или что? Плод разгульной жизни... или авантюристической аварии?

– Пушечное мясо! Результат бессмысленной бойни! – в тон ему ответил я. Это ему понравилось, он предложил:

– А-а! Знаешь что, давай выпьем виски... поговорим по душам, а!

В его голосе звучало столько мольбы, как будто я мог отказаться, что он быстрее покатил коляску.

На берегу ночного моря мы выпили и долго, откровенно беседовали. Вернее, изливал душу он, что было естественно для подвергшегося влиянию Н-частиц совести человека. А я слушал и поддакивал, наслаждаясь очередной победой над злодеем. Оказывается, он шел взрывать вокзал. И ему в этот момент стало страшно стыдно. Он рассказывал о своих злодеяниях и о муках совести. Разволновавшись, он поклялся, что больше не сделает ни одного выстрела, взрыва, вообще, больше не хочет, не желает обидеть и мухи.

– Все! Я не хочу больше воевать, тем более убивать, уничтожать мирных людей! Я клянусь, я завязываю!

С этими словами разгоряченный выпитым виски мой новый знакомый расстегнул легкий длинный плащ и отстегнул тяжеленный пояс – около пуда взрывчатки! Он, пошатываясь, шагнул в воду и бросил все это в море, как можно подальше от берега. Море всколыхнулось и поглотило смертоносное оружие. Мы оба облегченно вздохнули и выпили. Всепроникающая вода обезвредит чудовищное взрывчатое вещество.

Трест очистки

Я открыл неофициальный трест очистки в Интернете. Написал весьма странное, но понятное всем объявление:

«Всем желающим справедливости!

Напишите про тех, кто заслуживает наказания за какие-нибудь преступления и духовного очищения совести, вот на такой-то сайт!»

И потекли сообщения о тех, кто портит мир и подлежит пыткам совести. Меня бросало то в жар, то знобило от людской жажды справедливости и ненависти к себе подобным. Столько всего было написано! Даже при грубом подсчете, не хватило бы нескольких жизней, чтобы проделать эту работу по очистке планеты, даже если сделать по сотни добрых дел в день.

Люди указывали друг на друга. Следуя этим указаниям, нужно было подвергнуть все человечество угрызениям совести! Некоторые даже прямо так и заявляли, что надо очистить весь мир через совесть! Предлагали оказывать воздействие на всех подряд! Без разбора! «Да хватайте любого проходящего рядом и пробуждайте в нем совесть! У всех есть чего стыдиться! Мы, то есть все человечество, весь мир давно погрязли в таких грехах, что одной очистки совестью вряд ли хватит!» – азартно писали они. А один даже предложил создать «Бомбу совести», типа ядерной, водородной, и взорвать ее в атмосфере, чтобы полезные частицы окутали весь земной шар. Получилось бы оружие массового поражения совестью. В принципе, идея неплохая. Действительно, если в результате взрыва такой бомбы все люди прозрели бы и начали жить по совести, то да здравствует такой взрыв! Но вот загвоздка: процесс очищения совестью – необратим. И всю жизнь человека будут мучить угрызения совести, что само по себе тоже ужасное испытание. Было бы идеально, если человек постыдился немного, исправился и дальше жил спокойно. Но нет, этого не будет. Ее величество совесть

достанет человека где угодно и когда угодно, и будет пытаться за содеянное. Поэтому я не могу допустить этого – моя совесть не позволяет мне поступить с абсолютно незнакомыми людьми так бессовестно, так безжалостно! Но, с другой стороны, в одиночку, кустарным методом вряд ли возможно добиться больших успехов. И все-таки лучше помалу, чем ничего. И вот так, задавая себе морально-нравственные вопросы, не позволяя себе выпустить джинна из бутылки, я продолжал наносить точечные удары в бетонную стену бесстыдства!

Чего я не пережил за эти десять лет напряженной борьбы! Многое повидал, многих встретил. Были среди моих пациентов люди разных мировоззрений, религий, совершенно не похожие друг на друга по характеру, жизненному опыту, образованию. Но у всех была одна схожая черта — отсутствовали чувство справедливости и совесть. Нет, они сами считали, что их дело правое и они поступают по совести! Они могли спорить до бесконечности о понятии справедливости и совести. Слушая их, можно было подумать, что они правы. Но если отбросить всю словесную шелуху и постараться понять суть, то становится ясно, что каждый злодей подводит под свои убеждения эти глубоко нравственные вещи! Ну ясно же любому разумному существу, имя которого хомо сапиенс, что убивать людей, уничтожать целые народы, завоевывать чужие земли – это преступление! Но их переубедить было невозможно, поэтому я с легкой душой насильственно пробуждал в них совесть и чувство справедливости. После пробуждения вели они себя по-разному. Интересно было наблюдать.

Один, например, ушел в религию. Он был тайным королем торговцев медикаментами. Вроде бы дело благородное, лекарство для людей. Но ведь это были таблетки-подделки, и в лучшем случае от них не было вреда. А в основном они тихо отравляли людей, усиливая их болезни. Да таких, играющих судьбами людей, просто к стенке надо ставить! Но обуздав свою ярость, я тихо, незаметно воздействовал на него Н-частичами совести, и он переменялся! Он признался, что его медикаменты никогда не вылечивают полностью, а только частично облегчают страдания

людей. Делается это для того, чтобы люди были зависимы от лекарств всю жизнь! Так деньги больных бедолаг непрерывно текут в карманы воротил, обогащая и развивая их производство.

Однажды я пристыдил профессора бактериологии. Я его долго вычислял и преследовал незаметно, наконец добрался до него. То, что поведал он после пробуждения совести, невозможно передать без содрогания. Многие бактерии, вызывающие опаснейшие болезни в последнее время и угрожающие всему человечеству, оказывается, изобретены самими же людьми – учеными, по заказу политических и военных ведомств в целях массового поражения противника, то есть, других народов! Вот так-то! И эти господа ученые после пробуждения совести, отправились, естественно, в дома умалишенных.

Всем известно, что химические отходы, отработанные газы и вредные минералы заводов отравляют воздух, воду и землю. Отравляют жизнь. Углекислые газы плотным, удушьяющим кольцом окутали всю планету. Озоновые дыры зияют угрожающе в небесах.

И мы не задумываемся о последствиях наших необузданных, преступных действий... Нам не стыдно, что мы разрушаем природу, отравляем мир...

И я отравил отравителей мира целебными частицами стыда! Они очень изменились... закрыли наиболее вредоносные заводы, отравляющие производства... выделили огромные средства на очистительные сооружения...

Конечно, такое массовое прозрение среди магнатов, олигархов, политиков и военных не могло остаться незамеченным. Общество было в шоке! Как эпидемия, один за другим важные особы и персоны начали раскаиваться публично и призывать своих компаньонов и соратников к справедливости и совести. И началось расследование на самом высшем уровне. За дело взялся сам генерал Янга Ли Мжанба, то есть вы! Начали расспрашивать раскаявшихся, где, когда и у кого они подцепили эту болезнь. Да, да, именно психической инфекцией окрестили пробуждение совести у людей!

Откровения обманщика

Политики вралы всегда.

Врут и сейчас.

Но все дело в том, что они врут правдоподобно.

А еще общество охотно верит в это вранье. Более того, оно хочет, чтобы его обманывали.

Сладкая ложь украшает суровую реальность бытия. Ложь и лесть – братья-близнецы, одного поля ягоды.

Агрессивная лесть идентична магии. Желание атакующего не обнаруживается внешне. Большинство атакуемых явно на грани абсурдной лести ищут таинства от космических абсолютов, не обсуждая, верят в исключительность человеческой сущности своей. Сама по себе лесть – вещь приятная, но в меру. А когда она переходит границы разумного и становится образом жизни общества, срастается с политической деятельностью, то это уже опасная трагикомедия.

А ложь ищет маниакально желающих абсолютного неравенства особ, всех больших амбициозных Я. Неправда, громогласно, агрессивно льющаяся из тысяч организованных колонн, активно, непрерывно обрабатывает всех. И человечество всегда поддается этому сладкому искушению и начинает верить всему. Видя все это, иногда невольно задаешься вопросом – зачем бороться с ложью и лестью? Если это приятно, полезно людям, то пусть себе врут, подхалимничают и верят в это! Нам-то какое дело! Какой прок от горькой правды, когда так приятна сладкая ложь, смешанная с медовой лестью? А дело в том, что неправда, во-первых, вещь противная природе человека, а во-вторых, когда вранье становится политикой, то это опасно для страны, для будущего народа. Поэтому каждый патриот своей страны, каждый любящий свободу и справедливость деятель, да и любой порядочный человек должен, просто обязан изобличать ложь всюду и всегда!

И вот однажды мне удалось оказать влияние на президента одной большой, сильной державы. Представляю себе

ваше лицо, мистер Янга Ли Мжанба! Вы, наверное, ухмыльнулись и заподозрили меня во лжи. «Эх, куда занесла этого бедолагу неумная фантазия! – подумали вы. – Да чтобы подойти к президенту любой страны нужно преодолеть столько охраны! Это нереально!»

Нет, вы меня не поняли, генерал! Он, господин президент, сам подошел ко мне! От неожиданности я чуть не вскрикнул. Во время празднества и народного гуляния в честь Дня Свободы президент шел в окружении свиты и охраны по главному проспекту столицы. Люди махали ему рукой, цветами, и он по своему усмотрению, поддавшись порывам чувств, время от времени подходил к толпе и пожимал руку каким-нибудь счастливым-верноподданным. И вдруг посмотрел на меня, скромно сидящего в своей уютной коляске-крепости Янгалибуса. Глаза наши встретились, я улыбнулся, и он улыбнулся и подошел ко мне. Пожал руку и начал говорить об улучшении в стране благосостояния бедных инвалидов и своей озабоченности их судьбами. Пахло от него дорогим одеколоном и вином. Может быть, он был по-человечески искренен в этот миг, но, конечно, это был его любимый пиар-ход, мастерски замаскированный напускной человечностью. Это меня всегда бесило, а в тот момент я чуть не вышел из себя. Мне хотелось выпалить ему в лицо все свои обиды, но я улыбался, кивая головой. Конечно, у меня свое было на уме, и я попросил его сфотографироваться со мной. Президент встал рядом, чуть впереди, как и подобает ему, а правой рукой взялся за ручку моей коляски. Я все точно рассчитал – ну, разве такой опытный, талантливый пиарщик, безумно любящий свою популярность, упустит шанс покрасоваться рядом с калекой, кстати, его же указом брошенным в самое жерло огненного вулкана, и показать себя другом и опекуном всех обездоленных, сломанных войной инвалидов. Но он ошибся, наверное, впервые за свою политическую карьеру. Он всю жизнь обманывал других, а тут неожиданно так хитроумно надули его! «Кольцо Борджиа» беспощадно сделало свое дело, а выпустить в него незаметно частицу Н. было делом техники. И когда он, прощаясь, вдруг прослезился и, изменившись в лице, дрожащим от искреннего волнения голосом сказал: «Прости, солдат, прости великодушно нас, политиков, пожи-

рателей мира!»), я понял, что попал в цель. Он крепко, долго тряс мою ладонь двумя руками, и в его пожатии было столько тепла! Мне даже показалось, что он мог бы согреть все ожесточенные сердца людей планеты. Свита тихо увела его, и я с нетерпением ждал завершения этой истории.

Вскоре президент выступил перед всей верхушкой страны в прямом эфире и впервые говорил правдиво и искренне. Он раскаивался и стыдился содеянных политически жестких, а порою жестоких дел, и просил прощения у всего человечества.

– Защищая и преследуя национальный интерес своей страны, я постоянно подавлял, ущемлял интересы других стран, других народов! Это несправедливо, это бессовестно! – надрывался он.

– Конечно, о своем национальном интересе думать надо. Но не в ущерб другим. Ибо в этом мире все взаимосвязано, и нет отдельно взятого национального интереса, а есть проблемы всей планеты. И все государства, и народы сообща, дружно должны думать о будущем земного шара, судьбе человечества, вообще о жизни на планете!

– Кто-то строит всю жизнь, а кто-то вмиг стирает все это с лица земли! Нет, это несправедливо! Чудовищно! И как мы могли допустить это?! – сокрушался он.

Вся верхушка была в шоке – а не тронулся ли президент умом?

Народ ликовал – наконец-то прозрели наши лидеры! Снизойшло на них какое-то озарение! Выросли они духовно!

Вскоре президента спешно отправили в отставку. И он начал бороздить мировой океан и объезжать континенты, призывая сильных мира сего к справедливости, стараясь своей пламенной речью пробуждать в их душах совесть и сострадание. Все кивали головами, поддакивали ему и старались поспешно выразить свое согласие и поддержку, но, посмеиваясь над ним за глаза, продолжали творить свои бесовские, несправедливые дела.

Конспирация

Мистер Янга Ли Мжанба, вы, наверное, ухмыльнулись про себя при слове конспирация. А зря... Дело в том, что, по большому счету, весь мир давно живет по законам конспирации. Все люди в какой-то степени замаскированы, скрытны, остерегаются друг друга и прячутся, живут в своих душевных замках, скафандрах и не замечают, что происходит вокруг. Это было на руку мне, и я рано понял, что скрыться среди людей в огромном монстре-мегаполисе легче, чем в зияющей пещере среди скалистых гор. Учился этому искусству маскировки где только мог и у кого только мог, изучая методы тайной борьбы запада и востока, севера и юга, а также тактику и стратегию спецназов ведущих военных держав. Небеса одарили меня искрометной фантазией, и я сам придумал несколько таких сверхсекретных методов маскировки, что родная мать не узнала бы меня, находясь рядом. Я применял все эффективные приемы актерского грима и перевоплощения, не чурался всяческих масок и париков, включая обыкновенные накидки. Но самые главные мои открытия были связаны с тайными знаниями древности и современности и направлены они были на воздействие на людей и самозащиту, о чем, естественно, распространяться не буду во имя всеобщей безопасности.

И так, вооружившись научными и практическими знаниями, а также зарядившись энергетикой космоса, я блуждал среди миллионов людей и полицейских, агентов и сыщиков всех мастей и делал все, что считал необходимым для торжества справедливости. У вас волосы дыбом встанут, если я буду детально рассказывать о процессе осуществления громких актов возмездия, но это и не нужно. А то станут они неким учебным пособием для истинных врагов человечества, и тогда будет по-настоящему страшно!

Агенты многоплановые

Однажды я ехал в поезде с одним странным человеком. Он болтал, не умолкая, целый день, пока не вышел на своей станции. Говорил при этом непрерывно, по доброй воле, хотя никто ни о чем его не спрашивал. Только увидев меня, сразу начал откровенничать. Наверное, у него накопилось множество секретов. Я заметил одно интересное явление – люди очень часто делятся сокровенным с абсолютно незнакомыми людьми в поезде. Вот о чем он говорил:

– Человечество само создало столько опасных вещей, что и не надо искать оружия массового поражения. Любая штука цивилизации, приносящая пользу, при умелом использовании приносит еще больший вред. Передозированное лекарство становится ядом. Вот основной метод нашей работы.

– Самодуров везде полно, особенно там, где стремятся к самодержавию и самовосхвалению. Вот это и есть наше необъятное поле действия. В одной непомерно амбициозной стране собирались построить самый респектабельный район из самых высоких небоскребов. Их руководство страдало манией величества и, не считаясь с реальным положением дел, хотело возвыситься над остальным миром. Мы не могли этого допустить и постарались, чтобы эти здания строились очень долго, с частыми авариями, а в конце вообще рухнули. Для этого мы внедрили в бригаду строителей наших людей, и они уже в ходе строительства сделали так, что в итоге эти идиоты вместо уникальной постройки получили исторические руины, и это без единого взрыва!

– В одной стране во время строительства очень важных государственных объектов мы уже на стадии подготовки включили в состав стройматериалов такие химические вещества, которые, скрытые под тонким слоем безобидной краски, медленно, но постоянно оказывали негативное воздействие на здоровье и психику обитателей этих зда-

ний. В результате они становились нашими послушными рабами, сами того не подозревая. Или еще: в фундамент новых домов добавляются радиационные вещества, а этим чудачкам, теряющим разум в погоне за наживой и дешевым материалом, и не приходит в голову проверить безопасность стройматериалов. Есть еще много хитроумных приемов вредительства... Они особенно эффективны в странах, где забыли одну мудрую поговорку: «Доверяй, но проверяй!» Часто мы закидываем такие страны вредными для здоровья товарами из дешевых отходов промышленности. Многослойные краски наших игрушек, посуды, предметов домашней утвари также выполняют стратегические задачи – медленно и планомерно идет химическое воздействие на здоровье и жизнь народов других стран. Также поставляем по очень дешевой цене искусственные продукты. А овощи и фрукты, выращенные на нитратах, напичканные биодобавками, обработанные всякого рода ядовитыми химикатами, тихо подрывают здоровье и несут болезни и раннюю смерть нашим противникам. А бизнесмены этих стран бросаются сломя голову на весь этот дешевый, вонючий хлам, покупают большими партиями и перепродают соотечественникам, ни на миг не задумываясь о вредных последствиях для своего родного народа! Удивительно, но они при виде блестящих побрякушек забывают древнюю мудрость: «Бесплатный сыр только в мышеловке!» Таким образом мы полностью завоевали их дома своими стратегическими воинами-товарами!

Слушая его, я понял, что сама судьба свела меня с этим опаснейшим типом. Я провел атаку быстро и незаметно. Он умолк, уткнулся лицом в подушку и жалобно заплакал.

Поезд остановился на моей станции. Я не спеша вышел и направился домой. Но еще долго размышлял об услышанном, было тревожно на душе. Как быть с этим злом? Что делать?

Нравственность – доля неудачника?

Многие успешные, на первый взгляд, карьеры построены на несправедливости по отношению к другим. Я, конечно, не моралист, хныкающий от зависти к успехам других. Вообще-то о совести, нравственности больше всех говорят неудачники. Посмотрите вокруг, очнитесь, и вы увидите, что все моральные обвинители общества – это попросту озлобленные люди, не добившиеся значительных успехов в жизни.

А у кого голова кружится от успешного взлета к вершинам власти, богатства, славы, им попросту не до этого. Они даже считают, что совесть – самое главное препятствие на пути к успеху. В этом есть доля правды. Действительно, чтобы продвигаться вверх по крутым, скользким ступенькам власти и бизнеса, часто приходится перешагивать через совесть и справедливость. Но стоит им поскользнуться, так они тут же вспоминают о высшей справедливости и начинают громко трубить на весь мир, как бессовестно обошлись с ними! Я не сторонник такой ханжеской моралистики и не хочу по пустякам беспокоить вашу и свою совесть. Но есть вещи, о которых умалчивать нельзя! И ваше кровопролитие, мистер Янга Ли Мжанба, как раз относится к такой вопиющей несправедливости и бесстыдству!

Оружие всемогущее

После нескольких лет отчаянной борьбы я наконец-то понял, что точечным, штучным методом мне не побороть всех злодеев. И по-вашему же гениальному примеру решил создать оружие массового поражения совестью.

После долгих и мучительных творческих поисков и напряженной умственной работы я наконец-то открыл простое соединение веществ $X + Y + H$. Суть этого сверхмощного оружия заключается в том, что оно воздействует воздушным путем. Достаточно добавить в таблетку X сто граммов Y , тут же происходит быстрая беззвучная реакция, и новое соединение незаметно улетучивается, смешиваясь с воздухом. И оно способно поразить население целого мегаполиса! А направить с передатчика H -частицы – сущий пустяк! Но оно не совсем безопасно. Представьте себе, что будет, если многомиллионный городской люд вдруг прозреет и начнет стыдиться! Бросит все и будет денно и ночью испытывать угрызения совести. Никто не знает, каковы будут последствия. И я решил сначала провести эксперимент на тех, как бы выразиться поделикатнее, кто больше всех заслуживает этого, то есть на политиках. После нескольких попыток мне удалось проникнуть в здание парламента. Мне помог один из охранников, которого я умолял помочь мне пройти в туалет. Он сам протолкнул Янгалибуса через контрольный проход и докатил до туалета, страшно обрадовшись, когда я сказал, что с остальным справлюсь сам. В это время в парламенте как раз собрались вместе с сенаторами немало членов правительства. Я, приняв защитные меры, быстро приготовил секретную смесь. Она незаметно улетучилась в вентиляцию, и я направил H -частицы. После чего спокойно направился к выходу.

Что было потом! Что-то невообразимое! Все, кто был на заседании, без исключения, начали публично раскаиваться в содеянных темных делишках, преступлениях и проступках и ушли в отставку! Их совесть заела!

Через несколько недель я вычислил торговцев опаснейшим оружием. Информацию слили порядочные высокопоставленные люди.

Под видом представителя богатых клиентов, воюющих на другом континенте, я пришел к ним. Мастерски сыграв свою роль, прошел без заминки все проверки. Они завязали мне глаза, повезли куда-то, долго лавировали и в итоге привезли на тайный подземный склад, после чего, сняв черную повязку с глаз, начали показывать мне свои товары. Чего тут только не было! Оружие – от обычного стрелкового, гранат и до наисовременнейшего массового поражения – было аккуратно сложено по полочкам.

Я начал выбирать и торговаться – речь шла о сотнях миллионов долларов. Разговорившись, я ради любопытства спросил о возможностях этих с виду миленьких, красивых творений рук человеческих. Торговцы, а их было много, хором захохотали, сотрясая подземелье. Лысый очкарик–предводитель, отсмеявшись, ответил, что достаточно десяти штук этих сверхсекретных комплектов, и полгорода превратится в пепел, а от другой останутся лишь руины для археологических раскопок. Я, внутренне содрогаясь от ужаса, тоже рассмеялся и спросил о безопасности этого хранилища.

– Вы не боитесь, что может произойти случайный самопроизвольный взрыв или утечка химических веществ? И насколько это опасно для нашей страны?

Предводитель снисходительно улыбнулся – его забавляла моя наивность, и он не преминул блеснуть своими обширными знаниями. Он бегло прочитал лекцию о надежности железобетонного бронированного спецхранилища, устроенного глубоко под землей, в горном массиве вдали от мегаполиса.

– Даже тяжелая авиабомба для него – как бодание буйвола для баобаба! – воскликнул он. – А если даже по той или иной причине произойдет взрыв или еще какая катастрофа внутри, то все равно эти комплекты не сработают и в худшем случае останутся навеки в объятиях земли, поскольку некоторые решающие компоненты еще не собраны вместе. Но вы не беспокойтесь, вам они будут предостав-

лены в полном сборе перед непосредственной отправкой груза. У нас надежный канал под патронажем...

Предводитель, резко умолкнув, закрыл глаза и почтительно показал пальцем вверх. Все многозначительно кивали головой. Я тоже покивал, ломая голову, как преобразить их всех. Это надо было совершить прямо сейчас, потому что другой такой возможности уже не будет. Впрочем, я был подготовлен к воздействию как всегда отлично – все необходимое было заранее припрятано у меня в костылях, протезах и одежде. И я действовал решительно и быстро. Выпустив незаметно маленькую дозу вещества $X + Y$, направил H -частицы на них. Таким образом преобразил всех, сделав добрыми и послушными. Они довели меня до города. Но перед уходом взорвали склад, да так, что он остался заваленным огромными черными камнями навеки.

Везение

После этого я решил преобразить вас, мистер Янга Ли Мжанба, со всей вашей командой, да и весь ваш город.

Я взобрался на лесистый холм на окраине вашего города. Отсюда величественный мегаполис был виден как на ладони. На мгновение я даже залюбовался его красотой. Но быстро успокоился, вытащил из сумки завернутую в газету банку и приготовился к атаке.

Вот тут-то случилось настоящее чудо! Разворачивая газету, в которую была завернута банка, увидел знакомое имя, набранное крупными буквами – Жанмила Токанато! Вот это да! Быстро пробежал глазами ее статью, она писала как раз о мире и войне, разуме и совести. Внизу был указан адрес ее электронной почты!

У меня закружилась голова.

Она писала это для меня!

Сколько времени я тщетно искал ее в своем окружении, а она, оказывается, жила и работала на другой стороне!

Я без колебания отказался от своего намерения атаковать город и отправился искать ее.

В тот же день мы встретились!

Искренние чувства

Мы сидели в ресторане, в отдельной кабинке и тихо беседовали. Мне было приятно с ней, а она была безмерно рада нашей встрече. Мы любили друг друга и были счастливы, наши израненные души приобретали покой и умиротворение вместе.

Мы ели очень вкусные, изысканные блюда и рассказывали о том, что пережили с момента нашего расставания. Оказывается, она случайно уронила свой мобильник в реку, потеряв мои контакты. Ее поиски через Союз инвалидов не увенчались успехом, потому что инвалид такой-то в списках не значился. И я, сгорая от стыда, но рассчитывая на ее понимание, признался, что тогда, в люкс-вагоне скорого поезда, представился ей вымышленным именем. Она игриво надулась, покачала головой и показала мне маленький кулачок, да так весело пригрозила, что мне неудержимо захотелось обнять, целовать и целовать милое личико, губы и шею. И в следующее мгновение она мне сообщила такое, от чего я перестал чувствовать себя виноватым.

– Ты сильно не упрекай себя... за вымышленное имя! Дело в том, что Жанмила Токанато – тоже псевдоним! Я тебе назову свое настоящее имя потом, дома, тихо, только на ухо, если ты пообещаешь сразу же его забыть и не называть никогда!

Я только кивал головой и был от счастья на седьмом небе!

– Ты для меня на всю жизнь останешься Жанмилой Токанато!

Она весело, заразительно засмеялась, и мы, обуреваемые нежными чувствами, обнялись.

Честный бой

Вдруг дверь нашей кабины распахнулась, и внутрь ворвались четверо дюжих молодцов.

Мы встревожились и вопросительно посмотрели на незваных гостей.

Были вошедшие явно навеселе. Грозные лица истуканов выражали наглость.

– Освободите живо! Это наше любимое место! – грубо произнес громадина.

Я узнал его. Это был сам Мускул Монстр. Он был олимпийским чемпионом по тяжелой атлетике, экс-рекордсменом мира в тяжелом весе. Но затем проиграл на очередной олимпиаде и, бросив тяжелую атлетику, переквалифицировался в профессионального бойца по смешанным единоборствам без правил. Он имел навыки вольной борьбы и бокса, и с его физической силой и функционалкой было не очень-то сложно стать чемпионом. Избалованный излишними почестями и вниманием, раболепством общества перед популярностью и рекламой, он очень возгордился. Возомнив себя новым Атлантом, наслаждался своей славой и физической мощью, был задирист и смотрел на людей свысока. «Кто ты такой по сравнению со мной?! Да рядом со мной ты же ничтожество!» Эту надменную фразу он мог бросить в лицо кому угодно и где угодно.

– Я вас уважаю! – сказал я как можно миролюбиво. – Но, к сожалению, не могу вам уступить это место, поскольку пригласил сюда девушку, и нам очень нравится здесь.

– Ну, ладно, если девушке нравится здесь, она может остаться с нами! – захохотал Мускул Монстр. Остальные угодливо захихикали над его шуткой. – А ты катись отсюда по-доброму, без скрипа и крика!

– Вы – чемпион, знаменитость! Но это не дает вам право унижать других! – возразил я, стараясь образумить подвыпивших бегемотов.

– Как ты разговариваешь с чемпионом, гордостью всей страны? – возмутилась дружно вся честная компания.

– Чемпион-то он чемпион, но вот я не пойму насчет гордости страны? – сказал я язвительно, чувствуя прилив гнева и презрения к этим хамам. – За что вам такая честь и почет?

– Да ты знаешь, несчастный червячок! Я поднял двести пятьдесят килограммов! И весь мир аплодировал мне!

Дверь была открыта, и наша ссора уже привлекла внимание посетителей ресторана. При последних словах Мистера Мускула многие действительно зааплодировали ему.

– Мир совершил очередную ошибку! Потому что от этого нет никакой пользы никому! – сказал я спокойно.

– Но мною гордятся! Моя сила – уникальна, она – достояние человечества! – заорал он, чуть не срывая голосовые связки. – Никто не может поднять такой вес!

– Любой верблюд поднимет в несколько раз больше тебя безо всяких тренировок, безо всяких расходов! И не просит награды, не требует аплодисментов. А от его силы больше пользы людям!

Я не знаю, не понимаю до сих пор, почему я это сказал, и вообще, откуда появились у меня такие мысли. Наверное, в пылу ссоры меня осенила эта истина или вырвалась та накопленная обида за свою погубленную молодость, та зависть этим баловням судьбы, незаслуженно вознесенных на вершину славы и почета, когда, по справедливости, этого должны удостоиться мы, проливавшие кровь в смертельных боях за... Стоп, стоп, я хотел было сказать «За Родину!», но не смог! И от этого еще больше мучился.

Чемпион посинел от ярости и вызвал меня на поединок – драться насмерть, один на один. Здоровяк-спортсмен публично нахамил мне, издевательски вызывал на честный бой, усмехаясь, мол, если не трус! И публика зааплодировала. Понятие честности у нас какие-то странные. Если разобраться чисто по-человечески, по справедливости, то о каком честном бое между спецподготовленным бойцом и простым мужиком может идти речь? Если спортсмен или, хуже того, спецгент, супермен-убийца, годами тренировался, превращая свое тело в живое оружие, а затем выходит на «честный поединок в чистом поле» с нормаль-

ным человеком и сворачивает ему шею или пробивает одним ударом грудную клетку, разве это справедливо? И как быть обреченному на явную гибель бедолаге, имеющему честь и достоинство? Выходить с эдаким монстром один на один – равнозначно самоубийству или в лучшем случае можно рассчитывать на инвалидность, а отказаться под любым предлогом – позор! Вот такой ужасный выбор, и этот хам, прекрасно понимая это, красуется перед дурочками века нанотехнологий, торжествующе играет мускулами перед боготворящими его пацанами-дебилами, высосанными до спинного мозга компьютерными играми в монстров-убийц.

Я был возмущен таким наглым вторжением в мою жизнь. Но вспомнил учение Миямото Мусаси о том, что поднявшийся дух слаб, и опустившийся дух – тоже слаб, а среднее положение – сердце всех положений, взял себя в руки и как можно спокойнее сказал громиле:

– Я предлагаю вам достойную ничью и справедливый мир.

Он дико расхохотался. Вместе с ним смеялись все. Они издевались надо мной. Почувяв легкую добычу, этот хищник решил поиграть, порисоваться перед публикой, подобно Чарыш нойону перед поединком с молодым Аблай ханом.

– Ну, какая может быть ничья между тобой и мной, а? – заорал он во всю глотку. – Если сдрейфил – становись раком и уползай отсюда! Не то все кости переломая!

Я едва сдерживал себя. Бред, абсурд! Я не Геракл, а лишь инвалид! Девушки визжали от восторга, парни галдели. Моя милая, возмущенная, но спокойная, посмотрела на меня выразительно и, четко выговаривая слова, сказала:

– Милый, пойдем домой! Не связывайся с этим монстром. Ты мне нужен живой!

Я был тронут. Обычно существует мнение, особенно в литературе и кино, в нашем общественном сознании, что женщина провоцирует мужчину на невероятные, порою безумные поступки, на смертельную схватку, и это оценивается как проявление любви. А моя любимая хотела лишь одного – уберечь меня от явной гибели.

И она взяла меня за руку и повела за собой. Не тут-то было! Громила резко схватил ее за руку так, что она вскрикнула от боли. Дико тараща глазища, налитые кровью, он процедил сквозь зубы:

– Будешь драться? Или оставишь ее мне?

Посмотрев на его искаженное злобой звериное лицо, я сказал: «О'кей!».

Мы вышли на задворки и начали бой.

Когда медленно сходились, я нанес пару пробных «ударов ломом» по рукам, от которых обычно любой соперник испытывал невероятный болевой шок и отказывался от боя. Но у этого спеца все тело было каменным, и когда он легко отбил мои «ломы» своими ручищами, я почувствовал всю его дикую мощь и ужаснулся. Дело в том, что я одним только таким ударом раскалывал толстенные доски. А ему все было нипочем!

Я решил сменить тактику и хотел завалить его моим секретным «ударом кобры», но он успел уклониться. Я сразу же нанес молниеносный «обратный удар кобры», но и тут он каким-то чудом успел поставить железный блок, затем схватив мою руку, начал уверенно заваливать меня на землю. Отчаянно сопротивляясь, я поддался ему и упал навзничь. Толпа возбужденно гудела, чудовище, навалившись всем телом, приступил к своей страшной работе – схватил мою шею и всей силой своих мощных рук начал сдавливать, пытаясь сломать. Слов нет, этот громила был силен физически, и он наслаждался своей чудовищной силой и показывал всем: «Смотрите, вот какой я! Как я сворачиваю, ломаю этого человека!»

Ситуация для меня становилась опасной, но этому тупому силачу было не под силу победить хитроумного. Да, да, природа наделила меня самым совершенным оружием, имя которому – разум! Когда я поддался его натиску, я просто выжидал момента, когда вступит в силу моя защита «тигрового ужа». В пылу схватки, он, конечно, даже не заметил эту контратаку, и через мгновение обмяк без сознания. Мне оставалось скинуть с себя огромную тушу и для пущей наглядности дать ему пару раз по морде, в то же время незаметно нанести удар Н-частицей совести.

Толпа поклонников умолкла.

Жанмила бросилась ко мне вся в слезах, и мы, взявшись за руки, быстро зашагали прочь.

Очнувшись, забияка начал подниматься, но в тот же миг упал навзничь, закрыл руками голову, прилип к земле и всхлипнул. Это пробудившаяся совесть придавила его, и он сгорал от стыда за свои поганые слова и низменные поступки. Ну что же, случилось то, что должно было случиться – отныне и всю жизнь этот громила будет страдать от угрызений совести! Но все же лучше, чем убить кого-нибудь и тянуть пожизненный срок в колонии строгого режима. А так будет жить нормально, тише воды, ниже травы, и временами стыдиться и стыдиться за свои безумные, дурно прожитые дни...

Мы ушли беспрепятственно. Шли долго, молча, только иногда крепко сжимали друг другу руки. Пришли ко мне домой и остались там жить навсегда.

Эти годы были самыми счастливыми в моей жизни. У нас родился сын, затем дочь. К слову, Жанмила назвала мне под большим секретом свое настоящее имя и рассказала историю своей жизни, о чем, естественно, распространяться здесь не буду. Не торопитесь, господин генерал Янга Ли Мжанба, скоро все станет ясно. Ведь вы же уверены, что тайн, неподвластных вам, не существует.

Но я знаю то, чего не знаете вы.

Мы даже с вами встречались!

Агония

До сих пор вспоминаю наш первый бой с содроганием. Иногда даже снятся мои погибшие товарищи.

В самом начале войны мы попали в засаду. На нас обрушились тонны взрывчатки. Огонь и дым, грохот взрывов оглушили всех.

Все смешалось в этом кровавом калейдоскопе, и мы лежали, слившись с чужой нам землей, с единственным желанием – остаться в живых! Выжить любой ценой!

И вдруг страшный крик человека заглушил звуки автоматных очередей. Этот крик запомнился мне на всю жизнь. Раненый солдат шел в нашу сторону. Левая рука была вся в крови, она была разбита вдребезги и практически оторвана взрывом от плеча. Два санитаря рванули было к нему, но тотчас упали замертво от снайперских пуль. С ними погибла и надежда солдата на спасение.

Мы смотрели на него и беспомощно молились. Он шел с трудом, спотыкаясь, и наконец подошел к каменной глыбе, где занимали оборону командиры. И упал от потери крови. Тут к нему бросились командиры во главе с генералом. Молодой солдат еле поднялся и в отчаянии отрезал ножом свою висевшую на тонком обрывке кожи, словно на нити, оторванную взрывом руку и с размаха, с громким криком бросил ее в лицо генералу. Пролетев, кувыркаясь в воздухе, несколько метров, окровавленная рука попала точно в генерала и шлепнула его ладонью по чисто выбритому лицу!

Мы обомлели и смотрели, вытаращив глаза, а тот даже не моргнул глазом, мне даже показалось, что он принял эту пощечину как должное. Брызги крови залили его лицо и мундир, но он не показал даже ни малейшего признака брезгливости. Видно было, что у этого военачальника каменное сердце и железные нервы, и что он перешел немало кровавых рек вброд! Он что-то буркнул своим офицерам, отдал честь умирающему солдату и быстро улетел на своем бронированном вертолете.

Вскоре подспела помощь, и мы отбросили яростных врагов из ущелья. Потом узнали странноватое имя генерала – Янга Ли Мжанба! Да, да, это были вы! И вы были легендой среди закаленных вояк! Вас восхваляли в основном за отвагу, хитроумие и беспощадность к врагам. Вы были оплотом их надежд и организатором побед. Но мы, молодые, образованные люди, понимали, что именно вы своим героическим безрассудством и бесстыдным хитроумием ведете нас на бессмысленную бойню. И вот, когда при вас погиб молодой солдат, и вы не смогли спасти его, этот столп вашего прекрасного образа сильно пошатнулся. Мы верили своим командирам, военным медикам, санитарам, и вот когда впервые на наших глазах, в присутствии самого Янга Ли Мжанба, эти дикари умудрились уничтожить весь медперсонал и полроты, мы поняли, что нас тоже могут победить, уничтожить, и никто не в силах спасти нас от гибели. От этого понимания острее почувствовали всю жестокость и безумие войны. И если бы я был в сознании, когда оторвало мою ногу, то и я бросил бы ее вам в лицо! Ну что же, сейчас у меня нет под рукой истекающей кровью ноги, но есть другое, более изощренное, грозное оружие. И вот я мечу его в вас!

Либо – либо

Веками святые и мудрецы старались учить человечество уму-разуму, наставляя на путь истинный. Литература и искусство очищали души людей, пробуждая добрые чувства и благие мысли. Но люди так и не усвоили простую истину – не убивать себе подобных, а также всех живых существ!

Великие мыслители и поэты великих народов всегда страдали под гнетом некой вины. Они мучились в своих духовных исканиях, размышляя о бренности бытия и вечном смысле жизни. Но, мне кажется, что основная причина их страданий кроется в другом. Ведь всегда многочисленные народы, могущественные государства покоряли, завоевывали малые народы и бессовестно угнетали, унижали их, порой даже просто беспощадно истребляли. Тому примеров предостаточно. Так вот, эта пролитая кровь и мучает совесть народа-завоевателя. А поэты, да и все высокосознательные и тонкочувствующие люди и есть совесть народа. Вот такая она, запутанная сложная истина: политики вытворяют – поэты страдают.

А ведь кровь и слезы безвинно убиенных народов не исчезают бесследно – они возвращаются к виновным, требуя возмездия, и мучают их души вечно.

Разве не проклинают угнетенные, униженные, порабощенные народы насильников?

Наверное, поэтому нет спокойной жизни в мире!

Я думаю и мучаюсь, но никак не пойму, почему горстка людей, иногда даже один человек, принимают политические решения, которые несут народам мира страдание и несчастье? Почему целые народы, страны отдают бразды правления единичным лидерам?! Попробуйте осмыслить всю историю человечества чуть по-другому, с позиции нравственности, совести и справедливости, и наверняка вы содрогнетесь от ужасных деяний хвалёных исторических лиц.

И даже сегодня в моде странное устремление к лидерству. Везде и всем дается эта установка, идет реклама, агитация – будь лидером! А что будет, если все многомиллиардное человечество сломя голову будет стремиться только к лидерству? Когда, к примеру, вы решили стать лидером, вы не спрашивали у меня, у других, у человечества, согласны ли мы принять ваше лидерство? Значит, если мы не согласны, то вы будете насильно подчинять нас своей воле. А если вам встретится такой же лидер, как и вы, то беды не миновать. Я думаю, что все просто: все люди сами себе лидеры, и что не надо никого подчинять себе, тем более, насильно, если хотите мира, согласия и гармонии на земле.

Я много раз непринужденно беседовал с большими политиками всех мастей и в итоге этих разговоров пришел к некоторым общим выводам, и выводы эти далеко неутешительные, а то и плачевные. Хотя сами эти политики люди весьма неплохие, а то и просто великолепные, деяния их основывались на желании принести пользу. Полезность, выгода – вот путеводящая нить их политики, суть жизни. Вроде бы нормально, да? Но если «зреть в корень», как говорил Козьма Прутков, то становится страшно. Потому что польза растаптывает понятия человечности, совести, справедливости. А как быть, если то, что полезно вашей стране, вашему государству, бесчеловечно в отношении другой страны, другого народа? «Если то, что полезно нам – бесчеловечно, а то, что человечно – бесполезно, мы выбираем пользу!» – откровенно сказали мне господа политики. Это чудовищно, и я, насколько мог, атаковал таких людей Н-частицами совести. Но, к сожалению, всех не перевоспитаешь!

И не менее страшно, когда многие ищут выгоду в угодничестве одному вождю, и ради этого готовы пожертвовать счастьем целого народа, страны! И вот однажды я узнал, что кому-то пришло в голову построить бактериологический завод в центре мирного мегаполиса. А другой додумался до того, что решил захоронить радиационные отходы всего ядерного мира на дне чистейшего глубокого озера. Самое страшное, никто не выступил против таких

решений, последствия которых просто непредсказуемо опасны для жизни. Потому что лидер так решил! Я не смог добраться до этого вождя, а жаль!

Чем дальше двигается человечество в своем развитии, тем страшнее становится его смертоносный арсенал, губительный для всей планеты. И теперь перед родом людским не стоит вопрос как кого победить. Вопрос в другом: либо человечество в погоне за наживой и мировым господством уничтожит земной шар, либо сообща, в мире и согласии, спасет его! Третьего не дано, господин генерал, политик Янга Ли Мжанба!

Исключительные

Конечно, каждый человек, равно как и каждый народ, считает себя исключительным, и это естественно. Бессмысленно это оспаривать, ибо доказать обратное невозможно. А ведь, действительно, каждый человек, каждый народ неповторим, уникален и прекрасен по-своему. Но, считая себя исключительным, предоставьте это право также и другим, то есть, согласитесь на то, что и другие точно так же, как и вы, относят себя к избранным, самым лучшим, любимым созданиям Всевышнего. Пусть считают себя кем угодно – пожалуйста! Только не надо доказывать эту свою исключительность другим, тем более, насильно! И все!

Все жили в мире и согласии, пока богиня раздора Эрида не подбросила золотое яблоко трем красавицам-богиням: Гере, Афродите и Афине с надписью: «Прекраснейшей!» И все, пошло, поехало, началась война, и погибло множество воинов, разрушена Троя! Но люди забыли поучительную трагическую историю, и это яблоко раздора с древнейших времен до сегодняшнего дня преследует человечество, меняя лишь форму. И дерутся народы из-за преходящих материальных благ и непомерных амбиций, глупой гордыни, жестоко уничтожая друг друга.

Стремление к величию не так уж плохо, если вы идете по пути честности и справедливости. Но когда вы возвеличиваете себя, унижая других – это плохо!

А если ваше величие построено на уничтожении других – это преступно!

Как понять, если вы возвышаетесь, растапывая других, хуже того, стоя на костях убиенных, уничтоженных вами людей и племен?!

Как быть человеку, имеющему честь и достоинство, когда его страну порабащают другие страны, колонизируют, диктуют свои условия, растапывают и уничтожают национальные культурные ценности, язык и литературу, традиции, обычаи, притесняют и оскорбляют религиозные

чувства народа? Еще хуже, когда политическое, духовное и психологическое давление переходит в военное насилие, и огнем и мечом сильного уничтожаются целые семейства малых народов. Естественно, подвергшийся с детства таким испытаниям, унижению и гонению человек объективно становится сознательным боевиком-террористом, и без разбора начинает уничтожать представителей страны-насилльника.

Зло порождает зло – это общеизвестно, но почему мирные люди должны страдать из-за непомерных амбиций горстки агрессивных героев?

Однажды я попытался задать этот вопрос двум боевикам-террористам и еле унес ноги. Я их вычислил, встретил по отработанной схеме и попросил подтолкнуть мою коляску. Они нехотя исполнили мою просьбу. Первого я атаковал точно, эффективно, но второй, верзила, заметил что-то подозрительное и грозно надвинулся на меня. Дело в том, что ручки Янгалибуса были расположены с двух сторон спинки кресла, по верхним углам как полудуги и были точно рассчитаны, что возьмется за них только один человек, и тогда, при необходимости, снятая со стопора наружная трубочка чуть-чуть, незаметно прокручивается и срабатывает «Кольцо Борджиа». Но на этот раз первый террорист взялся двумя руками за обе ручки и подтолкнул коляску. А второй, оказывается, взялся левой рукой за его правую руку! Таким образом, атаку принял на себя только один! Я допустил маленькую ошибку, и это чуть не стоило мне жизни! Но неуловимый и непотопляемый, юркий и ловкий Янгалибус выручил меня.

Когда верзила только собирался ударить меня, я включил скорость, и мой верный помощник рванул вперед и юрко помчался по аллее. Террорист было рванул следом, но отстал безнадежно.

Отъехав довольно далеко, я перебрался на другую сторону проспекта и перевел дух. Но не тут-то было!

Отъявленный головорез стал догонять меня на машине. Вот это было весело! Представьте себе, господин Янга Ли Мжанба, как отпетый здоровяк-террорист среди бела дня, в современном городе, на джипе гоняется за коляской инвалида войны! Конечно, машина была быстрее в разы, но

моя коляска – шустрее. Она юрко ныряла в узенькие закоулки, ловко сворачивала за углы, проходила везде, где может пройти человек. А машина не могла проезжать между домами, через дворы. И он наконец отстал и исчез из виду. Я обрадовался, остановился на любимом берегу реки, перевел дух и поблагодарил судьбу и Янгалибуса!

Но на этом не закончилась эта история. Внезапно, из-за бугра выскочила машина и на полной скорости помчалась прямо на меня. У меня оставался только один выход – прыгнуть в реку. И я направил свой Янгалибус прямо к воде. А тяжелая машина верзилы застряла в песке, и он, выскочив из нее, в бешенстве побежал за мной.

Берег был отлогий, ровный, и я без проблем успел въехать в реку. Мой Янгалибус поплыл, подобно Наутилусу, слегка раскачиваясь. Отплыв метров на десять, я оглянулся. Боевик метался вдоль берега, грозно размахивая руками, изрыгал огненные лавы матерщины. Тут я понял, что он не отстанет от меня, и если поймает, то попросту уничтожит. Чтобы решить эту проблему раз и навсегда, я метнул в его сторону свой костыль-копье. Просвистев в воздухе, он воткнулся в песок прямо у его ног. Преследователь в ярости вырвал его, и тут, конечно, «Кольцо Борджиа» сделало свое дело. Разъяренный монстр, высоко подняв костыль-копье, разбежался и замахнулся со всей своей страшной силой. Но я уже направил на него Н-частицы. И он застыл в напряженной позе, как копьеметатель-спартанец на Олимпиаде древней Эллады.

Ну дальше все ясно. Через несколько секунд он упал ничком, уткнувшись широченным носом в песок и так зарыдал, что заглушил всплеск волн могучей реки.

Я спокойно направил Янгалибус к берегу и подкатил к нему. Забрав свой костыль-копье, спокойно удалился. Террорист так и остался лежать на песке, рыдая непрерывно. Видать, слишком тяжелый груз лежал на его совести.

Но ответа на свой вопрос я так и не получил. Может, мы с вами, мистер Янга Ли Мжанба, поищем его?

Мольба

Вначале я молил Всевышнего, чтобы он покарал всех насильников. Я так сильно желал, чтобы те, кто совершал несправедливость и убивал людей, заплатились за это жизнью. Для меня не было иной меры правосудия. Но затем, после прозрения, я стал молить Всевышнего, чтобы он пробудил в людях совесть!

И мне так и хочется перед всем миром спросить вас:

– Как вам не стыдно, господин генерал, уничтожать и унижать народы? А может, стыдно? Тогда остановитесь и решайте все вопросы по совести, разумно и справедливо!

Или не стыдно совсем? И вы будете и дальше нести людям несчастье, смерть и разорение?! Тогда вы монстр, чудовище, который будет проклят навеки!

– Справедливость и совесть?! Да они главные враги цивилизации, прогресса! Они тормоз! Они не дают людям развернуться и двигаться вперед, расти во всю мощь! Они мешают жить! Совесть и разум, справедливость и политика – вещи несовместимые! – думаете вы про себя и усмехаетесь надо мной, считая наивным идиотом.

Но не торопитесь с выводом, ибо настанет время, когда придется за все отвечать.

Иногда полезно, господин генерал-политик Янга Ли Мжанба, посмотреть на себя глазами униженных тобой людей, покоренных и потопленных в крови народов. И подумать, что поработанные и угнетенные народы никогда не будут рады, хоть ты построй для них рай на земле, пока не наступит для них час свободы!

Жить разрешите?

Правда прекрасна до тех пор, пока не касается нас самих.

Мы все любим правду про других!

Но как только начинает раскрываться наша правда, мы всей силой стараемся заглушить, скрыть, уничтожить, обойти ее или в бешенстве восстаем против и загоняем обратно. Но она, правда, непотопляемая штука, и временами всплывает опять, будоражит мысль и напоминает о многом.

Так же, как и всем предыдущим поколениям людского рода, нам с вами придется признать правду, какой бы горькой она ни была. Вся наша и ваша борьба по взаимому уничтожению, да и вся история человечества, направленная на уничтожение и порабощение себе подобных, кажется бессмысленной, жестокой, дикой. Почему, ну почему не приходит озарение всем людям одновременно? Почему нельзя объявить мир и разрешить жить всем народам как им заблагорассудится? Ведь никакие материальные и военные интересы, в том числе нефтяные, не имеют никакого смысла рядом с людской кровью и слезами, по сравнению с той общенародной, общечеловеческой трагедией.

Живите, люди,
Живите радостно, счастливо,
С верой и надеждой,
Любовью, добротой.
Замучились народы
От ненависти кровавой,
Устали солдаты
От непрерывной стрельбы,
Отправьте их домой,
Скорее на покой!

Что находит,
На что наводит
Одинокий пилигрим?
Заройте топор войны,
Идите по тропе мира,
Иначе мы
Времен и народов
Связующую нить срубим,
О люди!
Братья раздорные,
Живите сами,
И дайте жить другим!

Господин генерал!
Разрешите жить!
Я вам – разрешаю!

АЛОГИЗМ

Но как решают люди эту проблему в бурлящем ритме жизни?

Однажды на базаре я увидел слепого. Он стоял около оживленного прохода с протянутой помятой кепкой. Большинство прохожих даже не обращали на него никакого внимания, но некоторые сердобольные небрежно бросали в кепку разные монеты. И вдруг к нему подошел мужчина средних лет, явно выпивший, и отвел слепого в угол. Я как раз проезжал мимо на своем Янгалибусе и невольно стал свидетелем этого инцидента. Мужчина похрустывал перед носом слепого купюрой и охрипшим голосом отрывисто говорил: «Вот, я тебе даю бумажку, а твою мелочь возьму как сдачу!» И с этими словами он выгреб все содержимое кепки, бросив туда какую-то непонятную цветную бумажку. Я сразу понял, что мужчина обманывает слепого, и, вскипев от ярости, бросился к нему.

– Стой, сволочь! Верни деньги! – закричал я во весь голос. Мужчина посмотрел на меня свысока, издевательски ухмыльнулся и собрался уходить. Слепой в растерянности хватал руками воздух. Я разогнал свою чудо-коляску, быстро настигнув обманщика, и со всей силой нанес костью удар – копьём в ягодицу! Мужчина замер сначала, затем медленно повернулся, посмотрел по сторонам отрешенным взглядом, покачал головой и ударил со всего размаха себя правым кулаком по лбу! При этом он издал какой-то странный рычащий звук и подошел к слепому. Выложил все содержимое своего кармана в его кепку, обнял слепого и зарыдал. Слепой вначале растерялся, но потом осторожно похлопал своего недавнего обидчика по плечу.

Я понял суть произошедшего, вздохнул и тихо удалился. Вот вам и история для размышления!

Наши – ваши

Как просто разделить мир на наших и ваших и по мере сил уничтожить не наших – и все счастливы! Но так не бывает, мистер Янга Ли Мжанба, никогда не было в истории и тем более невозможно в современном мире. Нет ни наших, ни ваших! Есть один корабль – планета Земля – в океане космоса, и мы все одна команда, плывущая на этом одиноком корабле в вечность, наша общая задача – сохранить его! Как бы ненароком не взорвать Землю или не уничтожить все живое. Что удивительно, вот я, по-вашему, несчастный калека, опаленный войной, думаю об этом и переживаю за судьбу матушки-Земли, а вы, высокообразованные, продвинутые, так сказать, политики-генералы, вовсе не задумываетесь об этом.

Вы заблуждаетесь, думая: вот запущу-ка я ракету за тридевять земель, разобью в пух и прах плохих людей и установлю мировой порядок! Ан нет, мистер Янга Ли Мжанба, эти залпы возвращаются к вам бумерангом.

Иногда даже бывает так, господин генерал: целишься в чужого, а попадаешь в своего! Что поделаешь: такая вот высшая справедливость Всевышнего, божья кара, закон кармы...

Если беспристрастно изучить историю всего мира с этой точки зрения, то мы начинаем понимать, что насилие и зло, совершенные когда-то одной страной, народом в отношении другой нации, затем возвращались с еще большей силой к этому же народу.

Охота

Я раньше слышал о каком-то секретном оружии массового уничтожения, но не верил в это. Не мог даже допустить мысли, что нормальный, тем более цивилизованный человек, способен на такое. Но после пережитого ужаса той войны я всерьез начал задумываться над этим. По слухам, это оружие фантастического воздействия, радиус поражения – сотни километров, но главное отличие от ядерной бомбы – оно уничтожает только живые существа, то есть население. А все материальные блага остаются целыми и невредимыми. То есть, бросил бомбочку, уничтожил целый народ и пользуйся ихними городами как заблагорассудится! Эта омерзительная идея могла воплотиться в жизнь в головах какой-нибудь сумасбродной, страдающей манией величия группы агрессоров! И я начал активную охоту на создателей оружия массового поражения, чтобы пробудить в них совесть и чувство справедливости. В результате моих устремлений многие ученые отказались от своих фантазмагорических идей, перестали открывать новые виды страшнейших оружий и уходили в монастырь. Некоторые даже тронулись умом, попали в психушку, где под пристальным наблюдением спецагентов читали лекции о духовном здоровье человечества душевнобольным и психиатрам. Это не могло остаться незамеченным, и ваше ведомство и лично вы сами, мистер Янга Ли Мжанба, начали активный поиск той таинственной силы, которая оказывает такое эффективное влияние на могучие мозги этих гениальных ученых. Но я был неуловим! Я все время находился рядом с вами, на виду, и в то же время был недосягаем для вашего могущественного ведомства. Вся ваша разведка со сверхсовременными установками не могла обнаружить и поймать моего Янгалибуса, юрко лавирующего среди мутного потока современной жизни.

Ваше величие...

Господин генерал – политик Янга Ли Мжанба, я хочу вам задать прямой вопрос. Ответа, конечно, я не услышу, но вы можете ответить хотя бы себе, честно и по-военному прямо.

Ваше величие построено на унижении других?

Вы возвеличили себя, принижая других? Чем ниже другие, тем вы кажетесь выше?

Унижая других, вы унижаете себя?

А может, ваш ум, ваша сила направлена на уничтожение других?

Уничтожая других, вы уничтожаете себя!?

Было бы очень интересно послушать публичный ответ боевого генерала и хитроумного политика. Но, полагаю, что ответы заложены в самих вопросах, и все ясно даже без вашего откровения. Буквально сейчас вы поймете, почему я вам задал эти вопросы...

Однажды я выследил супертеррориста одного из радикальных международных организаций. За ним охотились спецслужбы двух полушарий около десяти лет, безуспешно пытаясь вычислить и ликвидировать. Мне удалось напасть на его след абсолютно случайно, благодаря своей интуиции и неумной фантазии. Я раздумывал иногда, как бы найти его, и однажды, когда сворачивал на своем Янгалибусе на девяносто градусов налево, меня вдруг осенило: его ищут не там, где надо! Да так осенило, что я повернулся на сто восемьдесят градусов и поехал совершенно в другую сторону. Так точно, его ищут везде, но только не у себя в доме! А ведь он-то может жить вместе с нами, как абсолютно законопослушный, нормальный гражданин, и даже работать на ответственных государственных должностях. Присматриваясь пристально ко всем подозреваемым личностям в правительстве, анализируя весь путь и масштаб злодеяний мистера Икс, я сделал кое-какие выводы и вскоре вышел на след. Действительно, мистер Икс заранее все обдумывал, как гроссмейстер-шахматист, рассчитывал каждый свой и чужой ход, даже вперед,

и был непобедим. Он хорошо знал своих врагов и опережал их. Но он не знал, не мог знать, что за ним начал охотиться хитроумный инвалид войны на своей коляске-крепости Янгалибусе.

Итак, я начал поджидать предполагаемого террориста каждый вечер после работы около выхода. Дело в том, что я точно не знал его. Но знал, что он здесь, и что это один из семи выделенных мною чиновников. Я решил пристыдить их всех подряд, ибо всем им есть чего стыдиться. А самое главное, если найду и ликвидирую в конце концов этого врага человечества, то все мои действия будут оправданными.

Война – это путь обмана, писал Сунь Цзы. Если заходишь с запада, то показывай противнику, что заходишь с востока. То, что можешь, показывай врагу, что не можешь! А что не можешь, показывай, что можешь! Если знаешь себя и противника, то всегда будешь побеждать!

Эту программу великого полководца и мудреца я освоил до совершенства. Она приносила мне почти всегда желаемую победу. Когда вышел первый подозреваемый, я спокойно поджидал его на своем изумительном Янгалибусе. Никто не мог пройти мимо моей чудо-коляски, не обратив должного внимания. И вот, когда высокопоставленный государственный муж проходил мимо меня, невольно задержал свой пронзительный взгляд на Янгалибусе. В это время я тихо уронил заранее приготовленный костыль, который, как я уже говорил, был многоцелевым оружием. Он нагнулся, поднял костыль и вежливо подал его мне. Когда он взялся за костыль, сработало «Кольцо Борджиа». Я молча, кивком головы поблагодарил его, и нанес незаметный удар Н-частицами. Все, дело было сделано, и я преспокойно ждал результата.

Важный госчиновник сделал несколько шагов вперед, затем резко остановился, крепко схватив обеими руками большую, ухоженную голову. Он вскрикнул, начал пятиться назад до того места, где его настиг удар совести. Увидев меня, очень обрадовался и начал изливать свою душу, корить и бичевать себя. Из его возбужденного рассказа стало понятно, что он был завербован иностранной разведкой еще во времена своей учебы за рубежом. Но он, оказывается, не был шпионом, лазутчиком, резидентом в классическом по-

нимании этого слова. Он не добывал тайные сведения государственной важности, не охотился за военными секретами. Его миссия была в том, что он лоббировал экономические интересы завербовавшей его страны в нашем государстве. Теперь внезапно пробудившаяся совесть начала его грызть, и он решил пойти к премьер-министру с повинной. Ну что же, поделом такому чиновнику!

Таким образом заглядывались на мой Янгалибус шестеро из семи намеченных персон, и все поднимали мой многофункциональный костыль и подверглись атаке моего маленького передатчика. Что интересно, им всем стало так стыдно и они признавались в таких преступлениях и грехах, чего я не представлял себя даже в самых смелых фантазиях!

Вторым подошел человек, невероятно обласканный властями. Я часто видел по телевидению его вечно улыбающуюся, самодовольную, немножко рисованную физиономию. Этот почтеннейший джентльмен, которого наш народ так возвеличивал, называл одним из выдающихся патриотов страны, оказывается, всю жизнь преследовал совсем другую цель. Он признался, что всегда бессовестно врал народу, занимался фальсификацией истории в пользу того или другого клана, ущемлял национальную культуру и сеял своими сомнительными, с точки зрения здравого смысла, деяниями семена раздора и недоверия разных регионов страны друг другу. То есть, подрывал целостность нации. Да к тому же был идейным вдохновителем и тайным патроном распространения и пропаганды в кино и на телевидении всякого рода бесстыдства, хамства и насилия. Это с его поддержки молодые сумасбродные режиссеры раздевали на экране миленьких молодух, соблазняли их деньгами и славой на откровенные постельные сцены и показывали всему населению страны как новейшую эстетику цивилизации. А в конечном итоге такие деяния были направлены на подрыв нравственных устоев нации и преследовали конкретную цель: развращать молодежь! И этот почетный гражданин делал это с подачи и по заданию своих могущественных зарубежных покровителей. Теперь, после пробуждения совести, он каялся, да так, что весь почернел! От обычной маски благородного человека ничего не осталось, как будто вся нечисть стекала с его се-

дой головы и покрыла все его тело. Так и ушел, сторбившись, странно пошатываясь.

Через день он выступил по национальному телевидению, откровенно рассказал о своих злодеяниях, призвал всех телевизионщиков и киношников быть совестливыми и публично покаяться.

А третий просто продавал государственную власть, то есть вымогал большие суммы денег за ту или иную услугу. Среди политиков он был не очень заметной фигурой, старался не выступать публично и всячески избегал репортеров, не давал интервью. Особенно он был мастером уклонения от конкретных ответов на спорные вопросы, горячие проблемы. Все это наводило меня на мысль, что не все чисто у этого чистоплюя. И в который раз прирожденная редкая интуиция не подвела меня. После моей атаки он раскаялся и добровольно явился с повинной в прокуратуру.

Четвертый подозреваемый произвел на меня неизгладимое впечатление. Увидев меня, он сбавил шаги, как-то виновато посмотрел на мой славный Янгалибус. Когда я выронил костыль, он искренне опечалился и с особенной чуткостью бросился поднимать его. «Какая добрая компания это правительство! – усмехнулся я про себя. – Сделает человека инвалидом, а потом так жалеет его!» Подавая мой костыль, чиновник не мог оторвать от меня взгляда, глаза его медленно начали наполняться слезами. И его прорвало! Оказывается, он присваивал себе под видом приватизации все, что можно было присваивать, и делал это совершенно законно! Вот такой парадокс – можно обворовывать свою страну под прикрытием закона! Он все эти несметные богатства тихонько переправлял за рубеж, то есть готовился к отъезду из родины. У него были несколько особняков, вилл, коттеджей в разных наикрасивейших местах планеты, особенно в курортных зонах и островах. Вот теперь он раскаялся и признался, что за все время своей работы на государственном посту грабил свой народ. И ушел, поклявшись вернуть все награбленное государству!

Пятый, отмеченный мной как подозрительная личность, проходил мимо меня гордо, с высоко поднятой головой, и даже краем глаз не посмотрел на меня. Надменность и гор-

дыня так и перли из всей его сущности. Я и раньше слышал о нем, что он Нарцисс несусветный и ничто, кроме себя, в этом мире не интересуется его, и никого, кроме себя, он не удостаивает своим вниманием. Но когда увидел воочию его самодовольное, с презрительным выражением лица, во мне закипела вся смешанная кровь востока и запада, и я чуть не метнул в его широченную спину копье-костыль. Но вместо этого с грохотом бросил костыль на тротуар, а он даже не оглянулся на звук. Задыхаясь от злости, быстро сделал дыхание ибуки. Успокоившись, я резко окликнул его:

– Эй, мистер размалеванный! Подойди-ка ко мне!

Неожиданно грубое обращение ударило его как молот по темени. Он аж вздрогнул, нервно повернулся и растерянно посмотрел на меня. Не теряя ни секунды, я добавил:

– А ну-ка, быстро подними и подай мне костыль! Иначе станешь таким же, как я!

Расчет был точным. Изнеженный излишним вниманием и лживыми похвалами манекен вмиг рассыпался от такого наглого вторжения в его картонный мирок, послушно поднял костыль и подал мне. Этого было достаточно, и атака Н-частиц сделала свое дело. В следующее мгновение от его надменности не осталось и следа, он совсем по-мальчишески всхлипнул и начал изливать свою душу. То, что делал он – безобидная игра избалованного ребенка по сравнению с настоящими акулами. Но очень смешная и уму непостижимая игра! Оказывается, этот нувориш Нарцисс делал деньги на всем, к чему имел хоть какое-то отношение. Он ничего не делал бесплатно! Взятки в виде подарков текли к нему рекой. Каждая его услуга имела свою четкую таксу, и никто не мог возразить, осуждать, тем более менять ее. Наш Нарцисс даже дошел до того, о чем настоящий Нарцисс и помышлять не мог. Он решил, раз он любит сам себя, значит, все его любят, должны любить! И эту любовь должны выразить в новеньких хрустящих, зелененьких купюрах. В реальности происходило вот что: Нарцисса приглашают на какое-то семейное торжество, на свадьбу, например. Присутствие популярного чиновника высокого ранга само по себе событие, это поднимает престиж торжества. Он это ясно понимает, поэтому прямо заявляет приглашающему, что будет присутствовать в каче-

стве почетного гостя только в том случае, если ему подарят конверт с энной суммой! А если он еще при этом будет произносить поздравительный, дежурный тост, то, естественно, сумма должна увеличиться в два раза! А если он, высокопоставленный, популярнейший, наикрасивейший Нарцисс будет говорить очень содержательные, интересные, проникновенные слова от души, то это будет стоить втридорога! То есть, он продавал свою душу! И ему платили! Даже охотно, с радостью, ибо это был прямой путь к его завтрашнему покровительству, то есть, форменная взятка!

И вот теперь пристыженный Нарцисс, весь в слезах, признавался во всем этом, раскаивался и обещал исправиться! Ну что же, тоже неплохой результат!

Шестой была золотая леди – бизнес-вумен. Чеканный стук ее высоких, прочных каблуков четким эхом отзывался в тиши вечернего сада среди высотных домов, как цокот копыт горной газели на каменистых звериных тропах глубокого каньона. Она бросила быстрый взгляд в мою сторону и прибавила шаг. Милая, недостижимая незнакомка проходила так величественно, что на миг я даже забыл, зачем поджидал ее. Мне немножко стало стыдно, что вот именно ее я подозреваю в каких-то темных делах. Но все мои наблюдения говорили против нее, и в следующий миг я поступил по отработанной схеме. Звук упавшего костыля заставила ее обернуться, и с женской отзывчивостью она нежно подала мне костыль. После Н-атаки, в отличие от мужчин, она не стала поспешно раскрывать свою душу, а задумчиво задержалась возле меня. Затем заговорила тихим, чарующим голосом.

Оказывается, она искусно стравливала мужчин-политиков и бизнесменов, используя изоощренные приемы клеветы, оговора и раздора, сталкивала лбами уважаемых в народе личностей. В итоге те возненавидели друг друга и начинали междоусобную грызню, подставляли и сажали друг друга в тюрьму, что в конце концов привело к ослаблению элитного потенциала страны.

Выговорившись, она глубоко раскаялась и ушла, объявив о своем намерении исправлять ситуации, созданные ею. Как это у нее получится, известно только ей. Ну, непостижимая штука, эта женская логика!

Вот так-то, господин генерал! Почетные фигуры, занимавшие ответственные высокие посты в правительстве, оказались на самом деле не теми, за кого себя выдавали. Теперь все они разом признавались в своих злодеяниях, раскаивались и всю жизнь будут испытывать угрызения совести. Между прочим, без угрызения совести не будет и очищения души от грехов, так что мой метод борьбы в этом плане просто необходим! Я очень рад и благодарен судьбе и небесам за то, что они меня вразумили не уничтожать людей, а пристыдить их. Да, действительно, сколько крови и греха было бы на мне, если бы я убивал всех виновных.

Наконец попался мне и седьмой кандидат. Он был какой-то невзрачный, подошел как-то незаметно, и я, утомленный бесконечными однообразными ожиданиями, предавшись своим размышлениям о всечеловеческой сущности бытия, подобно суфию, одиноко сидящему в трансе в тени древнего глиняного мазара, прозевал его появление. Да так и прошел бы он мимо, если бы не вмешался его величество случай. Но, как говорят китайские мудрецы, случайности не случайны.

Худенький, в очках, похожий на учителя музыки, он вдруг резко обернулся ко мне. Дело в том, что тут зазвонил мой телефон, и его особый рингтон привлек внимание подозреваемого. Звонила моя любимая Жанмила, но я не смог ей ответить, так как «музыкант» уже подошел ко мне.

– Простите, пожалуйста, – сказал он подчеркнуто вежливо. – Что за оригинальная музыка? Откуда она у вас? Я ничего подобного раньше не слышал!

– Это – домбра! Симфония... кюй древних кочевников ковыльной степи!

– А можно, я перепишу ее?

Этого я не мог предвидеть в самых смелых мечтаниях – крупная добыча сама шла в мои сети! Я быстро сказал «пожалуйста!», но, естественно, не торопился вручить ему свой айфон, а вежливо попросил передвинуть Янгалибуса чуть в сторону. Когда он взялся за ручку коляски, автоматически сработало «Кольцо Борджиа», а я незаметно направил на него порцию Н-частиц. Он слегка покачнулся, покачал головой, весь как-то съежился и размяк.

Буквально в следующий миг он сделал несколько звонков по телефону и с жаром отменил какие-то серьезные дела. Потом взялся за ручки Янгалибуса и тихо покатил меня к берегу реки. Глядя на то, как он бережно, даже нежно обращается с несчастным инвалидом, никто бы не поверил, что это один из самых опаснейших террористов планеты. Он отвел меня в безлюдное место и начал изливать свою преступную душу. От его рассказа мурашки бегали по спине!

Он, оказывается, собирался взорвать несколько вокзалов одновременно по всей нашей стране. И когда пробудились у него совесть и чувство справедливости, он испытал невероятный шок и пришел к выводу, что его кровавая борьба бессмысленна. И он дал отбой!

Он был очень взволнован и искренен. Говорил отрывисто, с жаром. Вечерело. Я уже начал беспокоиться и искал повод отвязаться от назойливого прилипалы. И тут прибежала моя любимая Жанмила.

Обеспокоенная молчанием моего телефона, она с нашими детьми приехала на такси в то самое место, где я каждый день охотился за своими клиентами. Конечно, она об этом не знала, и когда провожала сюда или встречала меня здесь, то думала, что я просто прогуливаюсь вдоль берега реки. И вот сейчас она, по обыкновению, быстро нашла меня. Дети весело шумели и бросались обнимать меня. А Жанмила, счастливая, радостная, смотрела на нас со слезами на глазах.

Вот тут-то произошло невероятное! Мы, радостные, даже не заметили, что прозревший террорист исчез куда-то. Вдруг он вернулся на красном, красивейшем лимузине. Обливаясь слезами, он подарил этот лимузин мне! Я отказывался как мог, но он просто оставил машину и ушел пешком.

В принципе, она мне и не нужна по понятным причинам. Но, что поделаешь, случилось так, что машина махрового террориста очень понравилась моей любимой Жанмиле. Она решила, что это подарок какого-то доброго господина ветерану, инвалиду войны в знак уважения его боевых заслуг в ратных делах во славу отечества.

Счастливая Жанмила грациозно подошла к лимузину, изящным движением открыла дверцу, повернула голову ко мне и встряхнула длинными волосами так, что они волной по-

плыли по воздуху. Она делала все это ради меня, и мне было любо смотреть на нее. У меня голова закружилась от нежности! Она это почувствовала и, радостная, села в эту славную машину. Посадила рядом доченьку, улыбнулась нам с сыном, помахала рукой и поехала вдоль берега реки. Отъехав несколько сот метров, остановилась на пустом пляже.

И в это время прогремел взрыв.

Мы с сыном застыли на месте от ужаса.

Машина разлетелась на куски. Жанмила и дочь погибли!

Но этот взрыв был не от боевика.

Эта была ваша бомба, генерал Янга Ли Мжанба!

Все-таки вы вычислили! Не меня, а машину террориста!

Они погибли вместе, сидя в обнимку. Мама и дочка!

Они были вашей...

В этом месте угол листа как-то неаккуратно загнулся. А поскольку эти слова были написаны на самом нижнем краю, крохотный изгиб закрывал буквально несколько букв. Но каких! Генерал Янга Ли Мжанба нетерпеливо начал разгибать бумагу. Оказалось, она слиплась. Он кончиком ручки развернул ее и, прочитав, обомлел.

... дочерью и внучкой!

Не поверив своим глазам, пристально смотрел на эти слова и читал, читал!

Они были вашей дочерью и внучкой!

Литеры, отпечатанные на бумаге, холодно, жестоко общались страшную весть, в мгновение ока превратив жизнь преуспевающего вояки-политика в трагедию.

Генерал Янга Ли Мжанба был потрясен. Перед глазами все поплыло. Он заметил легкий, едва уловимый странный запах, но не обратил на это никакого внимания. Отложив письмо, долго сидел молча.

Так вот почему любимая дочь пропала без вести!

Нервно закурил. Прослезился. Посмотрел на часы. До начала атаки оставалось четверть часа.

Генерал Янга Ли Мжанба решительно встал и дал команду «Отбой!»

Ему стало страшно стыдно...

31.07.2013 г. — 30.07.2015 г.

ЛЕГЕНДЫ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

АБЛАЙ ХАН
и его
БАТЫРЫ

Повесть-легенда
для детей и юношества

От автора

Эта повесть основана на исторических преданиях и легендах казахского народа, записанных в свое время Чоканом Валихановым, Маихур-Жусуп Копеевым, Шакаримом Худайбердиевым и другими видными казахскими этнографами. Но она является также художественным произведением, что позволило автору некоторые вольности в трактовке и своеобразном осмыслении событий далекой эпохи.

Беспечный

Это было в первой половине восемнадцатого века. Время было беспокойное, более ста лет шла война между казахским ханством и джунгарской ордой.

Но этот старинный город в глубине южной окраины Великой степи не знал войны и жил своей обособленной жизнью...

Ласковые лучи восходящего солнца мило разбудили ханзаду Аблая. Счастливый мальчик, радостно потягиваясь, долго нежился в мягкой постели. Ему было двенадцать лет. Растущее тело излучало силу и здоровье, в больших черных глазах светились ясный ум и душевная чистота.

Город давно проснулся, его улицы вовсю кипели жизнью. Ханзада любил этот древний город, которым управлял его отец Вали Прекрасный – так прозвал своего правителя многоликий городской люд за добрый нрав и благородный облик.

Вошла мать Аблая. Как все матери, она очень любила своих детей и, как все дети, Аблай считал, что она любит его больше всех. Для него она была необыкновенной, самой чудесной матерью на свете. И когда она прижимала его к своей груди, ласково гладила по голове, ханзада забывал обо всем на свете, чувствовал себя совсем маленьким ребенком и от счастья у него кружилась голова.

– Да сохранил тебя Аллах! – тихо прошептала она.

Ханзада быстро собрался и отправился в город.

День, насыщенный учебой в медресе у бородатых мудрецов в больших, как белые облака, чалмах, чтением в библиотеке и упражнениями в боевых искусствах под руководством Ораз аталыка, пролетел незаметно...

Уставший от дневной суеты и занятий, ханзада выпил пиалу кумыса и лег в постель. Но ему не спалось, и при свете медной лампы он начал читать старинную рукописную книгу об управлении государством и военном деле на шагатайском языке, написанную красивой арабской вязью на пергаменте. Мысли древних политических деятелей и военных стратегов так завладели мальчиком, что ханзада возомнил себя выдающимся правителем и полководцем, живо представил себе, как будет мудро действовать в тех или иных исторических обстоятельствах.

Так и заснул, качаясь на волнах необузданных детских фантазий...

Атака

Предрассветный сладкий сон города нарушили гулкий топот копыт, дикие крики и лязг оружия. Тысячи и тысячи всадников с шумом носились по городу, как свирепый смерч, не оставляя без внимания ни одну улочку и переулок. Это был ураган смерти – джунгарские завоеватели, ударившие внезапно и коварно.

Успевшие выскочить горожане оказывали отчаянное сопротивление.

Полусонный Аблай кое-как натянул одежду, схватил кинжал, но не решился выбежать на улицу, где шла резня. Враги, уничтожив горстку выскочивших на улицу храбрецов, уже врвались в дома. Стоял невыносимый, душераздирающий шум – плач, стоны и проклятия погибающих мирных горожан смешивались с дикой бранью и боевым кличем ликующих джунгар.

Вдруг растерянный Аблай увидел в проеме двери огромную тень, двигавшуюся прямо к нему. «Конец!» – подумал мальчик, остолбенев и мгновенно покрывшись холодным потом.

Тень приблизилась прямо к нему. Ханзада встрепенулся и вырвал кинжал из ножен.

– Аблайжан! Айналайын! – облегченно произнесла «тень». – Слава Аллаху, ты жив!

Это был добрый, преданный слуга Вали хана Ораз аталык. Он назвал мальчика почти по-родственному, а ни как положено по этикету: «таксыр».

Аблай схватил его сильную руку.

– Что случилось? Что делать?! – в страхе воскликнул он.

– Ужасно, ханзада! Нас застали врасплох! Наверное, в городе были лазутчики джунгар, и они открыли им ворота! Большинство наших погибли!

– Где отец? Мать, братья? Живы?

– Не знаю, – тихим голосом сказал Ораз. – Из этой бойни убежать невозможно! Надо хорошо спрятаться! Но только не здесь. Скоро сюда придут! Идемте быстрее!

С этими словами он потянул Аблая к выходу. В это мгновение просвистела вражеская стрела и вонзилась в стену, где только что стоял Аблай.

– Всевышний сохранил вас! Иншаллах, вы будете спасены!

Ханзада был тронут душевным порывом Ораза, но не подал виду, лишь пробормотал: «Аминь!»

Пробираясь на ощупь потайным ходом, в темноте натываясь на трупы, они вышли на мрачную, тихую улочку. Светало, но рассвет был угрюмый, тяжелый. Сердце мальчика бешено колотилось, и ему сейчас сильнее всего хотелось нырнуть в свою теплую пуховую постель. Но кругом лилась кровь, свистели стрелы и сверкали сабли, сея смерть и страх. Сжимая сильную руку Ораза, ханзада крепко стиснул зубы и твердо шел за ним.

Перебегая от закоулка к закоулку, они вышли на задний двор чайханы. Неожиданно вынырнули из полумрака два всадника и бросились к ним. Но большой, храбрый Ораз молниеносно взмахнул правой рукой, и его острый, короткий найза пробил насквозь горло первого всадника. Мальчик видел четко, как враг в страшных судорогах, захлебываясь собственной кровью, свалился с лошади. Это была первая смерть, увиденная Аблаем. Он обомлел.

В это время второй всадник на полном скаку с размаха рубанул саблей Ораза, но тот ловко увернулся от удара и в прыжке схватил джунгара, вырвал из седла и всадил кинжал по самую рукоять в горло противника. Алая кровь человека, хлынувшая из глубокой раны, залила Ораза с головы до ног.

Послышались шум голосов и стук копыт. Аблай понял – враги приближаются.

На какой-то миг он и Ораз замерли в ожидании конца...

Ярость

И вдруг Ораз аталык увидел перевернутый черный тайказан и его осенило.

– Скорее, ханзада! – шепнул он. – Я вас спрячу под этим черным казаном. Авось, враги не заметят!

Аблай усмехнулся:

– Ханзада под казаном!?

– Издревле казан считается у казахов священным! Всевышний привел нас сюда в этот час испытаний!

С этими словами Ораз поднял край тайказана и спрятал Аблая под ним.

– Я буду рядом! – шепнул он на прощанье. – Самое главное – спокойствие!

– Ох, как тесен мир! – вздохнул Аблай с горечью, скрючившись под казаном. – И как превратна судьба!

Еще вчера ночью он долго глядел на небесный купол, его мысли парили ввысь, к далеким звездам, и чувствовал он себя владыкой мира! Теперь его небесным сводом стало дно перевернутого казана! Ночью он лег в пышную, мягкую постель, а утром лежит на голой, холодной земле, укрывшись старым черным котлом! И он не владеет даже этой тесной площадью: в любое мгновение могущественные джунгары могут перевернуть казан – и тогда конец!

Постепенно мрачные мысли начали рассеиваться. Под казаном было довольно просторно – во всяком случае Аблай мог переворачиваться с боку на бок, лежать на спине, согнув ноги. Между неровной землей и краями казана кое-где оставались щели и пробивался свет, доносились звуки ожесточенной схватки. Шум борьбы приближался.

– Проклятые собаки! Все равно вам не победить!

– За нас еще отомстят!

Судя по голосам, на улице отчаянно сражались несколько казахских воинов. Джунгары дружно заготовали.

– Ха-ха-ха! И кто же будет мстить за вас? На кого вы надеетесь?

– Уже никого не осталось в живых! Мы вырезали всю семью вашего хана и всех султанов, всю знать! Великий нойон Чарыш велел истребить всех! Так что, прощайте!

Вскоре шум сражения стих – все было кончено. Несколько стрел звякнули по казану. Сердце Аблая, обливаясь кровью, бешено колотилось: страх и ярость боролись в душе: то ему хотелось выскочить и закричать: «Я есть! Это я отомщу за всех!» – и броситься на врага, и резать, резать их! Ему так хотелось схватить этого предводителя Чарыша и оторвать ему голову. Но он ясно осознавал, что бессилён что-то изменить, что сейчас бессмысленно кидаться со своим маленьким, красивым кинжалом на полчища джунгар. Его детская душа разрывалась на части: он ясно понял, что все – отец, мать, братья и сестры, вся родня погибла! Из всего рода он остался один! И он должен выжить!

Ему становилось еще страшнее от того, что джунгары рядом, и они могут в любой миг его обнаружить. И он прижимался к земле, боясь даже свободно дышать.

Эти мучительные мгновенья тянулись медленно, казалось, они никогда не закончатся.

Постепенно воцарилась тишина. Обессиленный от потрясений мальчик невольно забылся сном...

Проснулся он от легкого прикосновения чьей-то руки. Кто-то, приподняв казан, тихо будил его. Было уже темно, но Аблай сразу узнал Ораза. Он вспомнил все и молча встал.

– Я все время был рядом с вами, ханзада, – тихо прошептал Ораз. – Лежал, как убитый, меж трупами. Теперь надо скорее уходить в степь!

О лошадях даже не думали. Во-первых, достать коней без боя было невозможно, а вступать в бой сейчас было бы безрассудством. Во-вторых, наездников враги заметят сразу и наверняка не упустят. Поэтому пешие, растворяясь в темноте, долго блуждали они по разрушенному городу, обходя опасные места.

Как ни старался смекалистый Ораз, но все-таки избежать столкновения не удалось. Уже на окраине города, почти в степи, невесть откуда выскочили трое всадников и пустились прямо на них.

– Уходите незаметно! Прощайте! – с жаром шепнул Ораз и бросился наутек. Джунгары азартно погнались за большой дичью, не заметив юркнувшего за угол птенца.

Дико озираясь по сторонам, спотыкаясь и падая, долго бежал ханзада и, наконец, оказался в открытой степи.

Вольный ветер степи взбудрил беглеца. Дышалось легко и свободно. Бескрайняя, темная даль таинственно и властно манила к себе и в то же время пугала.

Никто

Он понял, что остался один на один с Великой степью. Лицом к лицу с суровой жизнью.

Совершенно один. Без отца и матери. Ни с кем и ни с чем.

Бедный и голодный в темной ночи. Ему стало не по себе.

Луна то бесстрастно глядела на него со своей небесной высоты, то стыдливо пряталась за толстыми тучами. Далекие звезды сверкали ярко и холодно. Они не грели его душу как прежде.

Он потерял все, абсолютно все. Родных, близких, покой и уют, богатство и почет. Самое страшное – он потерял будущее.

Казалось, все ясно: подрастет ханский сынок, преспокойно сядет на трон отца и будет править страной по справедливости, а то и по своему усмотрению. Лишь бы подрасти – и все готово! Но людям не дано предвидеть превратности судьбы. И вот он, лишенный вмиг всего, стал безымянным бродягой. Отныне он, ханзада Аблай, долго будет блуждать в безбрежном океане жизни человеком без роду и без племени. Называть свое имя и происхождение очень опасно, да и кто поверит ему?!

Ханзада упал ничком и, обняв седую степь, горько зарыдал. Плакал долго, вволю, не стесняясь себя. Его плач случайно могли услышать враги. В любое мгновение из тьмы могла вылететь каленая стрела и оборвать тонкую нить жизни мальчика. Но он не думал об этом. Жизнь для него потеряла всякий смысл. Его раненной душе так хотелось улететь птичкой в небо, мышонком забиться в норку, рыбкой уплыть в океан, зверьком убежать в лес, исчезнуть, раствориться в воздухе.

Но это был не сон. И не сказка. Эта была жестокая жизнь, от которой никуда не убежишь.

– А может, – судорожно подумал он. – Назло всем взять и умереть! Покончить собой?! Вот вам будет всем, всем... – злорадствовал он, сжимая серебряную рукоять кинжала...

В холодную ночь, окутанный тьмой, лежал Аблай в степи, тяжкие мысли пригвоздили его к ковыльной земле.

«Ну и чего ты добьешься? Кому нужна твоя бесславная, позорная смерть в кустах?! Да и вообще, что за чушь – покончить собой? Нет, никогда я не убью себя! Я – человек, я ханзада, и буду драться за жизнь до последнего вздоха!»

И он остро, ясно осознал, что теперь он должен бороться за все то, что мог иметь легко, по наследству. За свободу, за славу, за трон!

«Но как? Как бороться? Что делать?»

Жестокие вопросы бытия впервые навалились на маленького Аблая и жгли его душу.

Но в первую очередь он должен просто выжить!

Многому учили маленького ханзаду при дворе хана Вали, в славном городе ученых и ремесленников. Под руководством Ораз аталыка и других опытных наставников он изучал религию, философию, языки. Он умел играть на домбре и кобызе, владел оружием, умел общаться и управлять людьми. Но его не учили простому выживанию. Со всеми своими прекрасными знаниями он не мог добывать себе обыкновенную пищу, не мог ориентироваться на местности в темноте, да и днем, не умел развести огонь, найти воду, построить жилище, не умел жить в степи простым кочевником. Все эти уроки теперь собиралась преподнести ее величество жизнь!

«Ох, как тяжело мне! – вздохнул ханзада Аблай. – И никто не поможет!»

К его счастью, у него были прирожденный ум и отважное сердце.

«Но почему кто-то должен тебе помогать? – поспорил он сам с собой. – Не-е-ет, не надо надеяться на других. Сам, только сам должен помогать себе! Разве великому предку Чингисхану было легко, когда он остался сиротой среди своих гонителей? Чингисхан с честью выдержал все испытания судьбы, поднялся сам на вершину власти и поднял свой народ. И я поднимусь!»

Ханзада поднялся и направился на север, как сказал Ораз аталык, строго в сторону Темирказыка. Он шел всю ночь, уходя все дальше и дальше от опасных мест.

Гибель

Днем было опасно идти по открытой степи. Измученный и голодный мальчик спрятался в глубоком овраге, заросшем жусаном и ковылью. И хотя голод и жажда мучили его, он так устал, что вскоре крепко уснул.

Вдруг ханзада проснулся в тревоге.

Вечерело. Далекый, неясный гул надвигался из глубины степи.

Гул нарастал быстро, и вскоре ханзада начал улавливать топот копыт и крики людей.

Из-за бугра выскочила кучка всадников и стремительно пронеслась вдоль оврага. Вначале Аблай с детской наивностью подумал, что это байга или кокпар, и его сердце наполнилось радостью и азартом. Но посмотрев повнимательнее, он понял, что это не байга, а бойня. Довольно солидная группа воинов гналась за одиноким всадником и постепенно настигала его.

Один из самых прытких преследователей почти достал его длинным копьём, но беглец, ловко увернувшись от острия, наотмашь рубанул саблей. Копейщик, скорчившись, слетел с коня.

Через мгновение беглец совсем приблизился к тому месту, где прятался ханзада. Белый тулпар был ранен, залит кровью и, кажется, совсем обессилен. Гонители настигли его и быстро окружили. Беглец резко осадил коня и решительно встретил врагов лицом к лицу.

Преследователи остановились как вкопанные. Это были джунгары. Сверкая огромным алдаспаном, одинокий воин устрашающе гремел по-казахски, сотрясая тихую степь боевым кличем: «Жекпе-жек! Жекпе-жек!»

Джунгарские воины заматались. Видать, им были знакомы мощь и ярость загнанного казахского батыра. Они переглядывались между собой, советовались. Аблай ясно видел и слышал все, ибо они находились на расстоянии броска аркана.

Он весь съезжился, лежал неподвижно, тихо, боясь даже шелохнуться. Как повезло, что травы родной степи укрыли его в этом древнем овраге.

– Ну что, джунгарские удальцы, среди вас нет достойного воина? Или вы не отважные волки хунтайчи Галдан-Цере-на, а свора жалких псов?! – взывал батыр.

Вперед выступил джунгарский воин на гнедом жеребце с большим щитом, в полном вооружении. Джунгары кричали, подбадривая шерика. Батыр молча двинулся навстречу. У него не было другого оружия, кроме алдаспана и щита. Наверное, все остальное вооружение сломалось в бою. Колчан был пуст.

Шерик взметнул было свою саблю, но белый конь резко рванулся вперед, послышался свист алдаспана, и джунгар беззвучно, мягко опустил на ковыльную землю. Ошарашенные враги поникли, никто не уловил взглядом удар батыра. И как бы сговорившись, ринулись толпой на одинокого храбреца. Сеча была молодецкая – сильная, бесшабашная. Удальцы лихо пролетали мимо друг друга, нанося молниеносные разящие удары. Еще несколько врагов пали от руки батыра, но и ему приходилось туго. Опытный боевой конь, делающий точные движения в нужный момент, угадывая замыслы хозяина интуитивно, явно начал сдавать. Истекая кровью, он уже еле держался на ногах. Не сумевшие поразить самого батыра, искусно отбивающегося щитом и молниеносно рубящего длинной саблей, хитроумные враги беспощадно кромсали безвинное животное. Да и у самого батыра кольчуга была разорвана в клочья, подобно старой тряпке, по всему телу текла кровь. Как стая голодных гиен, кидались джунгарские воины на одинокого раненого льва. Казалось, что он вот-вот рухнет вместе с лошадьёю, но батыр стоял крепко, насмерть и зарубил еще несколько врагов.

Вдруг весь шум перекрыл чей-то зычный окрик: «Хай-хай-хай!» и все замерли. Никто не заметил появления огромного воина на черном коне. Черная накидка развевалась, придавая ему таинственную, жуткую мощь. Он казался отлитым вместе с конем из черного чугуна. Толстый, длинный айдар, подобно удаву, обвивал его мощную шею, широкий нос, крупные скулы, острые, нахальные глаза выражали кру-

той нрав и отвагу. Сблизившись с воюющими, он заговорил громовым голосом.

– Ну что, луноподобные ойроты, возитесь с этой казахской собакой? Жду не дождусь, когда вы привезете мне его голову! – Осмотрев место побоища, он присвистнул. – Па! Видать, нарвались на казахского батыра! Ох, как мне повезло! До смерти люблю я сворачивать шеи этим бродячим скотникам и отрывать... отрывать их бесконечно глупые головешки! Ха-ха-ха!

Джунгары хором загоготали: вскидывая копья вверх, чувствовали своего предводителя. Окровавленный казахский батыр, окруженный джунгарскими воинами, гордо произнес:

– Ты бы лучше подумал о своей косматой грязной голове! Вовеки тебе не смыть с нее кровь невинных жертв! И проклятие народа вобьет ее в землю!

– Хай-хай-хай! – закричал предводитель страшным голосом. – Сейчас посмотрим, чья голова покатится по ковыльной степи!

Он прогарцевал, делая круги перед воинами, накручивая себя и наполняясь гневом и ненавистью. Его закаленное степным ветром и знойным солнцем дубленое лицо стало еще темнее, раскосые глаза налились кровью. Странно, но его черный конь тоже начал беситься, бил огромными копытами землю, тараша глаза, грыз удила, стараясь сорвать уздечку. Наконец джунгар заорал на всю степь:

– Хай-хай-хай! Поединок! Я, Чарыш нойон, великий воитель гордых ойротов, племянник солнцеподобного хунтайчи Галдан-Церена, вызываю тебя, казахского батыра, на смертельный честный бой! Если ты победишь меня, клянусь, мои воины отпустят тебя на все четыре стороны!

Джунгары расступились, освободив место для боя.

Аблай чуть не присвистнул. Так это и есть сам Чарыш нойон!

«Ничего не скажешь, соблюдает закон чести степных героев! – подумал ханзада. – Но его честность относительна. Разве полный сил нойон и израненный батыр на измученном тулпаре в равных условиях?!»

Но батыр принял вызов с достоинством. С возгласом: «Аруах! Аруах!» он пришпорил коня. Измученный белый

тулпар каким-то недоступным разуму чудом почуяв решительный бой, встрепенулся, изменился на глазах. Это был настоящий боевой конь, крылья джигита, готовый на подвиг.

С яростным криком, с дикой необузданной страстью и силой набросились друг на друга два совершенно незнакомых человека из разных стран. Первая же их встреча в этом бренном мире, где все люди должны, обязаны быть братьями, несла смерть и горе. Не было у них личного счета, они принадлежали разным народам, и должны были сидеть у костра и мирно делиться едой и добрым словом, украшая мир добротой, живя в дружбе и во взаимоуважении. Какие это были бы великие друзья! Нет, они жаждали крови, и причиной всему было желание одних господствовать над другими. И казах был тысячу раз прав, потому что он защищал свою Родину, свою свободу, честь и независимость. А джунгар был тысячу раз не прав, ибо он хотел завоевать чужую землю, поработить другой народ.

Но воины, не задумываясь об этом, наносили друг другу молниеносные яростные удары острыми клинками. Отбиваясь щитами, они показали всем, что достойны друг друга. Иногда казалось Аблаю, что они вот-вот убьют друг друга, и тогда он закрывал глаза. Его детская душа возмущалась, противилась, не воспринимала кровопролития, но реальный мир диктовал свои жестокие условия. Ему хотелось выскочить из оврага и драться с джунгарами, помочь одинокому батыру, но какая-то неведомая сила давила на него, не давая сдвинуться с места. Он сознавал, что его время еще не пришло. Ему оставалось лишь молча наблюдать и запоминать.

Солнце уже заходило за горизонт. Красный закат казался зловещим, небо давило необъяснимой жутью. Чарыш ноян, поняв, что саблей ему не одолеть противника, взял длинное копьё и на полном скаку вонзил ее в грудь белого тулпара. Благородное животное пошатнулось, тихо заржало и рухнуло за смертью. Батыр только успел вскочить на ноги, и тут Чарыш нанес ему сокрушительный удар копьём в грудь и пробил насквозь. Огромным усилием воли батыр устоял на ногах, но в следующий миг потерял сознание и повис на копьё.

Под ликующие возгласы своих воинов окрыленный Чарыш ноян, сидя верхом на коне, поднял окровавленного батыра на копьё высоко над головой.

– Хай, хай, хай! – восклицал он.

Джунгарские воины дружно скандировали.

– Эй, батыр казах, как ты там, а!?

Саркастический вопрос нояна вызвал громкий хохот. И вдруг батыр открыл глаза. И произнес хрипло, но отчетливо:

– Проклятая джунгарская собака! А я все-таки выше тебя!

И замер. Все обомлели. Чарыш ноян досадно покачал косматой головой и осторожно опустил тело погибшего на землю.

– Похороните его! Он достоин уважения! – сказал он глухим голосом.

Полсотни воинов быстро похоронили своих и отдельно – казахского батыра, предварительно разобрав все пригодные вещи. Алдаспан забрал сам Чарыш ноян.

Аблай тихо плакал в овраге. Когда джунгары скрылись за горизонтом, и наступила ночь, он вышел из своего укрытия и подошел к могиле.

Прочитав молитву, долго сидел ханзада у могилы неизвестного батыра. Потрясенная детская душа переживала глубокие, доселе неизвестные чувства. В ней происходило что-то сверхважное.

Свет ясной луны щедро разливался по степи, редкое белое облако медленно уплывало вдаль, ввысь, и Аблаю казалось, что это душа батыра. Он чувствовал свое родство с ним. Сердце его переполнилось печалью, он воздел обе руки к небесам и твердо произнес:

– Я, Аблай, сын Вали хана, клянусь никогда никого и ничего не бояться, бороться за свободу и счастье своего народа, не щадя сил и своей жизни! Аминь! Аллах акбар!

Он провел обеими ладонями по лицу. Затем решительно поднялся и твердо зашагал навстречу опасностям и приключениям, навстречу своей судьбе.

Аталык

К вечеру второго дня в степи ханзада почувствовал, что кто-то крадучись, неотступно следует за ним. Нет, ни малейшего шороха не было слышно, но ханзада нутром улавливал чей-то пронизывающий взгляд. «Быть храбрым мало, – вспоминал он наставления Ораз аталыка. – Надо быть хитроумным!» Поэтому внешне он оставался спокойным и шел как прежде.

Солнце село. В сумерках степные силуэты преображались, становились многозначными. Даже прошлогодние перекати поле, зацепившиеся за травы, иногда казались то грозными врагами, то хищными зверями.

Вдруг один из них действительно ожил, и, зарывав, выскочил перед мальчиком. Это было огромное, покрытое шерстью лохматое существо. «Жезтырнак или жалмауыз!» – промелькнула мысль в сознании. Аблай молниеносно вырвал кинжал из ножен и приготовился к бою. Крепко сжимая рукоять кинжала, он зорко следил за противником. Грозно рыча, существо пружинисто кружило вокруг него. Оно, кажется, почувствовало его решительность. Ханзада тоже осознавал свирепость и бесстрашие чудовища.

Два божьих создания, незнакомые доселе, встретившись в бескрайней степи, не могли разойтись мирно, и сразу же решали вопрос жизни и смерти. Взошедший месяц слабо освещал двух непримиримых существ, почему-то не могущих ужиться в необъятном подлунном мире.

Существо в полутемноте долго кружилось вокруг ханзады и, не смея идти прямо на булатный кинжал, потихоньку начало отступать. Наконец оно исчезло из виду, будто растворившись в темноте.

Аблай облегченно вздохнул и вложил кинжал в ножны. Но не мог успокоиться, потому что это было только начало. Чудовище не могло оставить его в покое и наверняка хочет застать врасплох. Аблай решил идти дальше, остерегаясь каждого куста, каждого шороха.

Он шел недолго. На пути лежал невысокий холм.

Он решил устроиться на ночлег на этом холме. Отсюда был хороший обзор, да и подойти к нему незаметным было невозможно. Только надо быть очень бдительным.

Изнуренный голодом и потрясениями последних событий, Аблай невольно заснул. Вдруг он вздрогнул и проснулся. Над ним стояло огромное чудовище. Аблай вскочил, вырвал кинжал и только собирался взмахнуть им, как таинственное существо заговорило знакомым голосом.

– Эй, айналайын! Прежде чем нанести удар, посмотри, кого бьешь!

Это был Ораз аталык!

Радости ханзады не было предела! Они крепко обнялись.

– Я уже оплакивал вас! – тихо произнес наконец Аблай, когда пришел в себя.

– Значит, долго буду жить! – громко засмеялся Ораз аталык.

– Так это чудовище... жезтырнак... жалмауыз... были вы?

– Да! Я хотел посмотреть на тебя, испытать... закалило тебя это лихое время или нет?

– Ну и как? – не без иронии спросил Аблай.

– Неплохо, неплохо! Для начала совсем даже хорошо! Сразу видно – школа! – в тон Аблаю бахвалился аталык и начал воодушевленно рассказывать свою историю. – Ох, видели бы вы, как я надул этих зайсанов! А все дело в том, что земля-то наша, родная! Нам и помогает! И вот я бегу от них, знаю каждый уголок, каждый двор, прячусь где угодно. А они не знают путь и скачут вслепую. До полуночи водил я их по закоулкам, по развалинам, измотал совсем. А под конец по одному перебил всех!

В свою очередь ханзада взалхлеб рассказал о своих приключениях, утаив лишь свою клятву. Это цель и смысл его жизни, и об этом, кроме Всевышнего, никто не должен знать. Ораз аталык жадно ловил каждое слово своего господина и радостно удивлялся перемене в его интонации. Оживленно беседуя, они перекусили последней горстью курта, залежавшегося в кармане аталыка, и двинулись в путь. Им предстояли еще долгие скитания в бескрайней степи в это смутное время, подобно одинокому парусу, затерявшемуся в бушующем океане.

Лохматый

Прошло несколько лет. Ханзада Аблай и Ораз аталык бродили по степи, прячась от джунгар, завоевавших немалую часть казахской земли. Беглецы находили временный приют в разрозненных аулах. Закон степей – гостеприимство кочевников – спасал их от голодной смерти. Пережив таким образом несколько тягостных лет, они пришли к верховному бию Большого Жуза Толе. Толе би принял их. Аблай скрыл свое имя и происхождение, потому что этот казахский край был под гнетом джунгарских захватчиков. И он назвал себя Сабалак, что означало дословно «лохматый».

И пасли они тихо-мирно, незаметно для всех, верблюдов Толе би.

Проницательный би с первого взгляда заметил, что «лохматый» не похож на обычного пастуха. После некоторых наблюдений он приехал в полевой стан и сказал юнцу:

– Ты, Сабалак, не простой человек, чует мое сердце! И по облику, и по поведению видно, что ты принадлежишь к знатному роду торе. Если джунгары заметят тебя, а здесь это вполне вероятно, то не оставят в покое. Я опасюсь за твою жизнь! Лучше тебе уйти в свободную от джунгар Сарыарку!

И благословил Толе би Аблая, подарил двух коней и отправил вместе с Оразом в Сарыарку.

В Сарыарке Аблай стал табунщиком Даулеткельды бая из аргынского рода атыгай-караул. Жили они тихо-мирно, пасли лошадей и вольно скакали по широким просторам, разучивая и совершенствуя навыки боевого искусства.

А Даулеткельды бай с первых же дней почувствовал непохожесть на остальных молодого Сабалака, дал ему волю и потихоньку стал пристально наблюдать за ним.

И через недолгое время он сказал жене:

– Этот юный табунщик не простой человек! Он всегда спокоен – не смеется беспечно, не раздражается, не обра-

щает внимания на мелкие бытовые дразги. Он всегда задумчив. И хоть шесть дней и шесть ночей будет голодным, не подаст и виду! Не сядет на голую землю. Если ничего подходящего не найдет, то снимет верхнюю одежду, подстелет на землю и садится на нее! Самое главное, когда он спит, над ним разливается свет и вокруг него становится светло! Ты будь с ним повежливей! Как бы ненароком не прогневить духов, поддерживающих его!

И они уважительно относились к Сабалак-Аблаю и Оразу, кормили и одевали хорошо.

Так проходили годы. Аблай вырос, и ему исполнилось девятнадцать лет.

Истина

Однажды у табунщиков остановился вольный певец великой степи Бухар жырау. Он был один. Его одежда и сбруя коня были скромные, но добротные.

Табунщики встретили его с большой радостью. Усадив на почетное место, они с превеликим уважением угощали носителя древних традиций кочевых узанов вареным мясом и кумысом. «Странно, – подумал Аблай. – Сколько раз приезжали знатные султаны, знаменитые бии, но никому так не радовались табунщики!»

Говорил жырау приятным, мелодичным голосом и часто стихами. Даже его простая речь лилась как песня, и голос менялся в зависимости от сказанного. В каждое слово он вкладывал частицу своей души и, произнося звучно, значимо, завораживал слушателей. То уносил он всех вглубь истории, то его мысли высоко парили в небесах, и слушатели невольно устремляли свой взгляд к космическим таинствам небес, то тревожно вглядывался в далекое будущее.

– Сколько ханов я видел, сколько султанов я встречал на своем веку! Видел джунгаров, урусов и шуршутов. Разные люди, многие достойны уважения, немало и подонков. Но у всех почти одна жажда, одно неумное желание – власть, слава и богатство! Им мало своего! Им надо охватить всю землю, захватить все богатства, завоевать весь мир! Зачем это? Во имя чего? Разве это и есть смысл жизни человеческой? Лучше жил бы себе каждый на своей земле и улучшал свою долю! Мой разум никак не понимает, почему люди уничтожают друг друга? И как бы не объясняли это ученые мужи, моя душа не воспринимает и никогда не воспримет этого! Мне противно все это! Если люди будут беспощадно уничтожать друг друга, раздирать бедную землю, то не разорвется ли она? Не потонет ли окровавленная луна в небытие, не померкнет ли солнце? И что тогда будет с моим народом, что будет с миром?

Жырау печально умолк. Он ушел в себя, а может, улетел мыслями куда-то. Одухотворенные, взволнованные и утомленные долгими душевными беседами великого поэта, табунщики потихоньку разошлись. Только Аблай не тронулся со своего места. Молодому ханзаде были так близки мудрые слова жырау, что они запали глубоко в его душу.

– Что тебе надобно, айналайын? – вдруг спросил Бухар жырау.

– Мне хочется услышать завершение ваших слов! – спокойно ответил Аблай.

Жырау встрепенулся.

– О, любознательный джигит, ты будешь большим человеком, коль ждешь завершения начатого слова! Не каждый способен выслушивать, тем более дослушивать витиеватые мудреные изречения аксакалов!

Ему понравился этот необычный молодец.

– Порою мне хочется взобраться на вершину самой высокой горы и кричать на весь мир: «О, люди! Не приходите в чужую страну с оружием, не убивайте друг друга! Не проливайте ни капли крови ради власти, богатства и славы! Не поработайте другие народы! Живите мирно и счастливо на своей родной земле! Солнца и земли хватит всем! – Бухар жырау понизил голос. – И я тешу себя надеждой, что если это услышат народы, то поймут и прекратят все войны и раздоры, и воцарится покой и счастье на несчастной земле! А что... наивно?!

– Просто и мудро! – воскликнул молодой Аблай.

– Да, айналайын... Нет истины лучше этой... Но вся беда в том, что издревле все об этом знают и делают наоборот! Всевышний дал всем народам свою землю, свой язык и указал жить свободно и соревноваться только в добрых делах!

Правдивая и поэтическая речь Бухар жырау глубоко запала в юную душу Аблая. И после прощания с ним еще долго звучал в ушах юноши приятный голос мудреца.

– Если жырау молчит, значит, он задумался, а если врет – то он мертв!

– Настоящий человек должен быть всегда готовым сражаться и умереть за свой народ. Но это тоже надо делать с умом!

– Настоящая свобода начинается с уважения свободы других!

– Раб не свободен, это ясно. Но господин тоже не свободен от своего раба – оба они прикованы друг другу одной цепью!

– Человек свободен... Но он не свободен оскорблять, унижать, уничтожать других!

– Когда человек живет во имя своего народа, то он становится великим!

Эти и еще многие другие слова Бухар жырау Аблай запомнил на всю жизнь.

Аттан

В следующем году до них дошла весть о том, что Абилямбет хан собирается на освободительную войну с джунгарами, и воины со всей казахской степи собираются под его знамя. Аблай-Сабалак пришел к Даулеткельды баю и стал просить его разрешения идти в поход.

– Сынок, тебе всего двадцать лет, разве не лучше тихо пасти лошадей и есть мясо, пить кумыс в уютной юрте, чем идти на кровавую бойню? – спросил испытующе мудрый бай.

– Лучше умереть джигитом, чем остаться в стороне от развевающегося боевого знамени, от сотрясающей землю конницы!

Даулеткельды бай благословил его на ратный подвиг.

Лавина

Два войска грозно надвигались навстречу друг другу, как черные тучи, извергающие гром и молнию. Лучшие сыновья двух братских народов шли убивать друг друга. Блестели шлемы и кольчуги, сверкали копья и сабли. Люди кричали, лошади ржали. Пыль от сотен тысяч копыт, взмывая ввысь, закрывала небо и солнце.

Одна война имела разные понятия. Джунгарские нойоны, зайсаны и шерики шли завоевывать казахские земли, уничтожить и покорить казахский народ. Они были захватчиками, несущими смерть и разорение. А казахские ханы, бии, сардары, батыры и сарбазы защищали свою страну, родную землю, свободу и жизнь. Смысл и цель казахов были несравненно выше, справедливее и благороднее, поэтому они были сильнее духом и готовы были стоять насмерть и победить. Небо покровительствовало им, земля поддерживала их.

Две армии закаленных воинов готовы были навалиться друг на друга, смешиваясь в кровавый клубок.

– Стойте!

Резкий окрик Богембай батыра, главного полководца казахов, прогремел до самого горизонта и остановил обе лавины разъяренных львов.

Боевые знамена родов заколыхались с новой силой, и яростный крик казахской и джунгарской армий сотрясал степь.

– Жекпе-жек!

– Поединок!

– Жекпе-жек! Поединок!

Первым выступил вперед джунгар на высоком черном, белолобом коне. Вместе они казались неприступной черной скалой. Его огромные, мощные мускулы распирали стальную кольчугу, готовые в любой миг разорвать ее. Большая голова в шлеме напоминала перевернутый черный казан. Раскосые глаза, величиной с детскую ладонь,

горели каким-то обжигающим огнем. Длинный, толстый айдар, как аркан из конского хвоста, свешивался на широченные плечи, подчеркивая мощь и уверенность воина.

Глядя на эту громадину, казахи затаили дыхание.

Джунгарский богатырь играючи вращал длинное смертоносное копьё, выкрикивая боевой клич и издевательства.

– Хай, хай, хай! Казахи! Вы возомнили себя равными нам?! Это ваша большая и последняя ошибка! Или вы будете жить под нашим знаменем, стоя на коленях, или мы вас уничтожим всех! Ха-ха-ха!

Бешеный хохот сотрясал степь. Он гарцевал на черном коне, совершая круги перед войском казахов. Широкий нос раздувался, как горн, при каждом вздохе, наводя дикий ужас.

Казахские воины содрогались от его смеха и кипели от ярости. В их рядах было немало могучих, выдавших виды батыров. Но никто пока не осмеливался выйти один на один с этим чудовищем. Он казался отлитым из чугуна.

Аблай сразу узнал его. Это был сам Чарыш! Это имя уже несколько лет гремело в степи, наводя ужас на мирные аулы. О силе и удали Чарыша ходили легенды. Он был непобедим в поединках и беспощаден, и убил многих могучих героев.

Пожилой полководец Богембай батыр из рода канжыгалы покачал головой и собрался выйти на бой. Но его удержал Абилямбет хан.

– Сардар, вам нельзя на поединок! Вы наш главный полководец и должны до конца сражения управлять войском!

Вперед вышел молодой воин. По рядам войска прошел шепот, полный ужаса и почтения: «Алгадай! Смертник – алгадай!» Он должен был как можно дольше продержаться в схватке и разгадать для других воинов основные приемы боя противника-силача.

Молодой воин-смертник не спеша направился к огромному джунгару. Он был в легкой кольчуге, на быстром скакуне. Чарыш грозно надвинулся на него и начал наносить смертоносные, изощренные удары копьем.

Но алгадай был хитер и искушен в боевых делах, он не принял открытой лобовой атаки, а ловко увертывался и избегал ударов. И конь его, под стать хозяину, умело маневрировал, уводя алгадая от жесточайших, быстрых ударов острого калмыцкого копья. Чарыш разогрелся и начал азартно и мастерски преследовать его и, наконец, все-таки добился своего – алгадай, уклоняясь и отбивая удар копьём, вскоре пропустил удар длинной саблей прямо в голову. Он упал с коня замертво, но зорко следившие за поединком батыры отметили основные приемы владения копьём и саблей Чарыша.

Исключительная метаморфоза

После этого Аблай больше не мог сдерживать себя и рванулся вперед. Подъехал к Богембай батыру и попросил благословения.

– Сынок, ты же еще совсем юнец! – воскликнул Богембай батыр.

– Бата, бата! Благословите меня! – вознес руки к небесам Аблай.

Богембай батыр, увидев его решимость, каким-то необъяснимым образом почувствовал силу его духа и благословил на победу.

– Иа, Аллах! Во имя справедливости, ради спасения родной земли и освобождения нашего народа мы вступаем в эту битву! Помоги нашему джигиту, дай ему силы и победу! Сынок, да поддержат тебя Аллах и благословенные Всевышним великие духи наших предков! Аминь!

– Аминь! – повторил Аблай, а за ним и вся армия.

Легендарный Богембай батыр отдал ему свою острую саблю и посадил на своего боевого тулпара Наркызыла.

И Аблай отправился на самую решающую схватку своей жизни.

Чарыш ноян круто повернул черного коня и встретил Аблая в полной боевой готовности. Испытывающим, пронзительным взглядом сверлил он джигита, желая расплавить его огнем своих налитых кровью глазниц. Но Аблай был невозмутим: он, отражая этот пугающий взгляд, возвращал его владельцу с удвоенной силой.

Чарыш невольно дрогнул.

– Эй! Разве казахи дошли до того, что отправляют на гибель мальчугана? Неужели они думают, что я, победоносный Чарыш нойон, опущусь до того, что буду биться с юным отроком? Пока я добр, катись-ка ты к своим родителям! Поучись у своего муллы! Может, придешь, когда подрастешь, а?!

От ярости Аблай не мог говорить. Он приготовился к бою.

– Ладно, – покачал головой Чарыш. – Сверну я тебе шею как куропатке!

Дальше Аблай смутно помнил себя. Он бросился на грозного джунгарского богатыря, и клич «Аблай! Аблай!» невольно сорвался с его уст. Какая-то неведомая сила наполнила его грудь, по спине пробежала волнообразная, неопишимо горячая мощь и подняла вверх. Первый страшный удар Чарыша копьем он успел отбить щитом, и тут же Наркызыл рванул вперед, и Аблай, все еще крича свой клич, нанес резкий удар саблей славного Богембай батыра по шее ноаяна. Два боевых коня разминулись, и пока Аблай поворачивал коня назад, до него донесся победоносный мощный крик многотысячного казахского войска: «Аруах! Аруах! Аблай! Аблай!»

И только тогда он увидел, что тело мертвого Чарыша сползает с коня, а голова катится по ковыльной многострадальной степи. Не останавливаясь, на полном скаку он повернул коня в сторону джунгарской армии и с криком «Аблай! Аблай!» повел за собой казахских воинов. Вся степь, все четыре стороны света, небо и земля гремели «Аблай! Аблай! Аблай!» Духи великих предков всех казахов словно воспряли сегодня, воплотились в едином имени! Как раскаты грома, сотрясая мир, как блики молний, озаряя души, врезалось в сознание людей это новое имя «Аблай!», становясь священным словом для всего народа.

Могучие джунгары сникли, они пытались кричать свои боевые кличи, их грудь клокотала, но не могли они вымолвить ни слова. Как наматы бушующих волн, уран «Аблай!» потопил, смыл их. И неслись казахские джигиты как на крыльях, а впереди летел Аблай, и смели они полчища врагов...

После победы призвали к себе Аблая Абилямбет хан, бии и батыры.

– Айналайын, кто ты? – спросил Абилямбет хан. – Почему ты воевал с именем Аблая на устах?

– Я сын Вали хана Прекрасного! А моим дедом является Аблай, прозванный в народе кровавым за непобедимость в поединках и беспощадность в ратных делах! И я

кричал его имя, призывая его дух на помощь! – ответил Аблай и вкратце рассказал свою историю.

Видавшие виды аксакалы и главы родов были тронуты его правдивой речью. И молвил Абилямбет хан после молчаливого размышления:

– Слыхал я, что младший сын Прекрасного Вали хана остался жив и пропал без вести! Но, как говорят казахи, стальной кинжал не будет лежать на дне мешка! И вот настал час, когда достойный потомок благородных ханов Аблай засверкал на всю степь во всей красе и величии! Благословите его, аксакалы, и мы изберем его ханом!

И вся знать, собравшаяся на этой войне, единодушно благословила Аблая и подняла на белом войлоке ханом.

Так началась героическая и легендарная эпоха хана Аблая. Ему исполнилось только двадцать лет, и его орда была основана на севере, в прекрасном Кокшетау, жемчужине Казахской степи.

Жэлбе

Хунтайчи Галдан-Церен молча сидел на холме, обратив тяжелый взор в бескрайнюю степь. Дул непрерывный ветер, и ковыльные волны уводили мрачные мысли владыки за горизонт. Вот уже несколько лет он с болью переносил гибель великого воина Чарыша, любимого племянника – сына своей старшей сестры.

– Я до сих пор не могу поверить, что его убили в поединке, – произнес хунтайчи с болью. – Нет, никто не должен был победить Чарыша в честном бою! Он владел всеми приемами боя монголов и калмыков, он изучил и освоил всю технику владения оружием древних ойрогов и китайцев.

Чуть склонив голову в почтении, Жэлбе нойон в который раз пересказывал ему те страшные события, и каждый раз испытывал острую горечь потери и новый прилив гнева.

– Чарыш нойон зарубил несколько казахских батыров в поединке... И тут появился этот Аблай. Мы даже толком не поняли, что происходит. Боевой клич «Аблай» наполнил землю и небо. Наши кони задрожали и хотели бежать. Мы с трудом держались в боевом порядке. Никто и никогда так смело, прямо не шел на Чарыша. Он ударил как смерч... И солнце джунгаров погасло! Пал Чарыш!

Галдан-Церен слушал молча, нахмутив брови.

– Этот Аблай, хоть и рослый, хорошо сложенный батыр, по сравнению с великим Чарышем казался малышом. Да и по физической мощи, и по технике владения оружием он не мог соперничать с Чарышем.

– Но тогда почему он победил? Как?

– В это трудно поверить, о великий хунтайчи! Но это не простой человек! Это – аруах! Как будто его поддерживают духи древних предков, возвышают над всеми! После той победы казахи подняли его на белом войлоке своим ханом! И во главе своей орды, несмотря на свою молодость, он совершил немало победоносных походов, освободил многие казахские

земли от нашего подданства и добился славы и уважения всей степи. О подвигах его воинов ходят легенды!

– Слышал, – сухо сказал Галдан-Церен. – Знаю также, что он ведет переговоры и с урусутами, и с шуршутами. Значит, хитер и умен! И опасен для нас! А такому не надо позволить достичь всех своих целей! Я же вам давным-давно велел доставить его в нашу орду.

– Вот уже больше десяти лет мы охотимся за ним, но добраться к нему нелегко! Даже тогда, когда кажется, что он вот-вот попадет в нашу западню, каким-то чудом ускользает в последний миг. Духи его оберегают, о великий хунтайчи!

Галдан-Церен бросил острый взгляд на Жэлбе нойона и отрезал:

– Хорошо! Если не удастся его выкрасть, то захватим силой! Возьми тридцатитысячную армию и прошерсти всю степь. И если этот Аблай хан еще существует на земле и находится под Солнцем, приведи его ко мне! Живого! Пленником!

Аблай – невольник

Аблай хан охотился в горах Улытау вместе с Жабек батыром из рода аргын и Утеген батыром из рода уак. Азартная охота утомила их и, наевшись до отвала мяса добытых уларов, они заснули крепким богатырским сном.

И тут их нашли воины хунтайчи, заранее предупрежденные своими лазутчиками о планах Аблая.

Жэлбе ноян ткнул острием копья в грудь спящего Аблай хана. Хан открыл глаза и молча посмотрел на джунгарских шериков.

Он все понял...

Одиночество. Воспоминания

Когда долетела весть о пленении Аблая, в орде хунтайчи всполошились. Все с нетерпением ждали легендарного хана казахов и своего заклятого врага. И пошли слухи и домыслы, как с ним поступит хунтайчи – отрубит голову сразу или поддержит пленником, поиздевается, а затем живьем привяжет к хвосту строптивного скакуна и пустит в сторону казахской степи, дабы впоследствии обвинения в убийстве хана пали на легкомысленную лошадь.

На приведенных пленных Аблай хана и его верных друзей – батыров Жабека и Утегена – все глазели с большим вниманием. Пленники держались с достоинством. Даже долгая мучительная дорога и унижительный удел не могли скрыть благородный облик и величественную осанку хана. Джунгары, особенно женщины, среди которых была и юная красавица Топыш, любимая свободолюбивая дочь хунтайчи, несмотря на всю неприязнь, про себя отмечали достоинство и величие этого человека.

Только хунтайчи Галдан-Церен и несколько его особо приближенных нойонов не удостоили вниманием пленников. Хунтайчи велел пленных батыров заковать в кандалы и отправить пасти баранов под наблюдением шериков. А для хана было особое указание.

– Заточите его в темницу и продержите там семь дней и семь ночей. Не давайте ему ни есть, ни пить. А затем подайте чашу с водой. В воду бросьте кусок бараньего жира. Внимательно следите за ним, – наказал своим шерикам хунтайчи Галдан-Церен, – и доложите мне обо всем, что увидите!

Так и поступили джунгары. Они бросили в темницу охапку сена и большую кошму, завели туда Аблай хана, развязали ему руки и оставили одного.

И потянулись мучительно долгие дни и ночи. Аблай лежал неподвижно, закрыв глаза.

Его мучило то, что его, хана, пленили в своем же ханстве и вывезли в чужую страну. «О, наша славная казах-

ская беспечность! – кусал локти Аблай. – Если выйду отсюда живым, то на всю жизнь буду помнить этот горький урок!»

Временами он улетал в мир воспоминаний и видений, и это его спасало.

Перед его глазами проходили самые яркие мгновения его славной, молодой, полной приключений жизни. Он вспоминал о мудрых словах степных биев и подвигах великих воинов, и эти видения придавали ему силу. Он начал медленно ослабевать, истощаться телесно, но внутренний огонь его души неугасимо горел, и очи хана искрились, выражая непоколебимую решимость и отвагу.

Ему вспоминались те события, в которых он сам участвовал, а также приключения батыров, о которых он услышал из уст сказителей-жыршы.

Однажды в бою с джунгарами разгоряченный хан увлекся атакой и оторвался от своих батыров. И в разгар боя пал боевой конь Аблая. Свирепый воин-торгаут на полном скаку ударил ханского коня в бок копьем, и благородное животное, не издав ни звука, замертво рухнуло в ковыльную землю. Хан быстро вскочил на ноги и увидел, что остался один в окружении довольно крупного отряда торгоутов и дурбутов. Джунгары начали плотно сжимать кольцо, и их сабли уже со свистом сверкали над головой. Легендарный хан решил встретить смерть с подобающим ему достоинством и приготовился к схватке. Как молния блеснуло в сознании горькое сожаление о том, что он еще не сумел, не успел сделать многие великие дела для своего народа! И стиснул зубы от досады и ярости.

Вдруг как вихрь прилетел всадник на синем коне с криком: «Алдияр, аттан!» и, спрыгнув на землю, подал Аблаю повод уздечки. Это был молодой, горячий воин. «Скачите скорее!» – взмолился он. «А как же ты?» – спросил хан. «Казахам нужен такой хан, как ты! А если погибну я, родятся еще батыры!» «Нет! Я не оставлю тебя!» – сказал решительно хан. «Послушайте, какой смысл, если мы погибнем вместе?! Уходите или я сам зарублю вас, чтобы вы не достались джунгарам!» И грозно сверкнув

глазами, батыр почти насильно посадил Аблая на своего коня и стегнул кнутом. Синий конь понесся ураганом, разрезая ряды джунгар. Он вынес с поля боя живым и невредимым надежду казахов.

После боя хан Аблай велел своим приближенным разыскать отважного батыра, разузнать о нем. Оказывается, это был Ер Жанибек батыр, из рода керей. И ему удалось выйти живым из той кровавой бойни, перебив множество врагов, ускакать на их же коне! Хан Аблай поблагодарил героя и воспоминание о славном подвиге Жанибек батыра, готового пожертвовать собственной жизнью за своего хана, то есть, за родную страну, всегда радовало его сердце и придавало уверенность и силу! Рассказывали, что однажды Жанибек в отрочестве заснул на холме и искавший его нагашы – дядя, брат матери, увидел издали, что около него взяты два синегривых волка! Дядя прискакал поскорее к нему, а волков и в помине нет! Никаких следов, а Жанибек спит себе спокойно! Прозорливый дядя неожиданно почувствовал, что это – духи волков-тотемов, которые избрали и вселились в Жанибек батыра! И действительно, керей Ер Жанибек батыр был бесстрашен и грозен, как волк, и всегда чувствовалось, что духи синегривых волков поддерживают его в ратных делах и в жизни! Однажды отважный джунгарский нойон перед боем вышел вперед и начал вызывать на поединок казаховских батыров. Нойон был великолепен и силен, и бушевал, как гривастый буря! И тут вышел на поединок керей Ер Жанибек батыр. О, чудо, джунгарский герой как-то сник, сделался подавленным одним только видом Ер Жанибека, и убежал к своим. И они ушли без боя, признав свое поражение. Спрашивают джунгары своего нойона: «Что случилось?» «А вот что... Смотрю на него, а у него на плечах сидят два свирепых синегривых волка и, оскалив острые стальные клыки, сверкая огненными глазами, буквально просверливают, прожигают мое нутро взглядами! Страх, ужас обуяли мою душу и я был повержен без боя!»

Аблай лежал на кошке в джунгарской темнице, а его вольные мысли носились в мире преданий и легенд. Он живо представлял себе подвиг Кастек батыра. Кастек, че-

тырнадцатилетний юноша, вместе с сородичем пас коней, сидя на высоком холме, то и дело всматриваясь в степь. Время военное, поэтому он заодно выполнял и роль караульного. Внезапно из-за овальной сопки появилось растянувшееся как облако большое войско. Передовой отряд джунгар шел прямо на пастухов. Кастек незаметно отправил младшего собрата в аул, чтобы предупредить старших о надвигающейся опасности, а сам сел на своего гнедого тая и не спеша поехал навстречу целой армии. Дело в том, если бы он начал убегать, джунгары погнались бы за ним и застали бы аул врасплох, вырезав весь род. И Кастек решил задержать их, чтобы дать время своим сородичам уйти в степь и раствориться в ней. Как только приблизился к шерикам хунтайчи, он начал гарцевать на своем гнедом тае и, взмахивая маленькой кривой саблей, выкрикивать:

– Жекпе-жек! Жекпе-жек! Нойоны! Зайсаны! Выходите на поединок!

Джунгары остановились. Остановилось и основное войско. Они были очень сильно удивлены. Мальчуган на тае, с маленькой саблей, без кольчуги, без копья, бросает вызов видавшим виды закаленным потомкам великих ойротов! Они замешкались, то испытующе, то посмеиваясь глядя на мальчугана, то вопросительно друг на друга – как быть?! А ему все нипочем! Взмахивает своей маленькой саблей и орет: «Жекпе-жек!». Наконец полководец-нойон удостоил его вопросом:

– Кто ты, мальчуган? И что тебе надобно?

– Я Кастек батыр из рода шапырашты! – твердо ответил мальчик. – И мне нужно, чтобы вы покинули нашу степь с миром и вернулись в свои улусы!

Нойон громко засмеялся. Хохотал и весь тумен!

– Ишь ты хватанул! А если мы послушаемся тебя, тогда что?

– Тогда выходи на смертный поединок!

Нойон вздохнул и, покачав головой, тихо молвил:

– Послушай, мальчик, я не хочу твоей крови! Уйди с нашей дороги, вернись домой! Тебе надо еще пожить, жениться...

– О каком доме говоришь, нойон? Вы пришли разрушить мой очаг, сжечь мою юрту! А я не позволю вам это сделать! Уходи или выходи на честный бой!

Джунгары начали злиться и уже готовы были растерзать заносчивого забияку. Но нойон, подняв руки, остановил их.

– Ты храбрый воин! И я окажу тебе честь – с тобой буду биться во всю мощь, как с достойным героем!

И сошлись они в смертельной схватке – четырнадцатилетний мальчик Кастек с маленькой саблей на гнедом тае и мощный нойон, в доспехах, во всеоружии и на крупном скакуне. Громогласно выкрикивая боевой клич, нойон с одного удара длинного копья насквозь проткнул мальчонку и поднял его над головой. Тумен возликовал, оценив боевое мастерство своего предводителя. Кастек безжизненно повис на калмыцком копье, обливаясь кровью. Острие копья торчало из его спины.

– Эй, мальчик, как ты там? – спросил нойон.

Кастек еле открыл глаза, и выплевывая кровь, хрипло сказал:

– Ты показал силу своего удара! А теперь покажи силу своей руки – спусти-ка меня одним махом вниз по копыю!

От такого нойону стало как-то не по себе, и он, истерично захохотав, ударил тупым концом копья об землю. От сильного удара проткнутый насквозь Кастек соскользнул по копыю вниз и оказался с нойоном лицом к лицу.

– Ну, как ты теперь? – спросил нойон, глядя в упор на мальчика.

– А вот так! – тихо пробормотал Кастек батыр и глубоко вонзил свою маленькую саблю в горло нойона, после чего умер. Зарезанный на глазах своего тумена полководец грохнулся на землю замертво. Джунгары обомлели – они были потрясены. Когда пришли в себя, то похоронили обоих героев с почестями на одном холме и вернулись в свою орду без боя.

Однажды в походе Аблай хан встретил одинокого всадника. Он был огромен: даже спешившись, оставался одного роста с всадником. Это был Турсунбай батыр, из

рода керей. Поговорив с ним, хан предложил ему присоединиться к войску. Турсунбай сказал: «О, хан! Я слышал о тебе! Знаешь, когда один еду в степи, то я чувствую себя огромным, как будто наполняю всю степь до горизонта. А когда соединяюсь с толпой людской, то сам себе кажусь совсем маленьким. Поэтому я всегда иду в поход один. Но с таким героем-ханом, как ты, я поеду вместе!» И долго они ехали по степи. Они проехали рядом со старым, развалившимся мазаром. Прочитали молитву и решили поскорее удалиться, боясь ненароком побеспокоить усопших. Краем глаза хан заметил, что из одной полуразрушенной древней могилы торчали полустгнившие деревянные перекрытия.

После долгого похода возвращались с победой. На обратном пути уставшие воины сильно проголодались, и хан решил остановиться на ночлег недалеко от древнего мазара. Он велел зарезать лошадь. Но кругом голая степь, и негде взять дрова для огня. Пока джигиты разделявали тушу, хан сказал Турсунбай батыру: «Ты же знаешь, как найти старое кладбище? Так сходи и принеси все деревянные перекрытия! Скоро стемнеет и кроме тебя никто не найдет это место!» Тот обрадовался доверию хана и быстро поехал.

Турсунбай батыр подъехал к кладбищу, спешился и, прочитав короткую молитву, в темноте, на ощупь начал разгребать старую могилу, чтобы вытащить деревянные перегородки. И когда он, полностью открыв могилу, начал вытаскивать деревянные перекрытия, мертвец в белом саване закричал страшным голосом: «Эй, не трогай мою могилу! Не нарушай мой вечный покой!», вскочил и схватил Турсунбай батыра за горло. Казалось, темная, безлунная ночь содрогнулась от душераздирающего вопля аруаха! Но Турсунбай батыр сцепился с мертвецом, быстро скрутил ему руки, сел на него и сказал: «Так ты мертвец или полумертвец? Если мертвец, спи спокойно! Из-за тебя живые должны умереть с голоду? А если ты полумертвец, то я сейчас тебя убью по-настоящему!» С этими словами он вытащил булатный кинжал и только хотел зарезать мертвеца, как тот закричал от ужаса: «Стой,

батыр, не убивай! Меня послал Аблай хан, чтобы испытать твою храбрость!» Турсунбай батыр отпустил его и засмеялся...

Оказывается, хан Аблай, видевший бесстрашие и отвагу Турсунбай батыра в бою, еще раз захотел испытать его храбрость. Поэтому заранее, еще засветло, он незаметно отправил двух воинов к древнему мазару и велел одному надеть на себя белую одежду, похожую на саван, и спрятаться прямо в могиле. А другой должен был закопать его и наблюдать за происходящим издали. «Посмотрим на нашего батыра, вздрогнет или нет перед аруахом!?» – сказал хан.

Приехали к хану, разожгли огонь, сварили мясо и поели на славу. Посмеялись над «полумертвецом». И спрашивает хан Турсунбай батыра:

– Скажи, батыр, ты хоть когда-нибудь пугался в своей жизни?

– Было дело, – отвечает батыр. – Однажды я крепко заснул в степи. Вдруг чувствую, как что-то холодное ползет по мне. Смотрю краем глаза – огромная черная змея пробирается к моему лицу. Проползла шею, и как только скользнула в мой раскрытый рот, я всей силой своих челюстей куснул ее и разделил напополам! Голова упала в одну сторону, хвост – в другую! А середину я проглотил! Погибла змея! Наверное, я это сделал от страха! Да, если бы не испугался, разве проглотил бы я отвратительную змею?

Аблай хан и все воины рассмеялись и покачали головами – вот это испуг!

И сейчас, лежа на кошме в сырой джунгарской темнице, Аблай хан улыбнулся. Но в то же время горькая досада сжигала его душу. «Эх, были бы эти батыры рядом...» И они, прославленные и недосягаемые, один за другим являлись в его воображении...

Батыр Сатай из рода суан отличался своим добрым нравом. Бывало, застигнет спящим калмыцкого нойона в степи. Чего тут мешкать – свяжи или заруби, и делу конец! Но нет, Сатай батыр разбудит его, как друга, осторожно, тихо, даже нежно. Разбудив, спрашивает – кто

таков, зачем пожаловал? Затем советует: ну, не будь врагом, а будь гостем! Зачем, мол, ты пришел к нам с оружием? Приходи как друг, сосед! Иногда, тронутый таким отношением, калмык действительно отказывался от своих враждебных намерений и уходил с миром. Но если он отказывался от дружеских предложений, то тогда Сатай батыр выходил с ним на поединок. И пока не разозлится, бьется вполсилы. Но когда дело начинало принимать серьезный оборот, а он гневаться, то силы Сатай батыра на глазах удваивались, и он беспощадно уничтожал врага.

События славных дней своего ханства непрерывной чередой проносились перед глазами уморенного голодом Аблая. Его удивляли живость и ясность видений, он как бы заново переживал и осмысливал прошлое. Сошлись однажды казахские сарбазы и джунгарские шерики в чистом поле. Превеликое множество славных героев собралось с обеих сторон, и готовы были они, абсолютно незнакомые, с дикой яростью, с нечеловеческой ненавистью вырезать друг друга. Что ж, таков закон войны, утешали они себя. И вот тут нойоны послали посла к хану со словами: «Нам всем кровопролитие не нужно! Мы воюем из-за добычи! Так давайте договоримся и поклянемся – пусть ваш самый сильнейший батыр выйдет с нашим на поединок, и победившая сторона получит всю добычу, а побежденный уйдет ни с чем!»

На том поклялись и назначили на завтра решающий поединок. Аблай хан и Богембай батыр, посоветовавшись со старейшинами, полководцами, решили выставить батыра Жанибека Шакшакулы, из рода аргын, известного своей отвагой, мастерством и силой. А у калмыков был герой, на которого однажды напал тигр-людоед. Он вступил с ним в бой, схватил за хвост и, прокрутив в воздухе несколько раз как котенка, ударил головой о землю. И, говорят, до сих пор шкура этого тигра украшает орду хунтайчи Галдан-Церена. Когда Жанибек батыр узнал, что ему предстоит смертельная схватка с этим героем, ему стало страшно. Он плохо спал, и под утро увидел сон, будто сошлись они с джунгаром в бою, и тот ударом копья выбил его, Жанибека, из седла, сел на грудь и поднес саблю к его горлу.

И видит, как его, Жанибека, грудь с правой стороны кусает дракон, а с левой стороны кусает второй дракон. Проснулся батыр весь в холодном поту, и в ужасе решил бежать отсюда подальше. Перед побегом решил все-таки зайти в шатер хана и предупредить его о своем уходе. К удивлению Жанибек батыра Аблай хан тоже бодрствовал и, оказывается, ждал его, чувствуя, что он придет к нему. Жанибек рассказал хану свой сон и сказал: «Разреши мне, о, алдияр хан, уйти! Самое страшное – я еще не успел жениться, и если я погибну, то не останется от меня потомства!» Хан Аблай жестом успокоил батыра и кликнул своего конюха. Когда тот подошел, он велел ему привести своего коня Наркызыла, подаренного Богембай батыром перед боем с Чарышем. Когда конюх привел Наркызыла, хан Аблай помолился Аллаху, попросив принять коня в жертву, и молвил: «Иа, аллах! Молю тебя, да сбудется сон Жанибек батыра таким, каким я истолковываю его!»

И велел хан зарезать своего коня и раздать мясо всем воинам. Затем, оставшись наедине с Жанибеком, молвил: «Издrevле казахи говорили: кто испугается во сне, тот радуется наяву! И еще народная мудрость гласит, что сон сбывается не таким, каким его видишь, а таким, каким его истолкуешь! Так что, если джунгар победил тебя во сне, наяву победишь ты! Если твою правую грудь кусает дракон, то твой внук от сына будет героем, как дракон! Если твою левую грудь кусает дракон, то внук от дочери будет героем, как дракон! Как ты можешь погибнуть завтра, если тебе суждено иметь детей и героических внуков? Прогони этот страх и иди к джунгару – победа будет твоя!»

От этих слов Аблая Жанибек батыр воспрял духом. Да еще его потрясло то, что хан пожертвовал своим любимым конем ради правильного истолкования его сна. Воодушевленный Жанибек батыр вышел на поединок и яростно бросился на врага. Удивительно, но джунгарский силач выглядел подавленным и был растерян. После первого же удара копьем он слетел с коня. Жанибек батыр соскочил на землю, сел на грудь джунгара и собрался зарезать его саблей. Тут джунгар его остановил рукой и

произнес в отчаянии: «Стой, я не боюсь смерти, но выслушай меня! Сон, который видел ты, приснился и мне! Во сне я взял тебя! Ох, горе мне, мой прорицатель не мог истолковать верно мой сон, а твой оказался силен духом и высок умом, и он истолковал твой сон впрок тебе! Поэтому этот вещий сон сбылся вот так!» Жалко стало Жанибек батыру убивать такого героя, и он оставил его в живых, подружился с ним и оставил его улус нетронутым. А все остальные нойоны, по договоренности, отдали свое имущество Аблай хану, и он вернулся в свою орду с богатой добычей и большой славой.

Да, не простые люди эти батыры! Аблай и раньше так подумывал, но теперь, мучаясь в калмыцкой темнице, остро почувствовал и осознал, что батыры – это не только храбрые и физически сильные патриоты своей родины. Они связаны какими-то незримыми нитями, таинственными, потусторонними. Казахи объясняют это одним словом – аруах! Духи! А что за этим кроется, откуда эта сила, энергетика – известно лишь Всевышнему!

Великий батыр Кабанбай из рода каракерей... Его настоящее имя было Ерасыл, а Кабанбаем прозвал его народ за дикую отвагу и напористость. В кровавых сражениях Кабанбай батыр, несмотря на то, что был полководцем, главнокомандующим, первым скакал далеко впереди своей армии и как разъяренный лев врывается в ряды джунгар и рубил беспощадно. Один его вид и топот копыт боевого коня Кубаса бросали в дрожь воинов хунтайчи, и те часто спасались бегством от грозного Кабанбай батыра! Однажды в походе широкая и глубокая река преградила путь казахским ополченцам. Брода и в помине не было, дело было к вечеру, а на завтра они должны были вернуться назад. Грустно стало полководцу: «Неужели он, Кабанбай батыр, никогда не поворачивавший коней назад от полчищ врагов, отступит от водной преграды?!» Размышляя о стратегии и тактике предстоящей войны, он заснул. И увидел вещий сон. Два благородных аксакала приснились ему, сказали много хороших слов-назиданий и советовали ему, избранному герою Всевышнего, жить праведной жизнью и указали путь к забытому всеми броду сорока-

летней давности. Утром он действительно нашел этот брод, и воины благополучно перешли реку и продолжили поход. И пошла в народе молва: «Даже бурная река уступает Кабанбай батыру!»

Размышляя о видимом и невидимом, о понятном и необъяснимо таинственном, хан Аблай вспомнил о Малайсары и Олжабай батырах.

Батыр Малайсары из рода аргын был человеком необычайно огромным, сильным и храбрым. Когда он был еще мальчиком и катался на тае, на их лошадей напал тигр. Ничуть не испугавшись, он первым вступил в схватку с грозным хищником. Тигр так хватанул своими когтями, что тай подлетел вверх. Малайсары подлетел вместе с ним и опустил прямо на спину тигра. Ничуть не растерявшись, он схватил хищника за шею, не давая тому разорвать себя когтями и клыками. Пока свирепый тигр яростно рычал и пытался скинуть с себя цепкого мальчонку, подоспел его отец Токтаул батыр, вспорол живот хищнику острым кинжалом и спас своего сына. И Малайсары батыр с ранних лет начал участвовать в стычках и больших битвах с джунгарами, совершил много подвигов и прославился на всю степь. Однажды в бою он попал в плен к джунгарам. Хунтайчи принял его в своей орде с почестями, поговорил и пришел к выводу: лучше не враждовать с таким военачальником, а помириться и жить в дружбе. Малайсары батыр принял его мирные предложения, пообещал, что отправит своего сына к джунгарам в аманат. Они с хунтайчи поцеловали дуло белого ружья и поклялись больше не воевать друг с другом, а того, кто нарушит клятву, пусть сразит пуля! И вот, когда Малайсары только вернулся в свой аул, нагрянул хан Аблай со своими батырами. Хан позвал его в поход против джунгар. Малайсары сказал хану:

– Я не поеду! Оставьте меня! Потому что я дал клятву калмыкам не воевать с ними, поцеловав дуло белого ружья!

– Да что там твоя клятва с хунтайчи, когда весь твой народ идет воевать, чтобы отомстить им и вернуть пленных! Поедешь с нами – и все тут! – приказал батыру хан.

Джунгары заранее узнали о походе казахов и укрепились в неприступной крепости. Батыры Сары и Баян из рода уак и Малайсары во главе воинов атаковали крепость. Джунгары встретили их ружейными выстрелами, и пришлось отступить под огнем. Шерик-стрелок произвел три прицельных выстрела, и все три пули попали в щель кольчуги Малайсары батыра. Остальные вернулись без единой царапины, а Малайсары был тяжело ранен в поясницу. Осмотрев раненого, Аблай хан велел не давать ему копченого мяса, а кормить лишь легкой пищей.

– У него задеты пулей внутренности, и копченое мясо может разорвать ему кишки! – предупредил он.

Малайсары тихо лежал в шатре, корил себя, подумывая, что его ударила своя же клятва, данная калмыкам, которую он не сдержал. А войско хана продолжало осаду крепости. В те времена Олжабай батыр из рода аргын был никому не известным молодым воином и находился в запасных, хозяйственных частях войска. И вот однажды пасет он коней и видит: некто скачет мимо него. «Куда спешишь?» – спрашивает Олжабай. «А-а, разве ты не слышал? Олжабай батыр, герой всего Среднего Жуза, сейчас разрушит крепость джунгаров и раздаст много добычи воинам! Поэтому спешу, чтобы не остаться ни с чем!» И ускакал дальше. «Ах, вот как! Значит, взять неприступную крепость суждено мне?» – подумал Олжабай, облачился в боевые доспехи и поскакал с кличем «Олжабай! Олжабай!» На полном скаку выхватил боевое знамя из рук Аблая и с боем взял крепость. Все воины кричали «Олжабай! Олжабай», вмиг его имя стало боевым кличем всего Среднего Жуза. И только после завершения битвы Олжабай батыр заметил сквозную рану от пули на руке.

А Малайсары батыр горько сожалел о том, что не мог принять участие в победоносной битве, и сказал: «Дух Олжабай батыра возносится высоко!»

Однажды ему захотелось поесть мяса. Велел он своему конюху сварить мясо. Тот, вспомнив наказ Аблай хана, сказал: «Нельзя!» Тогда Малайсары батыр пригрозил, что если он не достанет хоть кусочек мяса, то зарубит его! Конюх испугался и, пошарив в корзынах, нашел копче-

ные казы. Отрезал большой кусок, сварил и накормил батыра. Через некоторое время Малайсары батыру стало плохо и он умер в тот же день. Перед смертью молвил: «Я все время думал, где же обитает он, Азрейил, ангел смерти? Оказывается, он незаметно лежал на дне моего походного коржына. И вот видите, как он подкрался. Наверное, даже он не посмеет подойти в открытую к таким людям, как мы!» Тело героя доставили на родину и похоронили со всеми почестями.

Об Олжабай батыре тоже ходили легенды в народе. Говорят, что однажды после трудного похода изможденный Олжабай прилег в степи и крепко заснул. Вдруг его сердце стало бешено колотиться, в ушах зашумело, все тело похолодело, мурашки побежали по коже и он начал задыхаться. Проснувшись в муках, поднял голову, осмотрелся. Видит – желто-пестрая большая змея с головой, как подушка, устроилась на его груди, то обвиняет его шею, то скользит по всему телу. «Наверное, ищет нору!» – подумал Олжабай батыр и продолжал лежать неподвижно, широко раскрыв рот. Он решил откусить голову змее! Но змея соскользнула на землю. Олжабай батыр поднялся и начал осматриваться, ища змею. Смотрит – змеи нет и в помине, а у его изголовья сидит ходжа в белой чалме. «Чего тебе надобно от меня, ходжа? Сам видишь, брожу по степи, юрта моя далеко отсюда, скота моего тоже нет здесь. Чего ты сидишь и ждешь от меня?!» – возмутился Олжабай батыр. «Нет, я не ходжа, я твоя судьба – счастье, дух-хранитель. Я всегда буду с тобой! Хотел тебя испытать и змеей прополз по всему телу и убедился, что ты настоящий храбрец! Не поклоняйся ничьему духу, призывай свой дух: “Олжабай, Олжабай!” и смело скачи на врага! Желто-пестрой змеей буду лететь впереди тебя на расстояние выстрела! И не только от тебя, но и от тех, кто будет произносить твое имя, с боевым кличем “Олжабай! Олжабай!” будут убежать все враги!»

Сказав это, аксакал исчез!

«Да, удивительные люди! – подумал про себя хан. – И какое счастье, что я с этими героями прошел весь путь своего яркого ханства и совершил немало славных дел

во имя своего народа! Жаль, что дорога была недолгой! Одно утешает, что за эти десять лет успел совершить такие дела, какие другим не удастся сделать за всю жизнь!»

Также вспоминал он свои «крутые замашки» и самокритично смеялся над самим собой. Да, было время... Невиданный успех и громкая слава вскружили голову молодому хану. Он жаждал еще большей славы и успеха. Самые храбрые и искусные воины стекались к его орде со всех уголков бескрайней степи. Почувствовав взлет, ему хотелось быстро решить все вопросы, уладить все политические разногласия, разбить всех врагов. И он задумался – ни много, ни мало – о решающем походе на запад, по следам великого предка Чингисхана, на Русию! Его зажигательные речи будоражили умы, молодые батыры горячо поддерживали своего хана и готовились к войне. И тут прибыл в орду Бухар жырау.

Аблай с большим почтением встретил его. Жырау был озабочен. И он высказал хану Аблаю честно, нелестно, порой даже резко всю правду. Суть его слов сводилась к тому, что война никому не нужна, об этом даже не надо думать. Надо стараться жить в мире и согласии со всеми народами.

Аблай хан, хоть вначале и разгневался, но, вспомнив разговор с Бухар жырау в бытность табунщиком, поостыл и подумал о многом. Его поразили открытость и искренность жырау. Его слова были сильны, потому что были честны, правдивы и полны заботы о судьбе не только своего народа, но и всего мира. Аблай с почестями проводил Бухар жырау, долго, напряженно думал и пришел к окончательному выводу. Мир лучше любой войны, и отныне это – жизненный путь его народа и его орды!

«И все-таки я счастливый хан! – подумал Аблай. – Несмотря на все страдания и лишения в юности, несмотря на эту нелепую беспечность и позорное пленение! Да, много ли найдется правителей, ради которых великие герои готовы были отдать свои жизни! Значит, я чего-то стою для них, для своего народа!» И как бальзам на его душу пролилось воспоминание о Байгозы батыре из рода таракты аргын. Однажды в бою хан Аблай остался в окружении

четырёх богатырей из джунгарского рода хойт. Воины были мощные и искусные, и Аблаю приходилось туго. К тому же сюда начали стекаться множество шериков, сжимая кольцо окружения. И в этот миг рослый, сильный батыр на вороном коне прорвал это железное кольцо, бесстрашно сразился с хойтами и нескольких убил ударом копья. Это был Байгозы батыр и, узнав его, воодушевленный Аблай начал отбиваться с новой силой. Тут подоспели сарбазы и обратили врага в бегство. Впоследствии много раз пересказывал эту историю сам Аблай хан и говаривал, что таракты Байгозы батыр своей самоотверженностью вырвал его, Аблай хана, из пасти смерти!

Любовь и ненависть матери

Предаваясь воспоминаниям и размышляя о батырах степи, он временами забывался, дремал или глубоко засыпал. Однажды от сладкой дремоты его разбудил едва уловимый шорох. Открыв глаза, Аблай хан увидел женщину, входящую в его обиталище. Это была пожилая, симпатичная калмычка. Строгое выражение ее лица и богатый наряд выдавали ее благородное происхождение.

Аблай был крайне удивлен, но не подал виду и молча встретил ее, глядя открыто и прямо в ее грустные глаза.

– Я сестра хунтайчи Галдан-Церена! Мать великого воина Чарыша!

– Мать Чарыша?! – удивленно поднялся Аблай.

Знатная особа старалась сохранять внешнее спокойствие, но распиравшая ее гнев и ненависть прорывались с каждым ее словом.

– Как ты посмел убить моего любимого Чарыша, моего мальчика? Он был очень добрым! Но откуда вам, дикарям, понять это?

– Он был убийцей! Он безжалостно уничтожал целые аулы казахов! Он заслужил такую смерть и нашел то, чего искал!

– Безжалостный убийца, говоришь! И это ты о Чарыше... о милом, добром нойоне! Он страстно любил свою страну... он был опорой трона, оплотом орды! Это он на войне был беспощаден к врагам. А так... муху зазря не обижал... Однажды ягненок вывихнул ногу... так он позаботился, чтобы его вылечили...

– Ягненок выходил, значит... А вырезать целый народ... это что, ничего?

– Это война! И это неизбежно! – выпалила с жаром женщина.

– Вы мать... И наверное, у вас в груди бьется материнское сердце, да? – продолжил Аблай. – И оно, вероятно, наполнялось нежными чувствами, когда вы провожали вашего

сына на войну? На войну захватническую, несправедливую! Вы благословляли его на победу! Вы желали, молились, чтобы он вернулся живым и здоровым, с богатой добычей и славой! И что тогда подсказывало вам ваше материнское сердце? Вы же благословляли вашего доброго сына на убийство! На убийство детей таких же матерей, как вы сами! И заметьте, на убийство не одного человека, а на уничтожение целого рода! Кровь и страдание людей – вот цена славы вашего сына-героя! Кто дал право вашему сыну прийти в чужую страну с оружием и убивать людей? Кто его приглашал? А каково было бы вам, если бы на вашу землю вторглись чужестранцы?!

Мать Чарыша чуть помедлила с ответом. Аблаю показалось на мгновение, что ей совестно. Но гордая сестра хунтайчи не теряла самообладания.

– На нашу землю никто и никогда не сможет вторгнуться! Воины Джунгарии не допустят этого и вырежут всех, кто придет к нам с оружием!

Аблай не стал спорить с ней. Он понимал, что это бессмысленно.

– Вот вы горюете, – продолжил хан мирным тоном. – Я вас понимаю, погиб любимый сын! Но вы хоть на мгновение подумайте о тех сотнях, тысячах детей, уничтоженных вашим сыном! Подумайте о матерях, убитых горем! Они тоже, как вы, оплакивают своих детей. Их сердца тоже обливаются кровью. Подумайте об этом человеческом горе, которое принес в наши степи ваш любимый, добрый мальчик!

Благородная калмычка с глубокой ненавистью выпалила:

– Ты еще смеешь говорить мне такое! Да будь ты проклят! Чтобы травы в твоём улусе росли высоко и никогда не были растоптаны!

Аблай усмехнулся.

– Понятное дело, ты желаешь мне бедности, чтобы не было у меня скота и некому было щипать эту траву! Да, нехорошо, но если у моего народа будет много скота, то и я не буду считать себя бедным!

– Чтобы зола в твоём очаге никогда не была рассыпана! – выпалила гневно калмычка. Она сказала это с такой страстью, что Аблай невольно вздрогнул, и мурашки побе-

жали по его спине. Но он про себя произнес «Ля иляха илла Аллах!» и спокойно отпарировал:

– Ты желаешь, чтобы у меня не было детей? Да, страшное проклятие! Но если мой народ будет расти, я буду счастлив! Дети моего народа – мои дети!

Мать Чарыша чуть задумалась и произнесла:

– Чтобы ты, хан, сам не знал, как поступить в решающих ситуациях и не слушался знающих!

Аблай хан покачал головой и неторопливо ответил:

– Да ты, оказывается, умная женщина! Действительно, это самое страшное проклятие. Но спасибо за урок – я буду всегда стараться делать наоборот и слушаться даже младенца, если в его словах будет зерно здравомыслия! Самое главное, я возвращаю все твои проклятия тебе самой. И верю, что никакие проклятия не могут навредить невинному – Всевышний не позволит! Да и благословения моего народа защитят меня от проклятий чужеземных недругов!

Женщина резко повернулась и зашагала к выходу. На пороге она обернулась и бросила полный ненависти взгляд на Албай хана:

– Все равно я убью тебя! – процедила она в ярости и ушла.

Дыхание смерти

Эти семь голодных дней и ночей сыграли переломную роль в жизни Аблая. Он пережил это и вышел мудрым владыкой не только степи, но и себя самого!

Через семь дней и семь ночей подали измученному, ослабевшему хану Аблаю чашу воды. Смотрит Аблай хан и видит – плавает кусок бараньего жира в воде. Голодный кочевник потягивает воду, притягивая жир ко рту, но остывший в холодной воде бараний жир все время отплывает к другому краю чаши. Три раза пытался хан проглотить бараний жир, но тот не подплывал к его рту. Раздосадованный хан воскликнул:

– Раньше я не мог отдувать жир из бульона, а теперь не могу притянуть к себе! Да, видать, счастье отвернулась от меня! Так пропади пропадом! – и бросил чашу с остатком воды и куском жира шерикам.

Те обомлели от такого поступка голодного хана-узника и доложили об этом хунтайчи Галдан-Церену. Тот задумчиво покачал головой и сказал:

– Видать, этот Аблай действительно благородного происхождения, чингизид. Если бы он был простолюдином, то засунул бы руку в чашу с водой и слопал бы жир! Так мы еще раз испытаем его. Пусть к нему зайдут четыре воина и, оголив сабли, произнесут яростно: «Время ваше пришло – хунтайчи приказал вас зарубить!» – и бросятся на него. Если он испугается и будет просить пощады – зарубите его! А если не вздрогнет – не трогайте и доложите мне!

Четыре воина быстро и бесшумно вошли в темницу и молча встали с четырех сторон от сидящего на кошме пленного хана. Они, как тени смерти, неподвижно застыли и вперлись тяжелым взглядом в него. Аблай холодно посмотрел на них. Воины одновременно оголили сабли и издали душераздирающий боевой клич.

– Хай-хай-хай! Хан казахов Аблай! Наступил твой смертный час! Хунтайчи приказал зарубить тебя!

И все четверо с криком бросились на хана. Сабли сверкнули над головой, но Аблай хан, даже не моргнув глазом, сидел неподвижно, как каменная скала.

Воины скрестили свои смертоносные клинки прямо над теменем коронованной особы и внимательно оглядели его. Убедившись, что хан не вздрогнул, молча поклонились ему и тихо удалились.

Аблай хан еще раз почувствовал жуткое дыхание смерти, тихо вздохнул и подумал про себя, что Всевышний Аллах уготовил ему особую судьбу, и духи предков поддерживают его.

Трон хунтайчи

Хунтайчи велел привести Аблай хана в свою орду.

Он собрал девяносто самых знатных калмыков со всех родов, усадил по обе стороны трона и сам сел посреди них. При этом наказал всем:

– Ни словом, ни взглядом не давайте знать, что я – хунтайчи! Посмотрим, как он найдет меня! И не уступайте свое место пленному казахскому хану! Оставьте свободным только место у порога! Испытаем его таким образом! Если он простолюдин, то сядет на свое привычное место – у порога! А если воистину благородного происхождения, то пусть ломает голову, как ему быть!

Когда Аблай хан вошел в орду, могущественная калмыцкая знать, разодетая в праздничные одежды, встретила его горделивым молчанием. Аблай хан достойно поздоровался, джунгары ответили неохотно и вперились в него тяжелым взглядом. Аблай спокойно вынес «расстрел» расколыханных глаз и медленно осмотрелся. Не увидел подходящего места, только у порога. Хунтайчи Галдан-Церена не было видно – трон был пуст. И Аблай уверенно шагнул вперед и сел прямо на трон великого хунтайчи! Неслыханная дерзость хана чужой страны, да и еще пленника, возмутила нойонов и зайсанов – они аж взорвались в едином порыве и зашумели.

Аблай хан с улыбкой ответил:

– Так кто же сядет на этот трон, если на него не сядет великий хунтайчи джунгар Галдан-Церен или хан казахов Аблай?

Все растерянно переглянулись. Хунтайчи Галдан-Церен встал и направился к своему трону. Аблай хан почтительно освободил место и уселся по правую сторону от владыки.

Хунтайчи Галдан-Церен скорбно посмотрел на Аблай хана и спросил:

– Где Чарыш?

– Острая сабля в бою не разбирает, кто ты – Чарыш или не Чарыш...

– Где Чарыш?

– Была смертельная сеча, и суждено было пролить эту кровь мне...

– Где Чарыш?!

– Его смерти желал мой народ, а моя рука лишь свершила это! Зачем вам Чарыш, исчезнувший в небытие? Лучше позаботились бы о себе, живом и здоровом...

Хунтайчи задумался и покачал головой.

– Ты о чем жалеешь, Аблай хан? – спросил он наконец.

– Первое, о чем я жалею, это то, что я не сумел построить города и защитить свой кочевой народ!

– Ты прав! – сказал хунтайчи.

– Во-вторых, я убил Чарыша в поединке, в честном бою! И мне очень жаль, что я спящим попал в плен к вам и умираю бесславно. Если бы мы сошлись в чистом поле, и я погиб бы в бою, то не было бы никакого сожаления!

– Да! – покачал головой хунтайчи.

– И третье мое сожаление в том, что я единственный живой потомок своего предка в четвертом колене, и еще не родились мои дети! Если я умру, то пресечется весь мой род!

При этих словах хунтайчи вдруг загрустил и тихо сказал:

– Я тоже одинок с третьего колена! А ты как мой Амурсана!

– Алдияр! – радостно воскликнул Аблай хан.

– Почему ты обрадовался? – спросил удивленно хунтайчи.

– Вы сравнили меня со своим сыном! А раз так, то наверняка не желаете моей смерти! – воскликнул Аблай хан и продолжил спокойным голосом. – Я думаю, что мы и так пролили немало казахско-калмыцкой крови! Вот уже около двух веков мы несем друг другу гибель, страдание, разорение! И чего добились?! Давно настало время остановиться и подумать!

– О-о, какой умник нашелся!

– Ты бы лучше подумал о своей голове! – начали было возмущаться некоторые нойоны, но хунтайчи властно поднял руку, и все сразу умолкли.

– Казахи говорят, человеческая голова – мячик Аллаха, куда направит, туда и покатится! – продолжил Аблай. – Но иногда не только отдельный человек, но и целые страны позволяют играть своей головой другим!

При этих словах широкое лицо хунтайчи едва заметно дрогнуло, а в глазах застыла озабоченность.

Большинство из джунгарской знати тоже задумались.

– Кого из сегодняшних правителей ты считаешь самым сильным? – спросил наконец хана хунтайчи.

– Турецкий султан, русский белый царь, китайский император! Затем вы, хунтайчи!

– А где ты сам? – не выдержав, сыронизировал один из нойонов.

– А мы со всеми в ладу и дружбе, как равный с равным! – улыбнулся в ответ Аблай хан.

– Мы знаем, что про тебя легенды ходят в казахской степи! А некоторые иноземцы нелестно отзываются о тебе! Они говорят, что ты хитрый, коварный, двуличный, властолюбивый, одним словом – плохой человек! – не унился нойон.

– А ведь это хорошо, когда тебя чернят иноземные недоброжелатели, а свой народ восхваляет! – засмеялся Аблай хан. – Если было бы наоборот – тогда действительно плохо! Потому что, я думаю, хан должен думать прежде всего об интересах своего народа, а не иноземных льстецов!

Неожиданно все нойоны одобрительно загудели, а Галдан-Церен, усмехнувшись, задумчиво покачал головой.

– Да, нам с вами стоит подумать над многими вещами! Так что пока есть время, лежи себе тихо и думай! Как-нибудь мы продолжим нашу беседу! – поставил хунтайчи точку в разговоре.

Он подал знак, и охрана увела хана Аблая.

Странный сон

Его перевели в отдельную юрту. После темницы юрта казалась раем. Но неволя, какой бы почетной она ни была, всегда тягостна, и положение узника давило и угнетало Аблая с каждым днем все больше и больше.

Однажды ему приснилось, будто он еще мальчик и играет в степи один. Он скакал на коне-пруте по степи. Вдруг из-за холма появился мальчик-калмык. Он тоже скакал на пруте. Они подошли друг к другу. Мальчик-калмык был очень красив и одет прекрасно. Они улыбнулись друг другу.

– Я – Аблай. А как тебя зовут?

– Меня зовут Чарыш! Я – джунгар! А ты казах?

– Да. Давай играть!

– Хорошо. А во что будем играть?

– В асыки. Или в байгу!

– Нет, давай играть в войну. И сражаться!

– Нет, война – это нехорошо! Давай бороться!

Они «спешились» и начали бороться. Вдруг нечаянно Аблай сильно ударил Чарыша локтем в лицо и тот громко заплакал. Будто из-под земли внезапно появилась мать Чарыша. Она обняла своего сына и начала его утешать, пригрозив Аблаю кулачком, шагнула к нему. Аблай испугался и заплакал. И тут появилась его мать в белом платье, подошла к матери Чарыша и грустно посмотрела на нее и... исчезла. Калмычка остановилась, а Чарыш спросил:

– А куда ушла твоя мать?

– Ее убили джунгары! – ответил Аблай и заплакал. – О, матушка моя, моя родная матушка...

И он проснулся с этими словами. Едва открыв глаза, он увидел женщину, сидящую рядом. Спросонья она показала ему матерью. Лишь в следующий миг он понял, что эта та самая злая калмычка. Мать Чарыша невольно остолбенела, когда сонный Аблай со словами «матушка, матушка» протянул к ней руки и тихо всплакнул, и сидела

неподвижно у его изголовья, сжимая в руках занесенный для удара острый кинжал.

Аблай вскочил. От ярости его лицо потемнело, глаза налились кровью. Калмычка испуганно вскрикнула и отпрянула к выходу. На ее крик прибежала охрана. Аблай злобно бросил взгляд на них и холодно произнес:

– Уберите ее отсюда и больше не пускайте ко мне! Передайте хунтайчи Галдан-Церену, что если он решил обезглавить меня, то пусть это совершит достойно. Или во всей Джунгарии не осталось воинов? Я не дам себя убить бешеной бабе и больше не потерплю ее издевательств!

Охране пришлось доложить об этом хунтайчи. И Галдан-Церен, опасаясь, что сестра может действительно убить Аблая, запретил ей даже близко подходить к юрте пленника. Для пущей безопасности он даже старался держать ее подальше от своей орды, в ее улусе, приглашая только в необходимых случаях.

Посланцы казахов

В скором времени приехали посланцы из казахской орды во главе с Казыбек бием. У них было одно жесткое требование – немедленно освободить хана Аблая.

Казыбек би был из рода каракесек аргын. В народе его прозвали каз дауысты Казыбек, то есть «голосистый как гусь», за звонкий, певучий голос.

Хунтайчи принял их в своей орде. После обмена традиционными любезностями Казыбек би решительно перешел к делу.

– Великий хунтайчи! Вся казахская степь, вольные сыновья всех трех жузов глубоко возмущены пленением хана Аблая. И вы прекрасно понимаете, что казахи не простят вам, если случится непредвиденное. Мы надеемся на ваше благоразумие. Во имя мира между нашими народами вы обязаны немедленно вернуть нашего хана живым и невредимым!

– Так вы просите меня или требуете?

В глазах Галдан-Церена сверкнули искорки.

Казыбек би прямо и спокойно посмотрел на него и заговорил твердым, звучным голосом:

– О, великий хунтайчи,

Мы, казахи, мирный народ,

Дружелюбны ко всем и добры,

Ни к кому не шли войной и не поработщали никого.

Но того, кто приходит к нам с враждой,

Сразить готовы наши острые копыя!

Ты железо, я уголь,

Расплавить тебя пришел я!

Казахи и калмыки – братья!

Помирить их пришел я.

А если ты будешь рычать, как пантера,

То я лев,

Сразиться пришел я!

Речь лилась из глубины души мудрого и отважного кочевника как чистый родник, а речитатив придавал его словам особую силу и завораживающую красоту. Хунтайчи Галдан-Церен на мгновение замер в восхищении – так глубоко зауважал гусеголосого Казыбек бия. Но быстро взял себя в руки и строго, с достоинством ответил:

– Наше решение вы узнаете в ближайшее время!

И они вежливо простились...

Казнить или миловать?

Хунтайчи Галдан-Церен беседовал в орде со своей любимой дочерью Топыш. И тут вошла, даже просто ворвалась его сестра, мать Чарыша. Она была старше Галдан-Церена и поэтому пользовалась особыми привилегиями. Она не очень-то соблюдала и дворцовой этикет.

– О, великий хунтайчи... милый брат! – выпалила она с ходу. – Пора покончить с этим казахским кровопийцей! – она бесшумно кружила по орде, как раненая тигрица. – Сожги его на костре, как бешеную собаку! Сотри его в порошок, перемолов все кости и развей в сторону казахских степей! Или привяжи к хвостам четырех коней и пусть поскачут во все четыре стороны!

Галдан-Церен и красавица Топыш молча выслушали пламенные речи старшей сестры. Не встретив возражений, «выпустив пар», она немножко остыла и села на шкуру тигра.

– Казахская орда решительно требует немедленного освобождения своего хана, – сказал хунтайчи. – Их посланцы дали ясно понять, что в случае отказа, тем более казни, казахи собираются напасть на Джунгарию! И русский белый царь, и китайский император также желают освободить лояльного к ним Аблая. Ох, хитер и умен этот Аблай, если с ним считаются такие великие империи!

– К тому же доблестный и могучий воин! Одним словом, достойный враг, а может, и будущий друг? – с жаром вступила в разговор красавица Топыш.

– Друг, говоришь? Как вы смеее даже думать об этом! – воскликнула мать Чарыша. – На нем кровь моего Чарыша, великого воина Джунгарии! А вы, вместо того, чтобы отомстить, так долго раздумываете о чем-то недоступном разуму большинства джунгар! И мы недовольны этим!

– Да, ты права, сестра! По всем законам войны он должен погибнуть. Я должен его казнить! Он в моих руках, и никто не может помешать мне! И все нойоны и зайса-

ны тоже хотят его крови в отместку за гибель Чарыша, – Галдан-Церен еле удержался, чтобы не вскочить с трона, и воздев руки к статуэтке Будды, продолжил: – Но не могу! Почему? Сам не знаю! Что-то неведомое, непонятное держит меня, не дает решиться на этот окончательный шаг!

– Тогда отдай его мне! – спокойным, холодным тоном сказала сестра. – Я сама казню его! Казню с благословения ламы, перед всем миром, в назидание нашим врагам, казню жестоко, выпью чашу его крови и, может, тогда моя душа приобретет покой!

– Ладно, хватит! – резко оборвал ее хунтайчи. – Хоть он смертельный враг, но он хан, чингизид! Да, он пленник, но пленник особо ценный, высокого происхождения! Он мой пленник и я сам решу, как быть с ним! А тебе еще раз напоминаю, что ни один волосок не должен упасть с его головы!

Сестра переменялась в лице, с удивительным спокойствием она приняла слова хунтайчи и, поклонившись в знак покорности, молча вышла из орды. Красавица Топыш с нескрываемым восхищением посмотрела на отца, и ее большие черные глаза искрились благодарностью.

Голова барана

Мать Чарыша не зря проявила такую покорность. Она замышляла так устроить смерть Аблая, чтобы никто не смог обвинить джунгар в этом. И придумала.

Она втайне ото всех стоворилась с начальником охраны. И уговорила его кормить Аблая ежедневно только одним-единственным продуктом – мясом. Они знали, что если человек в течение двадцати-тридцати дней будет есть одно только мясо, то тихо умрет. А если Аблай хан умрет от однообразной пищи, никто не посмеет обвинить Джунгарию в этом.

Начальник охраны в душе ненавидел пленного казахского хана, да и подарки сестры хунтайчи были значительные, и он с особым рвением приступил к выполнению этого коварного замысла. Он отменил все остальные продукты и велел кормить Аблая одним только мясом. На третий день Аблай хан отказался от еды и спросил у начальника охраны – в чем дело?

– Теперь мы будем кормить тебя одним только мясом! – заявил тот нагло.

Аблай подумал и понял все коварство этого замысла. Но не подал виду и сказал со всей серьезностью:

– Тогда давайте мне вареную голову барана!

– Голову барана? Которую мы каждый день бросаем собакам? Что ты за простак такой, хан Аблай? Будем, будем тебя кормить головой барана!

И носили охранники каждый день Аблай хану вареную голову барана. И ел хан Аблай, находясь в плену, голову барана – самое почетное угощение для высоких гостей у казахов – ежедневно.

Наблюдал за ним начальник сорок дней. Мать Чарыша ждет не дождется от него радостной вести о смерти Аблая. А хан Аблай не только не собирался умирать, а даже стал поправляться на глазах, наливался силой.

Наконец не выдержали заговорщики и обратились к мудрому ламе и попросили разгадать, в чем причина этого явле-

ния, утаив, правда, об истинных своих целях. Лама подумал и ответил, что в бараньей голове много разных веществ, полезных для человека, и что они разнообразны по своей сути. Он пояснил, что в глазах, мозге, языке, ушах, то есть в каждой части вареной бараньей головы, есть разные вещества, и даже вкус у них разный. Тут заговорщики поняли мудрость хана Аблая и свою оплошность, но было уже поздно что-то делать.

Два владыки степей

Однообразные дни и месяцы в плену тянулись удручающе медленно.

Аблай сознавал, что ему надо держаться и выжить. И надеялся, что когда-нибудь этим мучениям будет конец. Но все равно временами ему становилось невыносимо тягостно, и тогда он затягивал старинные, грустные напевы степи. Это успокаивало и умиротворяло его душу.

Однажды, в конце лета, Аблая привели в орду.

Хунтайчи был один.

И снова встретились лицом к лицу два владыки степей в безбрежном океане жизни.

– Что двигает нами, наталкивая друг на друга?– спросил тихим голосом Галдан-Церен.

Аблай вопросительно посмотрел на него.

Галдан-Церен задумчиво продолжил:

– Великие империи хотят моей рукой уничтожить тебя, а твоей рукой – меня! Я потерял покой, когда ясно понял эту жестокую правду, и все время думаю, как развязать этот узел!

– Но если мы понимаем это, то, наверное, не надо быть орудием в чужих руках? – искренне удивился Аблай.

Галдан-Церен встал со своего трона и начал медленно прохаживаться по просторной орде, на ходу чеканя каждое слово.

– В этом мире много непонятого, неподвластного нам. Вот мы с тобой поняли друг друга, вроде подружились. А наши народы воюют около двухсот лет, люто ненавидят друг друга, наши воины жаждут крови и славы. Сможем ли мы с тобой остановить их, вразумить, что братоубийственная война приведет только к гибели?

– Я думаю, если объединить наши усилия, то...

Аблай хотел было продолжить, но хунтайчи жестом остановил его и продолжил, как бы размышляя вслух:

– Я стою на самой вершине власти и мне дальше идти некуда! Те, кто внизу, раньше подталкивая меня, возносили вверх и сами поднимались за мной. А теперь они хотят

мое место. Мне остается либо улететь в небеса, либо слететь вниз. Таков закон власти. И тебя ждет то же самое. Странно, зная об этом, мы все равно рвемся вверх, к власти! – вздохнул хунтайчи.

– Но я молод, я хочу многое сделать для своего народа! – ответил хан.

– И во имя своей славы! – усмехнулся хунтайчи. – Не смущайся, все мы честолюбивы! И это желание увековечить свое доброе имя в истории, в памяти народной, двигает нас к великим делам! Но какой смысл во всем этом – вот этого я не понимаю! – Галдан-Церен глубоко вздохнул и продолжил. – Я устал от крови, от войны! Мне надоели постоянные междоусобицы родов, грызня придворных. Я устал от вражды людской, от всесжигающей ненависти, зависти и предательств, подлости и лжи. Хочешь, садись на мой трон, возьми мою власть и будь владыкой калмыцкой орды!

– Благодарю вас, великий хунтайчи, – учтиво ответил Аблай хан. – Но мой народ – казахи! Только вместе с ними я буду идти к вершинам или сорвусь в пропасть!

– Народ? Казахи! Калмыки! – Галдан-Церен усмехнулся. – Что это такое? Может, случайная ошибка природы? Какая разница властелину, над кем властвовать? Мир един и должен быть только один владыка. И народ тоже должен быть один...

– То есть как?

– Очень просто. Не надо делиться ни на джунгар, ни на казахов, турков, урусотов, шуршотов... А стать единым народом! Тогда будет мир и счастье на земле! Согласен?

– Согласен! – Глаза Аблай хана озорно заискрились. – Но тогда кем будет называться единый человеческий род?

– Да кем угодно!

– Тогда давайте назовем этот единый народ казахами!?

– А за что казахам такая честь?

– Да потому что казахи – самый добрый, душевный, самый лучший народ в мире!

– Во, куда ты замахнулся! А я полагал, что ты справедлив и разумен! Оказывается, ты тоже страдаешь себялюбием и гордыней! Ни за что и никогда свободное и гордое племя калмыков не станет казахами и не будет подчиняться им!

– Помилуйте! Это я к вашим мыслям прикидку сделал... Насчет единого народа... – улыбнулся Аблай хан. – А если по правде, то очень даже хорошо, что калмык не хочет стать казахом! Но тогда почему казах должен становиться джунгаром, шуршутом или урусутом?

Хунтайчи Галдан-Церен усмехнулся и покачал головой.

– А насчет гордыни... – продолжил дальше серьезным тоном Аблай хан. – Каждый народ, как и каждый человек, считает себя лучшим в этом мире. Это естественное чувство, и не надо на это обижаться. Пусть каждый считает, как ему заблагорассудится. Только не надо доказывать силой другим, что ты лучше! Все беды людские, все войны начинаются тогда, когда одни начинают доказывать другим свое превосходство насильно! Кому плохо оттого, что каждый народ останется самим собой и будет жить на своей земле, в мире и согласии с человечеством?! Казах, оставаясь казахом, вполне может уважать других, дружить как равный с равным!

– Охо-хо! Как мило и просто! – усмехнулся хунтайчи.

– Самое главное – истинно! – не отступал хан.

– Что в этом истинного? Истина в том, что мы, великие народы, должны господствовать над малыми народами, чтобы на свете царил мир и порядок! – отрезал Галдан-Церен, и в его голосе проскользнули едва улавливаемые нотки высокомерия.

– Не-ет, вы как раз нарушаете мир и порядок, сеете вражду и проливаете кровь, уничтожая все мирное и доброе! – Аблай тоже начал заводиться, но твердо держал себя в руках. – Почему вы, называющие себя великими народами, не даете покоя другим? Почему вы должны завоевывать другие страны, диктовать им, как жить, разрушать их уклад, образ жизни, властвовать над ними и поглощать их!?

– Потому что это наш путь в этом бренном мире. Мы исключительный народ и на нас возложена особенная задача самими небесами! – гордо и самоуверенно отчеканил хунтайчи.

– Всевышний создал нас разными, но равными! Настоящая дружба бывает только между равными! – выпалил Аблай хан с жаром. – И я хочу дружить с вами, с белым царем, императором Поднебесной, со всеми как равный с равным. Быть равным и жить в дружбе – разве это так трудно?! Я казахский

хан! Мне не нужна другая страна! Я буду вместе со своим народом. Я не признаю ничьего господства ни над собой, ни над моим народом!

– Не зарывайся, хан Аблай! Ты умен и прозорлив. И прекрасно понимаешь, что если я разгневаюсь, то могу в мгновение ока отрубить твою мудрую голову! – При этих словах лицо хунтайчи посуровело и глаза налились кровью, в голосе появился металл. – И никто не посмеет меня обвинить за это, потому что по закону степей так и должно быть! В отместку за гибель Чарыша. Если я смог схватить хана казахов в его орде и привести к себе пленником, то ясно, что смогу и казнить его невзирая ни на что.

Аблай промолчал, терпеливо ожидая, когда собеседник выговорится. Галдан-Церен, как тигр, мягко и бесшумно ступал по шкурам хищных зверей, устилающим пол. Через мгновение он успокоился и заговорил доброжелательно.

– Но я не сделаю этого по многим соображениям! Ты симпатичен мне, Аблай! Мы с тобой и наши народы не должны больше воевать, а должны жить в мире! Мы должны держаться друг за друга, чтобы нас не проглотили, не стерли с лица земли! В последнее время я часто ловлю себя на мысли, что все эти годы войны, ненависть, разрушения, страдания и взаимное уничтожение калмыков и казахов не имели и не имеют никакого смысла!

– О, если бы мы поняли это раньше! Если бы не воевали и не уничтожали друг друга все эти годы! – воскликнул, не выдержав, Аблай хан. – Сколько народа было бы сейчас и в Казахии, и в Калмыкии! Чего добились джунгары в результате нашествия на нашу страну?!

Хунтайчи Галдан-Церен резким движением правой руки остановил его, сел на трон и сказал то, чего Аблай ждал с большой надеждой и хоронил с еще большим сомнением около двух лет плена.

– У меня нет ответа на этот вопрос! Но не будем обвинять друг друга, Аблай хан! Что прошло, то прошло! Теперь надо думать о будущем! Я возвращаю тебя казахам! Не знаю, будет ли это утешением, платой за многолетнюю вражду и кровопролитие между нашими народами. Но я хочу одного – остановить братоубийственную, бессмысленную войну! Мы

ведь не только воевали и враждовали. Но и сватались, брали в жены красивых девушек! Поэтому я выдаю за тебя замуж мою любимую дочь Топыш! Таким образом, надеюсь, мы породнимся и дальше будем жить в согласии и мире!

Аблай хан, к своему удивлению, встретил это судьбоносное решение спокойно. Он вдруг почувствовал сильную усталость, но не подал вида и с достоинством поблагодарил хунтайчи Галдан-Церена.

Они обнялись на прощание.

И после освобождения Аблай хана и всех пленных воцарился мир между казахами и джунгарами.

Не сбылись проклятия матери Чарыша. Наверное, Всевышний и благословенные Всевышним духи предков не позволили этого, потому что дело Аблая было правым. И Аблай хан прожил долгую жизнь, было у него тридцать сыновей и сорок дочерей от многих красивых жен, был он богат, и народ его жил в достатке и свободе, а ханство его было независимым. Народные легенды казахов вот уже несколько веков превозносят до небес героическую и счастливую эпоху Аблай хана и его батыров. И думается, тому есть все основания.

Примечания автора:

Абла́й хан – великий хан казахов 18 века, историческая личность. Настоящее его имя – Абульмансур, но впоследствии был прозван Аблаем, и с этим именем вошел в историю. Мы сознательно, чтобы юные читатели не запутались, взяли только его историческое имя.

Айда́р – мужская коса.

Айналайы́н – дословно: я буду кружиться вокруг тебя, т.е. очень ласкательное обращение.

Алгада́й – идущий впереди. Воин-смертник у казахов. Эту версию мне поведал поэт Габиден Кулахметов.

Алдаспа́н – острая сабля особой закалки.

Арка́н – веревка с петлей на конце, предназначенная для набрасывания на цель и последующего затягивания при натяжении веревки.

Аруа́х – духи предков.

Асы́ки – игра в кости.

Атта́н – дословно «по коням!»

Байга́ – скачки.

Баты́р – воин-герой.

Би – судья-оратор, политический правитель после хана.

Джиги́т – молодец, удалой мужчина.

Джунга́р – монгольское. Левая рука (левое крыло войска).

Дурбу́т – калмыцкое племя.

Жалмауы́з – сказочный персонаж казахов. Дословно «обжиратель».

Жа́н – душа, ласкательное – душенька моя.

Жезты́рнак – мифическое существо степи. Дословно «медный коготь».

Жуса́н – полынь.

Жыра́у – поэт-философ кочевников.

Зайса́н – каз: жайсан, титул знатности у джунгар.

Касте́к – народную легенду о Кастек батыре мне рассказал акын Оразалы Досбосынов.

Кокпа́р – национальная конная игра казахов.

Кумыс – напиток из кобыльего молока.

Курт – кисломолочный продукт в засушенном виде.

Найза – копые.

Ноян – нойон, витязь, князь у джунгар.

Ойрот – древнее племя, корень монголов и калмыков.

Сарбаз – воин.

Сардар – полководец.

Сарыарка – дословно: желтый (золотой) хребет, центральные и северные края Казахстана.

Султан – князь.

Тайказан – тай – полуторагодовая лошадь, казан – котел, тайказан – большой котел, где можно варить мясо целой лошади.

Таксыр – т.е. высший господин, ваше величество.

Темирказык – (досл. Железный кол). Полярная звезда.

Торгаут – калмыцкое племя.

Торе – каз. род потомков Чингис хана.

Тулпар – благородный скакун.

Тумен – десятитысячная армия.

Узан – жырау древности.

Улар – горная птица.

Улус – родной край, владения.

Уран – боевой клич.

Урусуты – русские.

Хан – казахский царь, король, властелин.

Ханзада – сын хана, царевич, принц.

Хунтайчи – джунгарский хан.

Шагатайский язык – древний, общий литературный язык тюркских народов.

Шерик – джунгарский воин.

Шуршуты – китайцы.

СКАЗКИ

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ АСКАР

Старый степняк

Жил-был старик Аскар в затерянном в бескрайней степи маленьком казахском ауле. Времена менялись, дети старика переехали в город в поисках лучшей доли. А старый степняк не хотел переезжать в шумный город и остался в родном ауле. Иногда ему становилось грустно, тогда он напевал древние песни.

Недалеко от аула протекала степная река Селета. Была весна, и тихая река разлилась во всю ширь. Старик любил приходить на берег реки и предаваться мечтаниям. В детстве он увлеченно читал сказки народов земли, и незамутненная фантазия уносила его в мир приключений. Теперь, на старости лет, его опять начал сильно манить к себе справедливый сказочный мир. Аскару хотелось стать опять маленьким, уплыть далеко-далеко и встретиться с любимыми героями. При одной такой мысли у старика дух захватывало, сердце начинало биться сильнее, как в далекие и светлые дни счастливого детства.

Птенчики и змея

Однажды он смастерил бумажную лодочку и пришел на берег реки. Старик представлял себя маленьким мальчиком и азартно начал играть в путешественника.

Вдруг увидел гнездо птицы на кустике плывущей степной травы. Аскар залюбовался такой искусной работой маленькой пичужки и кончиком своей палочки притянул к себе кустик. В гнезде ютились три птенца. Они весело чирикали и, раскрыв рты, ждали, когда матушка накормит их.

Тут из воды выплыла большая змея и собралась напасть на птенцов. Но Аскар ловко схватил гнездо и вытащил на берег. Змея зашипела от ярости и нырнула обратно. Прилетела птичка, села в свое гнездо и радостно поблагодарила Аскара:

– Спасибо! Да сбудется твоя сокровенная мечта!

Птенчики весело зачирикали, взмахивая крылышками.

В это время разгневанная змея опять выплыла из глубины и взмахнула хвостом. Поднялись мощные волны, которые полностью накрыли Аскара и птенцов. В следующий миг волны ушли, а чуть не задохнувшийся Аскар увидел, что очутился вместе с птенчиками на своей бумажной лодочке, которая превратилась в большую крепкую лодку! И на весле сидела птичка.

– О, добрый мальчуган! Ты смело вмешался в ход сказочных событий! – заговорила птичка певучим голосом. – Перешел границу и вошел в наш мир! И теперь тебе предстоит долгий путь – целый год, прежде чем ты вернешься к родному очагу! Но не отчаивайся – добрые друзья всегда будут рядом с тобой!

С этими словами птичка улетела. Аскар удивился, почему она назвала его мальчиком? Невольно посмотрел на воду и обомлел!

Из воды смотрел на него мальчик! Это был он, Аскар!

Он схватился за голову. Отражение в воде делало то же самое. Сомнений не оставалось – старик чудесным образом вернулся в свое детство!

Свершилась его мечта! Он стал мальчиком! На нем был синий камзол-кафтан с красным воротом, серебристыми узорами, небольшой белый колпак-шляпа и широкие серые штаны. На кожаном поясе висела дорба – кожаная сумочка.

Селета тихо текла по степи и уносила лодку все дальше.

Волшебная тибетейка

Наступила ночь. Аскар сошел на берег и привязал лодку к кусту. Собрал хворост, зажег костер и собирался поужинать.

Вдруг к нему незаметно подошел неизвестный. Аскар поделился с ним едой. Оказывается, это был казахский сказочный герой Алдар Косе – Безбородый обманщик. После еды Алдар Косе повеселел и сказал Аскару:

– Ты, я вижу, добрый малый! Не стану тебя обманывать, хотя так хочется! За твою доброту я отблагодарю тебя! Возьми эту тибетейку!

Алдар Косе подарил мальчику старую, изношенную тибетейку.

– Не думай, что это старье! Она не простая, а волшебная! Кто ее наденет, тот становится невидимым! Но только когда у него добрые помыслы и только один раз! А если задумает плохое, то волшебство теряет силу! Запомни это!

Не успел Аскар и рта раскрыть, как Алдар Косе растворился в темноте.

– А все-таки я обманул тебя! – донесся только его веселый голос. – В тибетейке осталась не одна, а две попытки!

– Спасибо! Какой хороший обман! – весело крикнул Аскар.

Старушка и золотая рыбка

Наступило утро, и он поплыл дальше. Вдруг услышал отчаянную брань. Оглянувшись, заметил на берегу старика и старушку. Аскар подплыл к ним.

– Ах, ты окаянная! Это кого ты вздумала надуть, а! Нашла дуру! Вот тебе на! – кричала старушка и показывала дулю кому-то в ведре. А старик молча топтался вокруг нее.

Аскар вышел на берег. Но старик и старушка даже не заметили его. Аскар пригнулся и спрятался за кустарником и стал наблюдать за ними.

Разъяренная старушка вытащила из ведра рыбку. Да не простую, а золотую!

Вот тут-то осенило Аскара! Да она ведь из сказки Александра Сергеевича Пушкина! Стало ему очень интересно и немножко жутковато.

Старушка перестала браниться и суровым голосом выговаривала золотой рыбке:

– Ты что думала, что я вот так запросто отстану от тебя? Зачем забрала обратно то, что подарила? Это нехорошо... сначала подарить дом, дворец, а потом обратно забирать! Но я перехитрила тебя! Ждала столько, но дождалась и поймала тебя! Теперь ты сделаешь все, что я пожелаю, или я тебя живьем зажарю на медленном огне, на чугунной сковороде!

Старуха развела костер. Запахло дымом.

Аскар надел волшебную тюрбетейку и невидимый быстро подбежал к костру. Улучив момент, когда старуха оборачивалась и ворчала на бедного старика, он схватил золотую рыбку и убежал подальше.

Забравшись на свою лодку, поплыл по течению вниз. Он с детства любил эту интересную сказку. И вот теперь был просто счастлив!

Первой заговорила золотая рыбка.

– Спасибо тебе, Аскар!

– Откуда ты знаешь мое имя?! – удивился мальчик.

– Ты что, забыл? Я же волшебная рыба!

Аскар радостно засмеялся.

– Но прошли времена добрых сказок. Люди все переломали, перемололи и не оставили никаких волшебных чудес на земле. Все смешалось в сумасшедшей гонке за прибылью! И на меня начали охотиться всюю! Во всех водоемах поставили сети, взрывали и травили бедных рыб. Вот наконец-то старой карге удалось поймать меня!

Аскар жадно ловил каждое слово рыбки.

– Всем людям так хочется поймать меня и выпросить богатства. А я думаю, что нужно самому, своим умом и силой воли добиваться всего.

– Я у вас ничего не прошу! Я просто не хотел, чтобы любимую золотую рыбку всех детей земли зажирила и съела эта старая стерва!

– Знаю! – сказала рыбка. – Но все равно я тебе подарю одно волшебство!

Это было особое волшебство – одно пожелание. И что бы ни пожелал Аскар, то сбудется. Но при одном условии – желание должно быть только добрым! Если он задумает что-то недоброе, дар этот пропадет напрасно.

Аскар поблагодарил золотую рыбку, отпустил ее в реку. Вскоре увидел лес, и ему захотелось путешествовать пешком. Он оставил лодку на берегу и зашагал в сторону леса.

Маша и медведь

У опушки леса он увидел девочку, собирающую ягоды.

– Да это же Маша из русской народной сказки! – воскликнул Аскар и подбежал к ней. Они познакомились. Аскар рассказал, как он любит сказку про Машу и медведя.

– Вот ты какая, умница, красавица! Как я рад, что встретился с тобой! – восторженно произнес он.

Маша обрадовалась его словам, но тут же загрустила.

– После того как я обманула медведя и пришла домой, дедушка и бабушка все время боятся, как бы медведь опять не украл меня. Сегодня тайком от них ушла в лес, чтобы прогуляться!

В это время они увидели огромного медведя и спрятались за могучей сосной. Медведь лениво шел прямо на них.

– Ой, как я боюсь, Аскар! – прошептала Маша. – Если он увидит меня, то заберет к себе и никогда больше не отпустит! И я больше не увижу дедушку и бабушку!

Аскару стало очень жаль ее. И тут он вспомнил о волшебной тибетейке Алдара Косе.

– Возьми и надень эту тибетейку – станешь невидимой! Больше бояться тебе нечего! – сказал Аскар.

Маша обрадовалась, надела тибетейку, стала невидимой и побежала домой. Медведь зарычал. У Аскара екнуло сердце, но медведь не увидел девочку-невидимку и пошел дальше. Аскар мысленно поблагодарил Алдара Косе: молодчина, не обманул его великий обманщик!

Мудрая гусыня Акка

Аскар продолжил свой путь. Вскоре он увидел небольшое озеро. Было жарковато, и он обрадовался. Но издали заметил две подозрительные фигуры, суевившиеся в воде, и спрятался за камышом. Это были охотники. Они расставляли большие, крепкие сети под водой. Закончив свое коварное дело, ушли.

Аскар осторожно подошел к воде и все понял. Сети были расставлены для ловли птиц!

И тут как тут прилетели гуси. Они окунулись в чистую прохладную воду, утолили жажду и, гогоча, поплыли прямо в сторону мальчика, к сетям.

Аскар закричал:

– Гуси! Гуси! Не ходите сюда! Тут сети!

Гуси загоготали еще сильнее, но остановились. Аскар начал вырывать сети и вытащил их на берег. И тогда гуси подошли к нему.

Аскар узнал их. Это были гуси из сказки самой Сельмы Лагерлеф! Он очень обрадовался встрече со старыми друзьями. Да, да, он считал себя другом всех милых сказочных персонажей! Но вот вопрос: считают ли они его, неизвестного казахского мальчика из далекого аула, своим другом?

Гуси встревожено загоготали, стали окружать чужака, а вожак угрожающе зашипел и принял боевую стойку, раскрыв огромные крылья во всю мощь и высоко подняв жесткий длинный клюв. Но большая белая гусыня резким окриком остановила их.

– Негоже видеть в каждом незнакомце врага! Посмотрите лучше на эти сети! Они были приготовлены для нас! И кто знает, что бы случилось, если бы не этот добрый мальчик!

Она величаво подошла к мальчику и поблагодарила его.

Аскар улыбнулся.

– Ваше имя Акка?! – спросил он у большой гусыни.

– Да! Но откуда тебе это известно? – удивилась гусыня.

Аскар рассказал о том, что он с интересом прочитал сказку про них.

– Ваше имя Акка похоже на казахское Ак каз – белая гусыня!

Акка была польщена учтивой речью мальчика.

– Ты доброжелательный мальчик! А это высший дар природы!

Гусям очень понравились его искренние слова, и они дружелюбно приблизились к нему. Узнав, что Аскар хочет путешествовать, они с большим удовольствием забрали его вместе с собой в дальние края. И Аскар был от счастья на седьмом небе в буквальном смысле слова, ибо он летел на гусях через долины и озера, через горы и леса. О, как прекрасен этот мир с высоты птичьего полета!

Он восторженно кричал! Раскинув руки, хотел обнять весь мир! И сорвался со спины гусака и полетел вниз!

Молодой гусак испуганно вскрикнул, стая встревожено замедлила ход. Но мудрая Акка, бросив взгляд на полет мальчика, сказала:

– Продолжаем свой путь! Он прилетел куда надо и встретит кого надо!

И стая полетела дальше.

Достопочтенный барон Мюнхгаузен

Оказывается, Аскар упал прямо на скирду сена, что стояла на лугу самого барона Мюнхгаузена!

Достопочтенный барон обрадовался такому редкому гостю из незнакомой доселе загадочной страны. Он велел своим слугам накрыть богатый стол, на славу накормил мальчика. Рассказал много интересных историй, и Аскар, подражая барону, начал вспоминать сказки-небылицы казахов. Разгоряченный барон вдруг предложил мальчику:

– Давай врать на спор! Посмотрим, кто кого переверет?

– О, я вам не соперник! Я читал про вас! И очень высоко ценю ваш острый ум и великолепную фантазию!

– Мое почтение! – сказал вежливо польщенный барон-враль. – Но если не будешь состязаться со мной в искусстве вранья, то не выйти тебе из этого древнего каменного замка вовеки!

В подтверждение своих слов барон бабахнул с длинноствольного ружья в воздух. Мальчик быстренько кивнул головой.

– Вот, слушай, милый Оскар...

– Я не Оскар, а Аскар! – возразил Аскар.

– Ну, нам так привычней! – усмехнулся самодовольный барон Мюнхгаузен. – Ты не обижайся, Оскар! Так вот, однажды я со скуки пальнул в небо из своего старого доброго дробовика по летящим прямо над моей горячей печной трубой гусям! И что было потом? Никто не поверит!

Барон самозабвенно покрутил усы и продолжил:

– Вдруг что-то с грохотом выпало из печи! Смотрю – жареный гусь! Пальчики оближешь!

– А ведь мы были вместе, когда это случилось! – с улыбкой подхватил мальчик. – Мы с вами встретились на берегу нашей реки Селеты! Вы тогда упали с пушечного ядра, когда путешествовали на нем! Я вас перевез на лодке на другой берег! И мы точно так же поспорили, кто кого переверет! Увлеченные жарким спором, даже не заметили, как нас вместе с лодкой проглотил

огромный злой гусак! Мы продолжали свой спор уже в животе разгневанной птицы, а тем временем гусак полетел во главе своей стаи!

– Хм-м, вполне вероятно и в моем духе! – крикнул барон.

– Мы с вами не заметили, как долго летел гусак! Вдруг по нему пальнули! Оказывается, это вы точно попали в птицу, летевшую над вашей горячей печной трубой, и мы очутились на вашем обеденном столе!

– О-о, это даже интересно! Барон бьет по гусаку, у которого в животе сидит сам! Здорово!

– И когда вы разрезали гуся, – продолжил Аскар с улыбкой, – мы сидели там и все еще спорили. Только тогда, когда вы окликнули нас, мы очнулись и со страху выпрыгнули из зажаренного гусака!

Барон Мюнхгаузен молча покачал головой.

– Тут случилось самое интересное: Мюнхгаузен, который стрелял в гусака, хотел отведать Мюнхгаузена, зажаренного в животе гусака! Тот не разделял эту точку зрения, и два барона жарко сцепились, стараясь съесть живьем друг друга!

– Ну нет, это вранье! Мюнхгаузен – не каннибал и не самоубийца! – закричал раздосадованный барон-враль.

– Я совершенно согласен с вами! Но, будьте добры согласиться, я переврал вас! – сказал мальчик, улыбаясь.

Барон Мюнхгаузен захохотал и хлопнул по плечу Аскара.

– Bravo, Оскар! – воскликнул несколько раз distinguished барон. – Так иди и помни: отныне и навеки барон Иероним фон Мюнхгаузен твой верный друг! Вот тебе мой свисток на память, и, если что, свистни пару раз – и я буду тут как тут! Пара моих великолепных крупнокалиберных ружей всегда к твоим услугам! И помни: барон Мюнхгаузен всегда говорит только правду и отвечает за свои слова! Просто моя правда немножко фантастическая!

Аскар спрятал свисток в дорбе-суме, поблагодарил гостеприимного барона и продолжил свой путь.

Стойкий оловянный солдатик

Долго и весело шагал мальчик-степняк по просторам сказочного мира. Он встречал многих знаменитых персонажей, знакомых ему по книгам великих сказочников, и подружился с ними. Видел Винни Пуха на дереве, Кота в сапогах, Щелкунчика в парадной форме, Карлика Носа, Золушку вместе с принцем, Красную Шапочку с бабушкой и других милых ему героев сказок. Было много интересных случаев и событий, когда на них нападали темные силы. Тогда друзья выручали друг друга. От благородного чувства бескорыстной дружбы Аскар был счастлив и радовался безмерно. Он благодарил всех своих старых новых друзей за радостные мгновения жизни и расставался с ними с теплыми чувствами в душе.

Через некоторое время Аскар пришел в незнакомый город. Он шел по узкой улочке, озираясь по сторонам. Вдруг увидел кучку шлака и золы. Мальчик хотел обойти ее, но краем глаза заметил в ней что-то необычное. Он палочкой разгреб кучку. Там оказались расплавленный кусочек олова и обгоревшая брошка.

Аскара осенило: «Да это же стойкий оловянный солдатик с любимой подругой танцовщицей из сказки Ганса Христиана Андерсена!» Он любил этого сказочного солдатика, и ему всегда было жалко, что его вместе с любимой танцовщицей отправили в огнедышащую печь. Теперь вот он, в его руках! Аскар сел на скамейку в саду и начал думать о том, как вернуть стойкого солдатика в строй и поженить с танцовщицей. Мало того, он сильно хотел вернуть ему вторую ногу. И вспомнил золотую рыбку. Он обратился к ней и высказал свое желание. Тут же до его ушей донеслись всплеск волн и звонкий голос золотой рыбки: «Пусть так и будет!»

В следующее мгновение кусочек олова и обгоревшая брошка встрепенулись, подпрыгнули ввысь. Аскар вначале даже потерял их из виду! Смотрит: опустились на землю тан-

цовщица и стойкий оловянный солдатик – в парадной форме, на обе ноги!

Радости всех не было предела! Они обнялись и танцевали, делая круг за кругом. Но затем решили поскорее покинуть этот город, дабы ненароком не попасться на глаза недоброжелателям солдатика и танцовщицы. Лучше уйти в дальние края, решили они.

Бременские музыканты

Счастливые друзья летели, будто на крыльях радости, и вскоре оказались в безлюдном лесу, возле одинокого дома. Они решили войти и передохнуть. Но не тут-то было!

Сначала залаяла собака, закукарекал петух, замыкал кот. К ним присоединился чудовищный крик! Танцовщица испуганно прижалась к своему стойкому оловянному солдатику, а храбрый воин вскинул ружье и был готов к бою. Но Аскар, степной мальчик, сразу узнал по голосу осла и жестом успокоил своих друзей.

– Ба! Это же Бременские музыканты из сказки братьев Grimm! Вот удача! – обрадовался мальчик и побежал к дому с распростертыми объятиями. Увидев улыбающегося мальчика, Бременские музыканты успокоились и пустили друзей в дом.

Познакомившись, поговорили и рассказали свои истории.

Музыканты попросили оловянного солдатика остаться и жить вместе.

– Будешь нашим другом и надежной охраной! А танцовщица будет управляться на кухне и танцевать!

Стойкий оловянный солдатик задумался. Тут вступила в разговор танцовщица.

– Да, ты славно служил! Но пора и на покой, тебе нужен отдых! Давай, милый, останемся здесь, будем трудиться и наслаждаться мирной жизнью!

Стойкий оловянный солдатик улыбнулся. Ему самому давно хотелось построить счастливую семейную жизнь, слова любимой пришли к нему по душе. Он согласился. Все радостно одобрили это решение. Бременские музыканты начали петь, Аскар присоединился к ним, а танцовщица начала танцевать. Не выдержал стойкий оловянный солдатик и пустился в пляс вместе с ней.

В это время послышались громкий шум и топот. Посмотрев в окно, друзья поняли: на их дом напали разбойники. Да,

те самые разбойники, которых когда-то прогнали Бременские музыканты. Разбойники были злые и махали саблями и кинжалами.

Друзья приготовились к обороне.

И вот тут Аскар вспомнил о своем друге бароне. Он достал из сумочки свисток и свистнул два раза. В ответ послышался страшный свист. Оказывается, это было пушечное ядро, на котором летел барон Мюнхгаузен, заряжая на ходу свое огромное ружье. Улучив момент, он спрыгнул с ядра в густую траву, а снаряд продолжил свой путь. Увидев спустившегося с неба воинственного барона в цветастом мундире и с двумя ружьями наперевес, разбойники пришли в ужас и побежали без оглядки. Барон Мюнхгаузен пальнул пару раз им вслед. Разбойники исчезли за горизонтом, и, хотелось верить, навсегда.

Бравый барон расхохотался.

– Ну как, Оскар?!

Друзья зааплодировали.

– Барон Мюнхгаузен – настоящий друг! Он никогда не врёт и держит данное слово! Рахмет, данке, спасибо! – воскликнул Аскар.

Барон учтиво поднял шляпу и собрался что-то сказать. Но, увидев, что пушечное ядро возвращается, сосредоточился и быстро вскочил на него, как на боевого коня, и улетел.

– До свидания, Оскар! – донесся его голос.

– До свидания, барон! – крикнул Аскар ему вслед.

Его новые друзья были в восторге от такого поворота событий и долго благодарили доброго мальчика.

Вдруг завыл ветер, резко похолодало. Начался буран. Друзья спрятались в доме.

Теплота Снежной королевы

Но вскоре погода также быстро изменилась. Стало тепло, а затем и жарко. Снежные сугробы начали таять на глазах. Аскар вышел из дома и, осмотревшись по сторонам, удивился такой резкой перемене погоды. Вскоре он увидел среди деревьев странную, сверкающую на солнечном свете карету.

Это была карета Снежной королевы. Она, стройная, величественная и властная, спокойно сидела и смотрела прямо на Аскара.

Аскар обрадовался.

– О, я Вас узнал! Вы – Снежная королева! Я читал сказку Ганса Христиана Андерсена и мечтал увидеть Вас! Да, Вы действительно несравненно красивы!

Искренние слова мальчика так понравились королеве, что она заулыбалась. И лицо ее потеплело.

Только тогда Аскар заметил, что жаркая погода играет злую шутку с ней. Ее блестящие, красивые наряды из снежинок и льдинок, игристо сверкающие на солнце, как бриллианты, казалось, вот-вот растают. Ледяная карета была окутана густыми парами. Аскар понял, что карета попала в антициклон и оказалась в плену у теплых потоков воздуха. И, как ему показалось, королева ничего не могла с этим поделать!

Аскар не выдержал и воскликнул:

– Да как же это так!?! Ведь Вы можете растаять вместе с санями, и сказочный мир лишится своей прекрасной Снежной королевы!

И он решил спасти Снежную королеву.

– Чем могу помочь Вам, о, великая королева?! – с жаром спросил он.

– А зачем ты хочешь меня спасти? – спросила королева.

– Я же холодная, никому ненужная, вредная королева! Люди страдают от меня!

– О, нет! Мы вас любим! Если бы Вы были злой, недоброй, то не отпустили бы Кая с Гердой, а заморозили бы их

навек! Вы несравненная, сказочная Снежная королева, и Вы всегда нужны нам, детям! У Вас добрая душа, скрытая под холодным блеском!

Слова мальчика глубоко тронули ее.

– О, славный мальчуган! Ты уже помог мне своими добрыми пожеланиями. Садись в карету, будь моим гостем.

Растроганный мальчик не мог отказать любимой королеве. Он только помахал рукой на прощание своим друзьям. Она посадила его в карету рядом с собой и подула в сторону севера. И в теплом воздушном потоке в мгновение ока появился ледяной коридор. Снежная королева тихо хлопнула в ладони, и карета помчалась. В скором времени они приехали в сверкающий снежный дворец.

Шесть месяцев прожил Аскар во дворце Снежной королевы. Она путешествовала вместе с ним по снежным раздольям вечной мерзлоты. Аскар видел множество чудес морозного края. Белые медведи, моржи и тюлени, полярные лисицы дружелюбно встречали свою Снежную королеву и ее гостя, доброжелательного мальчика Аскара из далекой степи.

Аскару было очень хорошо во дворце, но с каждым днем приближался конец его пребывания в сказочном мире. И в его душе усиливалась тоска по родному краю, степным раздольям и реке Селете.

Однажды Аскар попросил Снежную королеву отпустить его домой.

– Разве тебе плохо живется во дворце королевы? – спросила она.

– Прекрасна эта морозная свежесть! Но родной край милее любого дворца!

Снежная королева грустно задумалась и кивнула головой:

– Ты бескорыстен и доброжелателен! Спасибо тебе, Аскар!

Она посадила мальчика в сани и помчалась. Вскоре они оказались на берегу Селеты, откуда мальчик начал свое путешествие.

Снежная королева помахала рукой мальчику.

– До свидания, Снежная королева! – промолвил растроганный Аскар.

– До свидания, добрый мальчик! Я буду навещать тебя зимой. Примчусь из Лапландии в твою степь, укутавшись белым бураном, – ответила Снежная королева и быстро исчезла за горизонтом.

Подарок золотой рыбки

Аскар сидел на берегу родной Селеты. Он был безмерно рад и огорчен одновременно. Радовался тому, что ему удалось погулять на славу в мире сказок. Но огорчало, что теперь он должен вернуться обратно.

Вдруг что-то блеснуло в воде, и Аскар черпнул ведрком воду. Смотрит: в ведерке опять золотая рыбка!

– О, как дела, друг мой? – воскликнул мальчик.

– Ты еще называешь меня другом? – удивилась рыбка.

– Да! Я твой друг!

– Но ты же знаешь, что у меня больше нет волшебного дара! И я не могу тебя отблагодарить ничем!

– А мне ничего от тебя и не надо! – искренне сказал доброжелательный мальчик. – Моей душе приятно, что ты живешь на свете! Плыви себе!

Аскар бережно отпустил золотую рыбку в реку. Рыбка нырнула, но в следующий миг выплыла опять.

– Спасибо тебе, человеке! – молвила она. – Теперь я верю, что ты настоящий друг! Я впервые вижу человека, который ничего не просит у золотой рыбки и ничего не требует в благодарность за свою доброту. Отныне и навеки я тоже считаю тебя своим настоящим другом!

Аскар был счастлив.

– Ты можешь остаться в сказочном мире, о, добрый мальчик! И стать одним из нас. Скажи только: «Да!»

– Да! – вырвалось из груди Аскара.

– Пусть так и будет! – молвила золотая рыбка и, на прощание махнув хвостом, исчезла из виду.

Так исполнилась заветная мечта мальчика, и он остался навеки в сказочном мире добрым мальчиком Аскарком, другом прекрасных героев сказок всех народов земли.

07.10.2015 г. – 08.04.2016 г.

СНЕЖНЫЙ ДОМИК

Дедушка Баян построил во дворе домик из снега для внука Тайбека. Несколько ловких взмахов лопатой, и рядом появился сарай.

– Во-о! Здесь будут жить мои лошади, коровы, овцы и козы! – воскликнул обрадованный Тайбек.

Баян ата рядом с сараем сделал пещеру. Тайбек поместил туда своих динозавров, мамонтов, медведей и другие игрушки. Перед сараем привязал собак.

От радости лицо его покраснело. Несмотря на мороз, мальчик играл допоздна.

Ночью он долго думал, как еще улучшить свой снежный домик.

На следующий день, когда он вышел во двор, то увидел, что какие-то дети, возвращавшиеся из школы, топчут и разрушают его домик.

– Эй, прекратите! – закричал возмущенный Тайбек и побежал к ним.

Ученики начали дразнить Тайбека и разыгрались пуще прежнего. Девочки показывали ему язык. Мальчики растолкали его и повалили на снег. Распрыгались и сравнивали с землей сарай, пещеру.

Тайбек от злости громко заплакал и закричал: «Ата!»

Услышав его крик, дедушка выбежал из дома.

– Эй! – прогремел он. – Почему вы так обошлись с нашим домиком?

Ученики испуганно обернулись. Баян ата грозно поднял палку.

– Ата! Дай этим плохим ребятам! – воскликнул Тайбек, вскочив на ноги.

Ученики застыли в страхе.

– Ох, дети мои, – сказал, смягчившись, Баян ата. – Как вам не стыдно? Зачем вы разрушили снежный домик? За что?

Ученики молча опустили головы.

– Да, так... просто, – пробормотал один.

– Просто так, говоришь... А если кто-то со скуки, просто так разрушит твой дом, а!? Было бы хорошо? – говорил Баян ата, легонько ткнув его палкой в живот.

– Нет! – ответил мальчик.

– Ага! А если так, то почему вы разрушаете дом другого человека? Запомните на всю жизнь: любую вещь разрушить легко. Но плохо! А создать что-то новое – трудно. Но хорошо! Вы сегодня совершили плохой поступок. Значит, вы – плохие дети!

– Не-ет! Мы не плохие! – хором зашумели ученики.

– Тогда не делайте плохое дело! – сказал Баян ата, ткнув палкой в воздух. – Будьте хорошими людьми! Поняли?!

– Поняли, дедушка!

– Нехорошо получилось... Простите нас! – говорили ученики с жаром, перебивая друг друга.

– Ну, ладно... Тогда давайте вместе построим новый дом! – сказал Баян ата.

Ученики азартно приступили к делу. Все вместе построили новый дом больше, выше прежнего. Девочки занялись отделкой внутри и нарисовали много причудливых узоров на снежных стенах. Мальчики построили сарай, прорубили пещеру. Тайбек старался не отстать от них и расставлял своих животных и зверей по местам.

После завершения работы все вместе любовались красотой белого снежного домика и двора. Ученики сфотографировались с дедушкой Баяном и Тайбеком на этом фоне. Весело играли вместе до вечера и разошлись в прекрасном настроении.

ЗУБ СОСЕДА

1

Дедушка подарил Тайбеку игрушку – жеребенка. Он вырезал его из березы и покрасил. Деревянный белый жеребенок был прекрасен – глаза добрые, мордочка симпатичная, уши торчком, грива и хвост блестят, копыта крепкие.

Тайбек очень обрадовался и побежал к своим друзьям – Сайраш и Доскен, которые играли во дворе.

– Вот, смотрите! Какого жеребенка подарил мне мой дед!

Сайраш и Доскен раскрыли рты от зависти. Жеребенок казался живым. Они хотели потрогать, подержать его и невольно протянули руки. Но Тайбек воспротивился.

– Нет, не отдам! Это мой жеребенок!

Тайбек поводил жеребенком по песку, скакал туда-сюда, сюда-туда. Доскен и Сайраш завидовали еще сильнее. Наконец Доскен не выдержал и бросился к жеребенку. Тайбек преградил ему путь, и они сцепились. Долго боролись, вдруг Доскен изловчился, вырвал жеребенка и побежал. Разозленный Тайбек погнался за ним, догнал и сильно толкнул. Доскен упал. Когда он падал, то ударился лицом о ноги деревянного жеребенка и сломал передний верхний зуб. Тайбек забрал своего жеребенка. Из рта Доскена потекла кровь, и он, громко рыдая, пошел домой. Испуганная Сайраш застыла на месте.

Тут же из дома вышел Доскен вместе с отцом. Огромный, как гора, его отец был кузнецом. Голова как котел, усы как молот, борода как ведро, уши как щит, глаза как ладони. В мускулистых руках он крепко сжимал страшные железные щипцы.

Кузнец одной рукой взял Тайбека за шкуру и поднял высоко над землей. И поклацал железными щипцами.

– Око за око, зуб за зуб! Я сейчас вырву твои зубы и сотру в пепел! – прогремел он.

Тайбек в ужасе закричал: «Ата! Ата!»

Услышав голос внука, его дед выбежал из дома.

Увидев аксакала, кузнец освободил Тайбека. Тайбек, обняв своего жеребенка, спрятался за дедушку.

– Что случилось, сынок? – спокойно спросил Баян ата соседа.

– Аксакал, ваш внук выбил зубы моему сыну! Что вы на это скажете? – прохрипел кузнец.

Баян ата сурово посмотрел на внука.

– Это правда, Тайбек? Зачем ты так?

– Он забрал моего жеребенка! – воскликнул Тайбек.

– Да, да! – подтвердила Сайраш.

– Мне очень понравился... Я хотел поиграть, а Тайбек был против! – возразил Доскен.

– Ну как бы ни нравился, нельзя отбирать чужую вещь! Это неправильно! – отчеканил Баян ата.

Доскен покраснел, пряча глаза.

– А драться из-за игрушки – еще хуже! – сказал Баян ата внуку.

Тайбек опустил голову.

– Аксакал, – сказал отец Доскена, еле сдерживая гнев. – Тайбек вернул свою игрушку. А кто вернет зуб Доскену?

В это время Сайраш среди песка нашла зуб Доскена и принесла ему.

– Вот твой зуб! Возьми, положи на место!

Доскен попробовал вставить зуб на свое место, но никак не получалось. Как ни старался Доскен, зуб все время выпадал, а язык постоянно выскакивал из образовавшейся щели.

– М-м, да-а! Как быть теперь? – сокрушался Баян ата. – Простите нас, пожалуйста... Мы же соседи!

– Нет! – отрезал грозно кузнец. – Если не вставите зуб Доскена, то я выдерну этими клещами точно такой же зуб у Тайбека!

Он угрожающе поклацал щипцами и, вращая глазищами, повел Доскена домой. Испуганная Сайраш побежала к себе. Тайбек, крепко обняв жеребенка, прильнул к деду. Баян ата растерянно погладил свою белую бороду.

Всю ночь переживал и размышлял Тайбек о содеянном, а наутро обратился к деду.

– Ата, дай мне денег! Я пойду на базар и куплю Доскену зубы. А может, вместе пойдем?

– Хорошо. Но ты сам ищи зубы и найди. А я оплачу! – сказал дед.

Они пришли на большой базар. Базар блестел, ослепляя богатством товаров.

– Идите сюда! Сюда! У нас все есть! Подходите и берите! – зазывал толстый торговец.

– Зубы есть? – тихо спросил Тайбек.

– Зубы? – удивленно переспросил толстяк. – Какие зубы? Чьи зубы?

– Зубы соседа! – сказал мальчик.

Толстый торговец заморгал большими глазами и вопросительно посмотрел на деда Баяна. Баян ата незаметно для Тайбека подмигнул ему. Толстяк начал что-то соображать и повернулся к Тайбеку.

– Та-ак, тебе нужны зубы какого соседа? Собаки или кошки?

– Нет, мне нужны зубы человека! – сказал Тайбек.

– А-а, человечьи зубы? Вот это да! Где их нам найти? – воскликнул торговец. – Запомни на всю жизнь, малыш! Никто, кроме Всевышнего, не может воссоздать ни один живой орган человека! Поэтому ничем не могу помочь.

Тайбек сильно расстроился. Дед поблагодарил торговца и повел внука домой.

– Вот видишь как... Как бы ты ни разозлился, нельзя наносить вред человеческому телу, здоровью. То, что ты сломал зуб соседу – большая ошибка! Теперь как это исправить? Может, будешь всю жизнь прятаться дома от страшных железных клещей кузнеца?! А от совести-то не спрячешься!

Тайбек сокрушенно молчал. Пришел домой грустный и рано лег спать.

Он видел сон.

Во сне все его игрушки ожили и паслись в степи.

Тайбек сел верхом на своего жеребенка и подъехал к динозавру, который с аппетитом разжевывал сочную зеленую траву.

– Динозавр, а динозавр, подари мне один зуб! Я его вставлю соседу! – попросил мальчик.

– Пожалуйста, возьми! Не жалко... – захохотал динозавр.

Тайбек тоже засмеялся. Каждый зуб динозавра – как человек в полный рост. Как его взять, как его вставить?

В это время медведь ловил рыбу на реке. Тайбек подъехал к нему.

– Медведь, а медведь, дай мне один зуб! Я должен вставить его соседу! – попросил он.

– Я свои зубы никому не даю! Попробуй, вырви! – зарычал медведь. – Они мне самому нужны, чтобы есть рыбу!

Тайбек подъехал к мамонту.

– О, миролюбивый мамонт! Дай мне один зуб – я должен вставить его соседу!

Мамонт посмотрел на него с усмешкой. Поднял хобот вверх и показал зубы.

– Об этом надо было думать с самого начала. Почему ты выбиваешь зубы другим, а? Вот и отвечай сам! Я не хочу играть и разговаривать с таким хулиганом!

Тайбек расстроился и загрустил. К нему подбежали собаки.

– О, мои друзья, – обрадовался он. – Ну-ка, кто меня любит?

– Гав, гав! Я!

– Я тоже люблю! – загалдели собаки наперебой.

– Тогда кто даст мне один зуб? – спросил Тайбек.

– Бери!

– Бери! Гав, гав! – залаяли собаки, виляя хвостом.

Тайбек задумался и начал мысленно примерять собачьи зубы Доскену.

В это время на огромном верблюде примчался великан-кузнец. Он клацал железными щипцами и скрипел зубами от ярости.

– Эй, Тайбек! Ты меня не обманешь чужими зубами! Мне не нужны искусственные протезы! Сделай настоящий зуб Доскена и вставь на место! Иначе вырву твои зубы прямо сейчас!

Он бросился на Тайбека. Испуганный мальчик побежал прочь. Великан погнался за ним, наступая на пятки. Вдруг с небес спустилась ракета и встала прямо перед Тайбеком. Двери распахнулись и вышли инопланетяне. Они вырвали Тайбека прямо из рук кузнеца и полетели. Отец Доскена в гнев громко ругался и еще долго бесновался внизу.

А Тайбек вместе с инопланетянами бороздил космос. Они показали мальчику много чудес звездного неба. Путешествовали по Марсу. Наконец Тайбек попросил их помочь с зубом соседа.

– Этого мы не можем, – загрустили инопланетяне. – Только природа создает естественные штучки!..

Тайбек проснулся в слезах. Смотрит – дед смастерил еще одного жеребенка. Точно такого же, как у него. Только масть другая – гнедая.

– Дитя мое, – ласково сказал дедушка. – Давай подарим этого жеребенка Доскену и попросим прощения! Помирился!

Увидев красивого жеребенка, Доскен очень обрадовался. Даже забыл о сломанном зубе. Он смеялся от души. Его отец тоже растаял, широко заулыбался.

– Ладно! Повинную голову меч не сечет, говорили наши предки! – сказал он мирно, поглаживая густую бороду сильными, мозолистыми пальцами.

Помирившиеся дети побежали играть со своими жеребятами.

Прошло некоторое время. Однажды, когда Тайбек и Сайраш играли во дворе, к ним прибежал Доскен.

– Эй, смотрите! У меня вырастают новые зубы!

Он радостно раскрыл рот. Смотрят дети, и вправду появился новый зуб. Казалось, даже краше, крупнее, крепче прежнего. Пока Тайбек и Сайраш удивлялись, подошел Баян ата.

– Это настоящий зуб, выросший на замену молочному зубу! Завтра вырастут у всех! Берегите их, дети мои! – сказал Баян ата.

ЖЕЛЕЗНАЯ КРЫШКА

Однажды Тайбек, Доскен и Сайраш играли за домом. Они бегали наперегонки. Вдруг Доскен радостно воскликнул.

– Сюда! Идите сюда! Я нашел чудо-яму!

Дети подбежали к нему. Смотрят – посередине узкого тротуара появилась огромная яма. Дети обступили яму и наперебой начали вглядываться, стараясь увидеть дно. Но яма оказалась глубокой и темной. Дна не было видно. Оттуда веяло прохладой. Слышались какие-то глухие звуки. Дети, сгорая от любопытства, чуть не провалились в дыру. Отталкивая друг друга, начали бросать туда камешки.

По узкому тротуару за домом обычно ходили немногие. А сегодня был выходной, поэтому было вообще безлюдно. Предоставленные самим себе, ребяташки всю разыгрались. Вдруг Сайраш чуть отступила и, разбежавшись, прыгнула через яму. Тайбек и Доскен последовали ее примеру.

Прыжки через яму оказались новой потехой. Войдя в азарт, Доскен начал прыгать через яму на одной ноге. Тайбек тоже перепрыгнул на одной ноге. «Во, смотрите!» – воскликнула Сайраш, разбегаясь. И смело прыгнула. Но споткнулась и упала в яму. Она зацепилась двумя руками за край ямы и повисла. Доскен схватил ее за руки и пытался вытащить. Тайбек поспешил на помощь, но не успел. Сайраш провалилась в яму и увлекла за собой Доскена. «Ата!» – закричал в отчаянии Тайбек и побежал домой.

– Дедушка! Доскен и Сайраш упали в яму!

Баян ата схватил палку и выбежал из дома. Он по телефону сообщил о случившемся соседям – родителям Доскена и Сайраш, и все вместе прибежали на место происшествия. Оказывается, кто-то украл железную крышку колодца канализации, и прямо в середине узкого тротуара открылась яма. Все закричали: «Сайраш! Доскен!», но ответа не было. Поэтому, взрослые быстро спрыгнули в яму.

Яма оказалась широким колодцем. Ветви труб расходились по углам и уходили в необозримую даль.

Отец Доскена – кузнец-великан – посветил карманным фонариком, и люди начали осматривать разные углы. Но детей не было видно. Ни звука, ни духа. Тайбек не выдержал и окликнул: «Доскен! Сайраш!» Ответа не было. Взрослые тоже начали окликать и пошли вперед.

И вдруг заметили детей. Они стояли неподвижно в углу за многочисленными трубами. Всмотревшись, все ужаснулись. Какие-то странные существа окружили Сайраш и Доскена. Хищники, ростом с крупного щенка, клацали острыми клыками и сверлили детей огненными взглядами. Дети от ужаса не могли говорить. Увидев людей, громко зарыдали. Но боялись даже шелохнуться. Взрослые не могли подойти к ним поближе, потому что трубы подземной канализационной системы преграждали им путь.

– Да это же крысы! – воскликнул Баян ата.

– Но почему-то слишком огромные! – удивился кузнец.

Отец Сайраш, бизнесмен, позвонил в полицию. Выслушав его, капитан полиции возмутился:

– Вы что... мышей ловить?! Как будто у нас других дел нет...

– Ойбай, это не простые крысы, а какие-то монстры величиной с гиен! И очень много!

– Ладно! – сказал капитан.

– Постарайтесь приехать поскорей! – попросил бизнесмен и выключил телефон.

Монстры, махая хвостами, приближались к детям. Из-за труб, из углов вылезали новые, и их становилось все больше и больше. Доскен и Сайраш в ужасе вскрикнули и прильнули к стене.

Люди не выдержали и попытались приблизиться к ним. Но не могли свободно добраться до низкого угла, заваленного обломками огромных труб. К тому же у них не было никакого оружия, кроме палки Баян ата.

Вдруг откуда-то внезапно появился огромный пестрый кот и встал в угрожающей позе напротив крыс. Он был сильный, грозный и большой, как рысь. Крысы вначале оторопели и чуть отступили, но затем опять сплотили свои ряды.

Громадный кот бегло посмотрел по сторонам и неожиданно заговорил по-человечески:

– Салам, Баян ата!

– Салам! – ответил Баян ата растерянно. – Откуда ты меня знаешь?

– Давным-давно дети меня засунули в трубу и развлекались моими душераздирающими воплями. Вы меня вытащили оттуда и спасли! Помните?

Баян ата не смог вспомнить, ему стало неловко.

– Ничего страшного, – успокоил кот. – Не беда, если забудешь доброе дело, совершенное тобой. Надо помнить добро, сделанное тебе! Тогда я был маленьким котенком...

Громадный кот, глубоко вздохнув, моргнул. Лениво потягиваясь, посмотрел на Доскена и продолжил разговор.

– Да, я обычный домашний кот! Твой кот, Доскен! Ты купил меня маленьким котенком, чтобы поиграть. И наигрался! Мучил ты меня от души... Дергал за уши, кидал как попало, трепал. Бросал в воду, огонь. Это ты засунул меня в узкую трубу! Мало того, заставлял драться с собаками! И наконец, раненого, измученного выбросил на улицу! Ты помнишь, Доскен?

Доскен от стыда опустил голову.

– Так я стал беспризорным, бродячим котом. Бродил по городу, мерз на морозе, мучился от жажды в жару. Каждый озорной мальчишка забрасывал меня камнями, каждая злая собака гналась за мной. Кормился я остатками пищи в мусорных свалках. Вот и стал таким огромным из-за различных хитрых добавок, которыми напичкана человеческая пища. Устал я от мучительной жизни на земле и убежал в подземелье. И только здесь вздохнул свободно! Здесь свой угол, своя свобода!

Только он закончил говорить, как крысы начали наступать. Кот молниеносно нанес несколько ударов передней лапой и отбросил их. Крысы запищали и отступили.

– Они тоже были обыкновенными крысами, – продолжил кот. – Их предки издавна питались остатками пищи человека, мусором. А затем люди во все продукты питания стали добавлять всякие искусственные вещества,

красители. И вот, в результате этого изменились их гены, и крысы стали мутантами!

Крысы пригорюнились, склонив головы. Кот одним махом запрыгнул на высокую трубу.

– Говорят, что в жизни все поочередно, – сказал он. – Теперь настал мой черед. Кроме меня, никто не может спасти вас от этих монстров-мутантов! Но из-за тебя, Доскен, всем не хочется вступать в бой, рискуя жизнью!

– А почему не спасешь Сайраш! Ее-то вины нет! – воскликнул бизнесмен.

– Сайраш!? О-о, вина Сайраш больше всех! Нет, не она виновата. Виноват ты, отец! Поэтому ты и должен отвечать!

Отец Сайраш удивился.

– Почему?

– За что? – зашумели Баян ата и кузнец.

– Пусть ваш сосед сам расскажет об этом!

Баян ата и кузнец вопросительно посмотрели на соседа-бизнесмена.

– Я не крал железные крышки! Никогда! – закричал тот взволнованно.

Бизнесмен от стыда чуть не провалился сквозь землю.

– Но ребенок-то не виноват, – сказал Баян ата. – Если сможешь, выручай... Может, осознают свои ошибки, исправятся...

Кот спрыгнул и, разгребая когтями землю, замыкал душераздирающим голосом. В этот же миг из углов, из-за труб, со всех закоулков потянулись огромные взлохмаченные кошки. Они набросились на крыс. Крысы разбежались по темным уголкам и исчезли.

Сайраш и Доскен медленно вышли из угла. Родители обняли их.

В это время к ним подбежал капитан полиции. Боевой капитан быстро выхватил пистолет и выстрелил в кота. Но Баян ата успел отбить пистолет своей палкой. Пуля просвистела мимо кота и врезалась в стену.

– Стой, не трогай его! – крикнул Баян ата капитану, который прицеливался еще раз. – Он наш друг!

Капитан усмехнулся и положил пистолет в кобуру.

– Ах, какой герой, лихой капитан! Мяу, мяу! Если бы воров ловил вовремя, мы не знали бы горя! Мяу, мяу! – сказал на прощание кот-громадина и, махнув хвостом, побежал в полутемную пустоту.

– Легко сказать! – вздохнул капитан.

– Спасибо! – крикнул вслед коту Баян ата.

– Спасибо! – закричали хором дети.

Все вместе выбрались из злополучной ямы.

Дети обрадовались солнечному свету. Но взрослые, ощущая какую-то неловкость, молча разошлись.

Вечером великан кузнец закрыл яму крепкой деревянной крышкой.

МАЛЬЧИК, ПОБЕДИВШИЙ ДЖАЛМАУЗ

В квартире

В маленькой городской квартире живет мальчик Асан. Ему девять лет. Он очень любит играть на компьютере. Особенно увлекается боевиками, днем и ночью самозабвенно смотрит фильмы про войну и играет в игры, где стреляют, дерутся и уничтожают друг друга. Он до того вживается в образ героев, что чувствует себя участником этих событий.

Однажды на экране компьютера появились вооруженные до зубов, грозные воины – мужчина и девушка. Они остановились в центре неизвестного города, и мужчина стал кричать.

– Я капитан Джойбек, то есть капитан-уничтожай! А эта симпатная Соямбике – чемпионка по сою-дзюцу!

Он провел ребром ладони поперек горла. Одета по-боевому Соямбике, играя мускулами, прыгает, пинает, бьет всех встречных.

– Сою-дзюцу – Соямбике-мисс зарежу! Когда мы вместе – всем хана! Капут! Вылезайте из вашей дыры или мы уничтожим всех! Сожжем ваши дома! Потопим в крови вашу землю! Так что пока целы, приползайте на четвереньках! Ах так! Вы гордые?! Хотите жить свободно? На, на – вам свобода и равенство! На, на – получайте!

Джойбек и Соямбике стреляют из автоматов, пулеметов, взрывают гранаты. Огонь и дым охватывают город. Кровавая бойня, душераздирающие крики на экране восхищают Асана. Он с наслаждением подражает героям кино, повторяя их движения и мимику.

В это время пришла мама.

– Ой, Асан, миленький, хватит! Хотя бы чуть-чуть отдохнул, поиграл на улице! День и ночь сидишь перед компьютером! – ворчала недовольная мама.

Асан продолжал играть азартно, не обращая внимания на слова матери. Вместе с героями экрана он имитирует стрельбу: «пух, пах», «кы, кых».

Мама: Асан, послушай, Асан! Когда ты станешь послушным, нормальным человеком? Компьютер вреден для здоровья! Будешь долго засиживаться – заболеешь!

Асан: Но все равно сейчас без компьютера не обойтись!

Мама: Ты тоже прав, сынок, но все прекрасно в меру! Чересчур увлекаться – нехорошо. Голова забивается, мозг воспаляется – станешь зомби! Вот мы же выросли боевыми – без компьютеров, без боевиков!

Асан: Ой, мама, вы такие отсталые... прямо смешно!

Мама: Посмотрим, какими чудотворцами будете вы! А теперь, иди, сходи за хлебом! Сколько ни хвали, компьютером сыт не будешь!

Асан нехотя, лениво вышел из квартиры.

Во дворе

Во дворе играли дети. Асан подбежал к ним, одного дернул за волосы, другого грубо оттолкнул и нарочно выбил мяч в сторону. У маленькой смугленькой Еркеш вырвал мороженое. Один толстенький мальчик хотел заступиться за нее, так Асан дал ему пинка. Тот полез драться и начал наседать. Асан вытащил из кармана нож-бабочку и закричал страшным голосом.

– Убью! Уничтожу всех!

Все замерли в испуге.

Но Еркеш смело выступила вперед и начала ругать Асана.

– Ну-ка прекрати! Брось нож! Не будь таким плохим мальчиком! Кому говорю, прекрати!

Асан немножко замешкался. Затем разозлился пуще прежнего и размазал мороженое по лицу Еркеш. Мальчики закричали, девочки завизжали.

На шум прибежала мать Асана. Она схватила его за руки и силой поволокла к дому.

Мама: Ах ты негодяй! Маленький бузотер! Я тебя отвезу в безлюдный край, в дремучий лес!

Асан: А туда можно захватить мой компьютер?

Мама: Нет! Там будешь жить среди диких зверей!

Асан задумчиво умолк.

В лесу

Асан с мамой едут в машине по степи. На лугу пасся скот. Асан воскликнул:

– О-о! Мама, смотри, мама! Столько мяса и шкуры! Если бы их зарезать и продать на базаре... У-у! Сколько денег бы выручили!

Мама прервала его, пригрозив кулачком.

После приезда на берег озера у подножия гор Асан побежал играть, прыгая с камня на камень. Пока мама наслаждалась красотой природы, Асан гнался за птицами, бросал камни в зверьков, пытаясь поймать их. Разрушил муравейник, птичье гнездо, нору сурка.

Но вскоре все это надоело ему. Он украдкой вернулся к машине.

Открыл багажник, вытащил завернутое в тряпку ружье. Зарядил и начал охотиться на зверьков и птиц.

Вдруг он увидел косуленка и тихо подкрался к нему. Прицелился и выстрелил. Звук выстрела потряс тишину. Косуленок рухнул на траву.

Мама встревожено оглянулась по сторонам и побежала в сторону выстрела.

А Асан подошел к упавшей жертве. Глаза еле живого косуленка – красивые, чистые – наполнились мучительными слезами. Асан жестоко посмотрел в эти глаза и, торжествующе вскрикнув, пустился в танец.

– Ура! Урря! Убил! Я убил! Урря! Я убил зверя!

Но ликовал он недолго.

Вдруг земля под его ногами разверзлась, и он провалился в большую дыру. В отчаянии Асан хватался за травинки, цеплялся за края дыры.

Тут подбежала испуганная мама, но не успела помочь. С душераздирающим воплем Асан полетел вниз. Он орал и падал, кружась долго, долго...

И наконец упал в какой-то таинственный, полутемный мир.

Глухая тишина наводила страх, и Асан в ужасе замер.

В объятиях чудовищ

В этих местах бродил великан Таусогар – Играй-гора и убирал лес. Он увидел Асана и стал тихо наблюдать за ним.

Вдруг донеслись громогласный смех и боевой клич. Из леса выскочили какие-то бешеные чудовища, быстро схватили Асана, связали руки-ноги и, повесив на длинную жердь, побежали.

– Кровопийца! Изверг! – визжала жезтырнак с обезьяньим лицом, поблескивая крупными зубами и размахивая длинными руками с торчащими острыми ногтями.

– Шакал! Гиена! – кричал киборг-робот, пошевеливая локаторами-ушами, покачивая антеннами-рогами, вращая страшными большими, как ладони, глазами.

– Попался, гадина! Может, задушить тебя и проглотить целиком, а?! – рыкнул саблезубый тигр, раскрывая пасть.

– Нет! Надо изжарить на костре и съесть! – сказала решительно чудовище с головой марсианина, телом человека, ногами кенгуру.

– О-о! Умно придумано! – зашумели все остальные страшные чудовища и побежали, громогласно хохоча и пританцовывая.

Прибежали на поляну, быстро разожгли большой костер и, несмотря на плач Асана, подвесили его на вертеле. «Ну, как-ково убивать безвинное животное? Вот теперь сам попробуй смерть!» – говорили они, издеваясь над Асаном, покручивая вертел.

Асан, задыхаясь, начал терять сознание. Чудовища нетерпеливо, наперебой стали дергать его тело острыми когтями, стараясь вырвать куски мяса. Они так хотели поскорее съесть его!

В это время в их толпу с громогласным криком ворвался великан Таусогар и раскидал чудовищ по сторонам. Он одним рывком освободил Асана и бросил ввысь.

Чудовища кинулись на Таусогара, началась великая битва...

На карнавале

Улетевший ввысь Асан приземлился в большом дворце. Кругом светло, красиво – идет карнавал. Мальчики и девочки разных народов, сказочные герои, разодетые в свои оригинальные национальные костюмы, танцуют и поют.

Асан удивленно смотрел вокруг. К нему подошла та самая маленькая смуглянка Еркеш, одетая в красивый казахский национальный камзол и платье.

– О-о! Иди, иди, присоединяйся к нам! – Она затащила его в центр круга. – А ну-ка, спой нам песенку веселенькую!

Асан потупил взор. Попытался напеть какую-то зарубежную мелодию. Все засмеялись над ним.

– Ей, мальчишка! – сказала русская девочка Маша. – Такая музыка нам не нужна! Ты лучше спой песню своего народа...

Асан: Я не знаю...

– Постой, постой, ты кто вообще? – спросила полячка Барбара.

Асан: Я – Асан!

Барбара: Нет, кто ты по национальности?

Асан: А-а... Я казах.

Маша: Если ты казах, спой нам казахскую песню.

Асан: Я не знаю казахскую песню!

Девочки: (Хором, нараспев.) Стыд и срам! Стыд и срам!

Барбара: Разве бывают нормальные люди, не знающие песен своего народа? Какой позор!

Девочки: Какой позор!

Маша: Ну ладно... Что ты вообще умеешь?

Асан: Я знаю компьютер. Играю, смотрю фильмы, слушаю музыку!

Барбара: Так, так... Это даже интересно. Покажи, чему ты научился?

Асан: Вот!..

Он показывает боевые движения стреляющих людей, имитирует взрывы. Девочкам это не понравилось.

Барбара: Да ну брось! Не подражай убийцам!

В этот миг Еркеш возмутилась. Она показала пальцем на Асана и выпалила:

– А он и есть убийца! Это он стрелял в косуленка!

Все карнавальщики отвернулись от него.

Маша: Я не хочу дружить с таким злодеем!

Барбара: А мне противно даже дышать с ним одним воздухом!

Сказочные герои взяли его за руки и ноги, раскачали и, со словами: «В таком прекрасном мире нет места кровопийце!», выбросили вон.

Душевные муки

Долго летел Асан с душераздирающим криком и упал прямо в объятия грозного чудовища с львиной головой, медвежьим туловищем, динозавровскими ногами и хвостом, который только размахивался, чтобы ударить великана Таусогара. Он сжал свои смертоносные лапы, и Асан начал задыхаться. Добрый Таусогар вступил в бой и, силой вырвав Асана, побежал.

Чудовища с гиком погнались за ними.

Таусогару и Асану пришлось остановиться – их путь преграждало большое озеро. Монстры приближались. Вот-вот они схватят беглецов!

И тут великан Таусогар выпил все озеро, перешел с Асаном на другой берег и вновь выплюнул воду. Преследователи остались в озере и, барахтаясь, старались спастись.

Таусогар и Асан, передохнув, пошли дальше. Усталые, замученные голодом и жаждой, они пришли к чистому ручью.

Это было место обитания косули. Раненный пулей Асана косуленок лежал у воды. Косуля плачет и умоляет Всевышнего сохранить жизнь своему детенышу.

– Один мальчик... выстрелил... Ни за что! – ответила косуля сквозь слезы вопрошающему взгляду Таусогара.

Асан, сгорая от стыда, потупил взор. Горе матери глубоко тронуло его душу. Он сочувствовал ей и, впервые сожалея о содеянном, начал желать, чтобы раненый косуленок остался жив. Добрый великан Таусогар тоже пригорюнился.

Внезапно невесть откуда появилась маленькая смуглянка Еркеш.

– Вот он, вот убийца! Это он стрелял в безвинного косуленка! Злодей! Душегуб! – кричала она, яростно бросаясь на Асана.

– Нет! Неправда! Не я! – закричал Асан, увертываясь от ударов Еркеш.

Таусоғар разнял их. В это время косуленок открыл глаза и с болью посмотрел на Асана. Наступила тяжелая тишина.

– Это ты? Зачем? Зачем ты стрелял в моего малышонка? Как ты посмел? Как поднялась твоя рука? – приговаривала косуля, тихо рыдая.

Асан заплакал.

– Эй, мальчишка, это правда? Вправду стрелял ты? – спросил Таусоғар растерянно.

Асан не мог говорить, захлебываясь в слезах. Тяжело вздохнув, Таусоғар повернулся и ушел.

Асан не мог смотреть в глаза косули и косуленка и убежал.

Он бродил по лесам и по горам и безудержно плакал, бился головой о деревья, о землю. От переживаний падал на траву, катаясь по ней, как вдруг уперся в большие кирзовые сапоги.

В окружении злодеев

Это был капитан Джойбек. Вместе с ним – Соямбике и отряд, разодетый как спецназ, ниндзя, разбойники, вооруженные автоматами, гранатометами, луками, копьями и шашками.

Капитан Джойбек поднял Асана вверх и подержал в воздухе. Мальчик беспомощно барахтался.

Встряхнув его несколько раз, капитан опустил Асана на землю.

– Эй, Ас-сан, Асана, Асанато! Не бойся! Не грусти, не раскисай! Ты не девчонка! Будь мужчиной! На возьми! – С этими словами капитан Джойбек протянул ему автомат, гранату и кинжал. – Потопи лес в крови – уничтожь всех! Они хотели пристыдить тебя? Прогнали из своей компании? Ничего страшного! Сожги их землю вместе с совестью!

Асан не хотел братья за оружие и прятал руки за спиной.

Капитан Джойбек: Эй, мальчонок, молокосос! Мы хотим тебе добра. Если не присоединишься к нам – останешься совсем один. Ну ладно, как хочешь... Сейчас мы сами перебьем всех зверей и объявим миру, что это сделал ты. Потом все народы будут проклинать тебя! Твое имя во веки будет вписано в черную книгу вместе с кровопийцами! Ну как, это нравится тебе?

Асан: Нет!

Капитан Джойбек: Тогда присоединяйся к нам! Совершай подвиги! Хочешь быть героем и прославиться на века?

Асан: Да!

Капитан Джойбек: Так в чем же дело? На! (Сует ему в руки оружие.) Расстреляй всех, и точка!

Асан: Нет! (Отталкивает оружие.) Я не хочу больше стрелять ни в кого!

Капитан Джойбек: Ах так? Значит, по-твоему, мы – злодеи, да? Ладно! Я тебе покажу настоящее злодейство!

Махнув рукой, он подал знак. Огромный разбойник вмиг схватил Асана и привязал к огромной сосне.

Капитан Джойбек: Ну, какво стрелять в живую мишень? Смотри прямо, если не трус...

Соямбике прицелилась из лука.

Асан, закрыв глаза, мотал головой, топал ногой, пытаюсь вырваться.

Стрела со свистом воткнулась в сосну, на два пальца выше макушки мальчика. Асан от страха повис на веревке.

Затем стрелы, выпущенные сильной рукой Соямбике, одна за другой начали втыкаться вокруг его тела. Асан закричал. Все смеялись над ним.

Капитан Джойбек играючи прокрутил пистолет на пальце и вдруг, не целясь, разрядил всю обойму в сторону Асана. Вербка, срезанная пулей, сползла с мальчика на землю. Соямбике подняла копье, прицелилась и бросила в его сторону. Асан перекатился в сторону и побежал. Копье вонзилось в дерево.

Разбойники погнались за мальчиком. Только настигли – их путь преградил добрый великан Таусогар, который все время следил за Асаном.

Отряд приготовился к стрельбе.

В этот миг поднялся ураган, и мрак покрыл все вокруг. Все застыли в ужасе. Когда стих ветер и стало светло, на высокое дерево сел огромный самрук – царь сказочного мира. Рассекая воздух взмахом могучих крыльев, раскатистым голосом самрук парализовал всех и собрал перед собой.

Самрук: В нашем прекрасном сказочном мире нет места кровопролитию, злодейству, ненависти, алчности, зависти и лжи! Сказочный мир – это чистый мир добра, честности и справедливости, мир красоты и гармонии. Убийцы, злодеи, лжецы, насильники, стервы и хамы недостойны этого мира! Место таких негодяев – среди мусора и гиен! И, согласно золотому своду законов сказочного мира, сгиньте немедленно!

Только самрук собрался взмахнуть крыльями, капитан Джойбек пошевелился и шагнул вперед.

Капитан Джойбек: О, великий царь сказочного мира! Прошу вас, выслушайте меня!

Самрук величественно кивнул головой.

– Говори кратко, по существу!

Капитан Джойбек: Я, капитан Джойбек, пережил столько войн! Убивал, уничтожал! Потому что не было другого выхода – война есть война. Если я не уничтожу врага, то они уничтожат меня! Прошу вас учесть это, справедливый царь!

Самрук: Капитан уничтожай-Джойбек! Да сгинет имя твое! За что ты воевал? Ты воевал, чтобы завоевать чужие земли! Ты воевал, чтобы властвовать над другими народами! Воевал за деньги – был наемником! Ты разрушал дома, приносил несчастье мирным людям! Поэтому нет тебе прощения!

Капитан Джойбек: Если вы такие справедливые, то зачем заступаетесь за этого мальчонка?

Он указал пальцем на Асана. Асан сник и прижался к великану Таусогару.

Капитан Джойбек: Его вина не меньше нашего... Он застрелил безвинного, беззащитного косуленка. Так дайте и ему по заслугам!

Самрук: Да! Быть этому маленькому кровопийце вместе с вами! Пусть сгинет!

Все повернулись и посмотрели на мальчика. Капитан Джойбек хотел схватить Асана, но добрый великан Таусогар отвел его руку.

– О, великий падишах сказочного мира! Разрешите сказать слово! – обратился он почтительно.

Самрук повернул голову к нему и слегка кивнул.

Таусогар: Да, вина Асана большая. Он совершил тяжкое преступление! Но он теперь осознает свою вину и очень переживает, сокрушается. Он отказался от оружия Джойбека. Я верю в Асана! Давайте мы ему поможем. Дадим шанс стать настоящим человеком!

Самрук глубоко задумался. Затем взмахнул крыльями. Вооруженный отряд исчез. Остались только Таусогар и Асан.

Из леса осторожно вышли звери и птицы. Пришла и косуля. Увидев Асана, животные возмутились.

– Надо наказать маленького злодея! Пусть получит по заслугам! – зашумели они.

Наступило тягостное молчание. Асан вышел вперед и опустился на колени перед косулей-матерью. Глаза наполнились слезами, и он склонил голову. Всем стало грустно.

Самрук: Слушайте все! Еще есть маленькая надежда, что раненый косуленок выживет! Для этого нужно принести живую и мертвую воду. Но это вода в руках у старухи Джалмауз! В подвластные ей волшебные края никому из нас не суждено ступить ногой! Только человек может идти туда!

Асан: Я пойду!

Самрук: Но это очень опасно! Еще никто не возвращался оттуда!

Асан: Если косуленок погибнет – то и мне нет жизни! Разрешите, великий падишах!

Самрук: Ты искренно раскаиваешься?

Асан: Да!

Самрук: Тогда есть возможность. Искренние слезы могут тронуть душу Джалмауз. Но смотри! Малейшую ложь в твоих чувствах сразу уловят колдуны и чародеи Джалмауз. Тогда прощайся с жизнью: или выпьют твою кровь, или превратят в вечного каменного охранника!

Асан: Я готов ко всему!

Животные и птицы одобрительно загудели и закивали головами. Самрук величественно взмахнул крыльями...

Бабушка Джалмауз

Подвластные Джалмауз земли оказались бескрайними просторами, где местами возвышались холмы, покрытые лесом. Долго, несколько дней и ночей, бродил Асан по таинственным, необычным тропам и совсем измучился. Вдруг на него набросились колдуны и чародеи, накрепко связали и привели к Джалмауз.

Старуха Джалмауз решила превратить его в каменную статую и только хотела махнуть рукой, как Асан закричал в отчаянии:

– Пойдите, прошу вас! Исполните мое последнее желание!

Джалмауз: (Подумав.) Ну ладно, говори свое последнее желание. Только не болтай долго – не наскучи!

Асан: Мое последнее желание – я прошу вас выслушать меня!

Джалмауз: (Встряхивая лохматыми волосами, поблескивая стальными ногтями, постукивая железными зубами.) Да будет так! О мои колдуны, чародеи, ведьмы и вампиры! Слушайте все! Ловите каждое его слово и взвешивайте! Если в его словах будет столечко (показывает ноготь мизинца) лжи, то пусть он превратится по пояс в черный камень, наденет черный балахон и будет вовеки черным стражником черных ворон, пусть стоит на семи ветрах под палящим солнцем! А если скажет истинную правду – воздадим ему должное – пусть разгорается огонь его жизни! Ну, говори, малыш!

Асан искренне рассказал обо всем, что с ним произошло. Волшебники внимательно слушали, живо представляя в своих фантазиях его историю.

Асан: (завершая свой рассказ). Если косуленок погибнет, то и мне незачем жить! И я пришел к вам попросить живую и мертвую воду, чтобы спасти косуленка и себя. Если нет, то лучше мне умереть здесь, чем жить в душевных муках под тяжестью такого преступления!

Волшебники: Он говорит сущую правду! В его словах нет ни малейшей лжи!

Но старуха Джалмауз громко засмеялась. Огненным взглядом уставилась она на Асана, а стальными ногтями провела по его лицу. Асан онемел от ужаса, а Джалмауз танцевала, трясась всем телом, и вдруг закричала диким голосом!

– Не-е-ет! Врешь! Врешь! Я не верю ни одному твоему слову! У тебя иные помыслы!

Волшебники в страхе пали ниц перед ней. Все наперебой, хором закричали:

– Вы правы! Верно говорите! Но этот мальчик сказал чистую правду! Мы это чувствуем!

Джалмауз: Человеческий род научился так искусно врать, что сами не могут различить правду от лжи!

Асан: (возмущенно). Это я вру? Я никогда не лгал! Никогда! И дома, и в школе, и на улице! Почему вы не верите мне?

Джалмауз: (иронизируя). О-хо-хо! Посмотрите на этого правдивого человечка! Э-эй, дуралей! Разве трудно солгать такому, как ты, подлому мальчику, который готов, не задумываясь, зарезать любого!?

Асан: (в отчаянии): Не-нет, бабушка Джалмауз, пожалуйте, не издевайтесь надо мной! Я и так замучился! Скажите, как быть мне теперь?!

Джалмауз: Об этом надо было думать в самом начале... Когда собирался стрелять в живое существо! Ведь у других тоже есть душа и они тоже хотят жить. Понравилось бы тебе, если кто-то стрелял в тебя?

Асан: В кинофильмах, которые я любил смотреть, никто об этом даже не задумывается. Там убивают людей толпами и спокойно перешагивают через их трупы. Никто не держит ответа, никто не знает душевных мук! Я насмотрелся на это... я наивно верил в них. Оказывается, убивать – это совсем не так, как в кино! Не как в кино!

Джалмауз: Ладно! Люди давно обогнали нас по части кровопролития и злодейства. Мы так ужаснулись от их злодеяний, что давным-давно перестали воевать, творить зло. Но люди до сих пор не напились крови и продолжают ис-

треблять друг друга. Ты тоже в будущем наверняка станешь настоящим убийцей. Ну что же, иди и убивай!

Асан: Нет, бабушка Джалмауз! Лишь бы косуленок остался жив! Я больше никогда ни на кого не подниму руку! Не буду стрелять!

Джалмауз: Ах так? Когда человеку становится не сладко, он называет даже Джалмауз бабушкой! Когда я боролась против добра и совершала зло, тогда я была старухой Джалмауз. До сих пор это имя закрепилось за мной. А ведь по правде на мне нет безвинной крови! Из-за этих существ, превращенных в черные камни, я себя не считаю виновной. Они сами виноваты. Пришли за живой водой – за вечной жизнью и нашли вечное пристанище. А ты? Ты хочешь вот так поплакать немножко и смыть невинную кровь? Нет! Приходит время ответа за все! Вырвал цветок, сломал сучок – за все надо платить! Так что, ты тоже принимай свое наказание!

Джалмауз сделала двумя руками отталкивающий жест, и Асан покатился в глубокую темницу.

Спасение

Асан несколько дней томился в темнице.

Однажды за ним пришли капитан Джойбек и Соямбике. Они украдкой, ползком прокрались к темнице. Джойбек бросил кинжал в караульного. Острая сталь отскочила от него, как от камня. Соямбике в прыжке ударила караульного в челюсть и вырубилла.

Она спустила веревку в темницу.

Капитан Джойбек: Ас-сан, Асана, Асанато! Мы пришли освободить тебя! Вот видишь, мы не бросаем друзей в беде. Теперь ты будешь с нами. Нет земли, куда бы не ступала наша нога, нет крепости, которую мы не взяли бы!

Они вытащили Асана из темницы.

Капитан Джойбек: Пойдем, зарежем эту старуху и всех волшебников и уйдем, забрав то, что нужно!

Асан покачал головой. Соямбике обняла его и с пониманием хлопнула по плечу.

Капитан Джойбек пришел в ярость и дал команду к началу спецоперации. Но в это время появилась Джалмауз. Джойбек бросился на нее неожиданно, из засады, но она ловко увернулась от его ударов. Одним взмахом руки она превратила одного каменного караульного в ниндзю. Ниндзя бросился на Джойбека, и они начали самоотверженно биться. Вдруг Джалмауз дико засмеялась и тихим заклинанием превратила их, а также Соямбике и весь отряд в каменных охранников.

Джалмауз: Вы любите нарушать покои мирных стран, а теперь навеки стойте на страже тишины! – Она обратилась к Асану: – Вот вы меня называете Джалмауз. А кого я пожирала? К кому я приходила домой и устраивала погромы? Вот, все они, – она показала рукой на каменные фигуры, – пришли сюда за богатством и властью! Причем они жаждали безграничной власти! Ненасытные! Хотели испить живой воды и жить вечно! Властвовать века! А я всего-навсего не позволила этим дурным людишкам завладеть живой водой. Пред-

ставь себе, что было бы, если кровопийцы жили вечно?! Они же не остановятся ни перед чем! Я их превратила в черные камни! Не-ет! Не я Джалмауз! Джалмауз – это вы! Вот в тебе, в тебе, в каждом из вас сидит Джалмауз! Побеждайте этого Джалмауза в своей душе! Тогда станете настоящими людьми! (Встряхнувшись всем телом, она превратилась в симпатичную бабушку.) Асан, сыночек! В течение тысячелетий я впервые вижу человека, который, рискуя жизнью, пришел сюда не ради себя, а во имя спасения другого. Ты сказал правду! Самое большое чудо на свете – это правда!.. Ты назвал меня бабушкой... Как прекрасно быть бабушкой! Я постараюсь быть хорошей бабушкой, чтобы тебе не было стыдно за меня! И ты постарайся быть достойным мальчиком, чтобы мне не пришлось краснеть за тебя! Возьми, возьми живительную влагу, сынок!

Бабушка обняла Асана и нежно погладила по голове. Она вручила ему драгоценные сосуды с живой и мертвой водой.

– Спасибо, бабушка, спасибо большое! – сказал взволнованный Асан. – Можно еще одно слово?

Джалмауз: Говори, сынок...

Асан: Освободите, пожалуйста, этих людей...

Джалмауз: Заступаться за злодеев – равноценно самому злодейству! Нет прощения кровопийцам и душегубам!

Асан: Они осознали свои ошибки и жалеют об этом! Может, исправятся, станут хорошими людьми? Посмотрите, какие красавцы-молодцы! Разве вам не жалко их?

Джалмауз задумчиво покачала головой и освободила весь отряд.

– Не делайте больше никому зла! Будьте людьми! – проговорила она твердым голосом.

Все бросили оружие со скалы вниз, поклонились бабушке и ушли.

Смертельная схватка

Как только покинули край Джалмауз, ниндзя незаметно отделился от отряда и исчез.

Капитан Джойбек начал как-то странно посматривать на Асана. Он сделал себе из дерева соил – боевую дубинку. Вдруг внезапно напал на мальчика и забрал сосуды.

Соямбике оттолкнула Джойбека и, вырвав сосуды, возвратила Асану. Асан побежал.

Джойбек догнал его и ударил дубинкой изо всех сил. Но Соямбике в прыжке обняла мальчика и упала вместе с ним. Дубинка попала ей в голову, и она погибла на руках Асана.

Асан начал убежать от Джойбека в глубь леса, прячась за деревьями. Джойбек преследовал его по пятам.

Неожиданно из чащи леса выскочил тот самый ниндзя и бросился на мальчика. Завалив Асана на землю, пытался забрать сосуды.

В это время подбежал Джойбек и со словами: «На тебе вечная жизнь!», ударил его дубинкой по голове. Ниндзя увернулся от удара и вступил с ним в бой. Схватка была насмерть, и они убили друг друга.

Асан в ужасе тихо удалился...

Возрождение

Когда Асан принес драгоценные сосуды, звери встретили его радостными возгласами. Он с почтением отдал сосуды великому самруку.

Самрук дал попить живую воду раненому косуленку. Но... никакого эффекта! Звери приуныли. Косуля проследилась.

Самрук, глубоко вздохнув, вымолвил:

– Наверное, прошли тысячелетия, как эта вода хранилась в волшебном сундуке. И она потеряла свою силу, стала обычной водой!

Все грустно покачивали головой.

Асан от обиды тихо заплакал. Самрук ловко подставил сосуды к слезам Асана.

Самрук: Слышал я в детстве от бабушки... О, сколько тысяч лет пролетели с тех счастливых пор! Так вот, бабушка говорила, если к живой и мертвой воде добавить искренние слезинки, то они заново обретают свою силу!

Самрук дал попить воду косуленку. Косуленок, встряхнувшись, встал на ноги. Но все еще был слаб!

Самрук: К слезам надо добавить чистый смех от души!

Асан начал громко смеяться. Кривлялся, хватался за живот, трясся, хохотал – бесполезно!

Самрук: Да ладно, перестань! Не мучайся! У кого рука в крови, душа в грязи, у того и смех нечистый! Ну что же, ничего не поделаешь! Прощай, Асан! Не забудь горький урок жизни, будь хорошим человеком!

Царь сказочного мира похлопал крыльями по плечу Асана, и он в мгновение ока очутился там, откуда впервые провалился в подземный мир.

Смотрит – сидит мама, горюет. Увидев Асана, от радости чуть рассудок не потеряла – то громко рыдает, то звонко смеется.

Ее радостный смех как будто всколыхнул лес. К ее смеху начал присоединяться радостный смех многих. Оказыва-

ется, все сказочные герои пришли на землю и радовались вместе с матерью.

Косуленок подошел к Асану и по-дружески ткнул носом в его руку. Асан от души засмеялся чистым, детским смехом. Люди и животные, сказочные герои, Асан и Еркеш танцевали на поляне и пели песню добра, дружбы и радости!

СОДЕРЖАНИЕ

ДВУРЕЧИЕ БАЯНА	
Вступительная статья Г.В.Пряхина	5
СКАЗ СТОЛЕТНЕГО СТЕПНЯКА	9
РАЗРЕШИТЕ ЖИТЬ!	229
АБЛАЙ ХАН И ЕГО БАТЫРЫ	307
СКАЗКИ	377
ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ АСКАР	378
Старый степняк	378
Птенчики и змея	379
Волшебная тибетейка	381
Старушка и золотая рыбка	382
Маша и медведь	384
Мудрая гусыня Акка	385
Достопочтенный барон Мюнхгаузен	387
Стойкий оловянный солдатик	389
Бременские музыканты	391
Теплота Снежной королевы	393
Подарок золотой рыбки	396
СНЕЖНЫЙ ДОМИК	397
ЗУБ СОСЕДА	399
ЖЕЛЕЗНАЯ КРЫШКА	405
МАЛЬЧИК, ПОБЕДИВШИЙ ДЖАЛМАУЗ	410

Баянпали АЛИМЖАНОВ

СКАЗ СТОЛЕТНЕГО СТЕПНЯКА
Роман, повести, сказки

Редактор Е.Федотова

Художественный редактор Г.Лиджеев

Ответственная за выпуск Н.Базанова

Подписано в печать 14.11.2018
Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд.л. 18,0
Тираж 1000 экз. Заказ №

АО «Ордена Трудового Красного Знамени
издательство “Художественная литература”»
107078 Москва, Новая Басманная ул. 19/1

Отпечатано в